

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ
ПЕРМСКОГО КРАЯ

Государственный архив
Пермского края, 2018

ИГНАТЬЕВ В. А.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

II

Игнатъев В. А.

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

Часть II

Агентство по делам архивов Пермского края
ГКБУ «Государственный архив Пермского края»

Игнатьев В. А.

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

Часть II

Пермь
Продюсерский центр
«Траектория»
2018

Пермь, 2018
УДК 271.2-47
ББК 86.372.24-6
И 26

Проектная группа: Инициатор проекта: **И. В. Киреев**, кандидат исторических наук, директор ГКБУ «Государственный архив Пермского края». Куратор проекта: **А. В. Глушков**, кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательского отдела. Руководитель проекта: **В. Г. Бояршинов**, зам. начальника отдела использования архивных документов и научно-справочного аппарата.

Рецензенты: **М. Г. Нечаев**, к. и. н., заведующий кафедрой государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета; **А. В. Шилов**, к. и. н., доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета.

Игнатъев В. А. Воспоминания о Пермской духовной семинарии начала XX века. Часть II. /Под ред. В. Г. Бояршинова. Государственное краевое бюджетное учреждение «Государственный архив Пермского края». — Пермь: ООО Продюсерский центр «Траектория», 2018. — 320 стр., илл.

ISBN 978-5-9909617-8-4

ГКБУ «Государственный архив Пермского края» публикует воспоминания преподавателя и бытописателя Василия Алексеевича Игнатъева (1887–1971) о городе Перми и Пермской духовной семинарии начала XX века: об учебном процессе и преподавателях, досуге, быте и фольклоре семинаристов, о любви семинаристов к своей *alma mater* и семинарской гордости, об увлечении автора пением и хоровыми кружками. Научно-популярное издание адресовано историкам, архивистам, преподавателям вузов, учителям школ, студентам и учащимся, а также краеведам и всем, интересующимся историей Пермского края.

ISBN 978-5-9909617-8-4

УДК 271.2-47
ББК 86.372.24-6

© Государственный архив Пермского края,
текст, фотографии, 2018
© ООО Продюсерский центр «Траектория»,
издание, 2018

Агентство по делам архивов Пермского края
ГКБУ «Государственный архив Пермского края»

————— *Игнатъев В. А.* —————
**ВОСПОМИНАНИЯ
О ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА**
————— *Часть II* —————

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ	10
Любимые места прогулок пермских семинаристов	10
Семинарский сад весной	19
Сезонные традиционные лакомства	20
Черты семинарского быта	21
Обязанности семинаристов по выполнению религиозного культа	34
Свободное планирование рабочего времени на уроках	35
Семинарское вече	35
Диспуты со старообрядцами	36
«Казённики» и «полуказённики»	38
Вечернее время в общежитии	38
Экзамены	43
Вечер «сказителя» былин	44
О «кантах»	49
В бане	51
Каникулярное время в общежитии	53
В театре	57
О семинарском хоре и семинаристах-певцах	63

Великопостные напевы	79
Страстная неделя	83
Пение	92
О чём пели семинаристы во время Первой русской революции	95
Семинаристы — культурные деятели нашего деревенского захолустья	107
О любви семинаристов к своей семинарии и семинарской гордости	115
Женихи	120

ВОСПОМИНАНИЯ И БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

О БЫВШИХ СЕМИНАРИСТАХ	125
Мы — семинаристы	125
Воспоминания о регенте Пермского семинарского хора М. В. Попове	127
Сергей Степанович Богословский	138
Александр Борчанинов	144
Гриша Козельский	148
Александр Ильич Анисимов	161
Меркуфа	167

Василий Николаевич Старцев	172
Братья Медведевы	175
Николай Иванович Хмельнов	178
Наш академический «пантеон»	182
Профессор Павел Петрович Пономарёв	185
Иеромонах Афанасий и его окружение	190
Иван Иванович Сатрапинский	193
Старший	194
Алексей Алексеевич Игнатъев	198
Владимир Семёнович Белоусов	207
Борис Евгеньевич Юшков	210
Леонид Васильевич Лепешинский	212
Владимир Павлович Луканин	216
Николай Алексеевич Игнатъев	218
Александр Владимирович Затопляев	219
Иван Николаевич Ставровский	222
Целлестин Андреевич Киселёв	224
Сергей Александрович Игнатъев	225
Владимир Петрович Козельский	225
Биографический очерк «Трое» о преподавателях латинского языка в Свердловском мединституте П. А. Липине, В. А. Наумове, В. А. Игнатъеве	230

ВОСПОМИНАНИЯ КАК СОЗДАВАЛАСЬ «ОЧАРОВАННАЯ ДУША», ОБ УВЛЕЧЕНИИ ПЕНИЕМ И ХОРОВЫМИ КРУЖКАМИ	238
Биографический словарь	280
Словарь латинских выражений	296
Список сокращений	298
Именной указатель	299

ПРЕДИСЛОВИЕ

Государственный архив Пермского края завершает публикацию воспоминаний Василия Алексеевича Игнатьева о Пермской духовной семинарии начала XX века.

В отличие от первой части воспоминаний, изданной архивом в 2017 г., вторая часть посвящена в большей степени быту, досугу и фольклору семинаристов. Особый интерес представляют воспоминания автора о культуре пения и хоровых кружках.

Под общим заголовком «Страницы прошлого Пермской духовной семинарии» во вторую часть включены отдельные очерки о семинарской жизни, которые были найдены в разных частях рукописных воспоминаний автора. В биографических очерках автор представил, с одной стороны, образы молодых семинаристов, которые в его сознании во многом впитали в себя особенности духовной школы до революции; а с другой стороны – бывших семинаристов, друзей и знакомых автора, на примере жизни которых пытался доказать тезис о «живучести семинарского племени». Это были представители нескольких поколений, не только выходцев из духовного сословия, но и имевших иное происхождение: из семей служащих, торговцев, которые прошли несколько ступеней старой духовной школы. По-разному сложилась их судьба в советской действительности: кто-то смог найти своё место в жизни, а кто-то – нет.

Завершает публикацию «Воспоминания «Как создавалась „очарованная душа“, об увлечении пением и хоровыми кружками», в котором автор раскрыл особенности музыкальной культуры семинаристов; как бывший семинарист, он некоторое время был регентом церковного и монастырского хоров.

Очерки автора из «свердловской коллекции», которые полностью отсутствуют в «пермской», публикуются в основном тексте целиком. В примечаниях текст публикации дополнен фрагментами текста из «свердловской коллекции», которые отсутствуют в «пермской».

Жирным шрифтом выделены авторские подчеркивания текста. В квадратных скобках воспроизведены пропущенные в тексте и восстановленные по смыслу слова и части слов, а также датировка, которая была установлена не точно. В биографический словарь включены статьи об упоминаемых автором участниках событий, чьи биографии было возможным воссоздать. Биографические данные об известных личностях и тех, о ком информация фрагментарна, были включены в примечания.

Государственный архив Пермского края выражает благодарность Государственному архиву Свердловской области за предоставленные копии воспоминаний и фотографий, Пермскому краеведческому музею за предоставленную копию фотографии учащихся Пермской духовной семинарии, кандидату искусствоведения Ольге Вильевне Ануфриевой за помощь в составлении примечаний.

В. Г. Бояршинов
зам. начальника отдела
использования архивных документов
и научно-справочного аппарата

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

1960 г.

«Что прошло — то сердцу мило...»
[В. А.] Жуковский

Любимые места прогулок пермских семинаристов (1)

*«Мне всё здесь на память приводит бывшее —
И юности красной привольные дни»*
(Из каватины князя в опере «Русалка»)

Когда Александр Павлович Миролюбов, инспектор Пермской духовной семинарии, однажды спросил Александра Павловича Успенского (2), ученика той же семинарии, о том, какое же последнее выработал за время пребывания в Перми мирозерцание, Александр Павлович второй ответил: «только пермосозерцание». Ошибка Александра Павловича первого была в том, что он философскую категорию — мирозерцание связал с Пермью, локализовал. Этим и воспользовался Александр Павлович второй и очень остроумно ответил на поставленный ему вопрос. Но оба они в этот момент чем-то напомнили гётевских персонажей — Фауста и Мефистофеля, причём, как это ни странно, Миролюбов выступил в роли Фауста, ищущего смысл жизни, а Успенский — в роли Мефистофеля, надсмеваясь над философскими порывами Фауста. Как показал ответ Успенского, созерцание Перми было вовсе не философской категорией, а обычным условием материального быта семинаристов.

Другое дело заключалось в том, что созерцание Перми было подчинено смене времён года и отражало различные настроения. В этом отношении оно было более созвучным музыке, например блестящим «Временам года» П. И. Чайковского (3).

Осень. «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора: весь день стоит как бы хрустальный и лучезарны облака [вечера]» (4). Северная пермская природа нечасто баловала такой красотой, какую нарисовал в своём стихотворении Тютчев, но с высоты «Козьего загона» семинаристы не раз наблюдали в таком виде «Закамье» в лёгкой дымке лучезарной дали (5). Направо и внизу на Каме виднелись баржи, полные астраханских арбузов, и сюда-то именно происходило паломничество семинаристов осенью за арбузами. Здесь всё было полно фруктов, привезённых с юга. Телеги с огромными коробками подъезжали прямо по воде к баржам, и с последних по лоткам арбузы скатывались в короба. Лавчонки против вокзала и у пристани ломились от яблок и винограда (6). Телеги, гружённые фруктами, медленно поднимались в гору мимо мешковского дома. Сюда и приходили семинаристы полакомиться за пяточок яблоками и виноградом, а чаще прямо на баржу, где в складчину по пятаку покупали арбуз и тут же с ним «расправлялись». А то и просто так приходили посмотреть на пристанское движение, на «челкашей», которые грузили или выгружали пароходы, и прогуляться по пароходу (7).

Сезонным было увлечение цирком, расположенным у западного выхода из городского сада (8). Сюда вела от семинарии аллея лип, а сад был любимым местом прогулок. Прекрасное создание предков, насадивших его, он и аллея осенью демонстрировали «природы увяданье», а в саду, где между лип попадались рябины, можно было наблюдать «в багрец и золото одетые леса». Ротонда (беседка) в саду будила в воображении картины гончаровского «Обрыва» и тургеневского «Дворянского гнезда» (9). Опавшие листья, повисшие ветви деревьев, капли, падающие с ветвей — всё это возбуждало в душе то чувство, которое так ярко выразил П. И. Чайковский в «Октябре». Особый оттенок грусти оставлял скверик у театра: в нём грусть природы соединялась с радостью встреч с кем-либо из **«коричневых пла-тёв»**. Через него проходили они иногда ватагой, и сад наполнялся весёлыми голосами (10). Расположенный у театра, он будил в памяти картины пьес, виденных в нём, и желание вновь увидеть эти картины.

Зима. Центром в городе становилась «Сибирка» (11). Кто из бывших пермских семинаристов, уже давно уехавших из Перми, при случае не спрашивал «сущего» семинариста о «Сибирке»? У кого не было с ней связано много различных впечатлений: случайных знакомых, встреч, а может быть,

и решения судьбы (12). На «Сибирке» было так много мест, которые влекли к себе заманчиво и увлекательно. Ещё в 1902 году в дворянском собрании устраивались танцы, с открытым входом на них, и поклонники Тельпсихоры (13) устремлялись на танцы, надевши на руки бальные перчатки. Потом фантазировали, что кто-то, кажется, такой-то (имярек) танцевал с дочерью губернатора (14). А какую притягательную силу имело здание, со второго этажа которого выходили **«синие платья»** (15)!

Часто заходили семинаристы в магазин Ольги Петровской (16). Здесь можно было иногда видеть Василия Яковлевича Струминского, роющегося в шкафах с книгами в поисках нужной ему книги (17). В оперные сезоны в витринах магазинов выставлялись фотоснимки с артистов в самых различных ролях. Наконец, на «Сибирке» была городская читальня, в которую семинаристы любили заходить просмотреть журналы, и вблизи неё был театр.

Хороша была «Сибирка» в вечерние часы, когда на ней было много гуляющих. Сюда и устремлялись семинаристы (18). Здесь же происходили свидания.

Масленица. Центром прогулок становился проспект (Кунгурская улица). Здесь вереницей двигались тройки, пары, рысаки и просто извозчичьи зимние экипажи. Движение доходило до семинарии, и, конечно, среди гуляющих по тротуарам и проспекту были и семинаристы. Не было видно их только на катках: не было заведено спорта (19).

Весна. Прежде всего, оживала Кама. Во время ледохода все стремились наблюдать за движением льда на могучей реке. Любимые места прогулок у всех семинаристов были «Козий загон» и набережная Камы по направлению к мосту. ...Весна есть весна, и она всё преобразует на свой лад. Обыкновенная улица преобразуется и манит к себе. Куда ни пойти — всё манит к себе, и весь город, с пробуждающимися садом, аллеей лип и скверами, становится местом прогулки. ...Поставлены пристани и появились первые пароходы. На некоторое время прогулки направлены на пристани и пароходы. И наконец, за Каму!

Поездки за Каму (20) в своём, так сказать, классическом виде — с самоваром, чайными приборами, вероятно, существовали только до революции 1905 года, а потом в период реакции заменены были продажей ромашек на лечение туберкулёзных. Потом, со временем, они вновь вошли в силу, но это было уже не то: не было такого широкого размаха, как прежде.

Лодки брали напрокат у пристаней, нагружали всякой всячиной, бережно усаживали **«смаков» в зелёных платьях** (епархиалок) (21) и в составе трёх-четырёх лодок выезжали «на простор речной волны». Двигались по диагонали вправо, чтобы не снесло сильно книзу. «Смаки», конечно, боялись, но зато какой простор был для «рыцарей» проявить смелость, силу, ловкость и успокоить их. Обязательно пели. Но вот и берег. Мать природа! Как ты всё-таки щедра! И как скоро ты меняешь свой снежный зимний наряд на зелёный луг, цветы, зелёные кустарники и щебетанье птиц. Пели, играли, танцевали, рвали цветы, делали букеты, в классическом виде — пили чай, а позднее — бутерброды и фруктовую [воду]. ...А потом воспроизводили настроение этих маёвок в песнях на семинарских вечерах.

Привет весне

*Привет тебе, красавица,
Но где же ты? Я полон грёз и пылких
Ожиданий... Мой друг, пойми меня:
Люблю, люблю тебя.*

Заголовок этот был только ширмой, за которой скрывался смысл горячего романа для исполнителей *trio* (22). Иначе его не разрешили бы исполнять на вечере.

*Или: Звёзды блещут точно очи,
Соловей в лесу поёт.
И подругу в сумрак ночи
На свидание зовёт.
И счастливый и довольный
Он порхает перед ней.
Мне завидно птичке вольной,
Милый друг, приди скорей!*

*Или: Повеяло черёмухой, проснулся соловей.
Уж песней заливаётся он в зелени ветвей.
Учи меня, соловушка, искусству твоему.
Пусть песнь твою волшебную прочувствую, пойму.*

*Пусть раздаётся песнь твоя — могуча и сильна.
Пусть людям в душу просится,
И пусть живёт она,
Как первая черёмуха, как первый соловей.*

И только ли эти песни навевали эти маёвки?

Весна и юность — что может быть лучше этого сочетания, а маёвки были их выражением и воплощением.

Организация продажи ромашки в день 1 Мая была рассчитана на то, чтобы отвлечь внимание от революционных выступлений и противопоставить им филантропические цели — помощь больным туберкулёзом. Сколько помнится, на продажу ромашек семинаристов организовывали А. П. Миролюбов и Н. И. Знамировский.

Семинаристы, не все, конечно, но в значительном количестве были участниками этого мероприятия, но они в нём видели только филантропическую сторону, а о политическом значении узнали уже позднее.

Поездки за Каму повторялись и во время экзаменов, в перерывах между ними, в том случае, когда складывалась благоприятная ситуация для этого и для семинаристов, и для «смаков».

Весной вся Пермь преображалась: сад и скверы наполнялись гуляющими. «Сибирка» приобретала новый вид: гуляющих было ещё больше и вся масса их была оживлённее, веселее. Скверик у театра тоже оживал (23). В «Козьем загоне» появлялись цветники. В общем городском движении там и здесь мелькали фигуры семинаристов — созерцателей Перми.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 131–136 об.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует. Информация частично представлена в очерке «Старая Пермь (глазами семинариста)».
2. Успенский Александр Павлович (1890–?) — сын священника Шадринского уезда Пермской губернии. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1905 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1911 г.

3. «Времена года» — известный фортепианный цикл П. И. Чайковского, состоящий из 12 характеристических пьес по месяцам года.
4. Из стихотворения русского поэта Ф. И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...».
5. «Семинаристов же влекла сюда не только поэзия, а и самая что ни на есть житейская проза» (Прим. автора).
6. В очерке «Старая Пермь (глазами семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Около вокзала воздух всегда был насыщен гарью от сожжённого каменного угля. Чаще, чем где-либо в другой части города, здесь встречались ученики железнодорожного училища в серых шинелях с зелёным кантом, потому что неподалёку от вокзала находилось их училище» (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 15–15 об.). Пермское техническое железнодорожное училище находилось на улице Торговой (в настоящее время — Советская), дома № 3, 5, 7.
7. Там же: «Неподалёку от «загона», в ложбине, была городская баня, и около неё отвратительный воздух, поток грязной воды, что свидетельствовало о плохой заботе «отцов города» о санитарном его состоянии». (Там же. Л. 16).
8. Из автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Учение Пети Иконникова в Пермской духовной семинарии»): «Наши первоклассники устраивали даже что-то вроде игры в тотализатор. ... Неудобство посещения цирка заключалось в том, что сеансы были в вечернее время, и в этом случае у инспектора семинарии возникало опасение за только что поступивших в семинарию новичков, тем более что цирк находился в глухом месте. Инспекция старалась ограничивать посещение цирка, но страсти так бушевали у болельщиков за борцов, что они решались на риск отправляться в цирк без разрешения. Получались конфликты...» (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 48–67 об.).
Из очерка «Старая Пермь (глазами семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Сколько греха было из-за него у семинаристов с начальством: посещать его не разрешали, а увлечение было такое же, как сейчас футболом на стадионе. Всячески ухищрялись пробраться в цирк: отпрашивались в театр, а шли в цирк. Были, конечно, и «болельщики», когда выступали борцы. Кумирами были борцы: Ваня Крамер, Фосс, Великан, о котором говорили, что он ездил на двух поставленных в ряд извозчицких пролётках, и один индеец, который отличался поразительной ловкостью. Из акробатов славились братья Коврелис полётами в воздухе под куполом цирка». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 33–33 об.).
9. Романы И. А. Гончарова и И. С. Тургенева.
10. «Рядом с садом была Мариинская женская гимназия — самая большая в Перми

(с более 1000 учащихся). Гимназистки носили форму: коричневые платья» (Прим. автора). Из очерка «Старая Пермь (глазами семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Когда в гимназии оканчивались уроки, то через этот скверик проходили гимназистки в коричневых платьях, и среди них единственная представительница из казанских «князей» — Зиганшина, по поводу чего только можно заметить: «Чтый да разумеет». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 27 об.).

11. «Сибирка» — главная улица г[орода] Перми — [в] н[астоящее] в[ремя] Сибирская». (Прим. автора).
12. В очерке «Старая Пермь (глазами семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Сибиркой» называлась не вся улица, а та часть её, которая начиналась от магазина Ольги Петровской и простиралась до дворянского собрания. Когда говорилось: «Я был на «Сибирке», или я пойду на «Сибирку», то под «Сибиркой» разумелась именно эта часть улицы, расположенная южнее площадки, на которой стоял старинный торговый ряд. Это было излюбленное место вечерних гуляний, флирта, знакомств и т.п. Слово «Сибирка» имело узко интимное значение, со специфическим оттенком смысла». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 28 об.–29).
13. Так в тексте, правильно — Терпсихора — муза танцев в древнегреческих мифах.
14. В очерке «Старая Пермь (глазами семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «На Сибирской улице было дворянское собрание, в котором устраивались вечера танцев. Среди семинаристов были такие «джельтмены», правда немногие, которые посещали эти вечера, открытые для всех. Их особенно занимало то, что по принятому этикету приглашение дам на танцы не обуславливалось знакомством, т.е. была полная свобода выбора. До революции 1905 г. на этих вечерах царила патриархальная тишина, спокойствие, так что эти вечера посещала знать города, даже члены губернаторской семьи». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 31 об.–32).
15. «На этой улице была частная женская гимназия Барбатенко, учащиеся носили платья синего цвета». (Прим. автора).
Из очерка «Старая Пермь (глазами семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «На «Сибирке» в частном доме была расположена частная женская гимназия Барбатенко. В своё время она была на славе как прогрессивное учебное заведение, потому, что гимназисткам преподавалась физкультура». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 31–31 об.).
16. Там же: «Магазин Ольги Петровской... был единственным в городе книжным магазином. В нём же продавались учебники и канцелярские принадлежности:

бумага, тетради, ручки и карандаши, благодаря чему в нём всегда было много учащейся молодёжи». (Там же. Л. 29).

17. Там же: «За стеной магазина О. Петровской к востоку в одном и том же здании с ним был магазин Ковальского, тоже единственный в городе по продаже колбасы, сосисок и пр. Над ним была квартира городского ветеринарного врача Якова Григорьевича Шнейдера. Мне удалось с ним познакомиться через Василия Ивановича Ракшинского, тоже ветеринарного врача по проверке качества мяса и мясных продуктов, в доме которого я одно время состоял воспитателем». (Там же. Л. 29–29 об.).
Из очерка «О гиматрии и нотариконе» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «В юношеские годы Я[ков] Г[ригорьевич], еврей по национальности, чтобы получить высшее образование, крестился, т.е. перешёл в христианство. Это обстоятельство оставило в его душе глубокую травму: его мучила, очевидно, совесть за измену вере отцов. Будучи, очевидно, с детства знакомым с талмудическими методами толкования библии, он стал применять эти способы толкования для успокоения своей встревоженной совести. Методы эти носили названия — гиматрия и нотарикон. Узнавши, что я учусь в семинарии и что в числе богословских предметов мы изучаем библию, Я. Г. возымел намерение познакомить меня, а если будет желательно — и моих товарищей с этими науками. И вот однажды мы группой человек в 8–10 отправились на квартиру Я. Г., которая находилась над колбасным магазином Ковальского. Я. Г. принял нас очень любезно. Было заметно, что ему было также приятно, что вот к нему пришли люди, которые заинтересовались его толкованием библии. Он кратко ознакомил нас тайнами талмудических толкований и на нескольких примерах продемонстрировал их применение. Существо одного из них, кажется, нотарикона, состояло в том, что он брал какой-либо текст из библии и буквы этого текста заменял цифрами. Задача разгадки значения текста сводилась к тому, чтобы взамен этого текста подставить другой текст, сумма букв которого составляла бы сумму первого текста. Так, он задался вопросом: какова была судьба Каина, по библии — убийцы своего брата Авеля? Куда он девался? Я. Г. зачитал нам библейский текст, в котором говорилось о судьбе Каина. Это было небольшое предложение, туманное по смыслу. Затем он буквы текста заменил цифрами, установил сумму и стал подбирать текст толкования. Это была целая система проверивания и подстановки различных слов, замены букв цифрами, пока, наконец, он не объявил нам, что Каина за его преступление поглотила земля и он скрылся куда-то в центре земли. Я теперь не помню точно, как путём такого же толкования он старался показать нам, как он оправдывал свой поступок — принятие христианства.

- При всей натренированности наших мозгов разными библейскими толкованиями, данный метод толкования не мог не показаться нам совершенно искусственным и нелепым. ...Чего, чего только не вместили тогда в себе наши юные головы! Но... *tempora mutantur, et nos mutamur in illis*. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 221–222 об.).
18. Из очерка «Старая Пермь (глазами семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Мы, семинаристы, любили заходить в читальню при публичной библиотеке — посмотреть иллюстрированные журналы. Откровенно говоря, нам больше нравилось то, что здесь нас принимали как взрослых, а нам так хотелось казаться таковыми...» (ГАСО. Ф. р-2575. Оп. 1. Д. 374. Л. 17 об.).
19. Там же: «После Сибирской улицы и «Сибирки» любимым местом прогулок семинаристов была Кунгурская улица — проспект с аллеей лип. Эта улица начиналась у семинарии, и мы в неё входили прямо в тень от лип весной и осенью. На этой улице были расположены: Стефановская часовня, женский приют с кулинарной школой при нём и столовой — по левой стороне, если идти от семинарии, и кино «Мираж» — по правой стороне. Это кино было открыто уже после революции в 1910–1912 гг.» (Там же. Л. 33 об., 46).
20. «В день 1 мая». (Прим. автора).
21. «Учащиеся Епархиального женского училища носили форму: зелёные платья». (Прим. автора).
22. *Trio* — музыкальный ансамбль из трёх музыкантов-исполнителей, вокалистов или инструменталистов.
23. Из очерка «Старая Пермь (глазами семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «В скверике стройные липы в жаркие дни давали освежающую от жары тень и настраивали на мечтательное, меланхолическое настроение. Клумбы цветов украшали сад то в том, то в другом месте, а от цветов распространялся аромат. Когда же липы цвели, то липовый запах их цветов опьянял и кружил голову». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 27 об.).
Там же: «...а за сквериком, на углу библиотеки, всегда торговали пирожники с назойливым предложением пирожков с мясом и вареньем по пятаку за пару». (Там же. Л. 28).

Он вообще не блестел красотой: в нём росли только тополи. Не было достаточного надзора за ним. Кроны тополей были запущены, и весь сад скорее походил на беспризорника. Весь уход за ним состоял только в том, что убирался мусор с аллеи и опавшие осенью листья. Две точки в саду были рассчитаны на внимание посетителей его: беседка у стены, прилегающей к обрыву у Камы, и набор кое-каких физкультурных предметов у ректорской квартиры. Весной и та и другая точки заметно оживали: в беседку приходили вечером, когда на Каме зажигались бакены, пристани были освещены, по реке ещё сновали пароходики, лодки, но была уже ночь и приглушённые разговоры прохожих. Картина, созвучная тому настроению, которое вызывает баркарола П. И. Чайковского «Июнь». В этот именно момент хотелось петь, и семинаристы пели. Далеко, далеко разносились их голоса. Но в каком-то году, когда семинаристы вернулись с летних каникул, беседки не оказалось. Её обвинили будто бы в том, что через нее перелезали ищущие «разрядки» у Парфёныча.

Семинаристы спортом не занимались, но весной подходили к физкультурным приборам, чтобы расправить мускулы и весь корпус от сидения за подготовкой к экзамену. Во время экзаменов не приходилось много разгуливать по городским скверам, и в этом случае сад компенсировал то, что в других случаях падало на первых. Кроме того, в саду были места, где можно было уединиться для подготовки к экзамену. Одним словом, семинарский сад весной оживал: после ужина семинаристы гурьбой направлялись в него и расхаживали по аллеям подобно тому, как зимой расхаживали по коридору.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 136 об.–137.

Примечание:

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Зимой в коридоре, ведущем из главного корпуса в столовую, производилась бесконкурентная торговля пирожками пирожника Половникова. На пятак два горячих пирожка по выбору или с мясом, или с вареньем. Это был придворный поставщик. О нём знал вахтёр у ворот и пропускал через ворота. Позднее, когда Половников поставил дело на широкую ногу, у него был помощник-мальчик, который и являлся на большую перемену во время уроков. Говорили, что Половников со временем купил дом, дал гимназическое образование дочери. Одним словом, «попил семинарской кровушки».

Весной в Перми по городу сновали продавцы мороженого, малиновой или лимонной воды и продавцы пареных груш и яблок. На толкучке и «обжорке» (пельменные ряды у калачей) продавали «кислые щи». Сезонными поставщиками лакомства семинаристам были продавцы мороженого у двери, ведущей с мраморной лестницы вниз во двор. Сюда ежедневно в час, совпадающий с окончанием семинарского обеда, являлся продавец мороженого — лимонного или шоколадного на сливках. Стаканчики были рассчитаны на цены в пять и десять копеек. В разное время дня, но чаще под вечер с улицы, проходящей мимо семинарии, раздавалось пение, которое, вероятно, могло бы поспорить с иерихонской трубой: «Садовые сладкие пареные груши, дули!» Певец выпевал определённую мелодию. Любители выходили и покупали. Какие всё-таки тогда были патриархальные времена!

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 137 об.-138.

Примечание:

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Ревнителю мод (2). Ещё А. С. Пушкин в эпиграмме на Сперанского указывал на какой-то у него «образ семинарский». Что же мы наблюдали в «образе семинарском» в наши дни? Нужно сказать, что мы были живыми свидетелями эволюции, причём стремительной эволюции «семинарского образа». Традиционный сюртук с жилеткой на наших глазах уступал место визитке и позднее ещё куртке с закрытым воротом. В полных правах сохранялось крахмальное бельё с галстуком при визитке и воротником при закрытом вороте. Сюртук сохранялся для торжественных случаев, например, у распорядителей на вечерах. Наряду с чёрными визитками входили в моду цветные, например — серые. Большие изменения претерпели брюки, а именно пришла мода носить узкие брюки со штрипками, а поверх тужурок широкие ремни. Внедрению этой моды много содействовал перешедший в нашу семинарию сын секретаря консистории Вишневский. Началось соревнование в новой моде, причём сторонником крайностей скоро показал себя Вася Мичков (3). Про него говорили, что брюки он натягивает на себя с мылом, а ширина ремня у него походила на корсет. Из верхней одежды оставались традиционное чёрное пальто с бархатным воротником и фуражка с бархатной шейкой, в летнее время на верх фуражки надевался белый чехол. В моде были башлыки. В зимнее время семинаристы обычно ходили с поднятым у пальто воротником, а поверх него привязывали башлык. Это, так сказать, типичный «образ семинарский». Не обходилось в области мод и без курьёзов. Так, после японской войны как ураган пронеслась мода на папахи, причём поклонники этой моды иногда увлекались через край величиной папахи. Появились на головах кое у кого целые горы меховых шапок. Дело приняло такой оборот, что наш инспектор А. П. Миролюбов стал уже увещевать не злоупотреблять величиной папах.

Особо нужно сказать о моде на шевелюры. Шевелюра — это причёска *a la* Бетховен или Антон Рубинштейн (4). Тон всем задавал в этом отношении семинарист Чирков (5). Небольшого роста, коренастый, с короткой шеей, он сбивал свои волосы в целую копну. Ему подражали все, кому только волосы позволяли это проделывать, хотя бы с не столь большой шапкой волос.

Считалось, например, что басы, а особенно октавы, должны обязательно иметь шевелюру. Борьбу с крайним увлечением шевелюрами опять-таки вёл А. П. Миролюбов. Он вышучивал таких «модников» (6). В 1906–1909 годах шевелюра сошла из моды, и когда мы учились в шестом классе и Мавровский ставил в заведённом им журнале оценки за наши причёски, то эти оценки больше всего относились к так называемому косому ряду и в редких случаях к «ерошке», но шевелюра уже не значилась в ряду причёсок.

Подводя итог движению мод в семинарии, их эволюции, нужно сказать, что движение шло в направлении отмирания специфически «семинарского образа» и к подчинению его определённой форме, которая и была в ближайшее время введена в семинарии (7). Все учебные заведения имели формы, этому же порядку, наконец, были подчинены и семинарии. «Образ семинарский» получил единую узаконенную для него форму. Общество приняло это явление как определённую ступень прогресса.

Меломаны. Кто из семинаристов не был посетителем театра? Кто не побывал за пять копеек на самой вершине зрительной половины театра — в парадизе? Кто не пытался, вручая пятак капельдинеру («пяташнику»), пробраться куда-либо в ложу? Но из отдельных поклонников всегда составлялись группы, во главе которых становился вожак, которые закупали целые ложи. Это были уже организованные зрители, поклонники определённых звёзд, преимущественно оперы. Они были зрителями, а потом и сами старались воспроизвести понравившиеся музыкальные вещи. Так, [Александр] Анисимов распевал «Я Вас люблю...» (8), Савва Поляков «Клевету» (9), [Пётр] Иваницкий — «О дай мне забвенье, родная» (10) и т.д. Кто из семинаристов, обладая чем-то вроде баритона, не пробовал свои силы на «Не плачь, дитя» (11)? Из оперы же переносились музыкальные вещи на семинарские вечера, например: «Ноченька» из «Демона», «Как во горнице-светлице» из «Русалки» и даже хор жрецов из «Аиды». Когда проходили бенефисы любимых артистов, при чествовании «учинённый брат» от студентов зачитывал адрес на сцене (Анисимов). Когда были проводы артистов после окончания сезона, на вокзале среди провожающих были и наши меломаны. Наконец, участие иногда в роли статистов — было и это (12).

Одно время драма и опера в пермском театре чередовались по полугодиям. В памяти надолго остались из артистов драмы: Велizarий (13), Попова, Лола (женские роли); Хохлов (14), Пинский, Тинский, Шорштейн (15),

Плотников и др[угие] (мужские роли). Из оперных певцов: Девос-Соболева (16), Осипова, Позднякова, Калиновская (женские роли); Борисенко (17), Хлюстин, Саянов, Комиссаржевский, Томский, Квашенко и др[угие] (18). Надо отдать справедливость начальству семинарии в том, что оно не чинило препятствий для посещения театра и даже содействовало тем, что направляло учащихся в театр, предоставлялись обеды и ужины применительно ко времени посещения театра.

Скрипачи. Одно время для обучения скрипичной игре приглашён был Г. К. Ширман (19). Он был известный в Перми скрипач и в один сезон дирижировал оркестром оперы. Дело это в связи с забастовкой развалилось, но один из скрипачей всё-таки оставил по себе память. Это — Павел Борчанинов (20). Он начал обучение скрипичной игре в Камышловском дух[овном] училище у М. М. Щеглова (21). В Перми он несколько продвинулся вперёд под руководством Ширмана. В ансамбле других семинаристов Борчанинов выступал на вечере в женской гимназии Барбатенко. Там им с успехом была проиграна под аккомпанемент рояля колыбельная песня Годара из оперы «Жоселен» (22).

Декламаторы. Их было мало, и таланты их раскрывались только на семинарских вечерах. (23) Большую память о себе в этом отношении оставил Димитрий Бакалдин. Он поступил в семинарию из екатеринбургского духовного училища и происходил, как говорили, из екатеринбургских разночинцев. Как декламатор он умел импонировать публике, и одно появление его на эстраде вызывало дружные аплодисменты (24). Чем ближе он подходил к окончанию курса в семинарии, тем неохотнее соглашался на выступления. Дело было в том, что он больше и больше втягивался в проповеднический кружок нового инспектора семинарии — Н. И. Знамировского — и сознавал, очевидно, несоответствие между проповедничеством и декламацией, т.к. его декламаторским амплуа были преимущественно комические рассказы. В дальнейшем он поступил в Казанскую дух[овную] академию, постригся в монахи и в скором времени после окончания академии умер от туберкулёза, за год-два перед этим похоронив свою сестру от той же болезни. Вспоминая о нём, хочется сказать, что он пошёл не по той дороге, которая больше соответствовала его природным задаткам, но теперь можно только сказать нашему любимому семинаристу-декламатору: «*Sit tibi terra levis!*»

Драматические артисты (25). Их, вероятно, было значительно больше, чем известно автору этих мемуаров; потому что таланты их раскрывались на сценах по месту жительства и преимущественно в течение летних каникул. Вблизи моей родины в б[ывшем] Шадринском уезде на этом поприще с успехом подвизались Андрей Максимов (Верх-Теченское село) и Николай Топорков (26) (Песчанское село).

Проповедники (27). Они организовывались в кружок около Н. И. Знамировского, а ареной их деятельности была Стефановская часовня, которую Н. И. называл училищем благочестия. Это был кружок семинаристов, которые принимали потом священный сан. Был ещё кружок, организованный о[тцом] Тихоном Андриевским. Этот кружок подвизался в одной из ближайших деревень в специально построенном для этой цели доме часовенного типа.

Мистики (28). Одна история с павшим в мистицизм рассказана была мне старшим братом. Был у него товарищ — Ваня Флёров (29). И вот он оказался в состоянии мистического шока, а именно: на основании якобы бывшего ему видения он пришёл к убеждению, что должен тогда-то умереть. Он забросил учение, поговел, причастился и приготовился к смерти, когда наступила назначенная на эту ночь смерть, но, увы... смерть не пришла. В результате он стал безбожником. Другой случай с мистическим настроением мы наблюдали у нашего товарища — Коли Иваницкого. У него он принял такую форму: куда бы он ни заходил, крестился и шептал молитву. Чем кончилась, в конце концов, эта одержимость мистическая И. — нам не известно.

Библиотекари (30). Была у нас, в семинарии, ученическая библиотека. Она выполняла две функции: снабжала семинаристов учебниками и кое-какими книгами для чтения из беллетристики. Заведывание ею почему-то возлагалось на кого-либо из семинаристов. Когда была основана эта библиотека, мы не знали, знали только, что она обслуживала уже и наших старших братьев. Библиотека мало пополнялась, да и в части беллетристики не пользовалась особенным спросом читателей. В наше время мы больше читали уже новую литературу: Горького, Андреева, Куприна и др[угих] произведений, которых в библиотеке не было (31).

Положение библиотекарей-семинаристов во многом напоминало положение регентов семинарского хора: много заботы и труда и всё «за счёт английского короля». Только исключительная любовь к этому делу

была спутницей их на этом поприще. Имена их даже и не сохранились в памяти, за исключением последнего — Мухина Владимира Степановича (32).

Фирма. Под таким громким названием существовало у нас торговое предприятие Александра Ивановича Хохлова — продажа папирос. Парадоксально, но факт! Теперь, при ретроспективном взгляде, в обратной перспективе, кажется это явление диким, а в те времена казалось совершенно естественным и даже исторически закономерным, так как известен был даже предшественник Х. в этом деле — Собянин, шесть лет владевший этой фирмой и премированный магазином братьев Агафуровых серебряными часами за шестилетнюю покупку в нём гильз и табаку (33).

Как сделался Х. владельцем фирмы, нам не известно, мы его знали, когда дело было поставлено у него уже на прочные рельсы. Это было, когда он учился уже во втором классе (34). В послеобеденные часы, когда все уходили на прогулку в город или в сад, мы видели А. И. за партой втирающим табак в гильзы, вставляющим ватки в мундштуки и складывающим папиросы в парту в штабели, рядом с библией и другими учебниками (35). Торговля производилась в любое время дня, в перемены и перерывы, когда только появлялся покупатель. Круг покупателей был настолько широк, что иногда через учеников адресовались за покупкой папирос даже преподаватели из молодых. Официально курение в семинарии было запрещено, но не было ни для кого, в том числе и для инспекции, секретом, что многие семинаристы курили, потому что в уборных, которые были одновременно и местом для курения, в часы занятий дым стоял, как говорят, коромыслом. Какие обороты в торговле получались у Х. — это было его гробовой тайной, но надо думать, что гешефт был, иначе он бы этим делом не занимался. Сам А. И. не курил и, вероятно, был глубоко убеждён во вреде курения.

Чеботарь (36). Он и доньше живёт в Шадринске, был врачом и одновременно занимался и по сие время занимается садоводством, мичуринец, пенсионер. Это — Аркадий Павлович Бирюков. Предприятие его не было коммерческим, а любительским, однако, как говорили, он выполнял не только починочные работы, но и шил новую обувь, имел полный комплект необходимых для этого предметов и даже какую-то простейшую машину.

«Шаляпин». Семинарист с этим прозвищем легко поддавался внушению и был даже жертвой этой своей черты характера. Шутники-товарищи подслушали, что он иногда пробовал свой голос на бас, и внушили ему, что

у него голос имеет все данные для развития до шаляпинского баса. Имя Ф. И. Шаляпина тогда было так прославлено, что само по себе оказывало гипнотизирующее влияние. И вот внушение удалось: объект его всё чаще и чаще стал пробовать свой голос. Бывало так: в вечерние часы вдруг в коридоре у уборной раздавались звуки, грубые, не обработанные, с настройкой на бас, и слушатели безошибочно определяли: это Толя Удинцев настраивает свой голос под Шаляпина. Так ему и присвоена была эта кличка. Позднее нашлись мерзавцы-«товарищи», которые слабость и внушение использовали для издевательств над У. Зная точно, что он в определённый вечер должен написать домашнее сочинение, они передавали ему записку, которой якобы какая-то гимназистка вызывала его на это время на свидание туда-то. Несчастный «Шаляпин» бросал работу, бежал в условленное место, ждал и промёрзший возвращался домой, а затем этим же мерзавцам сообщал о своей неудаче. Финал — двойка за сочинение.

Наши «германы». Они составляли небольшой, замкнутый и сильно законспирированный кружок, перекочёвывающий с одного потайного места на другое, где при свете огарков шла игра в преферанс или вист. До нас, не участников этой организации, доносились иногда только отрывистые сведения, вроде того, что однажды было, как большая сенсация, шёпотом объявлено: «Вчера Ванька Максимов выиграл двадцать пять рублей». Этот счастливый и по сей день живёт в Свердловске в возрасте 75 лет (37).

Служители Бахуса. Они появлялись, но быстро исчезали: недреманное око инспектора быстро их выявляло и удаляло из семинарии (38). Вот из них-то в некоторых случаях рекрутировались псаломщики и диаконы, которые и в будущем продолжали служить тому же богу.

Служители мамоны (39). Кто из семинаристов в какой-то степени не грешил этим? Недаром же наш б[ывший] инспектор А. П. Миролубов после своей упорной борьбы за души своих питомцев признал своё бессилие, заявив: «Семинария — учреждение не столько воспитательное, сколько питательное». Но в данном случае мы имели в виду не более или менее законный или, так сказать, нормальный тип человека, обладателя здорового желудка, а гипертрофированный тип чревоугодника. Они были единичными для своего возраста и уникальными. Вот классический образец такого типа: Миша Петров, 17–18 л[ет], так выражал словами свою любовь к голубцам, которые по субботам так аппетитно готовил Кирилл Михайлович —

«Сегодня голубцы, ради них можно и двойку получить!!!» Не правдали, афоризм, до которого никогда не смог бы додуматься и незабвенный Кузьма Прутков (40). Интересна дальнейшая судьба этого новоявленного эпикурейца: за двойки его исключили, а года через два-три после этого он вдруг объявился торговцем-лавочником неподалёку от нашего села, но скоро прогорел и скрылся неизвестно куда. Был он по происхождению из деревенских богатеев, родина у него была где-то около Ирбита, и ходили слухи, что торговцем он сделался благодаря тому, что поживился товарами, которые гужом переправлялись на Ирбитскую ярмарку.

Служители Венеры (41). Юноши обучались в семинарии в возрасте от 15–16 лет до 20–21 года, т.е. в «опасный возраст». Жизнь в общегитии, а в нём жило большинство, скупенность содействовала взаимному влиянию, как положительному, так и отрицательному, в данном случае — последнему. Обилие в городе «учреждений», обслуживающих служителей Венеры, конечно, содействовало соблазну. Достаточно сказать, что «учреждение» Парфёныча было всего в квартале от семинарии. Отсутствие сдерживающего мотива для осуществления «этого», как это было у девушек, тоже облегчало вступление на эту стезю: сделай — на лице, или в другом месте, следа не останется. И всё-таки, к чести наших юношей, надо сказать, что и в этом отношении были только единицы этих «служителей». Среди них были и теоретики применения «этого». Так, Алексей Иванович Ч., например, утверждал, что в известные моменты он испытывал, что его мозг как бы окутывала какая-то пелена, которая мешала ему усваивать богословские науки, и он отправлялся «туда», в место «злачное», как его называли, и что же? У него получалось просветление ума. Среди них были и жертвы этого поступка: болезнь, которая называлась комбинацией из трёх перьев, а самый результат получения её выражался словом «наварил». Такие (на них указывали пальцами) поступали в распоряжение семинарского эскулапа Вениамина Ивановича Селиванова (42), о котором шла молва о том, что он когда-то состоял контролёром организмов «сих падших» жертв общественного строя насчёт предупреждения распространения болезней. Он ругался, но по части сохранения тайны от начальства был «могилой».

Служители Тельпсихоры (43). Кто из юношей, если он по-настоящему был молод, не отдавал дань этой богине? Среди семинаристов

были, конечно, и «буки», на что, как известно, как на национальную черту указывала и старуха Изергиль в одноимённом рассказе А. М. Горького. В массе же наши юноши были жизнерадостными и любили танцы. В первые же годы нового столетия проходила у нашей молодёжи перестройка системы танцев на новые «лады». Гроссфатер уже, можно сказать, ушёл в архив. Неизменными оставались полька, вальс, кадрили. В последнюю внедрилось новшество — дирижирование на французском языке. По-прежнему, когда исполнялась кадрили, пол в комнате, где танцевали, содрогался, стёкла в окнах дребезжали, вся масса танцующих «в поте лица» выделяла разные фигуры, и всё-таки когда раздавался истошный крик «больше жизни!» — движение ещё усиливалось, а когда «действие» оканчивалось, то все участники танца вытирали пот с лица. В танце проявлялось какое-то буйство, азарт. И вот на смену ему, этому буйству, стали приходиться новые танцы, более спокойные, более ритмичные, более грациозные: па-декарт, па-д`эспань, па-де-патинер, русско-славянский, полька-бабочка и др[угие]. Внедрялись они по двум линиям: некоторые по линии семинарии, а другие по линии епархиального училища. Как это делалось по первой линии? Всегда находились пионеры того или другого танца, которые охотно передавали своё искусство другим. Инициативу брали на себя старшие — женихи. В большую перемену вечерних занятий объявляли: «Ребята, в зал, на танцы!» И здесь, где в комнате на потолке изображены были четыре евангелиста и расписан текст из евангелия Иоанна Богослова, происходило разучивание новых танцев под пение, например, па-де-патинер под пение «Шуми, Марица...». А потом «это» переносилось уже домой, в деревню, причём под видом изысканной манеры обращения: например, к какой-нибудь деревенской красавице со словами: «Разрешите Вас ангажировать на тур вальса?», а красавица, скромно потупив очи, отвечает: «Я не умею, и при том потиу». Как не вспомнить при этом сатиры бессмертного Фонвизина!

Любители балнеологии (44). Были и такие. Русский человек, говорят, издревле любил попариться, да не кое-как, а, как говорится, отвести душеньку. У нас были любители париться, причём в печь вливали не воду, а квас, чтобы получился особый аромат. Вот уж действительно, как к этому не сказать: «Куда на выдумки природа торовата!»?

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 110–119 об.

Примечания:

1. В «пермской коллекции» воспоминаний автора — «Портреты-миниатюры отдельных семинаристов».
2. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора — «Семинарские моды».
3. Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) — русский композитор, пианист, дирижёр, музыкальный педагог.
4. Мичков Василий Матвеевич (1894–?) — сын священника Осинского уезда. Окончил Пермское духовное училище по 1-му разряду в 1907 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1913 г.
5. Чирков Аркадий Яковлевич (1880 – ок. 1918) — сын священника Красноуфимского уезда. Окончил Пермское духовное училище по 1-му разряду в 1904 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1910 г.
6. В очерке «Александр Павлович Миролюбов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «А. П. старался привить семинаристам привычку скромно, но аккуратно, даже со вкусом, одеваться. Сам он в этом отношении подавал хороший пример, и, между прочим, никогда не стремился внешне блеснуть своими «заслугами» — различными знаками своего отличия». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 29 об.).
7. Вскоре после окончания автором обучения, т.е. после 1909 г., т.к. при возвращении его в семинарию в 1914 г. семинаристы уже были не в сюртуках и тужурках разного цвета, как было раньше, а предстали автору в новом виде: в форме. Об этом автор сообщает в очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 66.)
8. Ария Елецкого из оперы «Пиковая дама» П. И. Чайковского.
9. Ария донна Базилио из оперы итальянского композитора Джоаккино Россини «Севильский цирюльник».
10. Романс Владимира из оперы Э. Ф. Направника «Дубровский».
11. Из оперы «Демон» А.Г. Рубинштейна.
12. Из очерка «Старая Пермь (глазами семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Любопытно, что репортаж о постановках в театре в пермской газете «Пермские ведомости» (?) вёл тоже кончивший Пермскую семинарию Павлинов». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 26 об.). Из очерка «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Среди семинаристов были парни, которые работали статистами на сцене. Они имели «счастье» ближе встречаться с «кумирами» и при случае даже чем-либо похвастаться

- из своей «деятельности». «Так, один из «таких», здоровенный детина, однажды объявил: «Ребята! Я вчера тащил Калиновскую со сцены за кулисы!» Лицо счастливица при этом сияло блаженством, как у кота, который хорошо полакомился чем-либо по воровской линии». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 23)
13. Велизарий Мария Ивановна (1864–1944) — русская актриса, педагог.
 14. Хохлов Павел Акинфиевич (1854–1919) — русский певец, баритон.
 15. Шорштейн Константин Осипович (?–1922) — русский актёр и режиссёр.
 16. Де-Вос-Соболева Елена Викторовна (1875–1945) — русская оперная певица (лирико-колоратурное сопрано) и педагог.
 17. Борисенко Алексей Григорьевич (1868–1941) — оперный артист (лирико-драматический тенор), режиссер, педагог.
 18. Из очерка «Старая Пермь» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Хлюстин пять-шесть раз пел на «бис» «Куда, куда...». У него же, по преданию, гимназистки-мариинки разорвали на части спавшую случайно с ноги калошу». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 716. Л. 12–12 об.). Хлюстин Гордей Давидович, известный артист оперы (лирический тенор) и режиссёр, выступал в Перми в 1903–1904 и 1908 гг. Комиссаржевский Фёдор Петрович (1838–1905) — русский певец (лирико-драматический тенор), музыкальный педагог.
 19. Ширман Григорий Игнатьевич (?–1942) — дирижёр симфонического оркестра и оперы, концертмейстер, скрипач, приглашённый учитель скрипки в Пермской духовной семинарии и других учебных заведениях.
 20. Борчанинов Павел (1889–?) окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1908 г. По данным А. Н. Шишёва, в советское время руководил хором в городе Шадринске. Его братом-близнецом был Александр Борчанинов (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1276. Л. 157).
 21. Щеглов Михаил Михайлович (1875–1972) окончил Московское Синодальное училище церковного пения со званием регента в 1894 г. Учитель церковного пения и чистописания в Камышловском духовном училище в 1894–1918 гг. С октября 1907 г. состоял также учителем черчения. Коллежский ассессор.
 22. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора в составе «Автобиографических воспоминаний» имеется рассказ-юмореска «Plusquamperfectum (гримаса прошлого)», в котором главным героем является Павел Борчанинов. Рассказ повествует о «тяжестях» изучения латинского языка семинаристом и мести-розыгрыше им за это торговцев магазина Агафуровых в Перми. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 388. Л. 196–204.)
 23. В очерке «Семинаристы-декламаторы» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Орлов... декламировал, например: «Как дело измены, как совесть тирана, осенила [осенняя] ночка темна». Его ампула были стихотворения с серьёзным содержанием». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 110.). Предположительно, Александр Орлов окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1906 г.
 24. Там же автор добавляет: «Сам он производил своей внешностью курьёзное впечатление: торопыга, вихристый, веснушчатый — он вызывал улыбку и аплодисменты ещё до начала декламации. Он пользовался неизменным успехом как обладатель несомненного таланта». (Там же. Л. 110–110 об.).
 25. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
 26. Топорков Николай Алексеевич (1892–1944) — сын священника Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1907 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1913 г. По данным А. Н. Шишёва, «в духовном училище проявил себя как организатор игр «в солдаты»: проводил с учениками строевые занятия, гимнастические упражнения, смотры, причём все участники являлись в погонах, имея на фуражках красные с кокардой околыши. Играли также в бабки, лапту, городки. Во всех массовых играх обычно верховодил он, и его помощниками были В. А. Архангельский и С. Топорков. В семинарии Н. Топорков увлекался танцами, а потом ученической сценой. Сначала организовал драматический кружок в своём классе, ставили «Недоросль» Фонвизина, «Женитьбу» Гоголя, водевили Чехова. Позднее он был одним из руководителей семинарского театра, вместе с В. Слюнковым и С. Ермолаевым, и режиссёром. Исполнял он преимущественно комические роли, а главными его ролями были Митрофанушка и Счастливец. Помимо училищного театра, он обучал семинаристов танцам, сам хорошо танцевал русского, на училищных вечерах был распорядителем танцев, был инициатором французской бороды среди соучеников, рекламировал японскую систему физкультуры и борьбы, увлекался цирком, театром, оперным и драматическим. По окончании семинарии Н. Топорков поступил учителем в деревню Саломатову бывшего Шадринского уезда. В 1916 г., чтобы избежать мобилизации в армию, пошёл в священники. Будучи в сане, уже при советской власти, организовал драматический кружок в селе, где служил. Потом он оставил сан и, переехав в Шадринск, поступил счётным работником в контору Гутана [Главное управление автотракторной промышленности. — Ред.]. Во всех коллективах, где ему приходилось работать, он создавал драматические кружки, неплохо выполнявшие разные пьесы. Женат был на учительнице Ольге Николаевне Колчиной. Умер в марте 1944 г. в Шадринске, сдало сердце». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1280. Л. 209–210).

27. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
28. То же.
29. Флёров Иван Александрович (1880–?) окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1900 г. Работал учителем в Ирбитском уезде.
30. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
31. В семейном фонде Богословских р-973 имеются воспоминания А. Н. Шишёва о подпольной библиотеке семинарии «Подполка» (1963 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 753, 754) и подпольном общеученическом журнале «Наши Думы» (1964 г.). (Там же. Д. 756).
32. В очерке «Полтора года моей жизни и работы в Перми» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор упоминает о В. С. Мухине в период 1914–1916 гг.: «Он же был помощником церковного старосты и звонарём». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 399. Л. 78). Мухин Владимир Степанович (1896–1971) окончил Пермскую духовную семинарию в 1916 г. Работал провизором в Перми.
33. В «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «В те отдалённые времена ([1]900-тые годы) не принято было так обслуживать табакуров, как сейчас, когда папиросы продаются в упаковке пачками с художественными картинками, как, например, нынешние «Казбек»: тут тебе и Кавказ, и всадник на коне, а покупали гильзы, скажем, «Катык», табак Кушнерёва и сами «натирали» табак в гильзы, и чтобы он не высыпался, затыкали ваткой. Но не всякому хотелось возиться с этим, когда недорого можно было купить папиросы готовыми». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 66–66 об.).
34. Там же: «Невысокого роста, скуластый, с бледным, прямо как бы деревянным лицом, холодным взглядом, он ничем не увлекался: ни чтением книг, ни театром, ни, наконец, «смаками» (барышнями), как это было у его товарищей. С какой-то обречённостью он занимался своим «ремеслом». (Там же. Л. 66 об.–67).
35. Там же: «У ящика его парты висел массивный замок. Он не старался запрятать своё место среди других парт, а, наоборот, садился за такую парту, к которой удобнее подходить покупателю. Никто его не избирал на это «дело»: он сам себя выбрал, самопроизвольно, как цыплёнок выходит из яйца: купил у него папиросы кто-то первый, сказал другому, а потом, шире-дале, потянулись и другие. Так «предприятие» и заработало, и работало все шесть лет, которые он учился в семинарии». (Там же. Л. 67–67 об.).
36. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора — «Сапожник».
37. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «У них был небольшой замкнутый и сильно законспирированный кружок «избранных». О деятельности его только

- просачивались иногда отрывочные и явно сильно преувеличенные сведения, которые передавались шепотом, вроде: «Ванька Максимов сегодня выиграл двадцать пять рублей». Речь шла, дай Бог, о какой-нибудь пятёрке или тройке, а молва увеличивала её до двадцати пяти. Он, Иван Яковлевич Максимов, считался лидером кружка, и пылкая фантазия семинаристов охотно придавала ему черты пушкинского Германа, увековеченного в опере «Пиковая дама» П. И. Чайковского. Да и сам он, вероятно, немного подражал оперному Герману, потому что волосы у него всегда были растрёпаны, как у Германа в момент появления его в игорном доме. Кружковцы играли на «интерес» в преферанс и вист где-то около чердака, пользуясь освещением церковными свечками. Эта игра их в стенах семинарии была ничем иным, как продолжением игры в домашних условиях за зелёным столом на вечерах в обществе их же родителей. Излишне было бы искать объяснения этому увлечению картами, задаваться вопросами: как, что, почему? Так повелось: играли деды, играли отцы, играли дети и, увы! — этим же грешит теперь и весь род людской, в том числе и наше нынешнее поколение. Деятельность кружка была так законспирирована, что за всё время существования семинарии не было случая, чтобы кто-либо был «исключён» из неё по «картёжному» делу». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 69 об.–70 об.). Максимов Иван Яковлевич (1886–?) — сын священника Камышловского уезда. Окончил Камышловское духовное училище в 1908 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1914 г.
38. В «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Чаще всего это были юноши в начальных классах, которые под влиянием домашних условий занимались выпивкой, ... забывали об особенных условиях бытия в стенах учебного заведения и становились жертвами своей неосмотрительности. Так было!» (Там же. Л. 69 об.).
39. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора — «Жрецы мамоны».
40. В очерке «Жрецы мамоны» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Смысл его суждения прост: не обременяй себя наукой в ущерб желудку. Митрофан новой формации. Слов нет, у семинаристов желудки не были лужёными, а созданы были из более деликатного материала. Об этом, прежде всего, знали те, на чьём попечении были юноши. В столовой под иконой висело расписание блюд на неделю — своеобразный манифест, в котором чего, чего только не было указано: разные супы с мясом, белыми грибами, солянка из осетровых голов; котлеты мясные, зразы, голубцы, котлеты рисовые со сладким подливом; разные каши, оладьи с вареньем и, наконец, сословное блюдо — кутя. Питали? Питали. Но ведь служители «мамоны» не тем выделяются из числа других, чем они питаются, а тем, как они относятся к питанию. ... После окончания семинарии мало кто из её питомцев вступал

на спокойную стезю их отцов, а шли, сознательно обрекая себя на годы лишений, в высшие учебные заведения, и это было свидетельством того, что служителями «мамоны» были, может быть, какие-либо единицы, а не вся масса, как это представлялось А. П. Миролюбову». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 71–72).

41. Из очерков «Черты семинарского быта» в «свердловской коллекции» воспоминаний, в «пермской коллекции» отсутствует. (Там же. Л. 72 об.–73).
42. Селиванов Вениамин Иванович — коллежский советник, фельдшер семинарской больницы с 1869 г., преподаватель гимнастики (до 1906 г.).
43. Из очерков «Черты семинарского быта» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» отсутствует. (Там же. Л. 73 об.–75).
44. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора — «Увлечение бальнеологией».

Обязанности семинаристов по выполнению религиозного культа*

Ежедневные обязанности: молитвы и песнопения в церкви перед уроками и перед сном, в классах — перед каждым уроком и по окончании его — молитвы; в столовой — перед едой и после неё.

Периодические обязанности: присутствие за богослужениями — всенощной и обедней по воскресеньям и во все праздники. Постование и говение на первой неделе великого поста и на страстной неделе. По средам и пятницам великого поста присутствие на литургиях «преждеосвящённых даров» за счёт сокращения уроков. В церкви семинаристы всегда стояли в рядах по указанию инспектора и под надзором его и его помощников.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 82–82 об.

Примечание:

*Из очерков «Черты семинарского быта» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» отсутствует.

Свободное планирование рабочего времени на уроках*

На уроки отводился час на каждый предмет, но на самом деле уроки продолжались по 45–50 минут: вошло в обычай, что учителя перед уроком 10 или 15 минут прогуливались по коридору, мотивируя это тем — дескать, надо дать ученикам время повторить урок. В середине же уроков — между вторым и третьим часом — после звонка на урок учителя приступали только к чаю и завтраку. Времена были патриархальные.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 81–81 об.

Примечание:

*Из очерков «Черты семинарского быта» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» отсутствует.

Семинарское вече

Событие это было чрезвычайное и уникальное. В течение одного учебного года, если не ошибаюсь — 1907–1908 (1), — в общежитии семинарии объявился и действовал «вор-воробей». То одна, то другая вещь пропадала — из верхней одежды, из обуви, часы и прочее, и несмотря на повышенную бдительность всего коллектива, вор был неуловим. Кого-кого только не подозревали в этом, подвергали усиленному за ним наблюдению — нет, вор был неуловим. Наступил последний день экзаменов в первом классе, на завтра ученики этого класса должны были покинуть общежитие. Двум семинаристам, жертвам вора, пришла в голову мысль устроить ловушку для вора с приманкой. Ночью они прикинулись спящими, положив карманные часы к одной койке на виду. И вот в полночь «рыбка клюнула»: воришка взял часы и, заметив, что его высле-

дили, обратился в бегство. Маршрут его был вдоль коридора III этажа, спуск на II этаж по западной лестнице и подъём на III этаж по центральной лестнице, а в конце — скрыться на кровати под одеялом. Он стремительно пробежал по этому маршруту и успел спрятаться под одеяло, но преследование было тоже по пятам... и вор, как говорится, был прижат к стене. Сердцебиение и испуг не удалось скрыть, а потом под тюфяком были обнаружены и часы. Наутро весть о поимке воришки разнеслась по семинарии, и объявлено было общее собрание семинаристов для разбора дела. И тут нашим глазам представился первоклассник, успевший благополучно сдать все экзамены и готовившийся в этот день поехать домой на каникулы. Он оказался сыном священника из Чердынского уезда, которому родители часто присылали деньги на мелкие расходы, но этого казалось ему мало, и он стал воровать. Медленно, шаг за шагом, он раскрывал картину своей деятельности за год. Оказалось, что им совершено было до десяти краж. На вопрос: куда он девал эти вещи, он сказал: часть уносил на толкучку, а часть сдавал в ломбард. Следствие проводилось без участия администрации, и вече постановило довести об этом до сведения инспектора. Семинарист был исключён из семинарии. Нужно сказать, что возмущение этим проступком было великое, особенно со стороны бесчестия, позора для семинарии, и поэтому и решение было принято суровое. Воровство было изжито.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 123–124.

Примечание:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора — 1903 или 1904 год. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 84).

Диспуты со старообрядцами (1)

Они устраивались в качестве наглядного пособия для изучающих «обличение раскола». Проводились они в комнате 6 класса. На большом столе

складывались большие книги — «Кормчая», творения отцов, ревнителей благочестия, и начиналось состязание. Популярностью среди наших миссионеров тогда пользовались о[тец] Стефан Луканин и о[тец] Василий Морозов. Первый был уже на склоне лет, а второй — молодой, 5–6 лет тому назад кончивший семинарию. Можно было заметить различный стиль ведения диспута у того и другого миссионера. Луканин больше старался влиять на чувство. Так, когда атмосфера состязания сильно накалялась, а это нередко бывало, он вдруг заявлял: «Давайте споём «Днесите благодать Святаго Духа нас собра», и напряжение в споре ослабевало. Этот приём явно был рассчитан на то, чтобы подействовать на психологию оппонента, склонить её на свою сторону. Морозов, наоборот, старался поражать противника своей речью, горячей, разящей, причём, нужно отдать ему справедливость, у него был несомненный ораторский талант и к тому же привлекательная манера речи. Противником выступал начётчик из Лысьвы. Он был средних лет, брюнет, одет по-мещански. Его выдвигала на диспут его община, из беспоповцев (2). Он, как видно, был достаточно натренирован из рамок обычного шаблона, как, впрочем, и весь диспут. Начинался диспут пением «Царю Небесный», а заканчивался пением «Достойно есть». Продолжался он три-четыре часа с перерывом. Речи диспутантов чередовались через 10–15 минут, причём порядок и время строго соблюдались. В конце диспута делались обращения слушателям — примкнуть к той или другой стороне. В условиях диспутов в семинарии это было, конечно, чистой формальностью. На нас эти диспуты производили скорее отрицательное, чем положительное впечатление, впечатление ненужности их, напрасно потраченного времени.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 125–126.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
2. Беспоповцы — одно из основных течений в старообрядчестве, главной особенностью вероучения является идея об уже совершившемся воцарении антихриста и связанное с этим представление о прервавшейся благодати священства и прекращении церковной иерархии.

«Казённики» и «полуказённики»*

В большую заслугу духовным учебным заведениям — семинариям, женским епархиальным училищам и духовным училищам — нужно поставить то, что они обеспечивали возможность учиться сиротам и детям родителей с недостаточным материальным обеспечением, какими чаще всего были псаломщики. В семинариях на полное казённое обеспечение принимались сироты и один из трёх одновременно обучающихся в каком-либо из других учебных дух[овных] заведений сыновей псаломщиков. При наличии двух обучающихся один мог пользоваться полуказённым обеспечением, а также при известных условиях из трёх одновременно обучающихся один пользовался полным казённым и один полуказённым обеспечением. В полное казённое обеспечение включались: одежда верхняя и нижняя, обувь, полотенца, носки, фуражки, шапки — полный комплект одежды, питание, общежитие. В полуказённое включалось обеспечение общежитием и питанием. Семинария заключала договора на пошив одежды с портным, с магазинами на поставку обуви, нижнего белья, полотенец.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 126–126 об.

Примечание:

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Вечернее время в общежитии (1)

Вечерние занятия в общежитии, или, как их короче называли, «занятные», были естественной формой организации учеников в интернате, предусмотренной уставом семинарии. Про «занятные» в семинарии можно сказать, что они имели свою диалектику, свои принципы и законы

организации. Если же продумать эти законы организации, то можно убедиться, что они имели **большое воспитательное значение**, о чём речь будет ниже.

Первый закон «занятных» состоял в ограничении передвижения по зданию. Звонок в пять часов вечера обозначал, что все должны разойтись по классам на подготовку уроков. В здании устанавливалась такая же тишина, как и в дневные часы занятий. Коридоры, лестницы и все комнаты, кроме классов, пустели. Обычно и из начальства в эти часы редко кто показывался на втором этаже, где расположены были классы. **Тишина и порядок**, так сказать, **вверялись самой массе учащихся**. Иногда, но очень редко, в коридоре на втором этаже появлялась величественная фигура ректора, который поднимался на второй этаж, очевидно, «подразмяться» от сидения в своём кабинете на первом этаже. В этом случае молниеносно по классам разносилось сообщение: «Ребята, в коридоре ректор», — и в классах наступала сугубая тишина. Иногда на площадке у церкви можно было заметить кого-либо из «зубрилок» ближайшего первого класса, уединившегося для заучивания уроков. Иногда по коридору промчится Яша, чтобы вызвать кого-либо к «отцу лектору», но общий тон тишины и спокойствия не нарушается до очередной перемены, которая наступала, примерно, через час. Правда, была ещё одна категория нарушителей тишины, но это были такие осторожные нарушители, что тишина от них, собственно говоря, и не страдала. Это были сами «страдальцы» «табакуры». Такие «страдальцы» робко выглядывали в коридор: нет ли кого из начальства, потом на цыпочках, оглядываясь по сторонам, «яко тать в нощи», устремлялись вдоль по коридору за угол, в боковой коридор, ведущий в туалет, одновременно являвшийся и курилкой.

Вторым законом «занятных» было **самоограничение и самодисциплина** семинаристов. В отличие от уроков с нами не было учителя: порядок в классе и тишина диктовались самой задачей «занятных» — необходимостью подготовить уроки на «завтра». В каждом классе, конечно, находились отдельные «особи», которые наплевательски смотрели на подготовку уроков, но не они устанавливали в этом случае порядки. Закон гласил: «соблюдай тишину, не мешай заниматься». Если нужно с кем-либо поговорить, «говори шёпотом»; если нужно перейти на другое место, «переходи без шума». Появлялись нарушители порядка — призывали их

прекращать мешать занятиям. В семинарии существовала ежемесячная оценка успеваемости. Обычно в течение одного урока преподаватель успевал проверить двух, редко трёх учеников. Таким образом, устанавливалась определённая очерёдность проверяемых; те из них, которые ещё не отвечали, должны были быть «начеку». Получалось так, что в классе всегда находились несколько человек, которым нужно было готовиться к ответу. Это были те лица, которым на «занятных» должна быть обеспечена возможность готовиться к урокам; это было самым убедительным аргументом для дисциплины на «занятных». В конечном счете, на этом **основывалось уважение к труду другого человека, и это безусловно воспитывалось на «занятных» не под воздействием** кого-либо извне, а путём **внутреннего** убеждения. В этом безусловная положительная сторона «занятных»: **воспитание самоконтроля, самодисциплины**. И нужно отдать справедливость: как правило, дисциплина на «занятных» была хорошей. Напряжённое состояние порядка и тишины сменялось на разговоры уже в конце «занятных» — за 15–20 минут перед ужином, когда воображаемый запах котлеты или каши-запеканки уже настраивал желудок на выделение сока.

Третьим законом «занятных», находящимся в противоречии с двумя первыми, **была свобода**. Свобода касалась распорядка занятий каждого отдельного семинариста. Даже в распределении подготовки к занятиям на «завтра» она выражалась в том, что каждый устанавливал свой порядок предметов для этого: один начинал, скажем, с библии, переходил на классический язык, а потом на словесность и историю; другой, наоборот, начинал с классического языка и заканчивал библией. Некоторые ставили на последнюю очередь классический язык только из тех соображений, чтобы воспользоваться уже трудами другого, т.е. списать. Этот грешок водился. Различные были и приёмы подготовки уроков: кто «зубрил», кто делал «записи». Находились любители чтения художественной литературы, которые большую часть «занятных» употребляли на чтение и только на другой день утром, перед занятиями, готовились к урокам; это те, кто стяжал себе славу «способных». «Зубрилки» не были в почёте (2). Были любители пения, которые часами переписывали ноты. **На «занятных» ученики приучались планировать своё время**. На них же готовились ответы на пятёрки, четвёрки, тройки, двойки, и **выявлялись различные характеры людей**: аккуратных, беспечных, дальновидных, недалёковидных. «Занятные»

и отношение к ним определяли дальнейшую судьбу того или другого семинариста. На них **воспитывалась воля — настойчивость или распушенность** кого-либо. Этим занятиям не меньше, а, может быть, даже больше уделялось внимание в системе обучения. **На них именно складывался характер того или иного семинариста**.

С течением времени нагрузка учебного материала на эти часы становилась меньше, например, в богословских классах, но **привычка к организации и дисциплине на этих часах сохранялась**. В этих классах на «занятных» можно наблюдать группы беседующих, но под строгим самоконтролем: **не мешай другим**.

С «занятными» у автора сего и его соучеников сохранилось много воспоминаний. Так, в памяти встают следующие события из прошлого.

1. Беседы с А. П. Миролюбовым, инспектором семинарии, о Ф. М. Достоевском.
2. Картина обыска полицией, который производился именно в «занятные» (3).
3. Беседа представителей городского духовенства во главе с соборным протоиереем Ал[ександром] Воскресенским перед забастовкой (4).
4. **Вручение петиции** А. П. Миролюбову перед забастовкой.
5. Занятия **кружка по математике** в четвёртом классе (5).

Как проводились перемены во время «занятных»?

Любимым развлечением семинаристов во время перемен на уроках и «занятных» были **гуляния по коридору** сплошной замкнутой цепочкой парами или тройками. Иногда во время последней большой перемены на «занятных», длившейся 20–30 минут, проводились **уроки танцев в зале**. Здесь **под пение** «Шуми, Марица» (болгарский гимн) танцевали па-де-кватр, а под другие песни па-д`эспань, вальс, польки и др[угие]. Иногда из классов неслись разные **песни**. Вечерние занятия в отличие от уроков всегда носили более интимный характер, поэтому **с ними больше связано воспоминаний, чем с уроками**, которые носили более официальный характер. **В эти именно часы завязывалась большая дружба между представителями разных классов**.

Заканчивалось вечернее время в общежитии традиционной молитвой в церкви, и последним исполняли тропарь Иоанну Богослову «Апостоле, Христу Богу возлюбленне» в композиции, которая вошла в употребление,

вероятно, со времени празднования столетия семинарии, представляющей торжественный хорал.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 127–130 об.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора — «Обязательные вечерние часы занятий».
2. В очерке «Обязательные вечерние часы занятий» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Поклонники зубрёжки старались уединиться куда-либо — на лестницу и площадку при ней, или в свободный зал. Кстати сказать, они были не в почёте и в том случае, когда они получали лучшие оценки за ответы, эти оценки в глазах других обесценивались с замечанием: «ну, это зубрёжкой взято». В почёте были «способные» ученики, те, кто получал высокие оценки, при наименьшей затрате труда». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 81).
3. Из очерка «Александр Павлович Миролюбов» в «свердловской коллекции» воспоминаний: «Брошюры революционного содержания ходили по рукам семинаристов. Кто-то из них имел неосторожность проболтаться одному из многочисленных шпионов, которыми наводнена была Пермь, об этом, и на семинарию был организован налёт полицейских с обыском. Налёт был организован во время вечерних занятий. Налётчики перерыли всё: гардеробы, парты, но ничего не нашли. В некоторых случаях при этом они попадали в смешное положение. Так, они перелистывали книги на греческом языке, держа их вниз головой, что давало повод к насмешкам над ними. Обыск, однако, показал, что удержать семинаристов от участия в революции уже невозможно». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 24 об.–25).
4. Там же: «Администрация семинарии прибегла ещё к одному экстраординарному средству, чтобы спасти положение: почти накануне готовящейся семинаристами забастовки в семинарию были приглашены наиболее авторитетные представители городского духовенства: настоятель кафедрального собора — протоиерей А. Воскресенский, человек с академическим образованием, и один из законоучителей в гимназиях — протоиерей П. Пономарёв. В часы вечерних занятий они ходили по классам и предостерегали от объявления забастовки, но было уже слишком поздно: вопрос об объявлении забастовки затрагивал уже престиж семинаристов, их солидарность

с другими, и после того, как в семинарию приехал для согласования действий делегат из вятской семинарии, жребий был брошен и объявлена забастовка».

(ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 25–25 об.). Предположительно, автор имел в виду Пономарёва Никанора Николаевича (1864–1932), протоиерея Рождество-Богородицкой церкви города Перми.

5. Подробнее о кружке по математике автор писал в очерке «Владимир Александрович Кандауров» (см. Часть I).

Экзамены (1)

Они начинались, примерно, числа 5–10 мая и заканчивались числа 5-го июня старого стиля (2). Расписание их, сроки проведения устанавливал инспектор, но допускалось вносить некоторые коррективы и со стороны семинаристов. Чаще всего это относилось к распределению времени для подготовки, на какой предмет отвести времени больше или меньше.

Никаких консультаций во время экзаменов не полагалось. Непременным законом было чередование выхода на экзамен с начала или с конца списка учеников, а именно: нечётные по порядку — 1, 3, 5, 7 и т.д. с начала, а чётные — 2, 4, 6 и т.д. с конца. В этом чередовании были главным образом заинтересованы первый и последний по списку, потому что для них оставались последние билеты (количество билетов соответствовало количеству учеников в классе) и они могли в течение 5–7 минут подготовить их. Экзаменационная комиссия обычно состояла из трёх человек, а оценка первоначально выражалась средним арифметическим числом (дробью), которое потом округлялось или в сторону повышения или понижения ($4\frac{1}{4} = 4$; $4\frac{3}{4} = 5$). Результатам на экзамене придавалось решающее значение. Так, бывали случаи, что кто-либо в течение года имел средние положительные оценки, а на экзамене получил три двойки, подлежал увольнению. Корректировать с годичными оценками можно было только в пределах высших оценок — 4 или 5, и то очень ограниченно.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 138–138 об.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
2. С 18–23 мая по 18 июня нового стиля.

Вечер «сказителя» былин (1)

*Посвящается П[авлу]
Ст[епановичу] Богословскому*

12 февраля 1903 г. вечерние занятия в Пермской духовной семинарии начались, как обычно, в пять часов вечера: бессменный семинарский швейцар Яша дал звонок, шумная толпа учеников разошлась по классам и принялась учить уроки. Всё происходило как по заведённому когда-то часовому механизму, но опытный взгляд мог уловить какое-то едва заметное отклонение от обычной нормы поведения семинаристов в **этих условиях** [в] этот вечер: вместо обычного в этом случае порядка занятий, основанного на непреложных требованиях самодисциплины, чувствовались некая неустойчивость дисциплины, выражавшаяся в повышенной нервозности учеников. Так обычно бывает, когда люди живут под впечатлением ожидания какого-либо важного события в их жизни, долженствующего вот-вот совершиться. Всем было известно, что оно, это событие, должно совершиться именно в этот день с семи часов вечера, и что к этому уже подготовлен обычно пустующий в вечерние часы актовый зал семинарии с художественно расписанным потолком с отрывком из евангелия Иоанна [Богослова].

В половине седьмого в коридоре второго этажа, где расположены были классы и зал, появились преподаватели семинарии, ректор и инспектор её. Среди преподавателей — старых и молодых — выдавался маститый старец великан, почти на голову выше других, в очках с золотой оправой, с

наглядко остриженной головой. Старец этот был грозой семинаристов для ряда их поколений, но они часто видели его перед уроками разгуливающим по коридору с другими преподавателями, часто с молодыми из них, причём он в отличие от своей обычной манеры держаться на уроках строго, неприступно, в обществе своих коллег был разговорчивым, шутил, смеялся, одним словом — был самым общительным человеком. И в этот вечер он был особенно оживлённым и чувствовал себя, можно сказать, имен[ин]ником.

В семь часов все собрались в зале и ждали виновника события, а старец стоял на посту для встречи его. Наконец, «он» появился, поздоровался за руку со старцем, галантно поклонился всем присутствующим и занял указанное ему старцем место за столиком.

Зал семинарии в этом случае напоминал тот вид, который имел в случаях организации семинарских вечеров с тем отличием, что на том месте, где во время вечеров ставился рояль и была площадка для выступления хора и солистов, теперь скромно стоял один столик со стулом, присутствующих было меньше, меньше было освещения и всё, включая внешний вид участников этого события, имело более скромный вид.

Теперь, когда предварительная организационная сторона события описана, надлежит осветить ряд вопросов, которые естественно возникают у читателя сего: а) что это было за событие, о котором идёт речь, б) какие были, как принято теперь говорить, «движущие силы» его, и в) какую роль это событие играло в семинарской жизни, какие преследовало задачи?

I. Это был вечер, посвящённый художественному чтению русских былин, и как таковой он был уникальным событием в более чем вековой истории семинарии. Это был один, правда, не из столь частых случаев, когда администрация семинарии по своей инициативе предоставила своим питомцам возможность в стенах училища и за счёт его бюджета получить эстетическое наслаждение от прослушивания художественного чтения русских былин.

II. а) Исполнитель художественного чтения былин в те времена представлял собою тоже уникальное явление, чем объясняется, что он привлёк к себе внимание семинарского начальства. Он гастролировал по России и давал концерты, которые при своей оригинальности интриговали

новизной, широко афишировались прессой и охотно посещались теми слоями русской интеллигенции, которая по уровню своего культурного развития способна была понимать и художественно воспринимать такие явления культуры, какими являются былины. Исполнителю их г[осподину] N (к сожалению, фамилия его утрачена памятью автора сего), было лет под пятьдесят и он больше походил на учёного, чем на артиста (2). Он являл собою тип того старого преподавателя русской литературы, о котором рассказывали, что он увлекался декламацией и даже при чтении оды Державина «Бог» слова «без лиц в трёх лицах божества» сопровождал так: сначала закрывал лицо обеими руками, что обозначало «без лиц», а потом раскрывал их, прикладывая веером к ушам, что обозначало — «в трёх лицах божества». Описываемый исполнитель былин, однако, не пользовался внешними приёмами выразительности, как это было, например, у исполнителей «рун» из «Калевалы», которые сопровождали исполнение особыми манипуляциями (3). Не пользовался он и музыкальным сопровождением, как это было у кобзарей (4). Его инструментом, если можно так выразиться, были только голосовые связки, аппарат речи, а искусство его сводилось к тому, что он при чтении придавал словам тонкие нюансы и модуляции своему голосу, которые в точности соответствовали народному строю речи, народному говору, народному речитативу в этом случае. Особенно это отличие народной речи в былинах отражено в концовках строк («добрых», «высоких» и т.п.) и в уменьшительных и ласкательных словах («орытай — оратаюшко» и т.п.). Словами трудно передать эту особенность народного склада речи: её можно уловить только слухом. Это так же, например, трудно передать, как рассказать об особенностях исполнения Ф. И. Шаляпиным русских песен, которые, кстати сказать, он исполнял без музыкального сопровождения, — «Эх, ты, Ваня» и «Не велят Маше за реченьку ходить». К сожалению, исполнение былин не было записано на грампластинках.

Помимо всего прочего автор сего затруднён в описании характера исполнения былин по двум причинам: во-первых, потому, что он тогда был очень молод (16 лет) и естественно не имел достаточных данных для полноценного восприятия художественного исполнения былин и, во-вторых, из-за давности этого события. Но одно осталось в его памяти несомненным, что исполнение было высоко эмоциональным и своевременным для

изучаемой им науки — теории словесности. Кстати сказать, исполнялись в большинстве же былины, которые изучались на уроках в семинарии.

б) Кто знаком был с Пермской духовной семинарией в описываемое время, тот легко может догадаться, вероятно, что маститым старцем, о котором шла речь выше, был преподаватель литературы — Валериан Александрович Фаминский. Да, его можно в этом случае назвать и «имен[ин]ником». Не известно, кому принадлежала инициатива организации этого вечера, но, во всяком случае, он именно, выражаясь на жаргоне настоящего времени, был одним из «болельщиков» этого события, одной из «движущих сил» его. Валериан Александрович, при всей его внешней грубости и сухости в отношении к своим ученикам, не был «бесстрастным» преподавателем, подобно, скажем, своему коллеге — преподавателю истории Алексею Ивановичу Добролюбову или тому же, хотя и более молодому, преподавателю библии Алексею Ивановичу Дергачёву. Его «объяснения урока», как называли ученики, выступления преподавателей, их речи при переходе к новой теме, были живыми и увлекательными, даже если шла речь о сугубо сухом материале, как, например, при изучении древней литературы во втором классе. «Он хорошо объяснял уроки» — так отзывались ученики об этой стороне педагогической деятельности В. А. Не был он «бесстрастным» и при оценке «учебных трудов» своих питомцев. Чего он не выносил, то небрежности и неаккуратности, как при устных ответах, так и особенно при выполнении письменных работ. Зато в тех случаях, когда он замечал при устном ответе или в сочинении честный труд ученика, он явно испытывал удовольствие, хвалил его: «Молодец, молодец!», а в сочинении благодарил его, особенно если вопрос касался излюбленной его темы. Такой темой у него, несомненно, были русские былины, что явилось содержанием описываемого вечера в семинарии. Спустя два-три года после описываемого события, в семинарии много разговора было по поводу сочинения ученика Павла Богословского, поныне здравствующего профессора Московского гос[ударственного] университета им[ени] М. В. Ломоносова — Павла Степановича Богословского — на тему о нравственных идеалах былин при оценке которого В. А. выразил автору благодарность русским «спасибо». Нет, конечно, в описываемом событии В. А. не был просто наблюдателем, а был организатором его, чему свидетельством являлось, между прочим, и то, что он именно встречал на вечере «сказителя» былин.

III. Вечер с чтением былин был на самом деле, как уже вскользь упомянуто выше, наглядной иллюстрацией к изучению одной из тем науки, известной под названием «теории словесности», которая проходила в первом классе семинарии, а именно к теме: «Русские былины». При этом изучение этой темы сводилось не к «разговорам» по поводу былин и их содержания, а они, былины — заучивались наизусть, все главные: «О Святогоре» (?), «О Микуле Селяниновиче», «О Соловье-разбойнике», «Об идолище поганом» и др[угие]. Вечер свидетельствовал о том, что не всё было в семинарии подчинено мертвечине, как иногда на это указывали некоторые её бытописатели. Нет, живой родник искусства пробивал себе дорогу и в семинарию, о чём ярко говорит описанное событие.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 153–159.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора — «Сказитель былин в семинарии», по содержанию очень короткий очерк.
2. Предположительно, Рябинин Иван Трофимович (1845–1910) — сказитель былин, гастролировавший по России.
3. «Калевала» — карело-финский поэтический эпос, состоящий из 50 рун (песен).
4. Кобзари — украинские народные певцы.

«Кантами» назывались у нас «душеспасительные» песни на моральные темы. Они, очевидно, были отголоском существовавших когда-то «духовных стихов» на темы о бренности жизни («Я в пустыню удаляюсь», «О матери-пустыне» и т.д.). Эти песни имели хождение у старообрядцев, а также в монастырях среди «инокующих» (1). Их существование и распространение оправдывалось, очевидно, естественным стремлением и желанием петь в таких условиях, когда «грешные песни земли» противопоказаны, а петь хочется — «душа требует». От «инокующих» они по знакомству переходили к находящимся «в миру», но душевно подготовленным к восприятию их содержания и мелодии. Автору сего приходилось встречать в жизни человека с таким складом души. Это был один из псаломщиков на его родине — в с[еле] Тече б[ывшего] Шадринского у[езда] Пермской губ[ернии] — Виктор Александрович Оранский, в исполнении которого он (автор) слушал «кант»: «С другом я вчера сидел». Виктор Александрович был человек не «от мира сего», так сказать «инокующий» «в миру», и в этом «канте» он «изливал» свою душу по «том мире», в который она должна отойти. Извечная платоновская идея о томлении и тоске человеческой души о своей «родине», прекрасно выраженная М. Ю. Лермонтовым в его стихотворении «Ангел»: «Звуков небес заменить не могли ей скучные (?) песни земли».

По инициативе б[ывшего] Пермского архиерея Петра, любителя «кантов», они были изданы литографированным способом в гармонизированном виде, в композиции для исполнения *trio*. Это издание «кантов» было распространено среди семинаристов, любителей пения. Автор сего имел случай видеть один экземпляр этих «кантов» и даже петь один из них, который начинался словами: «Когда угодно было Богу на свет родиться бедняком...» Этот «кант» в отличие от других пессимистического характера, наоборот, был с рефреном — «и никогда не унывай». Передавали, что «канты» эти гармонизированы были самим епископом Петром. Нужно, однако, заметить, что они, «канты», не имели широкого распространения среди семинаристов, где господствовал сборник Карасёва, а имели хождение только в узком кругу тех «сих малых», которые группировались около Николая Ивановича Знамировского и Тихона Петровича Андриевского.

В 1915 г. в семинарии объявился исполнитель «канта» под аккомпанемент некоего инструмента типа эстонского каннеля (ящик с натянутыми на нём струнами). Событие это было в истории семинарии не менее уникальным, чем появление «сказителя» былин. И едва ли не Николай Иванович Знамировский был «открывателем» этого «таланта» (2). Это был тогда юноша, а в настоящее время уже пенсионер — Владимир Козельский. Он исполнял — пел и аккомпанировал на своём инструменте (3) — «кант» о том, что слёзы «матери Божьей Марии» превращались в каменный горох. Рефреном в этом «канте» были слова: «только каменный горох». Появление этого юноши в семинарии с исполнением «канта» после того, как среди семинаристов выявился целый ряд певцов оперного типа, показалось каким-то анахронизмом и сенсацией, и поэтому с его личностью, как это обычно бывает в подобных случаях, было связано много выходов со стороны его товарищей, которые направлены были не то в сторону настоящего увлечения его талантом, не то в сторону шуток и насмешек над ним. Юноша производил впечатление «отрешённого от мира сего», выходца из «прошлого», человека примерно такого же склада, каким показан Ф. М. Достоевским Алёша Карамазов в романе «Братья Карамазовы». Было ли это на самом деле так, или это получалось только вследствие исключительной оригинальности этого юноши, его оригинального таланта, который поразил его товарищей и побудил их фантазию работать в том направлении, в каком она рисовала его отрешённым от «мира сего», об этом трудно судить. Но когда он исполнял свой «кант» голосом, полным искренности и с позой певца, в какой изображались на картинах исполнители «духовных стихов» разные «калеки переходящие», то фантазия переносила слушателей в тот отдалённый мир этих ходячих «артистов», а он казался выходцем из их среды, правда модернизированным уже и с более сложной психической организацией, чем эти последние. Он часто пел, и его часто просили петь! Хотелось бы знать, помнит ли этот бывший юноша о том, как он был однажды приглашён в комнату, что внизу направо от входа в семинарский главный корпус, и здесь он пел свой «кант» в присутствии автора сего, его жены и их гостя и родственника — соборного протоиерея Ивана Алексеевича Никитина? А ещё более интересным было бы узнать, как этот момент в его жизни связался в дальнейшем с его последующей жизнью и преломился в его психике.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 159–162.

Примечания:

1. «Инокующий» — инок, иночествующий; древнерусское название монаха.
2. В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Куда только не водил его на показ Николай Иванович, в «училище благочестия», на вечера, показывал даже самому владыке Андронику и тот похвалил музыканта». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 115).
3. Автор имеет в виду цимбалы — струнный ударный музыкальный инструмент.

В бане (1)

Ещё путешественники-иностранцы, например, Олеарий (2) в своих заметках о русских людях отмечали, что русские люди любят мыться в банях. В наши времена сохранился любопытный рассказ о том, как Ф. И. Шаляпин по пути в Египет для ознакомления с пирамидами прохладился в турецкой бане в Константинополе и задержал на 15 минут пароход, с которым он должен был отплыть в Каир. Что говорить, любят русские люди баню и называют её любовно банькой. Что в семинарии умели ценить и ценили баню, об этом свидетельствовало то, что был к этому делу, к подготовке бани поставлен человек — Кондратий. Он так и назывался «банщик». Годами сидел он, как говорят, на этом деле и знал, как надо угодить «господам».

В настоящее время семинарская баня является уже археологическим памятником — единственным зданием, которое не претерпело изменения и сохранилось от «тех времён!» В прежние времена это здание казалось довольно солидным по величине, а теперь, в окружении четырёхэтажных зданий, его с трудом можно заметить. Баня составляла тогда только часть здания и расположена была в нижнем этаже его, а на втором этаже были квартиры сторожей и столярная мастерская. Баня разделялась на две подбани: большая из них — общего пользования, а меньшая — для «господ». В раздевалке бани стояли скамейки, на которые и складывалась вся «амуниция» клиентов её. Никаких шкафов для белья не было, и весь надзор за

одеждой и чистотой вверялся «самой бане». Кстати сказать, пропажи белья или вообще чего-либо неблагоприятного не случалось. На столике стоял таз с кусочками мыла и лежали вехотки. Грязное бельё складывалось в кучку. Пропускная способность бани была рассчитана, примерно, на двадцать человек в раз, включая и площадь парильни. На это же количество рассчитаны были и тазы. «Пупом», т.е. центром внимания любителей баньки, была парильня. Баня не имела водопровода, и в дни её работы Воронко и Сивко (3) то и дело подвозили бочки с водой, благо водоразборная будка была через дорогу. Ворота около бани в такие дни были целый день настезь. Любопытно было в такие дни наблюдать за Кондратием. Он весь горел желанием «угостить банькой», услужить. На лице его было можно прочесть затаённую мысль с вопросом: «Ну, как банька? Довольны ли вы?» Он был весь в движении, командовал водовозами и постоянно заглядывал в раздевалку: всё ли в порядке.

Баня находилась вблизи кухни, и чтобы попасть в неё из спальни, нужно было совершить длинное путешествие через весь главный корпус, по коридорам, связывающим его со столовой, буфетом и кухней, спуститься из кухни во двор и через интервал в три-четыре сажени вступить в баню. Всё это шествие напоминало прохождение через «чистилище», прежде чем попадешь в «рай». Однако такое положение бани имело и положительные стороны, а именно: во-первых, можно было проходить в неё без верхней одежды и, во-вторых, сейчас же после обмывания, по пути, можно было «побаловаться чайком», так сказать, пережить два удовольствия «для души».

Баня готовилась по декадам. Известие о её подготовленности передавалось из уст в уста. «Священнодействие» начиналось с 5–6 часов утра до 9 ч[асов], т.е. до уроков, продолжалось с 2 ч[асов] до 5 ч[асов], т.е. до «занятных», и завершалось с 9 ч[асов] до 11 ч[асов] вечера. Как-то сам собой установился порядок, что очередей не получалось.

Теперь надлежит разрешить вопрос: чем же баня являлась для семинарской братвы? Вопрос странный, но если вникнуть в него, закономерный, по крайней мере, по отношению к известной группе семинаристов. Были такие любители бани, которые дважды на день ходили попариться: и утром, и вечером, т.е. очевидно, не только для тела, но и «для души». Психологию таких людей очень хорошо изучил Кондратий, и для них у него в запасе был кувшин с квасом, чтобы пар был ароматный. Это уж, конечно,

«для души». Как не сказать по этому случаю: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Был ли особый медицинский контроль в бане, ну хотя бы, например, по части кожных болезней? Нет! Бывали ли случаи кожных заболеваний среди семинаристов? Не часто наблюдались случаи чесотки. Такие больные изолировались в больнице. Так что «на Шипке было всё спокойно».

Как правило, спальное бельё — простыни, наволочки — менялись в банные дни. Бельё семинаристов поступало из стирки перед баней. У каждого семинариста на бельё значился номерок, по которому оно и раскладывалось в гардеробной. Стирка белья была организована неплохо: даже крахмальное бельё — воротнички, манишки — всегда сдавались в приличном виде. Со временем вопрос о спальном белье и личном белье семинаристов — его стирка и распределение после неё — был усовершенствован учреждением должности кастелянши, получившей среди сторожей название «костылянша».

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 163–165 об.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует, информация включена в очерк «Кондратий».
2. Олеарий Адам (1599–1671) — немецкий путешественник, географ, ориенталист, историк, математик и физик. В 1636–1639 гг. был в России и Персии. Автор книги «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию».
3. Клички лошадей.

Каникулярное время в общежитии (1)

20-е декабря — день отъезда семинаристов на рождественские каникулы. Вся жизнь в этот день была сосредоточена в гардеробной, где укладывались вещи в чемоданы, и в прихожей, через которую отъезжающие

один за другим выходили из главного корпуса семинарии. Два человека из обслуживающего персонала особенно возбуждены были в суматохе в это время: сторож гардеробной, из-под охраны которого уходили вещи, и наш швейцар Яша, провожавший отъезжающих и, по обычаю, напутствовавший их добрыми пожеланиями. Необычная картина в этот день была у парадной двери семинарии: то и дело подъезжали свободные экипажи — пары и тройками — вбирали в себя пассажиров и стремительно отправлялись в разных направлениях. Их сменяли извозчичьи экипажи, в которых садились по два-три человека, и рысаки мчали их на вокзал. По железной дороге в основном отправлялись зауральцы: камышловцы и екатеринбуржцы. Их обычно набиралось такое количество, что они заказывали для себя отдельный вагон до Екатеринбурга, и управление жел[езной] дороги охотно удовлетворяло их просьбу.

Закрылась дверь за последним отъезжающим, и семинария погрузилась в тишину и безлюдье. Только небольшая группа в десять-пятнадцать семинаристов оставалась в общежитии. Кто они? Большую часть из них составляли зауральцы, те, для кого поездка домой на три недели составляла материальные затруднения, да ещё те из жителей Прикамья, для которых поездка связана была с водным путём.

Какие перемены в жизни в общежитии испытывали оставшиеся в нём на рождественские каникулы? Прежде всего, заметно ощущалась разрядка нервной системы. Вероятно, так себя чувствовали люди, которых захватил шторм на море или на большой реке, после перехода на штиль. Одно освобождение от ежедневной власти звонка, власти, по часам регулирующей жизнь, переживалось так, как бы снял с себя ношу и присел отдохнуть. Вместо двадцати звонков оставались только звонки на обед и ужин. И странное дело: привычка жить по звонку так въедалась в быт, что на первых порах чувствуешь себя как бы лишённым ориентира. Второе, что испытывалось в изменившейся обстановке, это то, что **как бы всё стало интимное**: интимнее отношения начальства к оставшимся и отношения последних к начальству и ко всем другим, с кем приходится соприкасаться: к Яше, Кириллу Михайловичу и т.д. Из внешних перемен, прежде всего, бросалась в глаза пустота в классах, коридорах и особенно в столовой, где раньше заполнялись 12–15 длинных столов, а теперь оставался только один, за который садились люди из разных классов. Это обстоятельство

позволяло вступать в **знакомство с теми** семинаристами, с которыми **раньше не было** повода знакомиться. Какое богатство свободного времени теперь было у оставшихся! Сколько времени для прогулок на воздух, для посещения **музея, театра, читальни, библиотеки!** Необычным было присутствие на богослужении не в рядах, а на **положении свободном**. Одно чувствовалось как недостаток: нет хора. Зато у оставшихся обнаруживались **скрытые таланты**: находились певцы и составлялся так называемый «левый» хор. Предоставлялась большая возможность слушать хоры в других церквях.

Было во время одних каникул два вечера, можно сказать, семейного характера: один в епархиальном училище, где тоже оставалось небольшое количество учениц, а другой — в семинарии. Обменялись вечерами, причём вечера были с угощением, что и делало их похожими на семейные. Наш Кирилл Михайлович не ударил лицом в грязь: были чудесные мясные пирожки и что-то вроде коржиков. В таком виде, в общих чертах, протекала жизнь в рождественские каникулы у семинаристов, оставшихся на них в общежитии.

Иначе, а именно значительно разнообразнее и богаче впечатлениями, была жизнь оставшихся на пасхальные каникулы. Михаил Васильевич Попов как-то ухитрился сохранять на пасхальные каникулы хор, и это в основном всё определяло содержание этих каникул. Две недели сплошного торжества церковной музыки, величия религиозных песнопений — вот в сущности всё то, что на этих каникулах было главным. Страстная седмица — это сплошное торжество песнопений протоиерея Турчанинова (2). Его «Чертог», «Вечера Твоего тайныя», «Тебе одеющегося» — бессмертные шедевры священных песнопений. Вся страстная седмица представляет постепенное нарастание чувств, высшим средоточием которых является Великое стояние в четверг и всенощная в страстную пятницу.

Во время этой недели шла усиленная подготовка пасхальных украшений. Коридор, соединяющий главный корпус со столовой, полон пихтовых ветвей. Разложены конструкции, в стенки которых вплетаются пихтовые ветви. Из этих конструкций будет построена потом ниша перед входом в церковь и на площадке у церкви будет устроен фонтан. Готовятся гирлянды из пихтовых ветвей, которыми будут украшены стены коридора. Готовятся гирлянды из искусственных цветов, которыми будут украшены иконостас

и отдельные иконы. Готовятся фонарики из цветной бумаги, которые будут развешаны по стенам в коридоре с горящими в них свечами.

Хор усиленно готовится к Пасхе. Спевки чередуются с очередными богослужениями. Все безотказно заняты на подготовке к Пасхе. Так проходит первая неделя каникул.

Природа между тем уже оживает. В семинарском саду и в сквериках сошёл снег. Бегут ручьи. На пригорках начинает подсыхать.

Особые заботы у Кирилла Михайловича.

И вот наступает Пасха. Поток новых песнопений, величественных, торжественных, утверждающих величие бессмертия. Все украшения в полной красоте и блеске ласкают взор. В слове Иоанна Златоуста все верующие приглашаются на «пир веры». Утверждается победа над смертью. «Христос воскрес!» и ответное слышится повсюду: «Воистину воскрес!» ... Но дух Ивана Карамазова коснулся некоторых душ юношей-семинаристов. Один из них уже отказывался причащаться на страстной неделе под предлогом, что он не хочет быть кровопийцей, принимая при причащении тело и кровь Христовы. Были трое юношей, которые святотатствовали в страстную седмицу: покушали колбасы.

Влияние шло и из преподавательской среды. Когда семинаристы по установившемуся обычаю после пасхальных каникул однажды приветствовали одного из молодых своих преподавателей словами: «Христос воскрес!» — он ответил: «Разве?»

Так именно во время пасхальных каникул в душе некоторых семинаристов скрестились в борьбе вера и неверие. Как разрешилась эта борьба в дальнейшем, это — тайна их душ.

Чем бесспорно хороши были каникулы в общежитии, то это тем, что ученическая библиотека безотказно снабжала оставшихся в общежитии на каникулы книгами — **читай волю!** В театр можно было ходить сколько угодно. Одно было непонятно: почему среди семинаристов не развит был спорт, например бегание на коньках, а это так было бы хорошо на время каникул. Что касается **бытового обслуживания во время каникул, то оно было хорошим**, особенно на Пасхе, с этой стороны мы должны быть благодарны **нашей семинарии**: она **была для нас настоящая *alma mater***.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 166–169 об.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
2. Турчанинов Пётр Иванович (1779–1856) — протоиерей, русский духовный композитор, гармонизатор древнерусских церковных напевов.

В театре (1)

У семинаристов было своё, особенное отношение к театру. Трудно определить его одним словом, можно лишь описать его. Иногда это отношение передавалось по традиции до того момента, когда кому-либо удавалось самому познакомиться с театром и артистами. Так, автор сего задолго до знакомства с пермским театром в натуре со слов своего старшего брата уже заочно кое-что знал или, вернее сказать, слышал о нём (2). Он знал, например, о том, что в пермской опере одно время пел **знаменитый баритон Круглов**. Знал о том, что он особенно хорош был в «Демоне» (3). Знал даже такую деталь о нём, что он одевался по-простонародному — носил шаровары и косоворотку. Знал, наконец, о том, что он рано умер и что весь город провожал его в последний путь. Ему были известны некоторые музыкальные отрывки из опер, например: «Дуэт Лизы и Полины», «В старину живали люди», «Близко города Славянска», «Мой миленький дружок» и др[угие]. Рассказы о театре, опере, артистах — всё это со слов других преподавалось в романтическом духе и создавало в душе у слушателя какое-то благоговейное отношение к этому очагу культуры. Поэтому при первом же знакомстве с городом одним из первых желаний было узнать, где театр и каков он из себя. После этого легко можно представить, с каким настроением юноша-семинарист отправлялся в первый раз в театр, каковы были его первые впечатления. Здесь всё возбуждало и питало его романтическое воображение (4). **Особенно сильное впечатление у него оставалось от оперы**, потому что пение было той стихией, с которой ему приходилось иметь дело с детских лет. В этом именно пункте — в искусстве пения — у него, у семинариста, было специфически семинарское впечатление, какое не могло быть, например, у гимназиста. Вот почему **семинаристы были**

особенными поклонниками и ценителями оперы. Вот почему семинарский хор исполнял на своих вечерах оперные хоровые вещи, как, например, «Ноченьку» из «Демона» Рубинштейна, «Как во горнице-светлице» из «Русалки» Даргомыжского, «Хор жрецов» из оперы «Аида» Верди и др[угие]. В семинарии в разные периоды её существования всегда находились певцы, которые отдавали дань оперным ариям. Известно, например, что в своё время наш уважаемый врач и педагог П. Н. Серебренников исполнял на вечере арию Валентина из «Фауста» Гуно, а в первом десятилетии текущего века в семинарии была целая **плеяда певцов**, как-то: Шестаков Пётр (5), Чирков [Аркадий], Иваницкий [Пётр], Свешников [Александр] (6) и др[угие], которые на вечерах в семинарии и в других уч[ебных] заведениях показали высокий класс исполнения оперных вещей. В большом почёте у семинаристов был сборник песен Карасёва, из которого они часто пели хор паломников «Во Иордан-реке мы от грехов омылись», «Ах ты, сердце», «Не проснётся птичка утром» и др[угие] хоровые вещи из опер. Такие хоровые песни, как «Гой ты, Днепр» из «Аскольдовой могилы» Верстовского, «В бурю, во грозу» из оп[еры] Глинки «Иван Сусанин» (7), «Славься», «Разгулялися, разливалися» были любимыми в репертуаре сельской интеллигенции, в основном состоящей из семинаристов. Наши отцы с азартом пели «В старину живали деды» и «Заходили чарочки по столику» из «Аскольдовой могилы». Отцы и дети часто вспоминали при встрече оперу: одни о своём прошлом увлечении, другие — о новых операх, но для них и других Глинка (8), Даргомыжский (9), Рубинштейн (10) были любимыми композиторами.

В период нашего обучения в семинарии (1902–1909 гг.) мы видели в театре много опер, в числе их были: «Аскольдова могила», «Руслан и Людмила», «Иван Сусанин», «Русалка», «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Садко», «Севильский цирюльник», «Галька», «Фрадиаволо», «Вертер», «Фауст», «Миньон», «Тане» и др[угие].

Излишне говорить о том, что любимыми были оперы П. И. Чайковского. В течение нескольких лет (11) в Перми работали оперные труппы под антрепризой А. А. Левицкого. В окнах магазинов на Сибирской улице всегда во время сезонов выставлялись фотоснимки с оперных певцов в различных ролях. В каждом сезоне были у семинаристов свои кумиры. Большими поклонниками семинаристов были теноры, особенно лирические. Так, на славе были лирические тенора: Хлюстин, Саянов, Комис-

саржевский. Большой популярностью пользовался в Перми драматический тенор — Борисенко, коронной вещью которого была партия Элезара из оп[еры] «Дочь кардинала» Галеви (12). Из оперных певиц были на славе: Девос-Соболева, Позднякова, Калиновская, Осипова и др[угие], из них первая вышла замуж за пермского инженера Соболева (13). Приходилось семинаристам быть иногда свидетелями трагедии своих любимых певцов — потери ими голоса. Так, через два сезона в пермской опере вновь появилась артистка Позднякова, которая пользовалась раньше неизменным успехом. Все поклонники её таланта приготовились к восторженной встрече, и увы! Они были полностью разочарованы: певица уже потеряла голос. То же было с тенором Саяновым. В одном сезоне он был в труппе оперных певцов в Казани. Пермьки подготовились по-прежнему встретить своего любимого певца, но увы! Он уже был без голоса и после первого дебюта больше не появлялся на сцене. *Sic transit gloria mundi!* (14). Своим любимым певцам семинаристы иногда приписывали разные небылицы. Так, из года в год передавали, будто бы те или другие артисты пели в церкви женской гимназии «Разбойника [благоразумного]» Воротникова (15). На поверку же оказывалось, что это было только вымыслом (16).

В течение нескольких лет в Перми опера чередовалась с драмой, а именно: с осени была опера в Перми, а в Екатеринбурге — драма, а потом они менялись, и драма переезжала в Пермь. Семинаристы отдавали должную дань и драме, и здесь были любимые артисты: Шорштейн, Хохлов, Пинский, Тинский, Плотников; артистки: Попова, Велизарий и в одном сезоне была молодая девушка Лола, кумир наших меломанов. В театре шли пьесы А. Н. Островского, Л. Н. Толстого «Власть тьмы», [А. М.] Горького «На дне», [Л. Н.] Андреева «Анатэма», [М.] Метерлинка «Синяя птица» (17), [А. П.] Чехова «Вишнёвый сад», «Дядя Ваня». Много шума наделала пьеса [В. В.] Протопопова «Чёрные вороны», в которой были выведены иоанниты, поклонники Иоанна Кронштадтского (18). Одно время в моде была пьеса «Шантеклёр» [Э.] Ростана.

Семинаристы принимали участие в театральной жизни. Так, когда были чествования артистов — бенефисы, то подносили адреса. Поклонники участвовали в проводах артистов. Как курьёз нужно отметить и то, что были и такие поклонники театра, которые принимали участие в постановках в качестве статистов.

Знакомство с театром у некоторых семинаристов начиналось с посещения верхнего яруса — «райка» или «парадиза» (19), переходило со времени ознакомления с устройством театра в проникновение в ложи через «пяташника» (капельдинера) (20). Позднее семинаристы обычно покупали ложу на целую группу (21). В театре семинаристы были представлены своему собственному надзору, и не было случая, чтобы поступила на их поведение в театре какая-либо претензия. Бывали случаи, что из семинарской ложи неслись слишком громкие аплодисменты и вызовы, но это было в порядке вещей. Бывало иногда так, что братва заранее уговаривалась так: «Давайте, ребята, сегодня вызывать Попова», — и ложа содрогалась от возгласов: «Попова, Попова!»

У семинаристов была библиотека с либретто опер, которая по наследству передавалась «от поколения к поколению».

Любопытно, что один из меломанов-семинаристов — **Павлинов Серга** в наши времена после окончания семинарии **был театральным репортёром** и выступал на страницах «Пермских Ведомостей» с обзорами театральных постановок.

Когда в 1904 г. был вечер, посвящённый А. П. Чехову, в театре выступали с речами представители от различных школ города. От семинарии **речь держал** Александр Ильич Анисимов.

Как относилось семинарское начальство к посещению семинаристами театра? Это отношение определялось тезисом: «в театре вместе с молоком юноши могут проглотить и что-либо ядовитое», но ... препятствие и запрещение может повлечь ещё худшие результаты, *ergo*... **Начальство препятствий не чинило, а в некотором отношении даже шло навстречу.** Так, в изъятие порядка, **уходящим в театр отпускались обеды и ужины досрочно.** Был момент, когда можно было бы наложить на посещение театра veto. Это когда шла пьеса «Чёрные вороны», но времена были тогда такие, что для veto у начальства уже не было силы.

Итак, какую же роль играл театр в жизни семинаристов, и какие отношения у них были к театру?

Театр по существу был для семинаристов отдушиной от их замкнутой жизни. Через него, как через окно, они шире смотрели на окружающий мир. Театр, несомненно, помогал им освободиться от некоторых чисто бурсацких черт, которые появлялись и развивались у них от замкнутой

общежитской жизни. Особенная **заслуга оперы заключалась в том,** что она раскрывала **такое богатство** музыки, которое для питомцев семинарии, природных певцов и любителей пения, было услодой на всю жизнь. Театр был светочем для семинаристов-юношей, с ним были связаны лучшие воспоминания юношеских лет (22).

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 170–174 об.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
2. Из очерка «Старая Пермь (глазами семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Театр был гордостью пермяков и по заслугам: мало было у нас тогда больших городов, которые имели бы такое здание театра. В Екатеринбурге, например, который был центром промышленного Урала, такого театра не было до 1912 г.» (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 16 об.–17 об.).
3. Из очерка «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Любопытно, что к опере «Демон» было какое-то особенное отношение, как бы в её содержании находили что-то созвучное для себя, что-то из психологии «мировой скорби». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 25).
4. Из очерка «Старая Пермь (глазами семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «При замкнутой жизни в интернате, в атмосфере схоластической науки, посещение театра для нас было настоящей отдушиной и откровением какого-то чудесного мира». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 17 об.).
5. Шестаков Пётр Евгеньевич (1890–?) — сын священника Пермского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1912 г.
6. Свешников Александр — обучался в Екатеринбургском духовном училище и Пермской духовной семинарии (в опубликованных списках учащихся не значится).
7. В описываемые автором годы опера называлась «Жизнь за царя».
8. Глинка Михаил Иванович (1804–1857) — русский композитор.
9. Даргомыжский Александр Сергеевич (1813–1869) — русский композитор.
10. Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) — русский композитор, пианист, дирижёр, музыкальный педагог.
11. В «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: после окончания Русско-японской войны в течение двух или трёх сезонов. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 26 об.).

12. Опера французского композитора Фромантала Галеви (1799–1862). В описываемые автором годы опера называлась «Жидовка».
13. Из очерка «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «...и таким образом, навсегда осела в Перми и увы! — потом покинула сцену. В 1914–1915 уч[ебном] году я имел честь обучать её сына Соболева латинскому языку в гимназии Циммерман. Я не могу похвалиться удовольствием заниматься с её сыном». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 22).
14. Там же: «Так, в Пермь приехал с концертом знаменитый тенор, солист его императорского величества Н. Н. Фигнер. Развешаны были по городу афиши, на которых его фамилия отпечатана была громаднейшими буквами. Все, кто слышал знаменитого певца раньше, собрались на концерте, но когда он запел романс М. М. Глинки «Северная звезда», все увидели, услышали, что их прежний кумир безголовый. Передавали, что великого Шаляпина однажды освистали в Париже. Так, прежние рабы своего «кумира» жестоко мстили ему за своё бывшее и миновавшее «рабство» — такова логика увлечения меломанами своим «кумиром» и разочарования им. Мы не освистывали своих «жертв, но горечь разочарования всегда была мучительной». (Там же. Л. 24).
15. Воротников Павел Максимович (1810–1876) — русский композитор.
16. Там же: «С каждой оперой связывалось имя какого-то кумира. Так, Ленский — это значит Хлюстин, Онегин — Томский, Дон Базилио — Квашенко, Элиазар — Борисенко, Монтек — Саянов, Татьяна — Позднякова». (Там же. Л. 25).
17. Метерлинк Морис (1862–1949) — бельгийский писатель, драматург и философ. Философская пьеса-притча «Синяя птица» посвящена вечному поиску человеком непреходящего символа счастья и познания бытия — Синей птицы.
18. Иоанниты — псевдоправославная секта, образовавшаяся среди наиболее неистовых поклонников протоиерея Иоанна Кронштадтского, видевших в нём новое воплощение Христа. Согласно официальной точке зрения Русской православной церкви — одно из течений в хлыстовстве, именовавшееся хлыстами-киселёвцами.
19. Из очерка «Старая Пермь (глазами семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «...где за пятак, стоя в плотной толпе, можно было слушать любую оперу». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 18 об.). Из очерка «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...»: «В раю было тесно, шумно и просто неприятно, потому что возникали споры, вздоры и разные «выражения». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 21).
20. Из очерка «Старая Пермь (глазами семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Сии мужи, блюстители порядка, когда им показывали

- пятак, охотно пропускали в те ложи, где были свободные места». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 18 об.). Из очерка «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...»: «Делалось это очень просто: покажешь ему пятак, он подмигнёт — что, дескать «понял», а когда зрительный зал погружался в темноту, возьмёт и толкнёт в какую-либо ложу. Мы называли своих «благодетелей» вместо высокопарного «капельдинер» прозаичнее — «пяташник». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 21).
21. Из очерка «Старая Пермь (глазами семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «...и поскольку позволял объём её, «набивались» в неё, чередуясь сиденьями». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 18 об.). Из очерка «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...»: «Когда мы возмужали уже настолько, что стали у нас пробиваться усы, а головы наши украсились «ерошками» и «шевелюрами», нам пользоваться услугами «пяташников» было зазорно, и мы стали арендовать ложи». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 21–22).
22. В семейном фонде Богословских р-973 хранятся «Воспоминания А. Н. Шишёва о семинарском театре с фотографией автора» (январь 1960 г.), составленные по инициативе И. С. Богословского, отражают 1910–1912 гг. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 757, 758).

О семинарском хоре и семинаристах-певцах

/Страница из воспоминаний/ (1)

Восьмидесятилетняя старушка, живущая в нашем домике, из тех, кого прежде называли мещанами, узнавши, что я когда-то учился в Пермской дух[овной] семинарии, показала мне фотоснимок с этой семинарии, который она, как видно, бережно хранила. На мой, признаюсь, недоумённый вопрос о том, чем дорог ей оказался этот снимок, и какая вообще может быть связь между ней и когда-то существовавшей семинарией, старушка лаконически ответила: «Семинаристы хорошо пели». Оказалось, что она, эта в настоящее время глубокая старушка, в свои юные годы слушала этот хор в семинарской церкви. Если бы спросить эту старушку, чем именно понравился ей этот хор, что в нём с её точки зрения было особенно привлекательным, то едва ли она сумела бы на это ответить полно и

обстоятельно: её восприятие или, по-учёному выражаясь, эмоции были несложными, хорошо и всё, без анализа того, что воспринималось чувством как хорошее, приятное.

Но вот другое суждение об этом же хоре, другая его оценка. Один человек, безусловно, компетентный в области хорового пения *acapella* и имеющий вкус в этом деле, так отзывался об этом хоре: «Закройте мне глаза, и пусть несколько хоров исполнят мне свои номера, я безошибочно выделю из них наш семинарский хор». В этом отзыве вышеуказанного человека мы находим две стороны его отзыва: а) признание достоинства хора, и б) указание на его какие-то специфические особенности. Но тот и другой отзыв совпадают в том, что этот хор пользовался широкой известностью, был, как говорят, на славе. Слава эта не ограничивалась только пределами города Перми, а широко распространялась по всей губернии, по всем тем уголкам, где были кончившие семинарию или вообще когда-то учившиеся в ней, а может быть, и бывшие участниками этого хора. Помню, мы ещё готовились только поступать в семинарию, но уже знали об этом хоре от своих братьев и то, что было особенно хорошо когда-либо исполнено хором, и то, какие особенно популярные были певцы хора. А что было с теми певцами хора, которые появлялись где-либо в глухой провинции: их окружали всяким вниманием, почётом, буквально изводили просьбами петь, петь без конца. Когда мой брат (2) учился в пятом классе семинарии (примерно в 1898–1899 гг.), к нему летом приехали четыре товарища-семинариста, все певцы, по характеру голосов составлявшие ансамбль для исполнения трио и квартетов: тут был бас (Владимир Присадский), первый тенор (Александр Смирнов), второй тенор (Александр Горбунов) и второй тенор, близкий к баритону (Павел Ионин) (3). Боже мой, что только было с этими певцами: их нарасхват приглашали то туда, то сюда; был специально организован концерт с их участием; публика, где только встречала их, неистово кричала, чтобы они спели: «Закувала та сыза зозуля» (4) и особенно ту часть песни, которая начинается словами: «Гей, як зачулы...» И с этого момента, т.е. со времени приезда этих семинаристов в наше глухое село, «Гей, як зачулы» не переставало звучать и на вечерах, и на пикниках, везде, где только собирались любители пения. Потом так и отмечалось, что эта песня была внесена в репертуар наших сельских песенников пермскими семинаристами, или, как их кратко называли, «пермяками». А вот песня

«Ты причаль, моя рыбочка» была уже позаимствована от тобольских семинаристов («тоболяков»).

Популярность хора семинаристов в основном, если не сказать — исключительно относилась к нему как к церковному хору. В этом именно отношении были поклонниками его и те, о которых была речь в начале этой статьи, и вообще многочисленные любители пения города Перми и многих провинциальных мест б[ывшей] Пермской губернии. Была ли у этого хора своя особенность, индивидуальность, на что, как сказано выше, указал один из поклонников его? Да, эту особенность мог уловить и выделить тонкий музыкальный слух ответного любителя хорового пения. Если мы возьмём небольшой отрезок времени, примерно 5–6 лет (1903–1909 гг.), то в ту пору существовало в Перми несколько церковных хоров, которые по своему характеру разделялись на три типа: а) смешанные хоры с детскими голосами, б) смешанные хоры с женскими голосами, и в) однородные хоры. К категории **А** относились: архиерейский хор, хоры семинарии и дух[овного] училища; ко второй категории **Б** относились хоры церковью Богородицкой, Слудской и Феодосиевской, и к категории **В** — хоры женской гимназии, учительской семинарии и епархиального училища. Когда в 1909 г. организован был концерт церковных хоров в актовом зале Мариинской женской гимназии, то на нём дебютировали четыре хора: архиерейский под управлением М. В. Попова, Богородицкой церкви под управлением Степанова, Мариинской женской гимназии под управлением Тиме и женской учительской семинарии под управлением Ю. М. Словоцова. Семинарский хор не принимал участия по неизвестной мне причине (кажется, вследствие какого-то кризиса). На этом концерте были представлены все три типа хоров, из которых по своему характеру семинарский хор ближе всего был к архиерейскому хору, а именно: оба они были смешанными хорами и [с] детскими голосами, оба они детские голоса получали из состава учеников дух[овного] училища. Существенной разницей между ними было то, что мужской состав арх[иерейского] хора был в основном укомплектован из певцов по найму, в числе которых были люди пожилые, что неизбежно отражалось на звучании их голосов (тембра), в семинарском же хоре басы и тенора — это были юноши 18–20–21 лет, с голосами только-только формирующимися. Это, несомненно, придавало звучанию хора некоторый специфический характер, который усугублялся также юношеским

темпераментом исполнения. Этого вполне достаточно для того, чтобы любители пения охотно шли слушать этот хор. Вот почему в те дни, когда можно было предполагать, что хор исполнит свои лучшие номера (это было, например, в большие церковные праздники), небольшая семинарская церковь, площадка перед ней, даже часть лестницы, ведущей к церкви, до отказа были заполнены людьми разного возраста, различных профессий, вплоть до руководителей музыкальных училищ и артистов оперы.

Чем был хор для самих семинаристов? Для певцов, которых, естественно, было меньшинство (20–30 чел[овек] примерно из 200), хор был местом, где развивались (а иногда, правда, и портились) голоса, где они постигали науку музыки и пения и где они, наконец, переживали лучшие минуты музыкально-эстетического наслаждения. Кто испытал это последнее, тот на всю жизнь уже сохранит в душе любовь к пению. Для не-певцов хор скрашивал подчас утомительное стояние по принуждению, был своего рода концертом, который доставлял удовольствие слуху. Но для тех и других он был предметом гордости. «Наши пропели лучше всех» — слышались семинарские голоса в тех случаях, подобно описанному выше, когда представлялась возможность сравнивать его с другими хорами.

Развивался ли хор, совершенствовался ли он или был стабильно неподвижным? Если он развивался, то когда был расцвет его?

К сожалению, как указано уже выше, мы можем говорить о хоре только за небольшой период времени (5–6 л[ет]), история не сохранила нам данные о хоре за десятилетия раньше. Единственно, что передавалось о прошлом семинарского хора, то о блестящем его выступлении, во время празднования столетия семинарии, которое праздновалось в году (?) (5). Передавали, что тогда хор под управлением Андрея Будрина (6) был объединён с хором дух[овного] училища и показал себя во всей мощности и с большим искусством исполнения.

Можно ли отметить перемены в хоре за тот небольшой отрезок времени, который указан выше, и в чём эти перемены?

Прежде всего, относительно репертуара хора нужно сказать, что он значительно расширился. Из творений Бортнянского (7) исполнялись его бессмертные концерты. Херувимские (семь номеров) уже вышли из моды. Бессмертные творения Турчанинова, относящиеся к страстной седмице, остались в прежнем величии. Хором исполнялись произведения:

Аллеманова (8), Металлова (9), Ломакина (10), Музыкаску (11), Маркевича, Соколова (12), Беневского (13). Новым в репертуаре были музыкальные творения Архангельского. В творениях последнего утверждался новый музыкальный стиль: выражение глубоких чувств (концерты «Господи, услыши» и «Внуши, Боже»), или величественных, восторженных чувств («Хвалите имя Господне», «Богородице дево[, радуйся]»), или спокойной, торжественной лирики («Слава в вышних Богу...»). Среди, в общем, пёстрого состава исполняемых номеров сочинения Архангельского и отчасти Ломакина создавали уже впечатление определённого стиля. Однако позднее, в [19]12–[19]14 гг., уже точнее определилось новое направление в церковно-хоровой музыке, характерной чертой которого было сближение мелодии с древними образцами песнопений, причём значительное место в этом случае отводилось пению в унисон с ведущим басовым голосом (14). Как видим, репертуар хоровых вещей был изменчивым и чувствительным к новым тенденциям в музыке.

Что нового происходило в стиле исполнения? По-прежнему оставалось в силе традиционное увлечение исполнением *solo* (15), типичным представителем чего был концерт «Днесь Владыка твари» (16). Но это увлечение получило дальнейшее развитие: в концертах Архангельского оно стало применяться как вступление, запевка, а у некоторых композиторов вылилось в сольное пение в сопровождении хора («Тебе поем», «Ныне отпускаеши») (17). Широкое распространение имели номера *solo-trio*. Надо полагать, что указанное выше течение, характеризующееся, так сказать, возвратом к старому, являлось реакцией на злоупотребления сольными в сопровождении хора номерами, удивившими церковные песнопения в область светских песен и сблизившими их с оперным пением.

Кто были регентами хоров? И кто они были?

Прежде всего, нужно сказать, что это были люди, о которых в собственном значении можно употребить выражение: каждый из них должен был быть «и чтец, и жнец, и в дуду игрец», а именно: он и псаломщик, и музыкальный руководитель хора, и архивариус, и, наконец, администратор хора. Да, именно — администратор! Он должен был подбирать детские голоса в дух[овное] училище, терпеливо организовывать их (а среди них попадались и капризные), терпеливо отбирать певцов среди семинаристов, всячески ладить с ними (попадались ведь тоже самолюбивые, капризные),

сколачивать всех в дружный коллектив. Кроме того, положение регента во многом напоминало положение пушкинского станционного зрителя: подойдёт какой-нибудь случай (архиерейская служба, торжественное собрание и т.д.), подавай тому то-то, другому это. И всё это за «здорово живёшь». Только исключительная любовь к этому делу двигала этими людьми и помогала им переносить всякие невзгоды, которые, увы! — иногда их посещали.

Чаще всего регентами становились певцы этого хора или певчие хора дух[овного] училища, которые по случаю ломки голоса не были участниками семинарского хора, а выдвигались прежде знавшими их товарищами. Так, в бытность мою учеником семинарии регенты — Захаров (18), Хохлов (19) были певцами семинарского хора, Белов (20) и Попов уже были выдвинуты по прежнему знакомству с ними (вероятно по дух[овному] училищу) и, наконец, Богомолов был избран регентом как музыкант-пианист. Каждый из них имел свою музыкальную индивидуальность, по-разному проявлял свои таланты, но все они, однако, имели одну общую черту, а именно — были регентами «волею божиею», т.е. на опыте только постигали тайны этого мастерства (по красочному современному выражению — были регентами «от станка»). Среди указанных выше регентов, так сказать моей эпохи, самой колоритной личностью был, конечно, Михаил Васильевич Попов (21).

[...] (22)

О семинаристах-певцах (23). Их было, конечно, гораздо больше, чем участников хора. Но у нас речь будет о тех, которые выделялись из ряда других, что и обнаруживалось, главным образом, через участие в хоре. Однако участники хора тоже не были какой-то безликой массой и разделялись на две категории: рядовые (что-то вроде рабочих пчёл) и солистов. Эти последние и были преимущественно любимцами всей массы семинаристов, и о них далеко разносилась молва и слава. Если измерять историю семинарии по шестилеткам в соответствии с шестилетним пребыванием каждого семинариста в стенах своей *alma mater*, то нужно сказать, что каждая шестилетка, или примерно шестилетка, имела своих кумиров-певцов, о которых говорили и в стенах семинарии, и далеко за её пределами. Кто они были? В 1902 г., когда мы поступили в семинарию, на славе были: от басов — Пономарёв Аристарх, от баритонов — Мультиановский (24), от теноров —

Чернавин (25), которого все называли по имени и отчеству — Алексей Иванович, что было знаком особого уважения. Все они были обладателями голосов чистых, так сказать, девственных, чуждых вредного влияния, которое шло от пения оперных певцов. Жертвой этого влияния, как тогда передавали, был Захаров, который совершенно расшатал свой голос, злоупотребляя *tremolo* (26). У Пономарёва А. был голос мягкий, бархатистый, с широким диапазоном, и нужно отдать ему справедливость — он хорошо им владел. У Чернавина голос был мягкий, нежный, лирический, и когда он пел вместе с Пономарёвым, что иногда в церковных песнопениях встречалось, то у них получалось очень гармонично. У Мультиановского голос был несколько другого характера — металлический тембр, но без излишней резкости, как это иногда бывает у певцов с этим тембром. Несколько в стороне от них стоял Медведев Иван Панфилович (27), бывший канонархом, своеобразным декламатором, по голосу которого шло общее пение (28). Он обладал голосом звонким, как колокольчик; его так и называли — соловьём.

На смену этим певцам пришла целая плеяда семинарских певцов знаменитостей, как-то Свешников, Плотников, Иваницкий, Ласин, Чирков и Шестаков, Медведев Эварест (29), в течение двух-трех лет лидером среди них был Свешников. Обладая голосом мелодичным, мягким и чистым, хотя не особенно сильным и широким по диапазону, он выдвинулся исполнением *solo* в сопровождении хора. Популярность его в этом отношении была настолько широкой, что его в особенно торжественных случаях приглашали исполнять эти песнопения в другие хоры. Так, однажды по семинарии разнеслась весть, что Свешников «гастролировал» в Слудской церкви — исполнял *solo* «Ныне отпускаеши». Это на самом деле было, и этому обстоятельству молва придала уже слишком громкую огласку. Что касается других указанных выше певцов (Иваницкий, Чирков, Шестаков), то их слава основана была на другой области исполнения, о чём будет сказано ниже. Среди певцов этого времени нужно отметить Меркурьева Александра (октава) (30) и Марина Коровина (31) (тенор), который пел в арх[иерейском] хоре.

Говоря о семинарском хоре и певцах-знаменитостях, нельзя обойти молчанием участие их в вечерах, в исполнении светских произведений; особенно это нужно сказать о певцах, и что слава их, главным образом,

шла по этой линии. Что из себя представляли семинарские вечера? Они устраивались редко (раз-два в году), и были большим событием для семинаристов. Событие это начиналось с того, что нужно было добиться разрешения и определить программу вечера. Дальше начиналась мобилизация всех сил: хора, солистов, музыкантов, декламаторов, распорядителей и всего, всего, вплоть до приведения в порядок семинарских шевелюр. Боже мой! Кто только выдумал эти шевелюры и возвёл их в идеал красоты?! Подготовка продолжалась с месяца, а то и больше. Как себя показывал на вечерах хор, и что он исполнял? Хор семинаристов на вечерах выступал и как однородный, и как смешанный. Как однородный хор в разное время, например, исполнял следующие музыкальные произведения: «Хор рыбаков» из оперы Верстовского (32), «Гой ты, Днепр», «Сторона-сторонка», «Ноченька» из оперы «Демон» Рубинштейна (33) с аккомпанементом под управлением Н. В. Пиликина (34), «Жук и роза», «Лес мой, лес» — муз[ыка] Клауэра, «Белеет парус одинокий» — муз[ыка] Пиликина и под его же руководством, «Ах ты, сердце» — муз[ыка] Даргомыжского из оперы «Русалка» и различные народные песни (35). В 1915 г. под управлением семинариста Хохлова был исполнен хор жрецов из оперы «Аида» Верди с солистами: Спасский (36) (бас) и Медведев (тенор). При упоминании указанных выше музыкальных произведений у кого-либо может возникнуть вопрос: не слишком ли претенциозны были выборы этих произведений для семинарского хора? Можно на этот вопрос указать на то, что хором при исполнении, например, «Ноченьки» Рубинштейна руководил человек с консервативным образованием, очень щепетильный в вопросе своего реноме, во всяком случае, не позволивший бы себе возможности публично марать свой дирижёрский престиж. По мнению же многих авторитетных судей, этот номер («Ноченька») был исполнен на уровне не ниже среднего оперного хора. На таком же примерно уровне исполнялись и др[угие] муз[ыкальные] произведения.

Как смешанный, хор исполнял различные народные песни, например: «Ай во поле липонька», «Со вьюном» и др[угие]. На одном же вечере исполнено было «Как во горнице-светлице» из оперы Даргомыжского «Русалка», «Заплетися, плетень» оттуда же. Несомненно, как это и было признано знатоками дела, хор семинаристов при исполнении светских муз[ыкальных] произведений показал высокую культуру. Вот почему его

охотно приглашали для участия в вечерах др[угих] учебных заведений города, например в женскую гимназию Барбатенко.

Широко распространялась слава о наших солистах, исполнителях различных *trio*, дуэтов, романсов и арий. Сольные номера трио и дуэтов исполнялись с аккомпанементом и без аккомпанемента. Без аккомпанемента исполнялись, например *trio*: «Сосна», «Утёс» Даргомыжского, из оперы «Купец Калашников» молитва братьев Калашниковых «Не дай погибнуть, Господи» (37); дуэты: «Звёзды блещут точно очи» и др[угие]. Под аккомпанемент исполнялись *trio*: «Парус» Корнилова, «Повеяло черёмухой» Гольтисона (38). *Solo* под аккомпанемент рояля исполняли, например, Захаров — «*Ave Maria*» Шумана, «Вернись» Денца (39) — Ласин, «Любимая ты» Денца — Свешников, «Нет, за тебя молиться я не мог» Пасхалова (40) — Чирков, «Ариозо» Дубровского [из] «О дай мне забвеньё» Направника (41) — Иваницкий, «Когда был я ребёнком» Гольтисона — Э. Медведев, «Утренняя серенада» Тальяfico — он же, «Ах, полынь-полынь трава» — П. Шестаков; «Ах ты солнце, солнце красное» Слонова (42) — он же. Естественно возникает вопрос: откуда поступал столь пёстрый репертуар и кто руководил певцами при исполнении указанных выше музыкальных номеров? Исполнением Свешникова, Чиркова и Ласина руководил Н. В. Пиликин (см. выше). Репертуар других певцов составлялся под влиянием связи с другими певцами города и отчасти под влиянием музыкального деятеля в тогдашней Перми — М. Я. Василенко-Левитон (43), которая была негласным меценатом в этом деле для семинаристов (44). В самых выступлениях наших солистов на сценах вечеров можно указать два периода: один, который образно можно было бы назвать «утробным», когда эти выступления происходили только внутри семинарских стен, а другой уже «внеутробным», когда исполнители стали фигурировать на сценах города. Не безынтересно отметить в этом отношении дружбу с женской гимназией Барбатенко, на вечерах которой выступали наши музыканты и певцы. В этой же гимназии работали и некоторые преподаватели семинарии. Насколько сильны были в то время тенденции к выходу «в свет», свидетельствует исключительный случай в истории семинарии, когда смешанный хор её выезжал на концерт в Юговской завод, родину М. В. Попова (45).

Кто же из семинарских певцов этого времени был наиболее «на славе», и на чём была основана эта слава?

Чирков (его семинаристы любовно называли «Чира») был обладателем баритона, довольно сильного, с широким диапазоном, но несколько суховатого. Он обладал очень музыкальным вкусом, имел высокую музыкальную грамотность и умел при исполнении импонировать слушателям. Будучи студентом Киевского коммерческого ин[ститу]та, как видно, с большим успехом выступал в концертах. Передавали (46), что Ласин (см. выше), который тоже был студентом того же ин[ститу]та, тоже выступал в концертах, так выразился о выступлениях Чиркова: «Я никогда не решился бы выступить вместе с ним» (одновременно). Понимать это нужно так, что соревнование было явно не в его пользу.

Иваницкий обладал исключительно приятным лирическим тенором, а на такого рода тенорах тогда в Перми все были, можно сказать, помешаны (47). В оперном театре кумирами были Хлюстин, Саянов, и вот вдруг появился свой нежнейший «душка», по жаргону гимназисток, да пел он ещё сердцепипательное «О дай мне забвенье». Нарекли его неким «вундеркиндом», что ни вечер, концерт в живую очередь его: «пой», «пой»; он пел и через два-три года был уже без голоса. *Sic transit gloria mundi!* Так же сгорел ещё раньше Захаров (см. выше).

Шестаков обладал сильным басом, густым и сочным, с широким диапазоном, неплохо владел им. Больше, чем о ком-нибудь другом, можно было думать, что вот человек, которому уготована хорошая будущность певца. Но никто другой, с другой стороны, не относился так небрежно и неэкономно к своему голосу, как он. Чем иначе объяснить иногда дикие выходы этого тоже «вундеркинда», когда среди относительной тишины в коридоре вдруг раздавалось звериное рычание, что обозначало пробу голоса Шестаковым, и передавали, что Ш. выступал в оперном театре на репетиции оперы «Садко» в качестве исполнителя арии норвежского гостя. Было ли это на самом деле или нет — неизвестно (48), но со мной был такой случай в 1920 г. в г[ороде] Слуцке (Белоруссия).

В этот город приехала небольшая труппа артистов, в составе которой оказались пермяки: Демерий — оперный певец и жена его Прозоровская — артистка эстрады. Узнав об их пребывании в городе, я решил повидаться с земляками, и состоялась встреча. Разговаривали о том, чем же кому Пермь была примечательна, и Демерий, узнав, что я когда-то был учеником семинарии, сказал: «Вот у вас в семинарии был бас (я подсказал ему фамилию),

который очаровал всех в опере своим голосом». Он намекал, конечно, на Шестакова. Позднее передавали, что Ш. поехал по окончании семинарии в Москву с намерением поступить в консерваторию, поступил в какой-то хор, и дальше история о нём молчит. Хочется по-пушкински спросить: куда ты мчишься (промчался уже), гордый конь, и где опустишь (опустил) ты свои копыта?

Эварест Медведов — последний, кого я знал из «стаи славных». Голос у него был звонкий, как колокольчик. Невысокого роста и не сильного физического развития, он обладал голосом большой звучности, широкого диапазона. Его исполнение «Когда был я ребёнком» Гольтисона привело в восторг всех слушателей женской гимназии Барбатенко и долго сохранялось в их воспоминаниях. В 1912 г. в одном из глухих сёл б[ывшего] Шадринского уезда б[ывшей] Пермской губернии — Верх-Теченском группа семинаристов-певцов и музыкантов в составе Богомолова Григория, Боголепова Валентина (49), Игнатьева Николая, Медведева Эвареста и Топоркова Петра давала концерт, на котором выступал Э. М. в трио «Парус» Корнилова и «Давно малиновки звенят» Тальяфико. Вновь, спустя 14–15 лет, в наших краях прозвучала слава семинаристов-певцов.

[...] (50)

Что история сохранила о судьбе указанных выше героев этой статьи?

В 1911 или в 1912 г. (51) в наше село Русская Теча б[ывшего] Шадринского уезда приезжал екатеринбургский архиерей со своей свитой, в числе которой был хор. Среди участников этого хора был Аристарх Пономарёв. Во время прошлогодней моей встречи с моим бывшим учителем пения в Камышловском дух[овном] училище — М. М. Щегловым, он мне говорил, что в Камышлове был врач Мультиановский, который любил в компании попеть и был у него неплохой баритон. По описанию внешности этого врача можно было догадаться, что это упомянутый нами семинарист Мультиановский. Степень вероятности этого предположения подкрепляется и тем, что, как известно, М[ультиановский] учился на медицинском факультете Томского университета. Теперь его нет в живых (52).

В 1924–1925 гг. я встречал в Свердловске А. Меркурьева — октаву. Он работал служащим в одном из городских учреждений и пел в хоре радиокомитета. Теперь его уже давно нет в живых.

В 1945–1946 гг. я встречался с одним из учеников Свердловской хоровой капеллы, видным певцом её, который говорил, что в составе певцов

капеллы был Ласин, баритон. По описаниям это тот Ласин, о котором говорилось выше. Теперь его уже нет в живых.

Встречал я ещё в Свердловске В. Н. Старцева (53), который одно время был регентом хора Пермского дух[овного] училища.

Говорят, что где-то жив Михаил Васильев[ич] Попов — регент. А о многих, многих, перефразируя слова известной песни «Где же вы теперь, друзья, однополчане», приходится сказать: «Где же вы теперь, певцы-семинаристы, хористы и солисты нашего семинарского хора?»

И наконец, должен признаться и автор этих воспоминаний в том, что он в какой-то степени был участником этого хора, хотя и случайным, благодаря чему он и сделался автором этой статьи.

В заключение хочется сказать словами римского поэта:

«Feci quod potui faciant meliora potentes» («Я сделал, что мог, пусть делают могущие (сделать) лучше»).

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 94–109.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора — «Хор пермских семинаристов и семинаристы-певцы и музыканты».
2. Игнатъев Алексей Алексеевич.
3. Присадский Владимир, Горбунов Александр и Ионин Павел окончили Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1900 г. Присадский Владимир и Смирнов Александр после окончания семинарии поступили в Казанский ветеринарный институт и пели в одном из Казанских хоров (из очерка «Семинаристы-певцы» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 102 об.).
4. Украинская народная песня.
5. В тексте год пропущен. Столетие Пермской духовной семинарии праздновалось в 1900 г.
6. Будрин Андрей окончил Пермскую духовную семинарию в 1899 г. Священник Крестовоздвиженской церкви села Сергинского Пермского уезда.
7. Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825) — российский композитор, дирижёр, певец, считается создателем классического типа русского хорового концерта.

8. Аллеманов Дмитрий Васильевич (1867–1928) — русский композитор, исследователь церковного пения и педагог.
9. Металлов Василий Михайлович (1862–1926) — протоиерей, музыковед-историк и музыкальный палеограф, преподавал в Московском Синодальном училище.
10. Ломакин Гавриил Якимович (1812–1885) — русский хоровой дирижёр и музыкальный деятель.
11. Музычку Гавриил Вакулович (1847–1903) — румынский композитор и хормейстер, музыковед, педагог, музыкально-общественный деятель.
12. Соколов Николай Александрович (1859–1922) — русский композитор и музыковед.
13. «Оставался еще по традиции Ведель (Покаяния)». (Прим. автора).
14. «Это направление внесено было в практику регентом архиерейского хора Чумаковым. В семинарии оно осуществлялось при регенте Г. И. Богомолове. Наиболее ярко оно было представлено при исполнении хором: «Благослови, душе моя Господа», где мелодию в бас, и в «Хвалите Имя Господне», в котором значительная часть исполнялась в унисон». (Прим. автора).
15. *Solo* — музыкальный термин, исполнение всего музыкального произведения или его ведущей тематической партии одним голосом или инструментом.
16. Предположительно, имеется в виду концерт А. Ведыля «Днесь Владыка твари».
17. Предположительно, автор упоминает популярное сочинение духовного композитора Михаила Порфирьевича Строкина (1832–1887) «Ныне отпускаеши» с партией солирующего баса.
18. Из очерка воспоминаний о регенте семинарского хора М. В. Попове в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Захаров не уронил честь семинарского хора, но он не внёс в него ничего нового: репертуар хора не обновлялся». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 727. Л. 3). В очерке «Семинаристы-певцы» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Был единственным из семинаристов, которому открыт был доступ на семейные вечера в доме ректора семинарии К. М. Добро-нравова, на которых он услаждал слух грозного хозяина дома. Скоро потерял голос и в 1902–1903 уч[ебном] г[оду] был регентом хора уже безголосый». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 105 об.–106.). Захаров Алексей окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1904 г., с сентября 1902 г. по июнь 1903 г. был регентом семинарского хора.
19. Хохлов Александр Иванович (1889–?) окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г. Священник с 1909 г., с 1914 г. служил в Благовещенском соборе г. Кунгура.

20. «Ставший потом, по окончании семинарии, видным певцом-тенором». (Прим. автора).
21. См. очерк автора «Воспоминания о регенте семинарского хора М. В. Попова».
22. В очерке «Регенты. Репертуар. Стиль исполнения» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор продолжает: «После Попова регентами семинарского хора были: Хохлов Михаил, Спасский Сергей и Богомолов Григорий. Хохлов несколько лет пел в хоре Попова в качестве «чернового» тенора, работяги из тех, на ком обычно держится партия голоса, а Спасский пел в хоре Попова ещё солистом-альтом. Естественно, они были продолжателями его. Совершенно другим путём сделался регентом Богомолов Григорий, основным достоинством его было то, что он был музыкант-пианист, но он, конечно, знал и понимал церковную музыку, тяга к которой у него была и от его батюшки. Не последнюю роль, вероятно, в этом случае сыграло и то, что родитель его служил в женском монастыре и у него (Григория) было знакомство с монастырским хором. Главным событием в истории семинарского хора при Богомоллове был поворот в сторону стиля, привнесённого в церковную музыку композитором Чесноковым, причём передаточной инстанцией послужил архиерейский хор, где был регентом Чумаков. Особенностью этого стиля является сближение с мелодиями «древлего» пения и усиление пения в унисон. Зачатки этого стиля были уже и раньше, например, «Тебе поем» в одной музыкальной композиции начиналось в унисон, но тогда это был частный случай, теперь же этот стиль был взят на вооружение, как основная линия церковной музыки, но на этом существование семинарского хора было уже прервано...» (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 98–99).
23. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора — отдельный очерк «Семинаристы-певцы».
24. Из очерка «Семинаристы-певцы» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «В 1902–1903 уч[ебном] г[оду] был солистом семин[арского] хора. Выступал на вечерах с сольными номерами. Так, в этом же году на вечере он исполнял дуэт «Звёзды блещут точно очи» с А. И. Чернавиным. У него был звонкий, правда, немного суховатый голос, которым он управлял с большим мастерством». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 103). Мультиановский Николай Михайлович (1874–1920-е) окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1894 г. После обучения на медицинском факультете Томского университета в 1898 г. работал земским врачом в г. Камышлове.
25. Чернавин Алексей Иванович (1884–?) окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1904 г.
26. *Tremolo* — многократное быстрое повторение одного звука либо быстрое чередование двух несоседних звуков, двух созвучий (интервалов, аккордов), отдельного звука и созвучия.
27. Медведев Иван Панфилович окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1905 г.
28. Канонарх — церковнослужитель, возглашающий перед пением глас и строчки из молитвословия, которые вслед за возглашением поёт хор.
29. Медведев Еварест Панфилович (1894–?) — сын священника Пермской губернии. Окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1910 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1916 г.
30. Октава — бас *profundo* — очень низкий мужской голос, который мог брать звуки октавой ниже обычных басов. В русском церковном пении этот голос очень ценился.
31. Коровин Марин Александрович — священник Богородице-Казанской церкви г. Осы Осинского уезда с 1915 г.
32. Из оперы «Аскольдова могила». Верстовский Алексей Николаевич (1799–1862) — русский композитор и театральный деятель.
33. Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) — русский композитор, пианист, дирижёр, музыкальный педагог.
34. В свердловской коллекции» воспоминаний автор относит содержание этого вечера к 1906–1907 году. Пиликин Николай Васильевич окончил курс учения в придворной певческой капелле, преподаватель пения в Пермской духовной семинарии.
35. В очерке «Регенты. Репертуар. Стиль исполнения» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «На вечере в 1902–1903 уч[ебном] году хор под управлением Захарова исполнял: «Сторона ль, сторонка» (из сборника Карасёва), «Во Иордан-реке» (оттуда же), «Сумрак ночи пал на землю» (неизвестного автора). От прежних вечеров среди семинаристов бытовала песня «Я пережил свои желанья» под немой аккомпанемент хора». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 100 об.).
36. Спасский Сергей Михайлович (1890–?) окончил Пермское духовное училище по 2-му разряду в 1905 г., Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1912 г., Киевский коммерческий институт. Пианист.
37. Имеется в виду дуэт из оперы «Купец Калашников» А. Г. Рубинштейна.
38. Гольтисон Михаил Александрович (1870–1914) — духовный композитор, певец (тенор), хоровой дирижер и музыкальный писатель.
39. Денца Луиджи (1846–1922) — итальянский композитор.
40. Пасхалов Виктор Никандрович (1841–1885) — русский композитор.

41. Имеется в виду романс Владимира из оперы Э. Ф. Направника «Дубровский». Направник Эдуард Францевич (1839–1916) — чешский и российский композитор, дирижёр.
42. Слонов Михаил Акимович (1869–1930) — русский композитор.
43. Василенко-Левитон Мария Львовна (1856–1948) — певица, организатор частной певческой школы в Одессе.
44. «В семинарском саду была беседка — ротонда, с которой открывался вид на Каму и Заречье. В этой ротонде вечерами, когда были тёплые вечера, на Каме там и здесь горели разноцветные лампочки, собиралась группа певцов и далеко-далеко разносились любимые песни семинаристов, и им внимали слушатели на лодках, спящих по широкой реке». (Прим. автора).
45. «Среди любителей пения, не участников хора, после революции были распространены такие песни, как «Марсельеза», «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу», «Слышите» (похороны рабочего). Кроме того, разнообразны по характеру: «Ах ты, ночь ли ноченька», «Что так склонилась зелёная ивушка», «Азбука» (алфавит, положенный на музыку), «Братья, рюмки наливайте» (вакхическая песня) и др[угие]». (Прим. автора).
46. В «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет это со слов В. А. Кандаурова.
47. «Особенно гимназистки». (Прим. автора).
48. «Можно думать, что это было так. Об этом говорит случай, который был». (Прим. автора).
49. Автор имеет в виду Боголепова Виталия, у которого был брат-близнец Валериан, тоже семинарист. Боголепов Виталий Николаевич (1892–?) — сын священника Шадринского уезда, окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1907 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1913 г.
50. В «свердловской коллекции» воспоминаний у автора имеется очерк «Семинаристы-музыканты», отсутствующий в «пермской коллекции»: «Музыкантов-семинаристов, если иметь в виду более или менее квалифицированных, получивших кое-какую музыкальную подготовку, было всего три человека. Речь идёт о годах с 1900 г. по 1917 г. Объясняется это тем, что в духовных училищах, за исключением Камышловского, музыке совсем не обучали. В Камышловском духовном училище было организовано обучение скрипичной игре. Преподавание этого предмета вёл учитель пения училища М. М. Щеглов. Он же приватно обучал игре на пианино. Само собой понятно, что он обучал только первоначальным основам игры, и дальнейшее совершенствование в игре должно было бы продолжено в семинарии, но в ней это дело как

следует, на солидную ногу, не было организовано. Одно время для обучения семинаристов скрипичной игре, виолончели и контрабасу приглашён был известный в Перми скрипач и дирижёр в опере Григорий Кузьмич Ширман, но дело это заглохло в связи с забастовкой семинаристов. Вообще этому делу не было придано должного значения. Ширману удалось только кое-что сделать — продвинуть вперёд только некоторых скрипачей из Камышловского дух[овного] училища...». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 107–107 об.).

Автор преувеличивает насчёт того, что в Пермском, Соликамском и Екатеринбургском духовных училищах «музыке совсем не обучали». Во всех этих училищах были учителя пения: в Пермском — в 1902–1903 гг. Иван Васильевич Кусков (он же и регент, и учитель скрипки, окончил Московское Синодальное училище), в 1903–1907 гг. Георгий Николаевич Косолапов (он же регент), после 1908 г. диакон Иаков Михалёв, там же преподавали скрипку Н. И. Попов (1904–1906) и Г. И. Ширман (1907–1908); в Соликамском — в 1901–1902 гг. Константин Иванович Конюхов, в 1903–1907 гг. Николай Егорович Собянин, с 1907 г. Владимир Васильевич Смирнов; в Екатеринбургском — с 1901 г. Григорий Евдокимович Галаган.

51. В очерке «Семинаристы-певцы» в «свердловской коллекции» воспоминаний — в 1910 или 1911 г. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 102 об.).
52. Возможно, автор ошибся и это другой семинарист по фамилии Мультиановский.
53. Старцев Василий Николаевич (1889–?) окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1902 г. и 4 класса Пермской духовной семинарии в 1907 г. См. отдельные очерки автора о семинаристах.

Великопостные напевы (1)

«**На реках Вавилонских**» (2). В этом песнопении символически изображается картина Великого поста — времени сугубо покаянного настроения. Распространены были две музыкальные редакции его: в сборнике великопостных песнопений (печатном) (3) и у Веделя. Редакция сборника была наиболее распространённой, и в этой редакции это песнопение исполнялось в семинарии. Главное художественное достоинство этой редакции заключается в чередовании *piano* (4) в первой половине стиха: «На

реках Вавилонских тамо седоном и плакахом» — *forte* (5) во второй половине: «Внегда помянути нам Сиона» и, наконец, *pianissimo* (6): «Аллилуйя». Наиболее величественное исполнение этого псалма в указанной редакции приходилось слышать в Перми на подворье Белогорского монастыря. Здесь этот псалом исполнялся так: с того и другого клироса певцы выходили с амвона к подножию его и пели.

Редакция Веделя отличалась, если можно так выразиться, большим драматизмом и даже натурализмом. Так, слово «плакахом» передаёт излишне натуралистически (плач), что в церковных песнопениях звучит неприятно, слишком «по-житейски». В этой редакции приходилось слушать в Казани в исполнении знаменитого хора под управлением Ивана Семёновича Морева. В этом хоре был прекрасный ансамбль певцов, ажурная лёгкость и прозрачность исполнения, но это именно и подчеркивало указанную выше особенность этой композиции.

«**Покаяния**» (7). В этом песнопении выражено всё значение великого поста, его основной мотив. Центром песнопения являются слова: «Множества содеянных много лютых... окаянный трепещу страшного дне судного».

Это песнопение в семинарии исполнялось в двух музыкальных редакциях: Веделя и из печатного сборника (8).

Ведель композицией этих песнопений увековечил своё имя в церковной музыке. Его композиция показывает, как отступив от канонов древлецерковного пения, можно создать произведение большого музыкального звучания с выражением его идеи. В музыкальной редакции Веделя главную красоту составляет лирическое начало и конец песнопения с бурным драматизмом в словах «Окаянный трепещу».

Редакция печатного сборника выдержана в тоне простоты и величия, которые более соответствуют духу церковных песнопений. Большое драматическое звучание придано словам: «Множества содеянных» и особенно «страшного дне судного». Драматизм выражения особенно достигается в партии теноров и басов. *Crescendo* в слове «множества» (9).

Приходится сожалеть, что утрачена была редакция этих песнопений («На реках Вавилонских» и «Покаяния») «древлего» звучания. В этой редакции приходилось слушать о[тца] Стефана Луканина. Трудно удержаться от восторга от исполнения этих песнопений о[тцом] Стефаном: в его исполнении

передавались своеобразные рулады, переходы мелодии. Эти мотивы сохранились ещё в деревенских церквях, где были старые дьячки.

«Да исправится [молитва моя]». Исполнялось в трёх редакциях Боршнянского, из которых третья отличается особым изяществом и выразительностью. В семинарии, однако, только в третьей редакции исполнялось, и то очень редко. В 1908–1909 гг. любимой была композиция иеромонаха Геронтия. Исполнялось ещё в какой-то традиционной редакции неизвестного композитора. Исполнение «Да исправится...» в семинарии было чем-то вроде соревнования певцов. Для этого составлялись различные комбинации исполнителей (10). «Да исправится...» также, как «Разбойника благоумного» (11), было излюбленной темой для композиторов. Вот почему оно существовало во многих редакциях.

«**Ныне силы небесные**» исполнялось в двух редакциях, из которых одна, кажется, принадлежала Боршнянскому, а другая — Турчанинову. Одна из них, условно назовём — вторая, сильнее подчеркивала момент священнодействия, к которому она относилась, а именно мистический момент выноса священных даров, когда все склонялись долу, и поэтому она производила более сильное впечатление, чем первая.

В качестве «запричастного» в семинарии иногда пели: «Объятия отче». Это песнопение имело очень большое звучание в словах: «К тебе бо, Господи, с умилением зовути: согреших на небо и пред Тобою» (12).

За литургией весь комплекс песнопений, начиная с «Достойно [есть]», исполнялся в традиционной протяжённой редакции.

Шедевром музыки было «О Тебе радуется» в неизвестной автору сего редакции (13). Выразительность музыки достигалась чередованием в мелодии детских голосов («Ангельский собор») и мужских («из Нея же Бог воплотился»), а также особыми вариациями мелодии. Всё песнопение было гимном, восторженным восхвалением Богоматери. Кстати сказать, каким-то знаменитым иконописцем эта тема была разработана в духе этой же музыки, так что вкупе они исчерпывали этот религиозный момент с исчерпывающей полнотой.

Из великопостных напевов нельзя не упомянуть о **канонетрипеснице св[ятого] Андрея Критского** (14). Он исполнялся в двух редакциях, причём лучшей была та, в которой начальное слово: «Помощник» пелось в унисон (15).

В церковной музыке великий пост был представлен во многих художественных музыкальных произведениях великих мастеров этого дела. Концентрированным средоточием этой музыки были «пассии», которые почему-то не совершались на Урале, но имели широкое распространение в Белоруссии (16). Там «пассии» являлись любимой формой великопостного богослужения и посещались так же, как «великое стояние» в страстной четверг (17).

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 139–141 об.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
2. Псалом 136 «На реках Вавилонских» поётся на утрене всенощного бдения под воскресенье за три недели до Великого поста.
3. Имеется в виду Церковно-певческий сборник (издание Придворной Певческой капеллы, Санкт-Петербург, 1898 г. Том I). В сборнике приведены три песнопения на текст 136-го псалма — В. Крупицкого, знаменного распева в гармонизации И. Смирнова и трёхголосное А. Рожнова. Речь идет, вероятно, о песнопении В. Крупицкого.
4. *Piano* — громкость в музыке, обозначающая «тихо».
5. *Forte* — громкость в музыке, обозначающая «громко».
6. *Pianissimo* — громкость в музыке, обозначающая «очень тихо».
7. «Покаяния отверзи ми двери» — цикл из трёх тропарей покаянного содержания, которые поются на воскресной утрене после чтения Евангелия и 50-го псалма. Пение тропарей начинается за четыре недели до Великого поста и завершается в пятое воскресенье поста.
8. Имеется в виду Церковно-певческий сборник (том I). Из трех приведённых в нём песнопений речь, вероятно, идет о песнопении под номером 58 (автор не указан).
9. *Crescendo* — музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.
10. По традиции это песнопение исполняется на Литургии Преждеосвященных даров тремя солистами. Такая практика утвердилась со времён Д. С. Бортнянского в стилистике Придворной певческой капеллы.
11. Светилен утрени Великой Пятницы «Разбойника благоразумного» существует в многочисленных авторских музыкальных композициях, его даже исполняли только протодиаканы.

12. Автор не совсем точно цитирует текст седальна по 3-й песни канона на утрене в Неделю о блудном сыне: «Объятия Отча отверсти ми потщися, блудно иждих мое житие, на богатство неждиваемое взираяй щедрот Твоих Спасе, ныне обнищавшее мое сердце не презри. Тебе бо Господи, во умилении зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобою».
13. Предположительно, это песнопение греческого распева в гармонизации П. Турчанинова.
14. Автор ошибочно называет Великий покаянный канон преподобного Андрея Критского «Помощник и Покровитель» «канонем-трипеснцем». Канон состоит из девяти песен, тогда как трипеснец — из трёх.
15. Вероятно, упоминаются песнопения Д. С. Бортнянского и А. А. Архангельского.
16. Чинопоследование пассии (от латинского *passio* — страдаю) было составлено митрополитом Киевским Петром (Мовиле, искаженно Могила) в середине XVII века и было распространено на юге России. С конца XIX века постепенно утверждается в Центральной России. Служится в четыре воскресных вечера Великого поста и включает в себя чтение Евангелия о крестных страданиях Иисуса Христа (соответственно четырём каноническим Евангелиям апостолов Матфея, Марка, Луки и Иоанна) и Акафист страстям Христовым.
17. «Великое стояние», или «Мариино стояние», — название утрени Великой Пятницы (служится накануне вечером), на которой читается житие преподобной Марии Египетской и полностью Великий покаянный канон преподобного Андрея Критского. Чтение Великого канона, разделённое на четыре части, совершается на повечериях первой седмицы Великого поста (с понедельника по четверг) и называется «малым стоянием».

Страстная неделя (1)

«Вкушая, вкусих [...], и се...» (2)

Бывают в жизни события или отдельные явления, относящиеся к личной или общественной практике, законченные впечатления от которых, то, что мы называем знанием или пониманием предмета, образуются не сразу, во мгновение ока, а постепенно, как определённый процесс,

в результате которого получается яркий, незабываемый образ этого явления. **Подобно снежному кому**, который при прокатывании всё больше и больше увеличивается, первоначальные впечатления от событий обрастают новыми впечатлениями, а новые — новейшими, и это продолжается до тех пор, пока не начнётся уже повторение пережитого, без прибавления новых впечатлений. Законченный образ **переходит уже в область воспоминаний**, причём воспоминания бывают тем ярче, чем больше они связаны с тем периодом жизни, когда духовные творческие силы человека с ростом его физических сил распускаются, мужают и всё в жизни воспринимается ярко, с неизбежной идеализацией, присущей этому периоду бытия. Как легко догадаться, **речь идёт** в данном случае о детском и юношеском периоде жизни человека. Так именно сложились мои воспоминания о «страстной неделе».

Мои детские **впечатления** о «страстной неделе», естественно, **вытекали из бытовых условий** жизни и ограничивались бытовыми картинами её. «Страстной неделей» для меня была та неделя, когда из соседней деревни Кирды в наш домик приезжали две богобоязные женщины — старушка Анна Ивановна и молодая женщина — Мария Ильинична, и жили у нас четыре дня, а иногда и целую неделю. Это закономерно повторялось из года в год. Я знал, что вот они заявятся с узелком из самотканного полотна, знал, что в этом узелке они привезут нам, детям, гостинцы — кральки, шаньги с ягодами и в течение четырёх дней по унылому звону церковного колокола будут уходить в церковь и только на ноченьку взбираться на полати в кухне. Мой наблюдательный глаз мог заметить, что на четвёртый день они надевали на себя **лучшие свои одежды** и отправлялись в церковь. Я видел, как по возвращении из церкви их поздравляли и как мать устраивала им угощение. Позднее я узнал, что эти две женщины приезжали «говеть», а также узнал, что они в течение трёх дней постились — совсем не принимали пищу и только после причащения, на четвёртый день, они обедали. У меня осталось в памяти и то, что чаще и утром и вечером в эти дни **раздавался унылый звон колокола**, и впоследствии, когда я заучивал наизусть стихотворение И. И. Козлова «Вечерний звон» (3), то передо мной вставали картины тех дней: **стаи галок**, летающих вокруг купола церкви под звон колокола и **люди**, с разных концов села **поодиночке и группами направлявшиеся в церковь**. Обычно эта картина возникала **на фоне**

пробуждающейся природы **ранней весной**. Запомнился и тот день, точнее — вечер, когда **особенно много было звона**, а люди **возвращались домой с горящими свечами**. В остальном в этот детский период воспоминания относились к **подготовке к Пасхе**. Запомнились сборы паёв: каждый день недели распределялся на сбор яиц — понедельник тому-то, вторник — другому и т.д. **Яйца**, собранные на день, назначенный кому-либо, составляли его пай и подлежали **окраске на Пасху**. Позднее я узнал печальную новость, связанную с моими детскими воспоминаниями о «страстной неделе». Случилось так, что мальчик, который привозил упомянутых выше женщин на говение, утонул при возвращении лошадей. Он переезжал через реку по осевшему льду, они поскользнулись, упали и захлебнулись. Таковы мои детские воспоминания о «Страстной седмице». В это время я **только наблюдал**, а не был участником этого события. Из наблюдений я **вынес впечатление о том, что этой неделе придавалось особое значение**, что в течение неё **у людей было особое настроение** — приподнятое, подтянутое, торжественное, все готовились к чему-то великому, важному. И в самой природе как будто совершалось **что-то торжественное**: она воскресала после зимней спячки к новой жизни. Всё это настраивало детское воображение на романтический лад, а картины, которые рисовало воображение, **становились драгоценными воспоминаниями детства**.

С поступлением в духовное училище я уже **стал не только наблюдателем, но и участником** проведения «страстной седмицы». И особенно это произошло с тех пор, как **я был принят в ученический хор**. С этого момента «страстная седмица» предо мной предстала **как сокровищница бессмертных церковных песнопений**. «Се Жених грядет в полунощи», «Егда славнии ученицы», «Чертог твой», «Вечери Твоя тайныя», «Приидите, ублажим Иосифа приснопамятного», «Благообразный Иосиф», «Да молчит всякая тварь человека» (4) и др[угие] (5). **Трудно определить**, что же **является наиболее привлекательным** в этих песнопениях: евангельские образы и картины, раскрываемые в них, или возвышенная **музыка**, уносящая дух «во области заочны», по выражению А. С. Пушкина.

Вот в мягком **церковном полумраке** мы поём «Се жених грядет в полунощи» или «Егда славнии ученицы», и воображение **рисует картину «Тайной вечери»**, а протяжная эпическая музыка облекает её в яркие, величественные образы, запоминающиеся на всю жизнь! **Кто из нас**, певец

он или просто любитель пения, **не подпевал хору** «Се жених» или, вспоминая «Страстную», не запевал чудесную мелодию этого песнопения. Ещё возвышеннее и **ярче идея** «Тайной вечера» **раскрывается в «Чертоге»** и в «Вечери твоя тайныя» — «Чертог твой вижду, Спасе мой, украшенный! И одежды не имам, да вниду в онь: просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя» (6).

«Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими: не бо врагом Твоим тайну повем, но лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во царствии Твоем» (7). С чем можно сравнить возвышенную музыку этих песнопений, созданных протоиереем Турчаниновым? С чем, с какими другими произведениями человеческого гения, которые рисуют нам «Тайную вечерю», можно сравнить эти шедевры **барда** «Страстной седмицы», как по справедливости называют композитора Турчанинова? Мы восторгаемся гениальной **картиной** (забыл имя худ[ожника]) «Тайная вечеря» (8), но она при всей своей гениальности молчит; **она заставляет нас восторгаться**, но она **не заставляет нас сливаться в единый порыв** возвышенного чувства, которое раз испытаешь и уже не хочешь с ним расставаться: **хочется петь и петь без конца**. У Турчанинова есть ещё одно музыкальное творение, относящееся тоже к «Страстной седмице», которое по глубине и выразительности стоит на уровне двух указанных выше песнопений — это стихира «Тебе одеющагося светом, яко ризою» (9). Мы знаем творение великого художника «Снятие со креста» (10), но разве эта же картина снятия со креста в творении композитора Турчанинова может быть поставлена в ряд с ней по глубине и выразительности чувства, **по богатству эмоций**, которые она вызывает? **Начиная в спокойном, эпическом тоне**, оно **рисует величественную картину** снятия со креста, но дальше спокойный тон переходит в могучий хорал, который достигает своего **величия** в фуге — «и разделяшеся священная завеса» (11), а **далее** опять идёт мягкая лирика — «коима ли руками обвию пречистое тело Твое» (12). С чем можно сравнить эту красоту песнопения? Ни с чем! Здесь предел, никем не превзойдённый; в нём, в этом произведении, больше всего осуществляется девиз, под которым были изданы бессмертные произведения Турчанинова: «Пойте Богу разумно!» (13). Иногда пылкое воображение подсказывает создать хор в пятьсот человек и исполнить этим хором *piano* «Вечери твоя тайныя», или *piano, forte* и опять *piano*

«Тебе одеющагося»; это было бы бессмертным памятником певцу «Страстной седмицы» и памятником величия самой «седмицы».

«**Великое стояние**» является наиболее **впечатляющей частью** «Страстной седмицы». Основной идеей его является повторяющийся после чтения каждого из двенадцати читаемых евангелий **рефрен**: «Слава страстем Твоим, Господи!» (14). В этих словах **раскрывается назначение** «Страстной седмицы». **Особая торжественность** «великого стояния» состоит в том, что **чтение евангелий и прослушивание их происходит при зажжённых свечах** в руках молящихся. Среди моря горящих свечильников разносится мерное чтение: «**Ныне прославися** сын человеческий, и Господь прослави его...» (15). «Вопроси же его Пилат: **что есть истина?** Иисус же ответа не даде» (16) и т.д. Пред нами встают картины: «Моления о чаше», трагедии Петра — как петух третий раз пропел при отречении его от Христа и как он ушёл, «плакася горько». **Кульминационной** точкой «великого стояния» является «Разбойник». «Разбойника благоразумного во едином часе раеве сподобил еси, Господи; и мене древом крестным просвети и спаси мя». **Кто из композиторов** не пробовал своих сил над созданием музыки на эти слова, однако **слава утвердилась** за композитором **Воротниковым**: его «Разбойник» по традиции **исполняется всюду, где есть хор** (17). На нём и мы пробовали свои голоса в духовном училище. Вокруг исполнения этого песнопения издавна складывались сенсационные слухи, наполовину легендарного характера. Так, не однажды передавались слухи об исполнении его в различных местах оперными певцами. И теперь ещё молва гласит, что наши прославленные оперные певцы Козловский (18), Михайлов и др[угие] всегда являются исполнителями «Разбойника». Если даже этого и не бывает в действительности, хотя нет оснований не доверять этим слухам, однако сами по себе эти слухи свидетельствуют о том, насколько популярен «Разбойник» и насколько сильно у поклонников его **стремление слушать его в лучшем исполнении**. Послушать «Разбойника» является безотчётным, инстинктивным желанием всякого человека, среди житейских забот и треволнений, у которого остались в памяти впечатления детства и юношества.

«**Страстная пятница**». Вынос плащаницы... Величественные напевы: «Благообразный Иосиф» (19), «Приидите убожам Иосифа приснопамятного» (20). Картина Голгофы. *Stabat mater...* (21). «Увы мне, Чадо мое!

Увы, мне, Свете мой и утроба моя возлюбленная. Симеоном бо предреченное в церкви днесь событсся».

«Страстная суббота». «Да молчит всяка [плоть] чловеца и да стоит со страхом и трепетом, и ничто же земное в себе да помышляет, Царь бо царствующих, и Господь господствующих, приходит заклатися и датися в снедь верным» (22).

Поздно вечером... «Волною морскою» (23).

...Прошло много лет, но когда наступает «страстная седмица», воображение меня переносит в те отдалённые времена, когда я на клиросе школьной церкви, в углу, пел в хоре и жадно впитывал в свою душу бесмертную музыку песнопений «страстной седмицы». Жив ещё и живёт в Камышлове мой учитель пения — **Михаил Михайлович Щеглов**, который пестовал меня в этом деле. Ему не так давно я писал о «страстной»: «Дорогой Михаил Михайлович, в эти дни я мысленно стою на клиросе, в углу, и перепеваю всё то, что мы пели под Вашим руководством в «Страстную седмицу».

...И опять неизбежный спутник «седмицы» — подготовка к Пасхе, но уже не в бытовом направлении, а по линии **подготовки хора и украшения** церкви и прилегающих к ней частей здания — лестницы и коридора. Сколько изобретательности и подлинного искусства вкладывалось в эти украшения: готовились вертящиеся фонарики, ящички со словами «Христос воскрес», плакаты, картины и венец искусства — фонтан с изображением «Воскресения Христова». Много зелени, гирлянд, елей, венков. Всё это готовилось с такой любовью и заботой, которые совсем не похожи на те отношения на бурсе, какие показаны у Помяловского в его «Очерках бурсы» (24).

...Кончилось детство, прошли годы учения в духовном училище... и вот я — семинарист. **«Страстная седмица» в семинарии.**

Здесь всё величественнее, торжественнее и импозантнее, чем в духовном училище, но я не в хоре. Я больше выступаю в качестве чтеца-канонарха. Все мелодии песнопений «седмицы» я слушаю в лучшем исполнении, и как это бывает, когда несколько раз читаешь какое-либо литературное произведение или просматриваешь знакомую картину, **глубже постигаешь смысл прочитанного** или просмотренного, так и в данном случае глубже и глубже постигаешь красоту песнопений «седмицы». Шире

становится и круг музыкальных произведений, больше композиторов, посвятивших своё творчество «седмице», но **главенствует** всё-таки бесмертный **Турчанинов**. Именно здесь, в семинарии, предо мной раскрыта была вся красота «Тебе одеющегося светом, яко ризою». **Здесь**, в семинарии, **прозвучали впервые** прекрасные трио **«[К] Тебе утреннюю»** (25), **«Блажени испытующие свидения Его»** (26); здесь, в семинарии, во всём величии раскрылось «великое стояние», непреходящая красота всенощной под великую субботу с её трипеснцем и **чтением в два голоса** священных текстов с рефреном: «Беззаконный же Иуда не восхоте разумети» (27). Наконец, здесь же ещё раз пропет был мной «Разбойник» Воротникова с Павлом Борчаниновым, соратником по хору духовного училища. **Так впечатления детства и юношества сомкнулись в одном глубоком переживании.**

Как не вспомнить кропотливых работ по украшению церкви и прилегающей к ней лестницы и коридора, ко дню Пасхи, в нашей *alma mater*, которые ежегодно происходили в «страстную» **под руководством Александра Борчанинова** (28). Как не вспомнить нишу перед входом в церковь, сделанную из ветвей пихты, с фонтаном и изображением «Воскресения»; фонтан в конце коридора и стены коридора в гирляндах из пихты. Яркие картины детства и юношества, которые **связаны нераздельно с воспоминаниями о «Страстной неделе» и Пасхе.**

Но... в семинарские годы, в отличие от лет духовного училища, когда всё воспринималось по-детски, открыто, доверчиво, червь философии Ивана Карамазова уже проникал иногда в душу. Бунтарь именно в «Страстную седмицу», накануне великого таинства веры — Воскресения Христова — выдвигал рассудок в противовес вере. **Сухой рассудок**, однако, **не в состоянии был заглушить всё то богатство духа**, которое проявилось, и было пережито когда-то в детстве и юности. **Среди житейской суеты воспоминания о «седмице» сохранились как воспоминания о чём-то чистом, возвышенном**, как чистыми и одухотворёнными казались лица людей, которых мы наблюдали когда-то в «Великий четверг», когда они под пение «Вечери Твоя тайныя» шли на причастие.

20/VIII — [19]60 г.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 701–710.

Примечания:

1. Находится в составе очерков по истории села Русская Теча Челябинской области в «пермской коллекции» воспоминаний, в «свердловской коллекции» отсутствует. Из письма В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 20 августа 1960 г.: «Иван Степанович! В Вашем последнем ко мне письме есть такое выражение: «Как было бы хорошо описать страстную неделю», и Вы приводите художественные произведения, которые натолкнули Вас на эту мысль. Это Ваше предложение опять-таки напомнило мне ряд пережитых картин... и вот опять мемуары. Вы также писали в своём письме о моей автобиографии — здесь часть её. У меня всё это описано тяжело, угловато... Стиль грешит... но чистосердечно! Почерк дрянной... Старость!» (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 710).
2. Библия. Первая книга Царств, 14:43.
3. «Вечерний звон» — популярная русская песня, автором музыки которой называют композитора А. А. Алябьева (1787–1851) или неизвестного композитора, на стихи поэта И. И. Козлова (1779–1840).
4. В тексте песнопения: «Да молчит всякая плоть человека».
5. Автор перечисляет песнопения, которые поются на богослужениях в период Страстной седмицы.
6. Краткое песнопение «Чертог Твой» — эксапостиларий (от греч. отправляю, высылаю, корень слова общий со словом «апостол» — посланник) — троекратно поётся в конце утрени трёх первых дней Страстной седмицы. Содержанием его является не Тайная вечеря (эта тема раскрывается в службах Великого Четверга), а покаянное преломление евангельской притчи о десяти девах (Евангелие от Матфея, 25:1–13).
7. Это песнопение поётся неоднократно на литургии Великого Четверга, наиболее выразительно — вместо Херувимской песни.
8. Предположительно, имеется в виду картина «Тайная вечеря» итальянского художника Леонардо да Винчи (1452–1519).
9. Музыка на текст стихиры П. Турчанинова «Тебе одеющегося светом» является обработкой песнопения болгарского распева, оно до настоящего времени звучит на вечерни Великой Пятницы. Во время медленного, протяжного пения происходит каждение Плащаницы, лежащей в алтаре на престоле.
10. Предположительно, имеется в виду «Снятие со креста» — центральная часть триптиха фламандского художника Питера Пауля Рубенса (1577–1640).
11. В тексте стихиры «и раздирашесь церковная завеса». Автор ошибочно употребляет

- термин «фуга», в действительности в песнопении звучат лишь короткие имитационные переключки верхних и нижних голосов.
12. Здесь автор смешивает текст двух строк: «Или какою плащаницею обвию?» и «Коима ли рукама прикоснуса нетленному Твоему Телу?»
13. Это излюбленная цитата из Псалтыри, часто встречающаяся в статьях о церковном пении в конце XIX — начале XX века, когда авторам хотелось «разумно», рационально объяснить богослужбное пение: «Пойте Богу нашему, пойте, пойте Царю нашему, пойте. Яко Царь вся земли Бог, **пойте разумно**» (Библия. Псалтырь. 46:7-8).
14. Автор не совсем точно пишет о службе утрени Великой Пятницы (служба совершается в четверг вечером), на которой читаются 12 евангельских фрагментов о страданиях Иисуса Христа. Каждое евангельское чтение сопровождается краткими хоровыми опевами: до чтения — «Слава страстем твоим, Господи», после чтения — «Слава долготерпению Твоему, Господи».
15. В тексте Евангелия от Иоанна: «Рече Господь Своим учеником: ныне прославися Сын Человеческий, и Бог прославися о Нем». (Библия. Евангелие от Иоанна. 13:31).
16. В тексте Евангелия от Иоанна: «Глагола Ему Пилат: что есть истина?» (Библия. Евангелие от Иоанна. 18:38).
17. Эксапостиларий Великой Пятницы звучит после трипеснца (неполного канона) на утрени. Это ещё не кульминация службы, прочитано только восемь из двенадцати евангельских чтений. Впечатления автора более всего объясняются его музыкальными предпочтениями. Песнопение имеет большое число музыкальных воплощений, наиболее выразительным автор считает трио П. Воротникова.
18. Козловский Иван Семёнович (1900–1993) — русский оперный и камерный певец (тенор), режиссёр, народный артист СССР. В детстве в Киеве пел в Софийском соборе и Киево-Печерской лавре, в Москве, будучи знаменитым артистом, по большим праздникам пел в церковном хоре.
19. Тропарь, который поётся в конце вечерни Великой Пятницы, когда из алтаря на середину храма износится Плащаница. Обычно поётся греческим распевом.
20. Стихира, которая поётся в конце утрени Великой Субботы (служба совершается в пятницу вечером) по время целования Плащаницы.
21. Полностью «*Stabat mater dolorosa*» (с латинского — «Стояла Мать скорбящая») — католическое средневековое песнопение (секвенция), входит в состав мессы *Proprium* (изменяемая часть мессы).
22. Это песнопение звучит на литургии Великой Субботы на Великом входе вместо Херувимской песни.

23. Канон, исполняемый на утрени Великой Субботы.
24. Автор имеет в виду «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского, в которых с большим критическим пафосом рассказано о жизни учеников бурсы (духовного училища) в атмосфере бездушия и применения телесных наказаний, которые были распространены не только в духовно-учебных заведениях, но и во всей русской жизни в условиях самодержавия и деспотизма. Помяловский Николай Герасимович (1835–1863) — русский писатель, прозаик, автор реалистических повестей.
25. «К Тебе ўтренюю» — трипеснец утрени Великой Пятницы.
26. Автор упоминает пение 118-го псалма («Непорочных») на утрени Великой Субботы: «Блажени непорочнии в путь, ходящии в законе Господни. Блажени испытующие свидения Его, всем сердцем възышут Его».
27. На утрени Великой Пятницы поются (или читаются) 15 антифонов Страстей Христовых, каждый антифон состоит из нескольких строф-тропарей, которые поются двумя хорами (или читаются двумя чтецами) попеременно. Автор упоминает последнюю строку-рефрен тропарей третьего антифона.
28. См. отдельный очерк автора об Александре Борчанинове.

Пение (1)

Среди всех учебных предметов семинарии не было какого-либо другого, который бы был в таком неопределённом положении, как пение. С одной стороны это был учебный предмет, таким он значился и в расписании, и были преподаватели этого предмета, но никто не знал, какова программа это[го] предмета. И была ли, наконец, эта программа? Это особенно будет ясно, если сопоставить этот предмет — пение с предметом — пение в духовном училище. Если кого-либо спросить, чему его учили и в той или иной степени научили на уроках пения в духовном училище, то он скажет: «меня научили петь по «гласам», — петь по Октоиху (2) богородичны (3), петь каноны (4), тропари (5) и т.д. Одним словом, всему тому, что «на потребу» псаломщику. Ну а как на этот же вопрос будет отвечать семинарист?

Возьмём на память первый класс семинарии и посмотрим, как там обстояло дело с пением. Уроки пения у нас вёл регент архиерейского хора

П. К. Потеряйко (6). Он был прекрасный регент. Он ввёл в исполнение *piano*, мягкость, изящество, выразительность. Ему принадлежала композиция пасхального тропаря «Христос воскрес», которая всегда в семинарии использовалась при «Встрече Христа». А чему он нас учил? Он заучивал с нами украинские песни, из которых автору сего запомнилась только: «Ой из-за горы та буйный ветер». Разучивать украинские песни — хорошо, но неужели только в этом должны состоять уроки пения в семинарии?

Помнится, это было, когда мы учились в III или IV классе. Учителем пения был Николай Васильевич Пиликин. Он кончил Консерваторию. Меценатом его был один из купцов Грибушиных (7). В семинарии в этом году был организован вечер, на котором он дирижировал однородным хором семинаристов, и они блестяще исполнили: «Ноченьку» из «Демона» под аккомпанемент пианино, «Жук и роза», «Парус» — последняя его композиция. И вот его урок.

Он вызывал кого-либо к пианино и просил взять любой аккорд, а сам не смотрел на пианино, а потом определял: какой аккорд, из какой гаммы; одним словом, демонстрировал свои знания... Ему аплодировали, а он... «Мне в Москве аплодировали, а от вас (далее такой смысл) от болванов и слышать не хочу». Его же перлы речи: «Мы прогрессируем вперёд, а вы регрессируете назад». Иногда на доске записывал: задача — сольфеджи и вызывал петь. Чирков, наш известный баритон, пел «с места». Вот это, вероятно, было то, что именно и нужно было делать на уроках, т. е. гаммы, сольфеджи...

Когда М. В. Попов был регентом архиерейского хора, он, очевидно, был и учителем пения в семинарии, как и Потеряйко. Он проводил в церкви общее пение. Помнится, однажды разучивали «Многая лета» — «Сотвори ему многая лета» и т.д. Входило ли такое пение в программу предмета или нет — неизвестно. Но это всё-таки походило на урок пения в семинарии.

Была ли всё-таки какая-либо программа занятий по пению, или это был «беспредметный» предмет — «*Contradictio in dicto*» — осталось неизвестно. Если же рассуждать чисто теоретически, то чему следовало после духовного училища учить на уроках пения? Ответ напрашивается: теории пения: строению гамм, сольфеджам и т.д. Но тут возникает другой вопрос: как заинтересовать массы в этом деле, тех из них, которые не поют? А такие ведь оказывались ещё и в духовном училище и составляли «чистое мучение»

для преподавателя пения. Они ссылались на то, что у них нет слуха, иногда ложно прикрываясь этим тезисом. Может быть, следовало бы заинтересовать учеников семинарии постановкой голоса, к чему некоторые стремились?

При таком же положении с пением, какое было *de facto*, проблема его не только не была разрешена, но даже не было намечено и правильного подхода к её разрешению. Похоже на то, что пение в семинарии существовало как элемент в зарплате регента архиерейского хора (8). Среди семинаристов находились отдельные любители пения, которые изучали теорию пения, но они шли своим путём, минуя семинарские уроки пения.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 184–186 об.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
2. Октоих — богослужбная книга, содержащая в себе чинопоследования суточных богослужений: вечерни, повечерия, утрени и литургии для шести будничных дней недели, а для воскресных дней, кроме того, — малой вечерни и полунощницы. Все песнопения Октоиха по способу пения разделяются на восемь гласов (отсюда название книги), или напевов, из которых каждый употребляется в продолжение одной седмицы (недели). Полный столп осмогласия составляет прохождение восьми недель. В русской традиции гласовое пение осуществляется без нотной записи, на известные наизусть гласовые напевы певцы распевают канонические богослужбные тексты песнопений.
3. Богородичны — молитвенные песнопения в честь Пресвятой Богородицы: стихира, тропарь или седален, входящие в круг суточных богослужений.
4. Канон — сложная многострофная духовная поэма, исполняемая на богослужении, посвящённая какому-либо празднику или памяти святого.
5. Тропарь — краткое молитвенное песнопение, в котором раскрывается главное содержание праздника, прославляется и призывается на помощь святой, в честь которого совершается служба.
6. Потеряйко Пётр Кузьмич — регент Пермского архиерейского хора. С 1 марта 1903 г. учитель церковного пения в Пермской духовной семинарии.
7. Грибушины — кунгурская династия купцов и меценатов.
8. Так в тексте. Правильно, скорее всего, семинарского.

О чём пели семинаристы во время Первой русской революции (1)

Песня — зеркало души человека. В ней, как говорится, он «изливает» свою душу. Перефразируя известное изречение — «скажи мне, с кем ты знаком, и я скажу, кто ты», можно было бы сказать: «Скажи мне, какие песни тебе нравятся, и я тебе скажу, кто ты».

В семинарии всегда были отдельные юноши, которые заводили заветную нотную тетрадку, в которую любовно, с большой тщательностью вносили свои любимые мелодии, свои любимые песни. Порой они записывали эти песни в критические минуты, когда приходилось урывать время, необходимое на что-либо другое, но они шли на риск, лишь бы не упустить возможность списать то, что случайно подвернулось для списывания. Этим тетрадочкам они доверяли свои думы, свои интересы, своё настроение, и по содержанию этих тетрадок, по записанным в них песням, как по дневнику, можно было судить о том, какое было настроение, мысли, интересы хозяина тетрадки в тот или иной момент. Не обязательно, чтобы владелец тетрадки пел в хоре. Он мог быть просто любителем пения. Он мог петь эти песни в кругу своих близких друзей-одноклассников. В семинарии бывали эти кружки. Наконец, бывало и так, что эти песни он увозил домой и там, в кругу деревенских друзей распевал их на вечерах. В последующей жизни, в минуты ли раздумья, грусти или веселья, он заглядывал в эту тетрадку, и прошлое им вновь переживалось, как вчера. Песни эти поступали из разных источников, и по ним можно было судить, в каких кругах вращался хозяин тетрадки. Песни были написаны в разных тональностях — мажорных, минорных — и по ним можно было судить о настроении хозяина тетрадки в разные минуты жизни.

1. Вакхическая песнь

Кто не восторгался вакхической песней А. С. Пушкина: «Что смолкнул веселия глас». Бессмертная форма стиха, унаследованная от римских классиков. Ещё в юности мы учили блестящий алкей Горация Флакка

*Nune est bibendum,
Nune hede liberum!*

*Pulsanda tellus
Nunes aliaribus!*

«Теперь нужно пить, теперь нужно ударять свободной ногой по земле (танцевать), как на Салиариях (деревенских торжествах)».

Ни Гораций, ни Пушкин вовсе не проповедают пьянство; они призывают к веселью. Пушкин в конце своего стихотворения призывает к свету: «Да скроется тьма!»

Молодёжь здоровая, для которой всё впереди, не может жить без веселья. Вот вакхическая песня семинаристов, перекликающая с горацевым «*Nune estbibendum*»:

*«Братья, рюмки наливайте!
Лейся через край, вино!
Всё до капли выпивайте,
Осушайте в рюмках дно!
Кто всё плачет и вздыхает,
Вечно смотрит сентябрём,
Тот науки, жаль, не знает
И не видит света днём».*

В песне есть и минорные ноты.

*«Братья, в жизни много горя,
Кто его не испытал:
Слёзы вдоха — наша доля».*

Но конец призывает!

*«Да светлеет сердце наше,
Да сияет в нём покой,
Как вино сияет в чаше,
Осребряемо луной».*

В стенах семинарии мы эту песню не пели (в храме науки), но дома да! Но разве же можно нас было обвинить в пьянстве? Кто решился бы бросить в нас этот камень?

2. Волга. Ноченька, Ивушка

Как нельзя представить музыковеда, который рассказывал бы о величайшем музыкальном произведении М. П. Мусоргского — «Борис Годунов» и не упомянул бы о создании музыкального образа Бориса Годунова — Ф. И. Шаляпине; как нельзя представить музыковеда, который бы рассказывал о музыкальной одарённости великого певца и не упомянул об исполнении им народных песен о Волге, о ноченьке и др[угие]; как нельзя представить любителей пения, которые, собравшись в кружок и перепевая весь свой песенный репертуар, не исполнили бы песни о Волге, ноченьке и ивушке; так нельзя представить заветную нотную тетрадку какого-либо любителя пения, в которой не было бы в той или иной редакции этих песен. А если это тетрадка ещё семинариста, с детства привыкшего слушать эти песни, то тем более.

Волга. Нужно ли создать в песне образ казацкой вольности и вожака её — Степана Тимофеевича Разина — не обойтись без образа Волги:

*«Волга, Волга...
Не видала ты подарка от донского казака».*

Нужно ли создать образ «радость-душечки, красной девицы», идущей на прогулку с молодцем — не обойтись без образа Волги.

«Мы пойдём с тобой, — говорилось в песне, — добрый молодец — разгуляемся вдоль по бережку Волги-матушки».

Нужно ли высказать печаль ямщика — не обойтись без образа Волги:

*«Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой.
Ямщик, уныло напевая,
Качает буйной головой».*

Нужно ли в песне изобразить широкое раздолье — бурю, порыв, удаль — не обойтись без образа Волги:

*«Вниз по матушке — по Волге,
По широкому раздолью...»*

Сколько разных песен о Волге! Любимой семинарской была:

*«Вниз по Волге реке, с Нижня Новгорода,
Снаряжён стружок, как стрела летит».*

Особенно нравился запев — *solo* (2), а потом *tutti* (3) — любимая форма семинарского пения.

Этим же нравилась песня:

*«Не осенний мелкий дождичек брызжет,
брызжет сквозь туман.
Слёзы горькие льёт молодец
на свой бархатный кафтан» (solo).
Tutti: Полно, брат молодец, ты ведь не девица,
(пой или пей) тоска пройдет».*

Ноченька. Хороша «Венецианская ночь» М. И. Глинки. Мы пели её ещё в первом классе семинарии. Музыка прозрачна, как ночь в Венеции. Видится Бреита и пр. Но народная песня «Ноченька» — с чем её можно сравнить?

*«С кем мне ноченьку, с кем мне тёмную —
С кем осеннюю коротать будем»
Нету батюшки, нету матушки,
Лишь один-то есть мал сердечный друг,
Да и тот со мной не в ладу живёт».*

Есть варианты этой песни. Есть песни на тему «Ноченьки» в обработке различных композиторов. Из числа последних любимой была:

*«Ах ты, ночь ли, ноченька!
Ах ты, ночь ли бурная!
Отчего ты с вечера
До глубокой полночи —
Не блистаешь звёздами,
Не сияешь месяцем?»*

*Всё темнеешь тучами.
И с тобой, знать, ноченька,
Грусть-злодейка сведалась!»*

В этой песне больше всего нравилось обращение к ночи — задушевный разговор с ней.

Прекрасный момент исполнения стаккато у баса: всё... тем... не...ешь.

Любили мы эту песню петь в четвёртом классе и дома, у себя... в деревне.

Ивушка. Ещё в детстве, помнится, возьмёт отец в руки гитару, сделает переборы струн, заиграет и запоёт:

*«Ивушка, ивушка, зелёная моя,
Что же ты, ивушка, не весела стоишь?
Или тебя, ивушка, солнышком печёт,
Солнышком печёт, частым дождичком сечёт.
...Ехали бояре из Нова-городка
Срубили ивушку под самый корешок.
...
Тятинька с мамонькёй неправдами живут,
Неправдами живут — силой замуж выдают».*

Семинаристы про Ивушку пели в мелодии, созданной неизвестным композитором.

*«Что ты склонилась, зелёная ивушка?
Что так уныло глядишь?
Или о горе моём ты проведала —
Вместе со мною грустишь?
Шепчутся листья твои серебристые,
Шепчутся с чистой волной.
Не обо мне ли тот шёпот таинственный
Вы завели меж собой?
Знать, не укрылася дума,
Гнетущая чёрная дума от вас.
Вы разгадали, о чём эти жгучие
Слёзы лилися из глаз.»*

*В шёпоте вашем я слышу участие,
Мне вам отрадно внимать.
Только природе страданья незримые
Духа дано врачевать».*

Какая прелесть в содержании этой песни! Чудесная музыка! Особенно хороши те места, где идут триоли — задушевный шёпот, сердечная беседа.

Все эти песни о Волге, ночью, ивушка обладают свойством неувядаемости, свежести и красоты: время бессильно их состарить. В их мелодиях отразился народный характер: задушевность, сердечность, красота души русского человека.

3. Песни революционные

*«Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Дни и ночи часовые
Стерегут моё окно.
Ах вы, цепи, мои цепи,
Вы железны сторожа
[пропущена строка. — Ред.]
Никому и никогда.
Как хотите — стерегите,
Я и так не убегу.
Мне и хочется на волю:
Цепь порвать я не могу» (4).*

Первая строчка каждой строфы пелась как запев — *solo*, а последующие *tutti*; четвёртая в унисон. По содержанию песня созвучна известному стихотворению: «Слушай» — «Как дело измены, как совесть тирана, осенняя ночь темна...» Всем было известно отношение этой песни к пьесе «На дне»! Как будто нет ничего особенно революционного в этой песне, но в своё время она имела революционное звучание, была знаменем своего времени, призывом к борьбе. Семинаристы пели эту песню во время своей забастовки. Помнится, как некоторые семинаристы задержались немного

с отъездом из семинарии во время забастовки и распевали эту песню в спальне. Пришёл А. П. Миролубов и с раздражением сказал: «А, вам здесь, в тюрьме, темно...», и дано было распоряжение — прекратить отопление спальни.

Кто из нас не пел «Варшавянку» и «Смело, товарищи, в ногу»! На мотив Марсельезы (5) пели:

*«Мы молоды, сильны и смелы,
Мы жизни и счастья хотим.
И право на жизнь и свободу
Мы грудью своей отстоим.
Мы дети весёлого солнца,
Враждебна нам тёмная ночь.
Так пусть же все гады ночные
Скорей убираются прочь!
Вставай, поднимайся, рабочий народ,
Иди на врага, люд голодный.
Раздайся звук песни свободной:
Вперёд, вперёд, вперёд, вперёд!!!
Мы видели много насилья,
Довольно с нас тюрьм и цепей.
Да здравствует труд и свобода
И счастье родимых полей!
На свежих могилах тиранов
Победу отпразднуем мы,
Победу свободы и солнца
Над царством насилья и тьмы!
Вставай, поднимайся, рабочий народ.
Иди на врага люд голодный...»*

Содержание песен само за себя говорит.

Интернационал. Начало пели в унисон, но со слов — «весь мир насилья мы разрушим» — *trio*. Красочно идёт мелодия баса — это бу...дет после...дний и решительный бой». Теперь не поют в этой композиции, а жаль: она придаёт особо торжественное звучание гимну.

«Похороны», слова Надсона (6), муз[ыка] Анохина (7).

*«Слышишь: в селе, за рекою зеркальной,
Глухо разносится звон погребальный
В сонном затишье полей.
Грозно и мерно удар за ударом
Тонет в дали, озарённой пожаром
Алых вечерних полей.*

*Слышишь: звучит похоронное пенье:
Это апостол труда и терпенья
Честный рабочий почил.
Долго он шёл трудовую дорогой,
Долго родимую землю с тревогой
Потом и кровью поил.*

*Слышишь! Много он вынес могучей душой,
С детства привыкшей бороться с судьбой.
Пусть же зарытый землёй,
Он отдохнёт от забот и волненья —
Этот апостол труда и терпенья
На моей отчизне родной».*

Как видно, этот пролетарский *Requiem* (8) сильно романтичен: в нём налицо Надсон — элегический романтик, но всякая элегия по природе своей романтична. В этой песне нарастает звучание выражения «Слышишь», когда оно упоминается в третий раз. Это отражает движение чувства, его нарастание.

Революция связана была с жертвами. Стоит только вспомнить 9-е января. Поэтому форма *Requiem`a* была созвучна эпохе, хотя и имела малое распространение в широких кругах. Семинаристам знаком ещё был *Requiem* Черепнина: «Не плачьте над трупами павших бойцов — слезой не скверните их прах» (9). Эти *Requiem`ы* по своей романтичности (элегия) привлекали внимание семинаристов, питали их романтическое воображение. «Слышишь» было любимой песней известного семинарского тенера — Свечникова (*sic!* в фамилии **Ч**, а не **Ш**), и мы под его руководством не раз распевали эту песню в четвёртом классе (10).

В революционных песнях, конечно, полностью отразилось настроение семинаристов в те дни — в дни революции 1905 г. Пускай не все семи-

наристы пели, но те, кто пел, передавали настроение общей, настроение семинарской братвы (11).

4. Песни, исполненные на семинарских вечерах

Что семинарские вечера были для семинаристов большим культурным событием — об этом излишне говорить. То, что на вечерах пелось, декламировалось, входило в культурный быт и содействовало культурному росту. Песни, которые пелись на вечерах, не исчезали бесследно, «как мимолётное видение»: рождалось желание записать их в заветную тетрабочку, чтобы потом ещё и ещё вспомнить о них в жизни, пережить то удовольствие, которое они оставили при первом знакомстве с ними. Наш бывший учитель пения подарил нам на память две песни, которые семинаристами были исполнены на вечере под его руководством. Вот они:

«Жук и роза, муз[ыка] Фейта.

*Вот старый жук летает... Зум, зум, з-з.
На нём мундир сапфирный,
А сам любовью тает... Зум, зум...
И к розе он летит.*

*Уселся к ней и молвил:
Красавица, взгляни ты,
Какой я жук-то важный:
Любить меня не грех.*

*А роза отвечает:
Знакома с мотыльком я
С молоденьким, красивым,
А ты хоть важный жук,
Да только очень стар.*

*И тут наш жук увидел,
Что белый мотылёчек
Целует розу страстно!
Зум, зум, з-з-з-з.*

*Такой позор не съёс наш жук,
В траву упал и там заснул».*

Оригинальное построение песни было откровением для семинаристов. Песня вызвала восторг. Конечно, воспроизвести её во всех тонкостях по слуху было невозможно, но основная мелодия запомнилась, и долго, долго ещё семинаристы пели о жуке, благо слово **жук** в их лексиконе имело особое значение.

«Прощание с лесом», муз[ыка] Клауэра. Мы слушали его в том же исполнении.

*«Лес, мой лес, зачем так скоро
Сбросил пышный свой наряд?
Жёлтый лист не манит взора,
Грустно веточки висят.
О простота, мой сладкий лес.
Ненаглядный лес, прощай,
О, прости, мой сладкий лес!
Ухожу я безвозвратно
В край далёкий и чужой.
Здесь под сенью ароматной
Не раздастся голос мой!
Ненаглядный лес, прощай!
О, прости, мой славный лес!»*

В этой песне прекрасны запевы баса: «О, прости, мой славный лес» и «Ненаглядный лес, прощай». Чудесные слова и такая же музыка.

Лес — наш друг! Т. Леонов! Создатель «Русского леса»! Все друзья леса! Вот где лучшая агитация за охрану леса!

В Слуцком коммерческом училище, в его роскошном зале, автор сего пел эту песню, пел со всей душой, и хвала этому прекрасному созданию природы.

5. Песни из опер-арий

Как они входили в песенный репертуар семинаристов? Начинаясь с запоминания по слуху. Савва Поляков, например, придя из театра, воспроизводил «Клевету»! Александр Ильич Анисимов — «Я Вас люблю» из «Пиковой дамы»! Второй этап: ария или песня исполнялась на семинарском вечере. Например: «Молитва братьев Калашниковых» из оперы «Купец Калашников», «Ноченька» из «Демона», «О дай мне забвеньё» из «Дубров-

ского» и т.д. Дальше — во что бы то ни стало списать. Начинаются поиски. Прежде всего, у тех, кто пел, а потом — где только можно. А как узнали, что где-то есть что-либо, ну тут уже пошло по рукам. Не стесняются временем: экзамен или очередное сочинение — всё в сторону — лишь бы списать. А списал, так на всю жизнь благодарен за услугу. Вот яркий свидетель этого — письмо Василия Павловича Бирюкова.

*г[ород] Шадринск
27 дек. 1960 г.*

Дорогой Василий Алексеевич!

Я был очень рад узнать от Володи, что Вы здравствуете и не так даже далеко от наших мест. Привет Вам и наилучшие новогодние пожелания. Я окончил в Перми семинарию в 1917 г[оду] вместе с Серёжей Игнатьевым. Этого Серёжу я видел в последний раз в 1924 году, и до сих пор не знаю, где он и что он. Жив ли?

Если жив, сообщите ему мой адрес, а мне сообщите его. Я и сейчас бережно храню память о нём и ноты, которые он написал для меня: «Повеяло черёмухой» Гольтисона и ещё один вальс. «Повеяло черёмухой» исполняет мой квартет из студенток пединститута. Хотелось бы мне повидать его, да уж очень много лет прошло, уж и надежды мало.

Передайте также привет Николаю Алексеевичу, тому, что окончил семинарию в 1915 году. Его я видел в последний раз в Перми в 1928 году. Жив ли он? Тоже приятно вспомнить о нём.

Желаю Вам, дорогой Василий Алексеевич, доброго здоровья и успехов в делах Ваших.

*Василий Павлович Бирюков
г[ород] Шадринск Курганск[ой] обл[асти]*

Postscriptum. Любили семинаристы пение — любили. Этого от них отнять нельзя. Может быть, они были угловатыми, грубоватыми, нелюдимыми, но в области пения, любви к нему, художественному вкусу, выражаясь образно, они были «аристократами», и за это им следует, если не совсем

простить, то, во всяком случае, смягчить, «скостить» недостатки, которые накладывала на их облик бурса.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 142–152 об.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
2. *Solo* — музыкальный термин, исполнение всего музыкального произведения или его ведущей тематической партии одним голосом или инструментом.
3. *Tutti* — музыкальный термин, в данном случае — противоположность *solo*, то есть исполнение музыки полным составом хора непосредственно за исполнением *solo*, с тем чтобы дать солировавшему участнику возможность отдыха и подготовки к продолжению исполнения, а слушателям точнее ощутить на контрасте нюансы произведения.
4. В оригинале «Песни волжских босяков», записанной М. Горьким (1901):

*«Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Дни и ночи часовые
Стерегут моё окно.
Как хотите, стерегите,
Я и так не убегу.
Мне и хочется на волю —
Цепь порвать я не могу.
Эх вы, цепи, мои цепи,
Вы железны сторожа,
Не порвать мне, не разбить вас
Без булатного ножа».*

5. Марсельеза — марш, созданный в 1792 г., в период Великой Французской революции, который стал олицетворять борьбу революционеров с тиранией и стремление к свободе.
6. Надсон Семён Яковлевич (1862–1887) — русский поэт.
7. Анохин Андрей Викторович (1869–1931) — учёный-этнограф, композитор, просветитель.
8. Реквием (от латинского *requies* — «покой», «упокоение») — заупокойное песнопение.
9. Имеется в виду стихотворение *Requiem* русского поэта Лиодора Ивановича Пальмина (1841–1891), положенное на музыку русского композитора, дирижёра и педагога Николая Николаевича Черепнина (1873–1945).

10. По предположению М. М. Щеглова (письмо В. А. Игнатьеву от 9 июня 1968 г.), (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 419. Л. 33), семинарист Свечников Александр — это известный советский дирижёр, народный артист СССР, ректор Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского в 1948–1978 гг. Александр Владимирович Свешников (1890–1980).
11. В очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Во время революции 1905 г. отдельные сымпровизированные хоры возникали в семинарии то там, то здесь, а точнее сказать — вся семинария превратилась в один хор. Ноты расписывались конспиративно, а репертуар был подчинён моменту». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 19).

Семинаристы — культурные деятели нашего деревенского захолустья (1)

Личность семинариста у нас иногда отождествлялась с личностью бурсака, а бурсак после появления в русской литературе «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского представлялся в образе пресловутого «тессараконты» и подобных ему типов, выведенных в этом произведении. Считалось, что на самом облике семинариста лежит некая «каинова печать», которую А. С. Пушкин, например, отметил у известного деятеля времён Александра I — М. М. Сперанского в словах: «Сперанский — любимец царский, а образ у него семинарский». Фигура семинариста показана в романе-пародии у М. П. Мусоргского «Семинарист» (2). Был очень распространённым раньше анекдот о том, как гимназист и семинарист обменивались однажды комплиментами, причём гимназист, определяя специальное образование семинариста, расчленил слово — богослов на слова: бог ослов, семинарист же не растерялся и нанёс сокрушительный удар противнику, сказав: «Ах ты, скотина, узнал своего господина». Что говорить, анекдот этот грубый и свидетельствует лишь о том, до чего может довести озлобление и «страсти-мордасти», если их не подчинить разуму, точнее сказать — рассудку.

Спор этот между двумя представителями молодёжи нашего времени, представляющими два течения среднего образования, исторически сказался

на одной из классических наук, а именно — на изучении греческого языка, в фонетике которого, как известно, было два течения в произношении звуков, выраженных одними и теми же буквами, причём одно из них культивировалось в семинариях, а другое — в классических гимназиях. Речь идёт о произношении *υ, η*, а также дифтонгов *οι, αι*. Споры эти были сугубо академическими, а также и стычки, подобные описанному выше по поводу слова «богослов», происходили где-то в верхах, в городах, а в деревнях они не имели места, потому что гимназистов в деревнях не было, а семинаристы были единственными представителями молодёжи мужского рода, получающей среднее образование.

Места же, где мы родились и где проходила наша юность, были действительно «медвежьими» углами, захолустьем. Они находились вдали от культурных центров, от городов, железнодорожных линий. Чтобы добраться до них из губернского центра, нужно было пробыть в дороге полтора суток, из них полсуток нужно было потратить на поездку лошадьми. Что говорить: захолустье, полное захолустье. В силу особых условий, а главным образом по месту жительства наших деятелей в бывшем Шадринском уезде Зауралья прославились следующие сёла, расположенные друг от друга на расстоянии 20–30 вёрст: Бродокалмак, Песчанка, Теча и Верх-Теча, причём их деятели-семинаристы могут быть разделены на три поколения, период в шесть лет, что определялось сроком обучения их в семинарии. Деление на три поколения, нужно оговориться, не является простым арифметическим делением на шесть, а свидетельствует о тех качественных изменениях, которые происходили у каждого поколения: события развивались с такой быстротой, что период в шесть лет уже был достаточным для того, чтобы иметь свои характерные черты.

Вышеуказанные сёла, как центры культурной деятельности семинаристов, могут быть представлены в сжатом описании в следующем виде.

Бродокалмак

В этом большом и богатом селе в период времени с 1894 г. по 1900 г. была на славе семья заведующего двухклассным училищем **Григория Ивановича Буткина**, у которого были **два сына** — уфимские семинаристы — **Александр** и **Николай**. Сам Григорий Иванович, по всем признакам

бывший семинарист, был любителем пения и спектаклей, а сыновья его были опорой ему в этом деле. Семья Буткиных была центром культурной жизни села, а сыновья Григория Ивановича были душой хора, который был на славе в наших краях. В 1894 г. бродокалмацкие «артисты» приезжали в Течу с постановкой **сцен из «Ивана Сусанина»** М. И. Глинки. Предприятие это было смелым, но таковыми именно были деятели тех времён: им казалось, что они всё «могут». Несколько лет позднее бродокалмацкий хор, руководимый Николаем Буткиным, ещё раз выступил в Тече по поводу семейного торжества теченского земского начальника. Он выступал как установившаяся уже организация — детище семинаристов Буткиных. Они относились к старшему поколению деятелей.

Песчанка

В этом большом и богатом селе в течение 4–5 лет организатором спектаклей был пермский семинарист — **Николай Алексеевич Топорков**. По общему признанию знатоков драматического искусства он был талантливым актёром и организатором постановок и пользовался авторитетом и заслуженной славой. В своей деятельности он опирался на молодёжь двух семей: Михайловских и Колчиных. Последние, однако, с переездом их матери на работу учительницей в деревню Шуранкуль стали тяготеть к Тече, к которой эта деревня была ближе, чем к Песчанке. Известно было, что **в Песчанке было специальное помещение для театра**: длинный склад, которому придана была форма летнего театра. В течение летних каникул этот театр жил полнокровной жизнью. В основном в этом театре ставились водевили и драмы несложного характера.

Теча

В Тече был ряд благоприятных условий, способствовавших появлению и росту талантов среди молодёжи. Из них нужно указать следующие:

1. Наличие двух многодетных семейств — **Бирюковых** и **Игнатьевых**, из которых на протяжении примерно полутора десятков лет поколение за поколением выходили на сцену всё новые и новые деятели культуры.

2. Приезд на период летних каникул другой молодёжи, вливавшейся в среду аборигенов.

3. Наличие энергичного руководителя культурной жизни села — жены теченского земского начальника — **Елизаветы Ивановны Стефановской**, её сына, студента Московского университета — **Александра Павловича**.

В летние месяцы в Тече собиралось такое количество молодежи, преимущественно семинаристов и епархиалок, что можно было составить из них группу артистов в 10–15 человек; причём это были люди, проходные и для драмы и для оперы, т.е. и актёры и певцы. Трудно определить, в чём, в какой области в большей степени проявился их талант: в спектаклях или в хоре. В Тече именно проявили себя все три поколения семинаристов — культурных деятелей деревни.

Центральными фигурами старшего поколения были: пермский семинарист **Алексей Алексеевич Игнатъев**, тобольский семинарист **Михаил Владимирович Бирюков** и студент Московского ун[иверсите]та **Александр Павлович Стефановский**. На этот триумвират и опиралась в своей деятельности Елизавета Ивановна. Ей много приходилось возиться с самолюбивым и капризным М. В. Бирюковым, который играл ведущие роли, и играл неплохо, а именно поэтому ломался, капризничал, как это бывает часто у одарённых детей. Она уговаривала, мирила, воодушевляла, а иногда искусно пользовалась приёмами лести, чтобы добиться своей цели. Главной же опорой у ней была, конечно, ещё с детства появившаяся у всех её «артистов» склонность к спектаклям. Ещё в детстве все эти юноши и девушки теченские уже устраивали спектакли или в бирюковском доме под лестницей, или в конюшне на заднем дворе. Нужно было только поднести спичку к затухшему костру, чтобы он снова воспламенился. Это хорошо понимала Елизавета Ивановна, и это было её главным козырем. Было что-то курьёзное в манере подражать настоящим артистам: придумывала различные псевдонимы: Прозоровский, Одынся и т.д. Разделялись на артистические амплуа: Михаил Бирюков — трагик *a la* Несчастливцев (?), Алексей Игнатъев — комик *a la* Аркашка. Первой пьесой была комедия «Ожидание кометы в уездном городе». Успех окрылил: ставили «На бойком месте» и др[угие]. В течение трёх или четырёх лет в Тече в летние каникулы устраивались спектакли, на которые съезжались поклонники драматического искусства из соседних сёл по радиусу в 20–30 вёрст, и слава о теченских артистах далеко разносилась по Шадринскому уезду. Здесь уместно упомянуть и о сподвижниках теченских актёров, заслуженно

разделявших с ними славу. Это были екатеринбургские епархиалки: сёстры Пятницкие — Софья Петровна и Надежда Петровна, Игнатъева Александра Алексеевна (3).

Преуспевал в Тече в это время и хор в развёрнутом, как у нас теперь часто говорят, виде: были представлены все голоса партитуры — басы, тенора, дисканты и альты.

Приезд в Течу в 1899 году ансамбля пермских семинаристов-певцов был исключительным событием нашего села. Это были певцы высокой культуры и очень одарённые. Солидным басом был **Владимир Михайлович Присадский**, чудесный тенор **Александр Иванович Смирнов** (4) был солистом архиерейского хора, в партии второго тенора выступал **Александр Степанович Горбунов** и в партии баритона — Павел Петрович Ионин. **Пребывание их в нашем селе примерно в течение двух недель было сплошным концертом.** Они были прекрасными исполнителями украинских песен и *trio* А. С. Даргомыжского: «На севере диком», «Ночевала тучка». Концерт, данный ими в Тече, познакомил теченскую публику со многими классическими произведениями певческой культуры.

Подводя итог культурной деятельности старшего поколения семинаристов нашего села, нужно сказать, что оно, это поколение, впервые выдвинуло нашу Течу в ряду других сёл и показало, чего можно достигнуть на поприще культуры в глухом углу, если приложить для этого силы. Старшее поколение оставило хорошее наследство следующим поколениям, а один из его деятелей впоследствии сделался солидным деятелем в области музыкальной культуры (5).

Представителями среднего поколения была продолжена культурная работа на селе. В области организации спектаклей некоторые представители этого поколения, например, Андрей Владимирович Бирюков, выступал уже в составе старшего поколения, с одной стороны, а с другой стороны вовлечены уже деятели и младшего поколения, например, **Екатерина Анатольевна Бирюкова** и **Николай Алексеевич Игнатъев**. Такая преемственность была единственной школой талантов и лучшей традицией. «Новыми» явлениями в этом поколении были: во-первых, изменение руководства, перемена в составе организаторов — указанной выше Елизаветы Ивановны Стефановской уже не было, и организация спектаклей получила более демократический характер; во-вторых, в состав артистов влились

новые силы из соседних сёл и деревень. Так, на прежде заложенном фундаменте, при значительном влиянии личности одного организатора, дело не заглохло после исчезновения этой личности, а продолжало развиваться: у ствола дерева появились новые побеги. В числе деятелей теченской кооперации оказался один выходец из Песчанки, активный участник спектаклей в этом селе, [Калашников] **Иван Михайлович**. Он и влился в теченскую труппу на выполнение трагических ролей. Из Беликуля вошла в неё шадринская гимназистка, **дочь крестьянина Марина Спиридоновна Добрынина**. По существу этот состав актёров и составил ядро среднего и младшего поколения, так что деление на поколения в области спектаклей в Тече на три было условным: можно было сказать, что было только два поколения, тем более что и характер постановок был более или менее однородным, а именно — ставились и теми и другими водевили и небольшие драмы. Но зато в области пения во втором поколении сделан был сильный уклон в сторону сольного исполнения в сопровождении аккомпаниатора в виде пианино или рояля. Это было переходом к концертному исполнению деятелей следующего — младшего поколения.

Верх-Теча

Организатором спектаклей в этом большом селе был пермский семинарист Андрей Яковлевич Максимов. По принятому нами условному делению на поколения, его нужно, по крайней мере, по возрасту и времени его деятельности отнести к среднему поколению. Андрей Яковлевич выступал в спектаклях и как режиссёр, и как артист. Ему больше удавались роли стариков и чиновников. В состав его «труппы» входили екатеринбургские епархиалки Катя Богомолова и Лина Пономарёва. Поставлены были, например, чеховские миниатюры — «Медведь», «Юбилей». Из этого видно, что спектакли в Верх-Тече по выбору пьес для них не отставали от жизни, и тематика их была другой, чем в Песчанке и Тече. Это было новым явлением в этой области.

Андрей Яковлевич был ещё мандолинистом, и этой стороной своего таланта он примыкал к музыкальному кружку, во главе которого стоял пермский семинарист **Григорий Иванович Богомолов** (6). Г. И. был талантливый музыкант. В наших краях он был единственным музыкантом-пианистом и в этом отношении выделялся из ряда других музыкальных

деятелей. Он был, несомненно, одарённым юношей и добивался усовершенствования в области игры на рояле. **Учиться игре на рояле он начал ещё в детские годы у М. М. Щеглова в Камышлове**, но не ограничился этим, а в бытность пермским семинаристом **продолжил учиться в школе Петерсон**. Как пианист он был большим приобретением для семинаристов, любителей пения вообще, а в частности сольного пения под аккомпанемент рояля. Естественно, что около него всегда группировались певцы и музыканты. Таким образом и составил **кружок энтузиастов — певцов и музыкантов**, которые **в 1912 г. в июне устроили в Верх-Тече концерт** с разнообразной программой. Так же, как это когда-то было в Тече, сюда съезжались семинаристы, но не из Прикамья, а из Зауралья, и решили дать концерт. 20.VI.1912 г. в Верх-Тече было большое оживление в волостном правлении: верх его очищался от шкафов и столов, из квартиры Богомоловых бригада силачей в поте лица переносила сюда рояль. Вечером состоялся концерт. Верх волостного правления был забит людьми до отказа. Люди висели на окнах, толпа стояла внизу во дворе. В программе значились в числе других следующие номера (7):

1. «[Белеет] парус [одинокий]», муз[ыка] Корнилова — исп[олняли] трио под аккомпанемент рояля пермские семинаристы Еварест Медведев (8), Пётр Топорков (9) и верх-теченский псаломщик [Алексей Олесов]. Аккомпанировал Г. И. Богомолов.

2. *Solo*. а) «Дивно малиновки звенят» Тальяфико. Е. Медведев.
б) Серенада Речкулова «Вновь я здесь [перед тобою]». П. Топорков.

3. Скрипка и балалайка — народные песни: «Светлый месяц» и др[угие]. Виталий Боголепов и Николай Игнатъев.

4. *Solo* на рояле: Мендельсон[-Бартольди] (10) «Песни без слов» № 6 и 12. [Исполнял] Г. И. Богомолов.

Все исполнители концерта — пермские семинаристы были также б[ывшими] воспитанниками Камышловского дух[овного] училища, а в области пения и музыки — питомцами Михаила Михайловича Щеглова (11), так что можно сказать, что среди исполнителей концерта невидимо присутствовал и он — учитель этого молодняка.

Успех был большой и заслуженный. **Младшее поколение семинаристов** в наших глухих «медвежьих» местах приняло эстафету и значительно продвинуло вперёд культурную работу на селе: концерт, данный в

Верх-Тече, не зазорно было бы показать в каком-либо культурном центре, если не губернского, то, по крайней мере, уездного масштаба.

Нет! Нашим семинаристам, несмотря на разные разговоры о них, как о бурсаках, не стыдно сказать о себе: **да, мы были семинаристами, с честью носили это звание и кое-что сделали для культуры наших краёв.** Как знать, может быть, те, кто потом устраивали спектакли в наших течах, верх-течах и т.д., ещё в наши времена, будучи деревенскими мальчишками и девчонками, получили первые уроки в своих спектаклях, и это было для них первой школой.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 578–588.

Примечания:

1. Находится в составе очерков по истории села Русская Теча Челябинской области в «пермской коллекции» воспоминаний; в «свердловской коллекции» отсутствует.
2. Имеется в виду романс «Семинарист» на слова М. П. Мусоргского.
3. Игнатьева Александра Алексеевна (1877–1952) — старшая сестра В. А. Игнатьева. В 1895 г. окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 2-му разряду. Работала сельской учительницей в течение 50 лет.
4. Смирнов Александр Иванович (1884–?) окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1904 г. После окончания семинарии поступил в Казанский ветеринарный институт и пел в одном из казанских хоров.
5. Автор имеет в виду своего брата, Игнатьева Алексея Алексеевича.
6. «Во время учения в Пермской семинарии руководил хором — пианист, читавший с листа любые ноты». (Прим. И. С. Богословского).
7. В очерке «Семинаристы-музыканты» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора программа представлена полностью. Кроме указанных выше: «Ах, сегодня день ненастный», народ[ная] песня, дуэт. Исполняли: Медведев Е. и Олесов А. Акк[омпанировал] Богомолов Гр.». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 109 об.–110).
8. «Прекрасный лирико-драматический тенор». (Прим. И. С. Богословского).
9. «Медведев и Топорков в Перми выступали на концертах». (Прим. И. С. Богословского).
10. Мендельсон-Бартольди Якоб Людвиг Феликс (1809–1847) — немецкий композитор, пианист, дирижёр, педагог.
11. «[В] 1961 [году] — проживает в [городе] Камышлове, имел 84 года от рождения». (Прим. И. С. Богословского).

О любви семинаристов к своей семинарии и семинарской гордости (1)

В августе 1902 г., накануне моего отъезда в Пермь на экзамен для поступления в семинарию, моя ровесница, вместе с которой я учился ещё в сельской школе и даже родня — «святая» Соня Б[ирюкова], на прощанье сказала мне: «Желаю быть семинаристом». Она выразилась, конечно, не точно; она хотела сказать, что она желает мне поступить в семинарию, но зато она точно указала на мое желание «быть семинаристом». Что это выражение — «быть семинаристом» — означало для меня? И как его могла понимать Соня Б.? Вероятно, не больше того, как быть молодым человеком, каким мы привыкли называть кого-либо семинаристом и какими были наши старшие братья. Младшим всегда свойственно в какой-то степени идеализировать старших и желать быть такими, как они. В действительности же поступление в семинарию для меня, как и для всякого другого юноши, обозначало подчёркнутый момент в жизни, момент перехода из детского возраста в отроческий и юношеский возраст. Это обозначало глубокий перелом в самосознании: я уже не ребёнок, не дитя, а становлюсь взрослым. Ни у гимназистов, ни у «реалистов» (2) такого подчёркнутого момента перехода из одного возраста в другой возраст не было. Это очень важно отметить для понимания некоторых особенностей психологии семинаристов. Важно отметить, что поступление в семинарию в некоторой степени вело к изменению бытовых условий жизни, хотя и при наличии жизни в общешитии: предоставлению большей свободы, чем это было в духовном училище. Наконец, период обучения заканчивался позднее, чем, скажем, в гимназии или реальном училище, а именно около 20–21 г[одов] и, по идее, назначению обучения, приводил к определенной профессии — к деятельности служителя культа. Всё это создавало особые условия развития семинаристов в особых, специфических отношениях их к своей *alma mater*. Наряду с регламентированным порядком учения и жизни, регулируемым звонками и недреманным оком начальственного надзора, у семинаристов существовали свои чисто демократические организации, в которых действовали их инициативы и удовлетворялось их стремление к самостоятельности, самоорганизации. Этому же служили и некоторые мероприятия. Существовала,

например, ученическая библиотека. Комплектование её, конечно, регулировалось сверху: не всё, что хотелось бы, можно поставить на полку ученической библиотеки, но организация распорядка пользования ею, в том числе фондом учебников, была в руках семинаристов. Беря книгу для чтения или учебник, я чувствовал ответственность перед своей библиотекой, во главе которой стоял один из наших же товарищей. Ни в гимназии, ни в реальном училище, ни в какой другой школе такой библиотеки не было.

Семинарский хор был в полном смысле свободной ученической организацией. Регентом был ученик, он же набирал певцов, он устанавливал время для спевков и т.д.

После революции 1905 г. установлены были дежурства в столовой. Они были самостоятельной ученической организацией.

Посещение театра организовывали сами семинаристы: сами покупали билеты или целые ложи. Сами следили за порядком и поведением в театре. В дни бенефисов семинаристы выступали с адресами. Среди них были всегда поклонники разных артистов. У кого из нас не связаны лучшие воспоминания семинарского периода жизни с оперой! К чести нашего начальства нужно сказать, что нам не препятствовали ходить в театр.

Сколько хороших воспоминаний связано с организацией вечеров! Здесь именно выделялись таланты организаторов, музыкантов, певцов и декламаторов. Всё это было свободной организацией учеников.

Нельзя не упомянуть о декоративном мастерстве, проявляемом в дни великих праздников, особенно на Пасхе.

Было свободным посещение городской читальни. Многие пользовались библиотекой им. Смышляева. Много времени было для чтения. Всё это осталось дорогим воспоминанием. За это только одно можно любить, и любили семинаристы свою *alma mater*. При всём режиме, связанном со специфическим обучением в духовной школе, каковым являлась семинария, в ней давалась возможность в период формирования личности свободно развиваться тем или другим задаткам природы кого-либо. Нужно полагать, что в семинариях именно в зачаточном виде формировалось мировоззрение таких людей, как [Д. Н.] Мамин-Сибиряк (3), И. П. Павлов (4) и даже [Н. А.] Добролюбов (5) и [Н. Г.] Чернышевский (6). Хотя мировоззрение в дальнейшем стало развиваться в противоположном направлении от семинарских наук, но именно свободное развитие в семинарии — чтение книг, размышления

и т.д. — толкнуло их в сторону материалистической и демократической идеологии. В семинарии же, конечно, и сформировался научный и литературный язык, блестяще использованный ими в их письменных трудах.

Были в семинариях, в частности в Пермской семинарии, тёмные стороны, отрицательные явления? Да, были. Были, например, случаи пьянства, но они же не определяли физиономии всего учреждения: это были только отдельные порывы, особенно в младших классах, но они быстро вскрывались. Тот, кто изобразил бы пьянство в семинарии как массовый порок в наши времена — начало XX в., тот возвёл бы на семинарию неблагоприятный поклёп. Были среди семинаристов циники, посетители «учреждения» Парфёныча? Были, но это опять-таки не показатель для характеристики всей массы семинаристов, да и вообще только для семинарии: этим грешили и другие школы. Были ли грубые, и даже преступные выступления семинаристов против педагогов? Были. Например, в Саратовской семинарии был убит учеником инспектор (7); в Пермской семинарии освистали учителя в день его юбилея. Но это были случаи исключительные и поэтому редкие, патологические. Но ведь в семинарии именно был выработал тезис, характеризующий отношения учеников к учителям: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим». И того же учителя, которого освистали в день юбилея, с почестями проводили на «вечную память». Нельзя стучать плохое и за ним не видеть ничего хорошего. Нельзя отрицать того, что в семинариях воспитывалось у учеников чувство товарищества, дружбы. «Братва» — так называли семинаристы свой коллектив. Нельзя отрицать, что из семинарии вышло много учёных, врачей, учителей и др[угие]. Имя «семинарист» иногда с почётом присоединяется к фамилии какого-либо учёного. Нельзя отрицать, что семинаристы хорошо зарекомендовали себя, например, на медицинских факультетах университетов как настойчивые и упорно овладевающие наукой. Нельзя отрицать, что семинаристы зарекомендовали себя хорошо как мастера писать сочинения. Пусть припомнит кто-либо из гимназистов, как выручали его семинаристы в «минуту жизни трудную», когда, сидя у открытого окна на втором этаже, он на высоте поднимал трепетной рукой свёрнутый листок бумаги. Семинаристы были признанными знатоками классических языков. Гордостью семинаристов являлся их хор и певцы-солисты. Выступление семинарского хора на вечерах было блестящим подтверждением высокой музыкальной культуры

семинаристов. Исполнение таких номеров, как «Ноченька» из оперы «Демон» Рубинштейна, как хор жрецов из оперы «Аида» (8), «Как по горнице-светлице» из оперы «Русалка» (9), проходило, по заключению авторитетных лиц, на уровне среднего оперного хора. Семинаристы вправе гордиться такими солистами-певцами, как Медведев, Шестаков, Чирков, Ласин и др[угие]. Все они оставили по себе добрую память в Перми, выступая на вечерах в семинарии и в гимназии Барбатенко. Из Пермской семинарии вышел широко известный на Урале регент М. В. Попов.

Воспитанниками Пермской духовной семинарии были: а) организатор Пермского краеведческого музея — Павел Николаевич Серебренников; б) известный краевед и основатель исторического музея в Шадринске — Владимир Павлович Бирюков.

Пермскую духовную семинарию окончили:

а) профессор Московского университета имени Ломоносова Павел Степанович Богословский;

б) профессор Свердловского медицинского института Владимир Павлович Луканин;

в) профессор Пермского медицинского института Иван Степанович Богословский;

г) доцент Свердловского педагогического института А. В. Затопляев;

д) преподаватели высших учебных заведений: а) П. А. Липин,

б) В. А. Наумов, в) В. А. Игнатьев;

е) заслуженный врач, кандидат медицинских наук — Леонид Васильевич Лепешинский;

ж) врачи: Успенский А. П., Кокосов М. Я., Скворцов В. А., Бирюков А. П., Мухин А. А., Мультиановский П. Н., Насонов А. П.;

з) ветеринарные врачи: Михайлов Ф. А. (10), Удинцев А. Н. (11), Ставровский И. Н. и многие, многие другие (12).

Главную же славу Пермской духовной семинарии и гордость составили:

1) Д. Н. Мамин-Сибиряк, певец Урала.

2) А. С. Попов — изобретатель радио.

3) П. П. Бажов — творец уральских сказов.

27.VIII.[19]60.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
2. «Реалисты» — ученики реального училища.
3. Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852–1912) — сын священника Верхотурского уезда. Окончил Екатеринбургское духовное училище в 1868 г. и 4 класса Пермской духовной семинарии в 1872 г. Обучался на ветеринарном отделении в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии в 1872–1876 гг., и на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1876–1877 гг. Давал частные уроки, писал статьи в газеты, занимался самообразованием, писал книги и путешествовал. Прозаик и драматург.
4. Павлов Иван Петрович (1849–1936) — русский учёный, физиолог. Окончил Рязанскую духовную семинарию.
5. Добролюбов Николай Александрович (1836–1861) — русский литературный критик, поэт, публицист, революционный демократ. Окончил Нижегородскую духовную семинарию.
6. Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) — русский философ, общественный деятель, революционер-демократ, публицист и писатель.
7. В Саратовской духовной семинарии в 1911 г. был убит семинаристами инспектор семинарии Алексей Иванович Целебровский.
8. Опера Дж. Верди «Аида», 1871 г.
9. Опера А. С. Даргомыжского на основе сюжета драмы А. С. Пушкина.
10. Михайлов Филагрий Александрович (1889–?) окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г.
11. Удинцев Александр Николаевич (1890–1920-е) окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1905 г., Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1911 г. По данным А. Н. Шишёва, он окончил Казанский ветеринарный институт и работал ветеринарным врачом в городе Свердловске. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 6).
12. Многим из этого списка автор посвятил отдельные очерки. См. ниже.

Женихи (1)

2-го июня 1909 г. для нас, абитуриентов Пермской духовной семинарии, прозвучал в девять часов утра последний звонок, призывавший нас на экзамен по самой одиозной богословской науке — догматическому богословию. С основами этой науки — о боге в трёх лицах, существо вечном и беспредельном, мы узнали ещё на первом курсе семинарии, когда заучивали оду Державина «Бог». Мы заучили:

*«О, ты, пространством бесконечный,
Живой в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный
Без лиц, в трёх лицах божества.
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины, [...] (2)
Кого мы называем: бог!»*

На наши зелёные разумы тогда нам, пятнадцатилетним мальчишкам, не чинили препятствий воспринимать эти истины на веру, тем более что наш преподаватель словесности, старый педант и поклонник Державина, рассказывал нам и сам показывал, как нужно декламировать слова этой оды «без лиц в трёх лицах божества»: он закрывал лицо руками, а потом разводил ладони рук у ушей, так что получалось три лица. Теперь же, в возрасте за двадцать лет, после того как мы вкусили и философской премудрости, наши разумы были настроены на критический лад, и нашему преподавателю Рубинову, только что кончившему духовную академию и самому ещё не вышедшему, вероятно, из-под контроля критического разума, трудно было убеждать нас в том, что противоречило разуму. Откровенно говоря, мы иногда с жалостью смотрели на него, когда он, стоя у кафедры, сообщал нам об очередной догме своей науки. Казалось, что он старался выжать из своего богословского ума всё, что могло бы убедить нас в разумности этой догмы, мучился, и на лбу его и на всё более открывавшейся лысине появлялись следы пота — испарина. Для нас догматическое богословие было последним аккордом богословской науки.

Заканчивалось десятилетнее шествие по духовной школе, из которых четыре года обучения в дух[овном] училище были преддверием, а шесть

лет — уже настоящим шествием по стопам богословия: их них четыре года изучения библии — Ветхого Завета, а два года — Нового Завета. Всё «произошло», остановились только перед «Апокалипсисом», туманность которого пугала всех, и только известный шлиссе[ль]буржец Н. А. Морозов, не будучи богословом, раскрыл тайну его в своей книге «Откровение в огне и буре», но это уже вопреки богословской догматике.

Пройдены были все рифы наук, окружавших богословие в классах риторики и философии: классические языки с «Энеидой» Вергилия и «Воспитанием Кира» Ксенофонта; алгебра, геометрия, тригонометрия, физика и космография — всё по методу, «мы все учились понемногу — чему-нибудь и как-нибудь».

И вот мы пришли к финишу — мы рады! Нам казалось, что и звонок радостнее звенел в руках нашего швейцара Яши и радостнее гремел для нас бас нашего протодиакона Матвея Попова, которого мы называли «Маттафией», когда служили молебен по случаю окончания нами семинарии. И вот мы — вновь испечённые богословы и... женихи! Да, женихи! Об этом лучше всего знали «матушки», особенно провинциальные, где-либо в глуши, у которых была забота-заботушка как-то устраивать на жизнь созревшую доченьку... Что значило кому-либо из окончивших семинарию появиться где-либо в духовном мире, в обществе лиц духовного звания, духовного сословия? Сейчас же такового определяли в женихи, и тут начинался почёт, уважение, неприкрытое заискивание и пр.

Помнится, как в наших «палестинах» появился только что кончивший семинарию Павел Николаевич Калашников. Приехал он в Сугояк к своему брату Ивану Николаевичу, и молва с быстротой молнии пошла по округе: в наших краях появился жених. Помните, как начинается роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» — что началось с приездом Привалова. Такая же картина получалась, когда появлялся в нашей провинции жених, вновь испечённый богослов. Итак, мы женихи! Но какие мы женихи? Мы больше походили на перезрелых гимназистов, которых можно было видеть в Пермской частной мужской гимназии Циммерман, в которую на поиски аттестата зрелости стекались изгнанники из гимназий со всей матушки России, уже «заматоревшие во днех своих» — с усиками и бакенбардами, но всё ещё в серых рубашках с закрытым воротом. Такими были и мы.

Прежде кончивший семинарию жених «являлся народу» в полном величии: в сюртуке, крахмальной сорочке с галстуком, с шевелюрой, усиками, а иногда и эспаньолкой, «с выражением в лице», с сознанием своего достоинства, а что мы могли внушить окружающим нас людям в серых ту-журках с закрытым воротом, правда, с крахмальным воротничком, безусые, с каким-либо «ёжиком» или «косым рядом» на голове? Нет, если посрав-нить «век нынешний и век минувший», то приходилось признать: измель-чали богословы-женихи — не сразу и узнаешь в ком-либо из них, жених он или не жених. Так именно и случилось с двумя такими «женихами».

Благополучно закончив экзамены, два вновь испечённых богослова и, следовательно, жениха, я и мой близкий товарищ, однокурсник Фила-грий Михайлов, именуемый в нашей среде Филатом, держали путь в род-ные края — в Зауралье. Тогда, в 1909 г., в Зауралье можно было проехать только по горнозаводской железнодорожной линии с обязательной пере-садкой в Екатеринбурге. Пересадка с поезда на поезд, конечно, не была удовольствием: приходилось ждать другого поезда, искать себе место в новом поезде. Эти неприятности теряли свою остроту и переходили в по-рядке житейской диалектики в свою противоположность — в желанное яв-ление, потому что на екатеринбургском вокзале происходили встречи с екатеринбургскими епархиалками — с сёстрами, а чаще просто со «сма-ками», как на семинарском жаргоне назывались барышни. О, эти встречи! Сердца бились у тех и других учащённо: знакомства, неизбежный флирт. Такова юность!

Мне надлежало встретиться с сестрой, заканчивающей епархиаль-ное училище, и вместе с ней отправиться в дальнейший путь, а Филагрию тоже предстояло встретиться с какой-то девушкой. Мы отправились с ним на свидание — я с сестрой, а Филагрий — со «знакомой». Нужно ли говорить о том, что мы переживали. Мы зашли в тот корпус епархиального училища (3), где было общежитие — дортуары (4) и зал. Теперь это здание надстрое-но и утонуло в общем ансамбле, а тогда оно было двухэтажное, причём в вестибюле был низкий потолок, а из него довольно широкая лестница вела на второй этаж — в актовый зал, который, очевидно, и был центром здания. В вестибюле было довольно мрачно. Мы стояли в ожидании, когда нам вызовут «объектов» нашей встречи. На повороте лестницы то и дело появлялись «они»: высунутся в поле нашего зрения и мигом скроются.

Которые посмелее и, очевидно, более любопытные, спускались вниз и дела-ли вид, что чего-то или кого-то ищут. Как видно, весть о нашем появлении разнеслась по общежитию, и «муравейник» пришёл в движение. Оказалось, что занятия в училище закончатся завтра, и мы с Филагрием отправились на монастырское подворье, что было неподалёку от часовни, находившейся почти рядом с больницей училища (5). Здание это по какой-то случайности сохранилось до настоящего времени и воскрешает в памяти бытовые кар-тины тех времён. Одну из тех картин, как известно, запечатлел художник на полотне — «На монастырском подворье». Но перед нами монастырское под-ворье предстало в несколько другом виде: в это время в нём было несколь-ко провинциальных матушек, которые приехали за своими доченьками-абитуриентками и, следовательно, вновь испечёнными невестами. Вот тут-то нас, женихов, и проэкзаменовали на «аттестат зрелости». Нет, нас по-первоначально не признали женихами: не тот коленкор! Мы стали, однако, предметом исследования, изучения. Боже мой, что тут началось! Мы замети-ли, что и монашки-прислужницы приглядываются к нам: кто вы? А у ма-тушек мы стали замечать какую-то нетерпеливость во взгляде, мучитель-ную пытливость. Наконец, нас стали спрашивать, кто же мы? И мы откры-ли, кто мы. Нам не поверили и стали считать нас чуть ли не шулерами. И добились-таки, что мы показали свои отпускные удостоверения об оконча-нии семинарии. Что тут началось! Даже сам Иван Александрович Хлеста-ков (6) едва ли был окружён таким почётом, как мы. Невеста, появившаяся в форме, мгновенно превратилась в фею. Нет! Хорошо быть женихом! И если раньше у нас была ещё неуверенность в себе и мы подобно льву, сомне-вавшемуся в том, лев ли он, как не лев, задавали каждый себе вопрос, же-них я или не жених, то теперь с уверенностью каждый отвечал: да, я жених, меня на екатеринбургском монастырском подворье укрепили в этой мысли. А мой друг, Филагрий, скоро и подтвердил это, женившись на Смышляевой.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 78–93.

Примечания:

1. Находится в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» отсутствует.

2. Автор приводит первую десятистрочную строфу оды Г. Р. Державина «Бог» (1784), но пропускает в ней строки:

*«Кого никто постичь не мог,
Кто всё собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет».*

3. Екатеринбургское епархиальное женское училище находилось на углу Александровского проспекта (улица Декабристов) и улицы Уктусской (8 Марта).
4. Дортуар — общая спальня для учащихся в закрытых учебных заведениях.
5. Предположительно, автор ведёт речь о странноприимном доме (гостинице для богомольцев) подворья Ново-Тихвинского женского монастыря и о Преображенской часовне монастыря в городе Екатеринбурге. Все упоминаемые здания располагались на Александровском проспекте, который выходил к Введенскому храму монастыря. До настоящего времени больница и сама гостиница не сохранились, но остались часовня и два корпуса бывшего Екатеринбургского епархиального женского училища, одно из которых занимает Екатеринбургский монтажный колледж.
6. Персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

ВОСПОМИНАНИЯ И БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ О БЫВШИХ СЕМИНАРИСТАХ

*Светлой памяти товарищей моей юности —
живых и почивших — посвящаю*

Мы — семинаристы (1)

Наша семинария впитывала в себя выпускников четырёх духовных училищ: Пермского и Соликамского, из западной и северной частей б[ывшей] Пермской губернии и Екатеринбургского и Камышловского из восточной и южной её части. Опытный глаз, вероятно, мог различить среди нас, только что поступивших в семинарию, скажем, выходцев из Чердыни и из какого-либо села Шадринского уезда по каким-либо специфическим признакам, но мы этого не замечали и очень скоро сливались в одну однородную массу, как будто давно уже жили вместе. Поступали же в семинарию мы с различными новыми впечатлениями. Если для окончившего, скажем, Пермское дух[овное] училище поступление в семинарию было до некоторой степени переходом из одного здания в другое в черте одного и того же города, то для выходца из какого-либо села Шадринского уезда оно связывалось уже с целым комплексом новых впечатлений. Новым было и то, что первый раз в жизни приходилось покрывать для проезда в Пермь такое большое расстояние, как в 500–600 верст, новым было и то, что первый раз в жизни приходилось пересекать по железной дороге Уральские горы; новым было и то, что первый раз в жизни удавалось видеть большую реку с пароходами на ней и, наконец, новым было то, что приходилось впервые знакомиться с большим губернским городом. Ещё от старших братьев мы слышали уже обо всём этом, но всё это нам представлялось неясным, туманным, а сейчас приобрело конкретные очертания. Самое же главное для всех нас новое состояло в том, что мы осознавали,

что с поступлением в семинарию кончался какой-то один период нашей жизни и начинался другой период: из старших, какими мы чувствовали себя при окончании дух[овных] училищ, мы опять становились младшими, но всё равно повзрослевшими. То обстоятельство, что нам приходилось уже возвращаться в круг солидных людей, каковыми были, например семинаристы 5 и 6 классов, поднимало сознание нашего достоинства и даже такая, казалось бы, мелочь, как новое для нас после грубой привычки на бурсе обращения друг с другом требование извиняться, казалась нам чуть ли не внутренним перерождением. Новые науки, новые учителя в количестве большем, чем это было в дух[овном] училище, наконец, некоторые новые черты быта, как возможность свободного выхода в город между занятиями, возможность посещения театров, музеев, библиотек — все это говорило нам о том, что мы вступили в новую фазу своей жизни. Каким блаженством после полной замкнутости в стенах дух[овных] училищ казались, например, нам, живущим в общежитии, часы между утренними и вечерними занятиями, с 2 до 5 часов, когда мы могли свободно выходить в город. На первых порах, можно сказать, мы с жадностью устремлялись в парки, скверы, в читальный городской зал, в музей, всюду, где мы вращались среди других, так сказать, на равной ноге. А участие в вечерах, посещение театров, прогулки за Каму, первые знакомства с женской молодежью, «смаками» по семинарской терминологии — все эти дары юности были пережиты в этот именно семинарский период. Таков был возраст: ломался голос, уходили в прошлое детские привычки, душа расположена была к общению, к дружбе, и выходили мы из семинарии уже не соучениками, а семинарской «братвой». В будущем — работал ли кто врачом, чиновником, учителем, про него говорили: он бывший семинарист, называли так с уважением к тому учреждению, питомцем которого являлся этот человек.

Из пермских семинаристов в Свердловске в последние сорок лет жили и работали:

1. Бажов Павел Петрович — писатель.
2. Лепешинский Леонид Вас[ильевич] — знаменитый хирург.
3. Луканин Владимир Павл[ович] — профессор медицины.
4. Затопляев Александр Влад[имирович] — доцент пед[агогического] ин[ститута].

5. Игнатъев Вас[илий] Алексеевич,
6. Липин Павел Алексеевич,
7. Наумов Влад[имир] Александрович — преподаватели латинского яз[ыка] медицинского ин[ститута].
8. Бирюков Влад[имир] Павл[ович] — краевед, археолог.
9. Ласин [Сергей] — солист хора.
10. Меркурьев Александр[р] — канцелярск[ий] раб[отник], певец.
11. Луканин [Василий Михайлович] — артист оперы.
12. Бирюков Витал[ий] Анат[ольевич],
13. Максимов Ив[ан] Яковл[евич] — бухгалтеры.
14. Серебренников Ал[ександр] Иван[ович] — преподаватель (2).
15. Пузырёв Викт[ор] Иванович,
16. Казаков,
17. Замятин — экономисты.
18. Старцев Василий Никол[аевич] — хозяйственник.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 120–122 об.

Примечание:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
2. Серебренников Александр Иванович (1890–?) окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1903 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1910 г. Работал учителем начальной школы в селе Катайском Курганской области.

***Воспоминания о регенте
Пермского семинарского хора М. В. Попове***

В жизни иногда встречаются такие люди, которыми ещё с детства завладеет какое-либо сильное переживание, сильное впечатление, сильное увлечение, на всю жизнь оставившее в их душе неизгладимый след, и определит их жизненный путь. Жизнь будет поворачиваться к ним своими

разными сторонами, подчас будет испытывать прочность их увлечения, но они упорно будут оставаться верными своему увлечению, преданными раз избранному ими жизненному пути. Таких людей в отношении проявления их интимных чувств называют «однолюбам», а в отношении проявления их художественных эмоций — людьми с очарованной душой, энтузиастами. В настоящее время у нас вошло в моду называть таких людей «одержимыми» в лучшем, благородном значении этого слова, в значении беспредельной преданности своему любимому делу. Таким именно в жизни на всём её продолжении явился Михаил Васильевич Попов.

С раннего детства Михаил Васильевич увлёкся пением, оно составило один из элементов его нравственной природы, и ему он посвятил свою продолжительную жизнь.

Михаил Васильевич родился в 1885 г. в Юговском заводе, около Перми. Жители этого завода, между прочим, славились на Урале как мастера по выработке «ходков» – летних экипажей на железных осях с черёмуховыми плетёными коробками. Отец Михаила Васильевича тоже был причастным к этому ремеслу и, между прочим, был церковным старостой заводской церкви, «ктитором», как называли церковных старост по официальной церковной терминологии. Это последнее обстоятельство, очевидно, и повело к тому, что он пел в раннем детстве дискантом в церковном хоре. Так начинали свою музыкальную деятельность многие русские видные музыкальные деятели. С этого и начала расти и развиваться очарованная пением душа Михаила Васильевича.

Быстро прошли годы учения в заводской низшей школе и Пермском духовном училище. «Сломался» уже и мужской голос — дискант Михаила Васильевича, когда он поступил в 1902 г. в Пермскую духовную семинарию. Поступил он в неё безголосым, и на первых порах никто и не знал и не подозревал, что в лице его среди семинаристов есть юноша, которому суждено было послужить на славу семинарии, а именно на поприще регента семинарии.

Семинарский хор был издавна на славе в Перми. Славились семинаристы-певцы, славились и семинарские регенты. ...Когда назначен был регентом Михаил Васильевич, то семинарская масса к этому отнеслась с предубеждением, скептически, потому что обычно было так, что регентом назначали кого-либо из известных уже всем певцов, как было с Захаровым,

а тут получилось так, что широкие массы семинаристов не знали, что новый кандидат в регенты тоже когда-то пел. Знали об этом только бывшие абитуриенты Пермского дух[овного] училища. Михаил Васильевич принял хор в запущенном виде, образно выражаясь, как расстроенный музыкальный инструмент.

Быть регентом хора — это вообще не так просто, как может это показаться со стороны, а тем более семинарского хора. От регента требуется, чтобы он был и организатором, и воспитателем. Все эти «вундеркинды», с которыми он имел дело, будут ли это «духовники», ученики дух[овного] училища, или «своя братва» — семинаристы, обязательно, как все артисты (в данном случае в кавычках), самолюбивы, капризны, и чтобы иметь с ними дело, при условии, что они поют за «здорово живёшь», нужно обладать терпением и тактом. И первыми качествами Михаила Васильевича, которые показывали, что он может быть «волею божиею» регентом, были налицо эти необходимые качества. Он умел ладить с ними: он был для них и Михаилом Васильевичем, и «Мишей». Для ребят-«духовников» (1) он был «дядя Миша». Как часто приходилось видеть его в их окружении на положении Песталоцци (2) с детьми. Но когда он управлял, то рука была твёрдой. При исполнении пасхального концерта «Приидите воспойм[е], людие!» солист, альт Кетов (3), «пустил петуха» на слове «спасово», регент, «ничтоже сумняшеся», заставил повторить — «восстановить честь» (4). Сколько приходилось Михаилу Васильевичу возиться с «этими малыши»: хлопотать перед начальством дух[овного] училища о разрешении взять из числа «духовников» в семинарский хор дискантов и альтов, отбирать их, водить на спевки и на богослужения, провожать и учить, учить, учить. По существу организация хора отдавалась регенту «на откуп»: всё делай сам — добывай ноты, составляй репертуар, но выполняй всё, что необходимо для богослужения; например, на «Воздвижение» запроектировано «водружение креста» — подготовьте соответствующее этому моменту исполнение «Господи, помилуй» (5). Положение Михаила Васильевича в этом случае напоминало положение пушкинского станционного смотрителя: «подай то», «подай другое». В семинарии уже он прошёл суровую школу организационной работы, необходимую для регента-профессионала. Но если так можно было сказать об организационной стороне деятельности будущего квалифицированного регента-профессионала, то что касается овладения

им основными сторонами её деятельности, самым мастерством управления хором, а особенно что касается теоретической подготовки к этому, то время пребывания Михаила Васильевича в семинарии и его деятельность регентом там были только временем становления его, причём ему предстояло ещё много самому поработать над собой.

В учебном плане семинарии в числе предметов преподавания значилось пение, но предмет этот был в таком запустении, что уроки его ничего не могли дать по теоретической подготовке Михаила Васильевича, хотя преподавателями пения были выдающиеся музыкальные деятели Перми, как регент архиерейского хора Потеряйко, человек, безусловно, теоретически подготовленный, и регент Вознесенской церкви — Николай Васильевич Пиликин, кончивший Московскую консерваторию. Не была даже точно определена программа предмета. Так, Потеряйко в 1902–1903 уч[ебном] году на уроках пения разучивал только с семинаристами украинские песни, а Н. В. Пиликин позднее — в 1905–1906 г. больше демонстрировал перед семинаристами свои музыкальные знания и проводил бессистемные занятия по сольфеджио. Конечно, ни тот, ни другой не могли отказать Михаилу Васильевичу в частных занятиях с ним по теории музыки, что возможно и было в форме консультаций, но гораздо важнее на данном этапе становления Михаила Васильевича регентом было соприкосновение со своими учителями как с практическими деятелями. Как у руководителей церковными хорами, у Потеряйко и Пиликина, как часто теперь говорят, был у каждого свой почерк: у Потеряйко был стиль, более выдержанный в духе церковном, в духе религиозного благолепия, а у Пиликина слишком сильно проглядывало то направление в церковной музыке, которое стало развиваться под влиянием Веделя, характерным для которого было увлечение частыми выступлениями *solo*. Потеряйко был сторонником пения *piano*, вызывающего молитвенное настроение сосредоточенности, внутреннего умиления. В этом отношении он продолжал линию своего предшественника по управлению хором — протоиерея Ивана Алексеевича Никитина. Пиликину с его консерваторским образованием, т.е. специфическим светским, чуждо было такое понимание церковной музыки, он больше был поклонником помпы, бравурного исполнения, что, кстати сказать, было в моде у регентов церковных хоров в то время. Типичным в то время в Перми был стиль такого исполнения в Пермской Богородицкой церкви, где хором в то

время руководил Степанов. Было бы преждевременным говорить о том, что у Михаила Васильевича уже в семинарские годы определился стиль его руководства, хотя, по признанию его самого, учителем его в руководстве церковным хором был Потеряйко.

Нужно сказать, что Михаил Васильевич отдал значительную дань, если можно так выразиться, «светскому» направлению в церковной музыке, причём значительно раздвинув рамки его применения. Так, при нём именно вошло в моду исполнение *solo*, причём хор выполнял роль аккомпанемента. В таком духе, например, исполнялись «Тебе поем», «Ныне отпускаеши», композиция которых приписывалась Степанову. Увлечению этим стилем, между прочим, содействовало появление в семинарии бывшего в то время на славе семинариста — лирического тенора Свечникова Александра. Насколько было сильным увлечение таким исполнением не только в семинарии, но и вообще в городе, свидетельствовало то, что Свечникова приглашали исполнять эти песнопения в другие хоры, например, в хор Слуцкой церкви. Неоспоримой заслугой Михаила Васильевича явилось то, что он значительно обновил репертуар семинарского хора исполнением музыкальных произведений Архангельского, таких как «Хвалите [Имя Господне]», «Богородице дево[, радуйся]» и особенно концертов его: «Господи, услыши...» и «Внуши, Боже...». Он, можно сказать, пропагандировал музыку Архангельского, и на исполнении произведений Архангельского именно раскрылись те черты музыкального таланта Михаила Васильевича, которые в полную меру получили полное развитие в будущем. Этими чертами были: чувство ансамбля, умение добиться полного, гармоничного звучания всех голосов, лёгкость и точность темпа, выразительная интонация, одинаковое владение как *piano*, так и *forte*. Нельзя было не восторгаться музыкой Архангельского в исполнении семинарским хором под управлением Михаила Васильевича его «Слава в вышних Богу...». Под управлением Михаила Васильевича могуче звучали такие произведения, как «Милость мира» Соколова и пасхальный концерт «Приидите воспоим[, людие]». Лирически мягко звучали такие, как «Покаяния» из «Сборника» (6), но здесь же и *crescendo* «Множества» и *fortissimo* (7) «Страшного дне судного». Задушевно звучало в исполнении однородного хора «Помощник и покровитель» (8), величественно: «Ныне силы Небесные» Турчанинова. Бывали и погрешности, например, «Господи, помилуй» за всенощной

в последней эктении (9) в *solo* дисканта — излишне сентиментальное, слащавое, но это были уже погрешности роста и дань моде. При регентстве Михаила Васильевича впервые в семинарии был осуществлён за всенощной под «Воздвижение» обряд «водружения креста», и Михаил Васильевич познакомил любителей церковной музыки со своеобразным исполнением «Господи, помилуй», которое должно было иллюстрировать процесс водружения: опускание мотива и поднимание его.

Регентская деятельность Михаила Васильевича наложила на семинарский хор особый отличительный оттенок, и этот период существования хора можно определить словами: хор в период управления им Михаилом Васильевичем Поповым. Семинаристы того времени должны быть благодарны Михаилу Васильевичу за многие часы и минуты наслаждения церковной музыкой, которая широкой волной лилась в хор семинарской церкви на их головы, когда они густыми рядами, как на смотре, стояли в церкви в умилении от этой музыки.

Михаил Васильевич был регентом семинарского хора в то время, когда в семинарии появилась целая плеяда семинаристов-певцов нового типа. Новым у этих певцов было то, что они не замыкались в кругу церковного только пения, а стремились овладеть искусством светского пения под аккомпанемент музыкального инструмента. Это, так сказать, расширение горизонта пения являлось уже новой чертой этих певцов. В числе их были, кроме названного уже выше [А.] Свечникова, А. Чирков, С. Ласин, П. Иваницкий, П. Шестаков, а позднее — Е. Медведев, [С.] Спасский и др[угие]. ...Михаил Васильевич был «душой» содружества семинарских певцов. Они у него в хоре выступали солистами, и он в этом отношении был их ментором. Но вместе с тем через них он был связан с широким кругом музыкальных деятелей Перми в области светской музыки. Трудно переоценить или недооценить это обстоятельство в становлении его регентом широкого профиля — не только в области «духовной» музыки, но и «светской». Первые опыты в этой последней у него начались ещё в семинарии, и они показали, что в лице его «вызревает» талантливый руководитель для «светских» хоров. Тогда это было ещё нельзя предусмотреть, но потом обнаружилось, что это была заявка на вторую половину его музыкальной деятельности после Октября, когда талант его раскрылся шире и глубже, о чём речь будет ниже (10).

Семинаристы того времени помнят «вечер» в семинарии, когда Михаил Васильевич дебютировал наряду с Н. В. Пиликиным, причём он руководил смешанным хором, а Пиликин — однородным. Это было своеобразное соревнование двух регентов — зрелого, каким был Пиликин, и выступающего с первым опытом. Это соревнование Михаил Васильевич выдержал блестяще. Программа этого вечера заслуживает того, чтобы её отметить, а также отметить исполнение номеров и исполнителей, потому что она свидетельствовала о том высоком уровне музыкальной культуры семинаристов, которого они достигли в первые годы нового столетия. В программе были такие номера:

Однородный хор под управлением Н. В. Пиликина:

1. «Ноченька» из оп[еры] «Демон», муз[ыка] А. Г. Рубинштейна с аккомпанементом рояля.
2. Фейта: «Жук [и] роза».
3. Клауэр: «Прощание с лесом».
4. Н. В. Пиликин: «Парус».

Смешанный хор под управлением М. В. Попова (дисканты и альты — учен[ики] дух[овного] уч[илища]:

1. А. С. Даргомыжский: хор из оп[еры] «Русалка» — «Как во горнице-светлице».
2. «Ай, во поле липонька» — народн[ая] песня. (11)

Солисты:

1. [А.] Свечников: Денца — «Если бы любовь в душе твоей зажглася» (с акк[омпанементом] пианино).
2. [А.] Чирков: Пасхалов — «Нет, за тебя молиться я не мог» (с акк[омпанементом] пианино). (12)

По мнению таких строгих судей, как М. Л. Василенко-Левитон, исполнение этих номеров — и хоровых и *solo* — не зазорно было бы показать на концерте в дворянском собрании или в оперном театре.

В исполнении «Ноченьки» особенно с блеском показал себя семинарист А. Меркурьев — октава. Его участие придало исполнению хора даже лучшее звучание, чем это бывает в опере.

Исполнение смешанного хора было не ниже уровня исполнения однородного хора. Михаил Васильевич был патриотом своего «Юга» (13) и, когда почувствовал себя «в силе» регентского искусства, не удержался, как это ни было сложно организовано, свозить свой хор в «Юг» с концертом.

Случай этот был беспрецедентным в анналах семинарии, и семинаристы видели, как это делалось, с чего начиналось: к подъезду семинарии подъехали три или четыре огромные кашевы; в них усадили, как грибов в корзину, «сих малых» (дискантов и альтов), потом сели сами «отцы» хора, и поезд двинулся. Приходится пожалеть, что при этом не было фотографа, чтобы запечатлеть это событие для истории семинарии.

Все певцы семинаристы в хоре Михаила Васильевича, которые почему-либо оставляли семинарию (сами уходили из неё, или их «уходили») при наличии возможности попеть у него в хоре, особенно в критические моменты, как, например, в престольный праздник семинарии, приходили на семинарские хоры и «поддерживали» честь хора. Так было, например, с б[ывшим] семинаристом Плотниковым, который потом сделался солистом-тенором в хоре Степанова.

В начале июня 1908 г. Михаил Васильевич кончил семинарию. Он вышел из неё, во-первых, с определённым решением посвятить себя музыкальной деятельности — работать руководителем хора, и, во-вторых, с некоторым опытом работы в этой области, который, правда, нужно ещё расширить и углубить. Он оставил после себя не пустое место, а внушительное наследство, а именно:

- а) значительно обогащенный им репертуар музыкальных произведений — песнопений;
- б) он подготовил себе заместителя в лице Сергея Спасского;
- в) он воспитал, по крайней мере, в начальной стадии, ряд таких певцов, как Иван Медведев, Александр Свечников, Александр Меркурьев, [Аркадий] Чирков, Сергей Ласин, Пётр Шестаков, Пётр Иваницкий и др[угие]. Из его учеников в будущем проявили себя в певческом искусстве, кроме указанного выше С. Спасского, следующие: а) Пётр Шестаков пел в синодальном хоре; б) Александр Меркурьев — в хоре при радиокомитете в Свердловске; [в)] Сергей Ласин — в Уральской капелле под руководством Ишутиной (14). Известно, что Иван Медведев одно время концертировал по Зауралью, а один из его рядовых (не солистов) певцов Хохлов тоже подвизался регентом.

Свою самостоятельную деятельность регентом хора Михаил Васильевич начал в Шадринске, б[ывшем] уездном городе б[ывшей] Пермской губ[ернии], и работал там со второй половины 1908 г. по 1913 г. В 1913 г.

и частью в 1914 г. он был регентом в Екатерининском соборе б[ывшего] Екатеринбургa, ныне Свердловска. Если в Шадринске ему пришлось работать в глуши, так сказать, в тени, то в Екатеринбурге он предстал уже на суд строгой публики, избалованной когда-то существовавшим здесь знаменитым архиерейским хором при епископе Владимире. В своё время об этом хоре шла громкая молва по всему Уралу. Михаил Васильевич выдержал здесь строгий экзамен. В одном из обзоров церковных хоров Екатеринбургa о нём был помещён похвальный отзыв, как о регенте опытном, с определённым выдержанным стилем руководства хором. Он был выделен из числа других, как регент высокой квалификации. Он приобрёл известность среди других музыкальных деятелей подобного типа, как поныне ещё здравствующий маститый деятель по хоровому искусству в г[ороде] Камышловe — Михаил Михайлович Щеглов. Здесь именно в полную меру обнаружился, между прочим, организаторский талант Михаила Васильевича. Сам он вспоминал, например, о том, что в его хоре пело тринадцать басов.

В 1914 г. Михаил Васильевич переехал в Пермь на работу регентом архиерейского хора и учителем пения духовной семинарии. В условиях губернского города быть регентом архиерейского хора значило достичь высшей точки карьеры в должности регента. Таким образом, Михаил Васильевич с переездом в Пермь достиг «высшей власти», высшей точки своей карьеры и занял место своего б[ывшего] учителя — Потеряйко. Быть регентом в Перми, в губернском городе, да ещё регентом архиерейского хора, было делом, пожалуй, более ответственным, чем в Екатеринбурге, потому что здесь в течение продолжительного времени были у него сильные предшественники, например, Чумаков (15), а ещё раньше его же учитель — Потеряйко. Во время Великого поста 1915 г. Михаилу Васильевичу пришлось продемонстрировать своё мастерством на концерте церковных хоров, который был организован в актовом зале женской гимназии. На концерте выступали четыре хора: архиерейский, Богородицкой церкви (регент Степанов), церкви женской гимназии (регент Тиме) и женской учительской семинарии (регент Ю. М. Слозцов) (16). На концерте обнаружилась пестрота стилей, причём полярные точки заняли архиерейский хор и хор Богородицкой церкви. Характеризуя стили этих хоров, образно выражаясь, можно было бы сказать, что здесь встретились композиторы Турчанинов и Ведель: первый — выразитель строго церковного стиля с девизом, помещённым на титульном листе его

печатных произведений: «Пойте Богу разумно!», второй же — выразитель «западного» стиля, с различными украшательскими приёмами, свойственными «светской» музыке. Архиерейский хор под управлением Михаила Васильевича исполнил «Свете тихий», муз[ыка] Азеева (17). Руководитель хора предстал перед публикой, судьёй этого соревнования, совершенно необычно в церковной жизни, как руководитель зрелый, в полную меру своих творческих сил. Спета была ещё одна религиозная кантата о происхождении молитвы «Святой Боже». И то, и другое произведение были исполнены в строго церковном стиле, с безупречной выразительностью, дикцией, акцентуацией, была вскрыта и показана вся красота и достоинство этих произведений. Таким образом, Михаил Васильевич блестяще сдал экзамен на звание регента архиерейского хора.

Как учитель пения в семинарии Михаил Васильевич проявил себя практически — на разучивании песнопений для общего пения. Общее пение за богослужением впервые было введено настоятелем Феодосиевской церкви о[тцом] Стефаном Богословским и стало прививаться и в других церквях. Михаил Васильевич, по заданию начальства семинарии, проводил в церкви разучивание отдельных песнопений, причём семинаристы выстраивались в обычные ряды, в каких они присутствовали за богослужением.

Всё это, если можно так выразиться, было только предысторией музыкально-хоровой деятельности Михаила Васильевича, и только в советский период полностью раскрылся его талант и проявился в различных видах его деятельности (18).

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 727. Л. 1–16.

Примечания:

1. Учащиеся духовного училища.
2. Песталотци Иоганн Генрих (1746–1827) — швейцарский педагог, один из крупнейших педагогов-гуманистов конца XVIII — начала XIX века, внёсший значительный вклад в развитие педагогической теории и практики.
3. Кетов Николай (1895–?) окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1915 г. По данным А. Н. Шишёва, обучался в Казанском ветеринарном институте. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1277. Л. 161).

4. Хоровой концерт Д. С. Бортнянского № 15 «Приидите воспоем, людие». Ошибка, вероятно, произошла в первых тактах песнопения, поэтому регенту несложно было еще раз начать исполнение концерта.
5. Чин воздвижения Креста совершается в конце утрени под праздник Воздвижения Креста Господня. Архиерей или старший священник медленно опускает большой крест почти до земли и потом медленно поднимает его вверх. Так происходит пять раз — на восток, на юг, на запад, на север и снова на восток. Хор на каждое воздвижение (пятикратно) поёт «Господи, помилуй» по сто раз, сначала в нисходящем движении мелодии, а затем — в восходящем, соответственно опусканию и поднятию креста.
6. Вероятно, имеется в виду «Церковно-певческий сборник». Автор песнопения «Покаяния отверзи ми двери», о котором говорит автор, в сборнике не указан.
7. *Fortissimo* — громкость в музыке, обозначающая «очень громко».
8. Ирмосы — первые строфы в каждой из девяти песен Великого покаянного канона «Помощник и Покровитель», в то время обычно пелись на музыку Д. С. Бортнянского.
9. Ектения (от греческого «усердное моление») — во время церковного богослужения ряд молитвенных прошений, которые возглашает диакон, на каждое из них хор отвечает «Господи, помилуй» или «Поддай, Господи».
10. В очерке автора «советский» период музыкального творчества М. В. Попова отсутствует.
11. В очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора значится ещё: 3. «Слети к нам, тихий вечер», музыка Николая Васильевича Пиликина». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 19).
12. Там же: «ученик Ласин — роман Денца «Вернись».
13. Посёлок Юговского завода.
14. Ишутина Зинаида Фёдоровна (1914–1994) — советский хоровой дирижёр и педагог, профессор.
15. «Чумаков Иван Семёнович — воспитанник Московского Синодального хора, регент архиерейского хора в Перми, затем зам. регента Московского [Синодального] хора Данилина, а потом и руководитель этого хора». (Прим. И. С. Богословского).
16. Словцов Юлий Михайлович (1876–?) — музыкальный педагог.
17. Азеев Евстафий Степанович (1851–1918) — русский композитор, хормейстер, автор и аранжировщик светских и церковных песнопений.
18. Сведений о М. В. Попове после 1917 г. в очерках В. А. Игнатьева не имеется.

Сергей Степанович Богословский (1)

Светлой памяти соученика, товарища и друга

Когда в июне текущего года я получил письмо от Николая Ивановича Хмельнова с извещением о трагической гибели С. С., я был поражён до последней степени. Я готов был услышать какую угодно новость о своих бывших соучениках и товарищах, только не эту, тем более что в душе я питал надежду ещё раз встретиться в жизни с С. С.

И вот. В первые минуты после получения такого известия в моей душе боролись две мысли и два чувства: первое — «не может этого быть, не верю» и второе: «За что?» Моё нравственное сознание никак не хотело примириться с этим фактом. Когда же я осознал всю глубину происшедшей с С. С. трагедии, то понял, что потерял Серёжу Богословского, да, того человека — юношу и, наконец, мужчину, отца семейства, который в моей памяти сохранялся с именем Серёжи Богословского.

Мы во многом, конечно, были людьми различного склада, различных темпераментов, с различными интересами. Я не замечал, например, у него такого увлечения пением, особенно — церковным пением, каким всегда «болел» я; точнее сказать, внешне у него это не проглядывало ни в чём: он не пел. Для меня же это было главным, что связывало меня узами дружбы. Самонадеянность всегда была моей спутницей, за что много раз я был бит; у него в характере были три «порока»: скромность, стеснительность, доверчивость. Сами по себе эти «пороки» не были бы пороками в собственном смысле, если бы они у него не были в излишней форме, в такой форме, когда они ставили его в противоречие с окружающей средой. Он был в окружающей его среде похожим на Алёшу Карамазова с его чистой и ясной душой. И судьбы у нас были различные: он родился и детство провёл на севере б[ывшей] Пермской губернии, в Прикамье; я на юге, на границе с Сибирью, вблизи западной сибирской равнины. Разными дорогами мы шагали и после окончания совместного обучения в семинарии и академии. Но девять лет совместного обучения, лучшие года юношества — разве они могут изгладиться в памяти! В эти годы мы не разбирали, какой у кого был характер, а жили одной семьёй, и в этой семье был среди нас и Серёжа Богословский!

Первая встреча с С. С. у меня была, вероятно, осенью 1904 г., когда семейство Богословских ещё не переехало в Пермь. В столовой Пермской дух[овной] семинарии за одним столом и в составе одной компании, объединённой около миски с супом, оказались три товарища, которым в дальнейшем суждено было в течение девяти лет учиться вместе, это: Богословский Сергей, Игнатъев Василий и Мавровский Николай. Богословский и Мавровский уже год проучились вместе, а Игнатъев присоединился только со второго класса. Естественно, что двое были более знакомы друг с другом, чем третий — Игнатъев. Это уже было заметно за столом. Когда подавалось третье блюдо — сладкое, которое подлежало распределению на столе при потреблении, Мавровский иногда говорил: «Серёжа, расскажи что-нибудь». Это не был злой умысел, коварство. Это была шутка, но как она была характерна для отношений товарищей к Серёже Богословскому! В скором времени Серёжа покинул общежитие, и мы видели его только на занятиях. В классе мы видели скромного, застенчивого юношу, избегавшего нашего шума, иногда возни, галдежа. Смотрел он как-то сбоку, улыбался и вроде как не выговаривал буквы Л. Он по своему склону характера казался нам более соответствующим назначению семинарии, чем кто-либо другой из нас, т.е. более склонным к изучению богословских наук.

Нам казалось, что и учителя, а особенно Н. И. Знамировский, подмечали у него эту же его черту характера, и поэтому относились к нему как-то иначе, чем к другим, видя в нём человека, который в будущем пойдёт по стезе священства. Но для нас он был, безотносительно, куда бы он ни направил свои стопы, Серёжей Богословским.

Кончивши семинарию, мы как-то разлетелись в разные стороны, даже и не поговорили как следует, кто и что думает предпринять в будущем. Но вот, в августе 1909 г. три однокашника по 1904 г. — Богословский, Игнатъев и Мавровский — опять встретились в Казанской дух[овной] академии, причём с Богословским в течение четырёх лет мы занимались в одной рабочей комнате. Пёструю картину представлял состав этой комнаты. В ней занимались: два астраханца (Болтинский и... фамилию другого забыл), один одессит (Иванов), два пермяка (Богословский и Игнатъев), один нижегородец (Моисеев), один тверяк (Жуков), один, кажется, екатеринбуржец (Кожевников) и один смоленец (Лукашенко) (2). Это было не только смешение губерний, из которых съехались эти люди, но это было полное

смешение характеров, индивидуальностей. Два астраханца, люди, обо- жжённые солнцем, были довольно флегматичными; один из них — Бол- тинский увлекался проповедничеством и тяготел к принятию священного сана. Одессит, жгучий брюнет, сухощавый, делал сильный крен в сторону мистицизма. По утрам он читал евангелие по церковному уставу. Часто произносил проповеди в различных церквях. Нижегородец сначала не проявлял себя ни в чём, но на четвёртом курсе вдруг круто повернул на пострижение в монахи. Тверяк представлял странный тип недоразвившегося юноши, лишённого признаков мужчины (гермафродит — *sic!*). Да простит меня Фёдор Алексеевич Жуков за одно воспоминание: будучи уже иноком, он оказался в одном обществе, где к нему обратился некто со словами: «Ма- тушка игумения, Вы из какого монастыря?» Можно себе представить психо- логию этого юноши: он был набожным, говеть ездил в монастырь, постоянно творил молитву и ждал пострижения в монахи. И вот между ним и нижего- родцем (оба они были Фёдоры — Александрович и Алексеевич) установилась дружба: стали вместе готовиться в монахи, и как только кончили академию, осуществили свою мечту. Кожевников скоро был переведён в больницу: у него был туберкулёз. Лукашенко (смоленец) был очень колоритной лично- стью и очень оригинального склада. Он вращался в верхах казанских мо- нархистов, во главе которых стоял ярый черносотенец Александр Титович Соловьёв. Он работал кем-то в университете и, как говорили, всех держал в страхе. Ему, как говорил Лукашенко, даже телеграммы направлялись по со- кращённому адресу: «Казань, Александру Титовичу». У него была дочь Ольга Александровна — такого же склада, и ими в одной из слободок Казани орга- низована была так называемая «Христианская гимназия», в которой Лука- шенко преподавал латинский язык. Он был явно настроен в духе этой семьи и даже идеализировал эту семью, а особенно — Александра Титовича. Вот в такой среде и оказались мы с С. С. Мы были на разных отделениях: С. С. на историческом, а я на словесном, и поэтому в некоторых случаях мы слу- шали разных профессоров. Ни С. С., ни я не имели склонность примкнуть к тому или другому направлению умов людей, которые нас окружали. Оба мы дружили со всеми, не вдаваясь в различие характеров, хотя мои интересы были несколько отличными от интересов других товарищей: я по-прежнему увлекался пением, брал частные уроки по постановке голоса у артистки Яни- шевской-Елецкой, по вечерам пел в приёмной комнате под аккомпанемент

студента Кочергина (3) свои романсы, одевался под артиста и вообще «от- бывал» академию, потому что некуда было больше деваться.

Вот так мы жили и поживали, пока не случилось экстраординарное событие, очевидцем которого мне пришлось быть. С. С. переживал, как видно, первое сердечное... Это была сестра жены о[тца] Тихона Андриев- ского. Лукашенко говорил, что его увлечение бесперспективно... что слиш- ком большая разница в характерах и что «пожар» нужно потушить... И он его тушил: он диктовал содержание письма одной стороне и на него же го- товил ответ другой стороне. С. С. явно мучился, но был он в этот момент Серёжей Богословским. Мне было жаль Сергея! Вот где его скромность, до- верчивость стали в противоречие с окружающей его средой: прохвост Лу- кашенко разыграл роль Фигаро... и рассказывал об этом и другим.

Мы встретились с С. С. в 1914 г. в Пермской дух[овной] семинарии: я был в ней помощником инспектора, а он преподавателем Священного писания Ветхого Завета. Время было военное — сутолока, заботы, к тому же я работал ещё в гимназии, и мы как-то не часто встречались с С. С. Но я узнал, что он женился: не он мне об этом сказал, а я узнал. Встретились... поздравлять. «А где у тебя кольцо?» — спрашиваю. Молчит, мнётся. Всё ясно: он всё ещё Серёжа Богословский!

В тридцатых годах я был в Перми и посетил Богословских. Я был в се- мье С. С. Шла дружная и милая беседа, в которой принимали участие С. С., его супруга, [отец] Стефан Михайлович, а около нас были дети — две де- вочки и мальчик. Вспоминали прошлое. Я рассказывал о себе. Я тогда так и не узнал о том, что С. С. учился в университете, что он писал историче- ские исследования и т.д. Почему? Он всё ещё был Серёжей Богословским.

Спустя несколько лет в Свердловск приехала дочь С. С., Милица Сер- геевна. С. С. бывал у ней в Свердловске? Бывал. Почему же он ни разу не за- шёл? Я глубоко убеждён: только потому, что он стеснялся.

Летом 1960 г. я побывал в Перми. Был около дома Богословских, ря- дом, где в 1908 г. я жил на квартире. Я вспомнил трагедию Богословских, когда утонул летом Николай Богословский (4). Я был на могиле С. С., но я не верю в смерть Серёжи Богословского, нет, он и теперь стоит перед мои- ми глазами таким, каким я помнил его в юности, каким я его, прямо скажу, любил, и может быть, именно за то, чего мне самому недоставало: за его скромность, доверчивость и доброту.

Но я теперь многое узнал о нём, как Сергее Степановиче. За его скромностью, стеснительностью всегда скрывались настойчивость, трудоспособность, ясность ума, специфический интерес к истории, особенно к истории Пермского края и Прикамья. Это же черты характера, которые составляют особенность всех Богословских! Он обладал крепостью духа, которая позволила ему перестроиться в тяжёлый момент исторической ломки. Нельзя в этом не отметить черты характера его отца Стефана Михайловича. Можно сказать, что С. С. как таковой раскрылся полностью только в этот, второй период своей жизни. Второе рождение его началось с момента поступления вольнослушателем в только что открывшийся в 1916 г. Пермский университет, а потом и студентом. Как в связи с этим не сказать: «Ох и живуче семинарское племя!» Его призвание было вовсе не библию преподавать, а быть историком. Трудно думать, чтобы интерес к историческим исследованиям возбуждал у него проф[ессор] И. М. Покровский (5) в академии; счастливым случаем для С. С., очевидно, была его встреча с академиком Б. Д. Грековым. Вернее всего сказать, что у С. С. в этом отношении сказалась семейная черта всех Богословских — интерес к истории и археологии. Понятно, что академик Греков не мог не заметить у С. С. этой черты характера, и она не могла не сказаться в его трудах. У кого из Богословских нет тяги к архивным изысканиям, а что касается обстоятельности историко-архивных исследований и тщательности анализа, то это те черты, которые исподволь воспитывались у семинаристов, а позднее и в высших учебных заведениях.

Приходится пожалеть, что нет пока возможностей сделать полный обзор трудов С. С. Ещё больше приходится пожалеть, что, как видно из воспоминаний о С. С., ещё в 1920-х гг. в Свердловске затерялась большая и ценная работа по экономике Печоры. Очень желательно, чтобы часть работ его, оставшаяся в рукописи, была обработана и издана.

Из воспоминаний о нём его брата, профессора Московского университета Павла Степановича Богословского, видно, что из его исследований при университете в Перми печатались следующие:

- 1) «Город Соликамск на рубеже XVI–XVII вв. (историко-экономический очерк)». 1926 г.
- 2) «Русская колонизация Кунгурского края».
- 3) «Пермское Прикамье 300 лет назад».
- 4) «Экономическое положение крестьян Чердынского уезда в XVI–XVII вв.».

Уже перечисленные выше труды С. С. указывают направленность его научных интересов.

Жизнь С. С. оборвалась много раньше, чем позволяли его духовные и физические силы. Ему не удалось осуществить некоторые его замыслы по изучению истории Прикамья. Тем паче приходится пожалеть, что роковой случай вырвал его из рядов людей науки; зато нельзя с благодарностью не вспомнить о том, что он успел всё-таки создать за свою жизнь. Мир праху его!

31/X-[19]60. 13 ч[асов] 56 м[инут], вр[емя] св[ердловское].

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 42–49.

Примечания:

1. Очерк «Сергей Степанович Богословский» находится в составе «Очерков по истории Пермской духовной семинарии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора, но в содержании очерков отсутствует. В «свердловской коллекции» очерк отсутствует.
2. Болтинский Иван Петрович — кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г.; возможно, Граников Георгий Александрович — из Астраханской губернии, кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г.; Иванов Виктор Ананиевич — кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г.; Моисеев Фёдор Александрович — кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г., в монашестве Феофан, оставлен профессорским стипендиатом при кафедре нравственного богословия; Жуков Фёдор Алексеевич — кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г., в монашестве — Нил, иеродиакон, оставлен профессорским стипендиатом при кафедре пастырского богословия аскетики и гомилетики; Кожевников Алексей Владимирович — кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г., из Тобольской губернии; Лукашенко Николай Семёнович — кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г.
3. Кочергин Николай Евтропиевич — кандидат богословия Казанской духовной академии 1914 г.
4. Богословский Николай Степанович (1892–1908) — обучался в Соликамском духовном училище в 1902–1904 гг., окончил Пермское духовное училище по 2-му разряду в 1906 г. и два класса Пермской духовной семинарии в 1908 г.

5. Покровский Иван Михайлович (1865–1941) — сын священника Тамбовской губернии. Магистр богословия Казанской духовной академии 1898 г. Профессор кафедры русской церковной истории, доктор церковной истории 1905 г.

Александр Борчанинов (1)

*Светлой памяти
моего соученика и товарища*

В числе моих одноклассников, сначала по духовному училищу, а потом и по первому классу семинарии, были два брата Борчаниновых: старший — Павел, а младший — Александр. Позднее я отстал от них вследствие болезни. Как это получилось, что, будучи в различном возрасте, они оказались в одном классе, осталось нам, их одноклассникам, неизвестным: это относилось, так сказать, к предыстории описываемых ниже событий. Известно было только, что они дети псаломщика села Клевакинского Камышловского уезда. Не прошло мимо нашего внимания и то обстоятельство, что они держались в отношениях друг с другом удивительно согласованно, дружно, что не всегда приходилось наблюдать в подобных случаях, когда у старшего брата обнаруживалась тенденция верховодить и командовать младшим. Впоследствии, изучая классическую мифологию, мы в таком именно виде представляли содружество «братьев» Аяксов», а изучая философию, находили объяснение столь редко наблюдаемому содружеству братьев Борчаниновых в том тезисе немецкого философа Шопенгауэра — пессимиста, где он утверждал, что люди сходятся друг с другом не по родству характеров, а по различию, и в том случае, когда один характер как бы восполняет недостаток другого. По отношению к братьям Борчаниновым мы этот тезис Шопенгауэра примеряли потому, что у них, в отличие от других «духовников», были ярко выраженными разные наклонности и интересы: Павла больше интересовала музыка, а Александра — изобразительное искусство, точнее — декоративное искусство. Павел, как только наш учитель пения и поныне здравствующий в Камышлове — Михаил Михайлович Щеглов привёз из Екатеринбурга десять скрипок и объявил запись

желающих учиться игре на скрипке, первым записался в число желающих, ревностно обучался и был, так сказать, лидером наших скрипачей. Так, когда однажды духовное училище посетил екатеринбургский архиепирей Ириной (2) и пожелал послушать игру на скрипке наших скрипачей, выступление возглавил Павел Борчанинов. Любопытную картину мы наблюдали в этот момент в актовом зале нашего духовного училища. В глубине зала под пышными филодендронами между бюстами царей восседал старец небольшого роста. Неподалёку от входа в зал у фисгармонии в состоянии трепета и почтения стоял Михаил Михайлович, а рядом с ним, слева, стояла «когорта» наших скрипачей, построенная в виде треугольника, обращённого вершиной к пюпитру, на котором был развёрнут Октоих. На вершине треугольника стоял Павел Борчанинов. И вот по знаку М. М. оркестр скрипачей заиграл богородичен восьмого гласа «Царь Небесный». С гордостью и уважением мы наблюдали за нашими музыкантами, а особенно за вожаком их Павлом Борчаниновым.

Кто, где и когда первый открыл у Александра Борчанинова склонность и талант в декоративном искусстве — осталось неизвестным. Известно только, что вся его деятельность в этой области началась с подготовки к престольному празднику в духовном училище. Однажды мы заметили, что у комнаты швейцара при парадном входе в училище лежит громадная куча ползучей боровой травы — дерябы, распространяя аромат соснового леса. Загадочность этой кучи продолжалась недолго. Когда, после обеда, мы отправлялись на двор на наши привычные игры в солдаты, среди нас не было Александра Борчанинова, а когда мы через два часа возвращались со двора на чай, мы увидели Александра: он сидел на скамейке и вязал гирлянды. Картину эту мы наблюдали ежегодно за два-три дня до престольного праздника — дня памяти святителя Сергия Радонежского, 25 сентября (3). Иногда один, а иногда с двумя-тремя помощниками Александр готовил громадное количество гирлянд, которые на время сносились в комнату швейцара... Но вот настал праздник, и все эти гирлянды развешивались на стене у мраморной лестницы, ведущей в церковь, свешивались с потолка над лестницей, обрамляли дверь, ведущую в церковь, прилегающий к ней коридор, иконы у клиросов и нижний ряд икон на стенах церкви. Вся, прилегающая к церкви, часть здания была полна аромата соснового леса и ласкала взор свежей зеленью.

В большей степени талант нашего декоратора проявлялся при подготовке к празднику Пасхи. Самый масштаб работы расширился и во времени и по объему. Уже за две-три недели до Пасхи в комнате, где помещалась столярная мастерская, внизу здания, чаще слышался стук молотка, шурчание ножовки или струги; это готовились различные полочки, рамки, подставки, штативы для размещения будущих пасхальных украшений. И вот опять, когда мы после обеда выходили на двор играть в сезонную забаву — в бабки, среди нас не было Александра; он был там, в мастерской, где стоял самодельный верстак с набором самых необходимых принадлежностей столярного мастерства, а на полу лежала кое-какая древесина... Приближался праздник, и фронт работ расширился. Заготавливались фонарики из цветной бумаги разной конфигурации — цилиндрические, круглые, из гладкой бумаги или гофрированной; заготавливались вазочки различной формы, различных цветов, гирлянды из цветной бумаги; заготавливались плакаты с изображением «Воскресения» со словами: «Христос воскрес» и без них, с разнообразной окраской букв и их формой. Наконец, как вершина декоративного мастерства, заготавливались вращающиеся фонари-цилиндры самой разнообразной окраски со словами «Христос воскрес» или изображением «Воскресения». И вот наступал праздник — «праздников праздник» Пасха. Все эти украшения распределялись по заранее предназначенным им местам. Центром опять являлась мраморная лестница и прилегающие к ней коридоры. Развешаны разноцветные гирлянды, плакаты, фонарики, вращающиеся цилиндры. Кругом свет, блеск, зелёные ёлки при входе на лестницу и по углам её на поворотах. В конце коридора у окна картина «Воскресения» в зелени, с вертящимися цилиндрами. В коридоре, у входа в церковь, стоят молящиеся, не успевшие проникнуть внутрь церкви — женщины в белых платьях. Из церкви несутся радостные звуки пасхальных песнопений. Всё полно радости и торжества. Надо было видеть в этот момент Александра Борчанинова, главного виновника пасхальных украшений. Забыта усталость от работы в последние дни, недосыпанные ночи, он бодр, он весь сияет, он поминутно поднимается кверху по лестнице и спускается вниз, он, как часовая стрелка, передвигается от одного фонаря к другому, снимает наплывы и сгоревшие фитили со свеч, он счастлив, что осуществил свой замысел — создал украшение к Пасхе. Он доволен, и это было для него единственной наградой за его труды.

Кончено духовное училище, и Александр Борчанинов в семинарии. Повзрослел, но тяга к декоративному мастерству не только не оскудела, а, наоборот, возросла, и вот, без всякой просьбы от кого-либо, без всяких предложений и тем более настаиваний с чьей-либо стороны, «по своей доброй воле», по велению своей души, Александр — признанный мастер украшений на Пасху. До Пасхи ещё оставалось две-три недели, а, проходя в столовую, в коридоре мы уже видели какие-то конструкции, массивные, но ещё не получившие законченной формы. В них уже можно угадывать замыслы декоратора, которые вот-вот проявятся в красивых украшениях к Пасхе. Подходит «страстная», и около конструкций мы видим гору пихтовых ветвей и у неё Александра, проволокой вплетающего эти ветви в лежащие конструкции. Готовится что-то грандиозное. Что же? И вот канун Пасхи. Бессонная ночь! На площадке у церкви вырастает ниша: стены и выступы углов представляют сплошной коридор из ветвей пихты, верх весь в гирляндах из пихты. Против входа в церковь, у парапета лестницы, фонтан, за ним величественное изображение «Воскресения», обрамлённое зеленью из ветвей пихты. Вода, прозрачная, но с отражающимися в ней цветными фонариками, медленно стекает вниз из чаши фонтана, а струя её поднимается кверху на полтора метра. Дверь, ведущая в церковь, в гирляндах из пихты, стены коридора и стена у лестницы, прилегающие к входу в церковь, украшены сеткой из пихтовых ветвей. В конце коридора, против соборной площади, во всё окно изображение «Воскресения» с освящением обратной стороны его, от чего оно делает живым образ «воскресшего из мёртвых». Кругом зелень, на стене там и здесь фонарики из цветной бумаги. В самой церкви повсюду гирлянды из искусственных цветов. Всё залито светом, сияет! Все любят созданной Александром Борчаниновым и под его руководством красотой. Не хочется расставаться с украшениями. Идут занятия после Пасхи, а украшения все ещё не убраны. Вот мы видим, как наши учителя расхаживают перед уроками в полумраке коридора, полумраке от пасхальных украшений. Невольно мысль обращается к создателю и виновнику этой красоты: кто отблагодарил его за неё, за то, что она, эта красота доставила многим радость? Увы! Что-то не слышно было, чтобы кто-либо поблагодарил за это Александра в семинарии, как это было и в духовном училище. Всем казалось, что всё это делалось само собой, как «по щучьему велению». Что же двигало на эти труды Александра

Борчанинова? Слава, почести? Такой ответ был бы самым нелепым. Что же? Только любовь к этому делу да желание послужить своей *alma mater*. Вот и приходится сознаться в том, что не проходим ли мы иногда мимо тех людей, которые для нас сделали что-либо хорошее, не видим это хорошее, а вот если заметим что-либо плохое, то упорно тычем им, грубо выражаясь в глаза другим. «Чтый да разумеет!»

Говорят, что давно умер декоратор нашей семинарии — Александр Борчанинов — но, вспомнивши о нём сейчас, как не сказать: «*Sit tibi, amice care, terra levis!*»

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 94–100 об.

Примечания:

1. Находится в составе очерков по истории Камышловского духовного училища в «пермской» и «свердловской коллекциях» воспоминаний автора.
2. Ириной (Орда) (1837–1904) — епископ Екатеринбургский в 1900–1902 гг.
3. Престольный праздник в церкви Камышловского духовного училища, освящённой в честь Сергия, Радонежского чудотворца.

Гриша Козельский (1)

*Светлой памяти соученика
и товарища детских и юношеских лет*

Гриша Козельский был одним из тех двадцати пяти мальчиков, которые в августе 1897 г. были зачислены в подготовительный класс Камышловского духовного училища. Отца его к этому времени уже не было в живых, и он вместе со своей матерью и младшим братом Феликсом был на иждивении своего старшего брата Михаила Михайловича, псаломщика села Катарачского. Село это находится неподалёку от Камышлова, почему Гришу и отдали учиться в Камышловское духовное училище как сироту служителя культа. Среди других мальчиков, которых вновь приняла в своё лоно

бурса, Гриша больше всех сохранил черты раннего детства: он был ниже ростом, чем другие, худенький, тщедушный. Лицо его, сильно загорелое, обветренное и волосы, выцветшие под влиянием солнечных лучей, небрежные в причёску, а торчащие в разные стороны — делали его похожим на пастушонка, только что взятого с поля от стада коров. На лице всего замечательнее были глаза: бойкие, говорящие о том, что этот мальчик смелый и решительный, из тех, про кого принято говорить: «он сумеет за себя постоять». На ногах его были надеты сапоги явно не по росту — большие, слишком свободные, очевидно, из обуви старшего брата. Брючки из корта в полоску, сильно вздёрнутые, прикрывали только половину голенищ и были натянуты на них вплотную. Блузка, тоже из корта, была посередине перехвачена ремешком, но без бляхи. Что говорить, вид у Гриши был не презентабельный: во всём проглядывала бедность.

Как сирота, Гриша был принят на казённый счёт, т.е. на бесплатное обучение. В кругу своих близких товарищей по группе Гриша любил рассказывать о своём Катараче: о своей семье, о знакомых и друзьях. С его слов мы знали, например, что у него большая мама. Гриша даже называл болезнь матери — порок сердца. Не искушённые в медицине, мы порок сердца Гришиной мамы представляли как некий порог, т.е. с буквой **г** на конце, и когда он нам рассказывал о приступах болезни у матери, то нам казалось, что этот «порог» сжимал душу больной и мог её при случае и совсем задушить. Мы сочувствовали Грише. Рассказывал он нам о знаменитых людях Катарача, например, о втором псаломщике села — Синягине. Синягин, как нам описывал Гриша, был поэт и притом импровизатор. Конечно, в то время Гриша не мог произнести такого научного слова; оно вошло в наш язык и осмыслено нами было значительно позднее — в семинарии, когда на занятиях у Валериана Александровича Фаминского мы читали, а потом и на память заучили стихотворение А. С. Пушкина: «Сонет».

*«Суровый Дант не презирал сонета.
В нём жар любви Петрарка изливал.
Игру его любил творец Макбета».*

...И главное, что нам расшифровало значение слова импровизатор — это слово об Адаме Мицкевиче (2):

*«Певец Литвы в размах его стеснённый
Свои мечты мгновенно заключал».*

Так вот, по словам Гриши, Синягин тоже «свои мечты мгновенно заключал», что по отношению к нему, конечно, можно отнести только в ироническом смысле, чтобы не оскорблять памяти великого польского поэта. Гриша рассказывал, что Синягин, как всякий поэт, а он поэт в кавычках, окружён был сельскими поклонницами, которые усиленно настаивали, чтобы он «сказал стих», и он однажды изрёк:

*«О Синягин! Ты невинен,
Скажи девицам всем прокимен».*

Мы тогда ещё не знали, что есть стихотворения, которые называются одами, и что некоторые из них так и величественно начинаются, например: *«О ты, пространством бесконечный»* и т.д.

Всё это мы узнали много позднее на уроках незабвенного Валериана Александровича, но получилось так, что по ассоциации мы вспоминали и творчество Синягина. Какой же деревенской простотой веяло от этих Гришиных воспоминаний!

Или вот ещё пример из воспоминаний Гриши. Некий Кудряшов славился среди деревенских меломанов, поклонников оперного пения, чуть ли не Шаляпиным, и когда его просили спеть что-либо из оперы, долго, как говорится, притворялся скромным, ломался, чтобы его больше просили, а потом, наконец, как бы скромно соглашался со словами: «Ну, ладно: я вам спою из «Демона», и запевал: «Ревела буря, дождь шумел».

Некоторые из воспоминаний Гриши свидетельствовали о его серьёзной наблюдательности и своего рода эрудиции. Так, позднее, когда мы уже значительно изучили греческий и латинский яз[ыки], во всяком случае настолько, что пасхальный тропарь «Христос воскрес» пели на Пасхе и по-гречески, и по-латински, Гриша неожиданно для нас сделал нам такое заявление: «А вот двоеданы (3) иначе поют этот тропарь», и указал, в чём именно это различие заключается, а именно, что вместо слов «Смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» они поют: «Смерть на смерть наступи и гробным живот дарова». Это заявление он сделал за много лет рань-

ше того, как мы в семинарии изучали «Историю и обличение раскола», о двоеданах же наши знания сводились только к тому, что во время детских игр при отборе игроков мы употребляли присловье: «Двоедан другодал, на колоде угадал» и т. д.

Мы любили слушать рассказы Гриши, хотя приходится с сожалением оговориться, что они припахивали иногда пошлятиной, что свидетельствовало о том, что источник их иногда был грязноватый.

Над Гришей, как и над другими бурсаками, тяготел целый ряд бурсацких традиций и неписаных законов. Так, давать прозвища, клички — было законом бурсы. Нужно сказать, что у бурсы в этом отношении была большая изошрённость и опыт, а также нужно признать, что прозвища иногда довольно метко отражали или характер их носителя, или его внешний вид в момент их выработки. Потом они передавались уже по традиции и, таким образом, связь их с прототипом ослабевала. Для Гриши нужно было вновь придумать прозвище, но творцы его ничего не смогли другого придумать, как прозвище, производное от его фамилии Козельский — «козёл или козлятина» с добавлением «тухлый» или «тухлая», что само по себе было достаточно язвительным и обидным.

Гриша сам непросто было поострить по поводу прозвищ. Так, по прозвищу его товарища — соученика Игнатьева, по традиции переданному ему от старшего брата «баран» (брат был кудрявым) он изменил его фамилию Игнатьев на Ягнятьев. Не остроумно ли, правда?

Одним из неписаных законов бурсы являлось право старших «задаваться» над младшими. Это означало, что можно какому-либо малышу подставить на ходу «ножку», ущипнуть, дать щелчок — «пучку». На бурсацком жаргоне «пучка» это и означало щелчок. К чести Гриши нужно сказать, что, несмотря на свою физическую ущербность, о чём сказано выше, он умел защищаться от поползновений обидчика: он был ловкий, а зуб у него, как и глаз, был острый, так что тот или иной обидчик и задумывался над вопросом: стоило ли с ним связываться. Гриша в этом случае напоминал ёжика, который для защиты прятался за свои колючки. За это, за способность самозащиты мы уважали Гришу с первых дней его жития на бурсе.

Гриша быстро усвоил некоторые приёмы борьбы за хорошие отметки, например на экзаменах. У бурсаков на этот счет были выработаны свои правила: «Если хочешь получить пятёрку, прежде всего «ешь глазами экза-

менатора». Это означало, что нужно смотреть бодро, поражать «врага» своим наступательным видом, терроризировать его и вынудить поставить пятёрку, причём нужно это делать до тех пор, пока не убедишься, что пятёрка уже есть; и бывало так, что «разбежавшегося» отвечающего удавалось остановить только после второго или третьего замечания экзаменатора «довольно». Гриша свято соблюдал это «предание старины», и когда ему на экзамене попадал знакомый билет, то рот его превращался в «бурный поток», слова дробью рассыпались по классу, и его трудно было остановить. Несколько иначе обстояло дело на экзаменах по пению: здесь приходилось применять другой способ убедительности в хорошем качестве ответа, конечно, с бурсацкой точки зрения. Наш преподаватель пения Михаил Михайлович Щеглов рекомендовал «отбивать» такт ударом руки по бедру, вернее — не ударом, а прикосновением руки к бедру. Между тем, это прикосновение к бедру бурсаками уже превращалось в настоящий удар, только бы убедить экзаменатора в хорошем ответе. Наивно, но факт! И вот Гриша, следуя этому совету, когда на экзамене приходилось петь богородичен по Октоиху, пел несколько фальшиво, но не жалел своё бедро и руку, пока, наконец, кто-либо из членов экзаменационной комиссии не делал замечание: «Козельский, ты не размахивай так сильно рукой».

У бурсаков был свой идеал отчаянного ученика, которого так сокращенно и называли «отчаянной» (именно с окончанием «-ой»). Конкретным выразителем такого типа ученика в год, когда мы были «приготовишками», был четырёхклассник Иван Переберин (4). Что входило в понятие «отчаянной», чем он должен отличаться от других? Во-первых, он должен быть ловким, а ловкость можно было показать на игре, или на физкультурных приборах, которые стояли во дворе. Никто, например, когда играли в лапту, не мог так ловко заслат мяч вверх, как Переберин. Он так ловко засылал мяч вверх, что обратно он падал почти к его же ногам. Никто так ловко не мог проделать фигуры на параллельных брусьях, как он же. Во-вторых, «отчаянной» должен быть смелым, а смелость можно было проявить в извечной борьбе «духовников» с городчиками, т.е. с учениками городского училища. Об Иване Переберине ходило много рассказов, как он побеждал «врагов» в неравной схватке. Наконец, многие были свидетелями, как он однажды всадил перочинный ножик в плечо своего врага ученика Панина. Про Переберина говорили, что он может сделать какой угодно смелый по-

ступок. В-третьих, «отчаянной» должен уметь вести себя независимо с начальством, что умел делать опять-таки Переберин. В самой манере его поведения было что-то покоряющее, а называли его применительно к деревенскому жаргону — «Ванька».

Таков был идеал, которому старались подражать, а Вася Зеленцов (5) сам себя подводил под этот идеал и при случае кого-либо предупреждал словами: «Ты смотри у меня: я отчаянной». Гриша преклонялся перед Переберинным несколько иначе: он помимо тех качеств, которые были у Переберина, восторгался его голосом и искусством пения. Он рассказывал о том, как «Ванька» пел после окончания дух[овного] училища в архиерейском хоре, а был болен туберкулёзом. Сам ли он выдумал или ему кто-либо рассказывал об этом, но он так передавал о последних днях жизни «Ваньки». «Было жарко, — говорил он грустным голосом. — Ванька, кутаясь в тёплую одежду (так он говорил), пришёл в последний раз на клирос. Он пел с увлечением последний раз, и друзья его знали об этом». Умиравший лебедь! Бальмонт в своём стихотворении не мог выразить столько чувства, сколько Гриша вложил в свой рассказ.

Гриша, как «казённик», получал бесплатно одежду и обувь. В число обуви входили сапоги и кожаные калоши. «Духовники» не носили штилеты и туфли. Мало того, у них было предубеждение против этого вида обуви. Считалось, что это женская обувь и мальчикам неприлично её носить. ...Не в почёте у бурсаков были и кожаные калоши. Да и на самом деле они имели странный вид: сапоги с обрезанными голенищами. Явный анахронизм! В это время были уже в продаже резиновые калоши. Обычно так и было, что «казённики» избегали их носить, а отправляли их домой, а там кто-либо из родных приспособлял их для хождения за ягодами и грибами. Но Гриша в ненастную погоду надевал эти калоши, хотя над ним подсмеивались. В самом деле, вид у него получался несколько странный, похожий на маленького татарчонка. Известно, что носить высокие калоши, даже и резиновые, любили и теперь ещё любят эти «князья», как их раньше иронически называли. Гриша тоже, в конце концов, не выдержал насмешек и бросил их носить. Как и ботинки Медведева, долго они ещё валялись за ящиками в гардеробной, как символ пережитого бескультурья (6).

Шли дни за днями, месяцы за месяцами и годы за годами, и Гриша, как и все, грыз «гранит науки». Главной тяжестью была, конечно, «грека» и

«латыня». Боже мой! Только подумать ведь чего-чего только не учили: и аористы, и *plusquamperfectum*, и *ut consecutivum*, и *cum cansale*! Всего не перечислить! Гриша особенными успехами не отличался, но был и не из последних: зубрил, понемногу «махлевал» на контрольных работах, понемногу озорничал. Одним словом, шёл в ногу с другими. А между тем на бурсе происходили большие перемены: бурса начинала сбрасывать с себя «ветхого Адама».

Гриша не имел такого голоса, чтобы его можно было взять в хор, а тяга к искусству была. И вот новость: на бурсе будут обучать скрипичной игре!

Бурса и скрипичная игра! ...Это бред? Нет, Михаил Михайлович [Щеглов] привёз уже из Екатеринбургa десять скрипок, скрипичную школу Берио (7), сделаны пюпитры, отведена комната. Записывайтесь!

Гриша в числе первых записался и приступил к занятиям. Часть школьного здания на втором этаже, против актового зала, превратилась в консерваторию. Гриша героически боролся за овладение скрипкой, переходил с «позиции» на «позицию» и вот наступил момент, когда нужно было показать «плоды учения». Весной 1902 г. духовное училище посетил екатеринбургский архиерей Ириней и пожелал послушать игру скрипачей. Гоголь. Великий Гоголь! Только он смог бы нарисовать во всей красоте картину, которая предстала перед нашими глазами. В актовом зале у фисгармонии стоял Михаил Михайлович. Неподалёку от него, расположенные острым углом, упирающимся вершиной в пюпитр, на котором лежал Октоих, стояли скрипачи. В перспективе зала у цветка филодендрона сидел старец — архиерей Ириней. Около стояли мы, слушатели. Всё было напряжено до крайности. Тишина! Всё замерло в ожидании. И вдруг по мановению Михаила Михайловича скрипачи заиграли богородичен восьмого гласа: «Царь Небесный!» Призываю в свидетели всех великих людей мира: музыкантов, художников, писателей — это была картина, достойная их внимания, и в ней активная роль принадлежала Грише.

Новость шла за новостью. Александр Ильич Анисимов объявил, что готовится к постановке «Недоросль» Фонвизина. Роль Скотинина он взял себе. Долго гадали: кому дать роли учителей, и роль Кутейкина играл Гриша. Играли, конечно, отрывки. В самую большую комнату снесли все доски и столы и сделали сцену. Квартирные хозяйки «приходящих» учеников, «квартирников», помогли кое-что собрать из костюмов и грима. Где это было? Это было на бурсе в Камышлове.

Тот же А. И. Анисимов организовал выпуск журнала. Гриша писал о своём Катараче.

Так, [старая] бурса отступала, но она ещё гримасничала и ломалась. И вот её родимые пятна. В четвёртом классе, перед выпуском из школы, «баловались» нюхательным табаком. Дико, но факт! На окнах висели причудливые шторы, а на обороте их причудливые «картины» зелёного цвета свидетельствовали о... сказать прямо: о варварстве.

Гриша ходил однажды со своим товарищем по классу за покупкой пряников, конфет для бурсаков. Это было нововведение на бурсе (8). Вышли из магазина, Гриша вынул из кармана пряник и говорит: «Это я стибрил». Осенью, когда производились заготовки продуктов, мешок с луком оказался у склада без присмотра. Половину его растащили бурсаки. Конечно, участником был и Гриша (9). [...]

Перед экзаменом мы ходили на традиционную прогулку в лес. Эти прогулки носили демократический характер: бурсаки встречались на них со своими учителями в семейной обстановке: в игре в лапту принимали участие и надзиратели, и учителя. Встретиться с учителями и не бояться, что вот тебя спросят и поставят двойку — сколько в этом было привлекательного для нас! Сколько при этом если не совсем забывалось, то, во всяком случае, смягчалось, сглаживалось обид, оскорблений. Может быть, в такие именно минуты и выработалось потом у бурсаков благородное правило: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим». А ведь это, вероятно, и было то самое главное, что знаменовало собой, что бурса конца XIX века ушла далеко уже от бурсы 70–80-х годов.

На этой прогулке Гриша простудился и заболел крупозным воспалением лёгких. Он оставлен был на второй год и, таким образом, отстал от своих товарищей. Мы снимались на карточку без Гриши. [...]

Пора учения в Камышловском духовном училище закончилась весной 1902 г. Прошли пять лет совместного учения в духовном училище. Дальше встреча уже будет в Пермской духовной семинарии.

Мы встретились с Гришей Козельским через два года, так как при переходе во второй класс семинарии я тоже потерял год, и во втором классе семинарии мы оказались опять одноклассниками. Это было осенью 1904 г. Прошло два года, а переменялось многое: новый город, новые условия жизни в общезжитии, новые события в жизни, а главное — новый возраст:

кончилось детство, настала пора юношества. Детство, при всех индивидуальных чертах детей — монолитно, юношество уже подчинено диалектике: в нём общее, коллективное развивается и взаимодействует с индивидуальным, личным. Встретились мы с Гришей, и стало ясно: детство кончилось, ушли в прошлое детские забавы, шалости. В каждом из нас уже больше стало проглядывать своё, личное; каждый из нас стал внимательнее вглядываться в душу другого и находить в ней что-то новое.

Гриша предстал передо мной уже как юноша. Что сразу стало заметно, так это то, что он больше читал и о чём-то думал. Было видно, что он работал над своим мировоззрением, а главное — он старался всё осмыслить самостоятельно и как можно глубже. Взглянуть на всё глубже, чем другие — стало его привычкой. Часто на этой почве у Гриши были размолвки с товарищами: часто на тезис кого-либо, тезис, совершенно ясный и убедительный, он выдвигал антитезис или лучше сказать — контртезис и отстаивал его даже в том случае, когда противник его подводил его *ad absurdum*. Создалось такое впечатление, что у него появился дух противоречия. Можно было заметить, что Гриша читает книги явно не по развитию, например по социологии. Между тем и семинарские науки, и сама жизнь усложнились и усложнились. В четвёртом классе изучали «Историю философии» по Страхову (10). Что только не проходило через семинарские головы: и идеи Платона, и энтелехия Аристотеля, и *Παντα δει* Гераклита, и *cogito ergo sum* Декарта, и *Deus sive natura* Спинозы, и *Tabula rasa* Локка и, наконец, «Мир есть объективация воли» Шопенгауэра. Сколько бы ни популярно читал лекции Александр Николаевич Юрьев по философии, но переварить такую уйму философских идей [—] нужно иметь голову. [...]

А между тем и со стороны вновь появившихся в семинарии молодых преподавателей шли новые веяния. ...Больше же всего загадок ставила сама жизнь: революционная буря, промчавшаяся шквалом, не могла не оставить следа на умах семинаристов. А потом и новая литература, когда властителем умов был Леонид Андреев. Такие произведения его, как «Анатэма», «Иуда Искариотский», «Жизнь Василия Фивейского» — властно вторгались в умы юношей, производя подчас страшный хаос в их головах. ...Можно себе представить, в каких условиях работал мозг Гриши, когда он вырабатывал своё мировоззрение! Но Гриша не только философствовал, но и был юношей во «плоти»: он был завзятым меломаном, поклонником

оперы. Скрипку он забросил, хотя в семинарии был одно время специальный преподаватель — Григорий Кузмич Ширман, который потом в опере был дирижёром оркестра. В одном из оперных сезонов на славе был лирический тенор Саянов. ...У Саянова был очень приятный тембр голоса, бархатистый, нежный. ...Гриша был в восторге от пения Саянова. Он старался воспроизвести голос певца: делал нажим на гортань (кадык), чтобы вызвать вибрацию звука, чуть зажимал нос, чтобы вызвать *«promonsens»* (11), и начинал петь «Меж горами ветер воет...»

...Однажды Гриша вознамерился выступить на семинарском вечере декламатором и выбрал для этого стихотворение-перевод из произведения Верхариа: «К невозможному». Содержание этого стихотворения сводилось к призыву к бесконечному движению вперёд, и мысль эта в нём выражена была абстрактно в рефрене: «Златых коней мечты безбрежной не бойся устремить туда»; в стихотворении изображалось что-то вроде *«perpetuum mobile»*. Гриша обратился за разрешением прочитать это стихотворение к «папке» (ректору Добронравову), но тот отказал ему в разрешении, заявив: «Нет, Кожельский (ректор шепелявил)! «К невозможному» — невозможно».

Будучи внутренне сосредоточенным, часто что-то обдумывающим, мечтающим, Гриша не был анахоретом, отшельником: например, на вечерах немного ухаживал за епархиалками, во время зимних каникул ходил на вечера в епархиальное училище. Одним словом, мог про себя с полным основанием сказать: *«Homo sum et omnia humana mihi non aliena sunt»*. К чести его, нужно сказать: не пил и не курил. Любил иногда поострить над кем-либо из товарищей, но, как говорится, «недушевно». Не чуждался в компании поболтать, посмеяться. По старой привычке не прочь был применить словотворчество. Так, Хмельнова любовно называл «Хмельняга». Он подшучивал над другими, тем же ему платили и товарищи его. Всё это была одна «братва»!

Так мы жили да поживали и осенью 1907 г. вступили наконец в богословские «палестины» — в пятый класс. После суровой «школы» Валериана Александровича Фаминского, после философской премудрости на уроках Александра Николаевича Юрьева богословские классы были «землёй обетованной». «Ну, наконец, можно и отдохнуть» — таково было настроение у всех. Учение шло как-то спокойнее, да и отношение к «богословам»

было ровнее, доверчивее, демократичнее. И вот «тогда считать мы стали раны, товарищей считать», и оказалось: поступало нас в первый класс шестьдесят человек, а к пятому классу осталось тридцать. Пятьдесят процентов «усушки и утруски»; и падали они, главным образом, на первые классы. Было так, что первые и вторые классы были с параллельными, а с третьего класса уже шли классы без параллелей. Вот когда работал пресс... и вспомнили мы опять Валериана Александровича Фаминского — «химеру». «Ох и крепко он учил!»

Какова была в это время обстановка внутри семинарии на путях идеологического воспитания? Эпоха Александра Павловича Миролюбова явно приходила к концу. Он, ясно было всем, устал. «Укатали сивку крутые горки». ...На арену борьбы за идеологию семинаристов выступили новые лица: Николай Иванович Знамировский и священник, впоследствии протоиерей, Тихон Петрович Андриевский. Им пришлось работать уже в других условиях, чем А. П. Миролюбову, а именно — в период столыпинской реакции.

...Метеором в это время пролетела слава священника Григория Спиридоновича Петрова. ...И надо всеми этими впечатлениями и переживаниями главенствовало впечатление политической реакции, а настольной книжкой был «Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева (12).

Как реагировала на все эти явления и события семинарская масса, и в частности Гриша Козельский?

Семинарская масса (речь идёт о богословских классах) была пёстрой и по настроению её и отношению к своему настоящему бытию, а также по планам, какие каждый намечал на своё будущее, может [быть] разделена на три категории: «отбывающих», «наблюдающих» и «взыскующих града [Господня]». К первой категории «отбывающих», и их, надо полагать, было большинство, относились те, кто по инерции завершали курс в семинарии, заведомо зная, что они в священники не пойдут. Для них никакие кружки с богословским направлением были не нужны. Ко второй категории относились «соглядатаи», которые не думали надевать рясу, но считали: почему не посмотреть, что «там делается». Они случайно были или в том, или в другом кружке. «Взыскующие града [Господня]» — это были те, которые готовились посвятить себя священной службе, и их были единицы: трое-четверо. Где же был Гриша Козельский в этой сложной обстановке? Вернее всего, он был где-то на пути от второй категории к третьей. Для него, как и

для многих других, будущее представлялось не в плане идеологии, а в плане экономики: найдись бабушка, которая «своржила» бы ему, т.е. дала бы средства на дальнейшее образование, и он пошёл бы по тому пути, на какой звал П. Н. Серебренников — сделался бы врачом, как делали многие семинаристы. Но «бабушки» не было, и он, как передавали, сначала недолго поработал по чиновной линии, потом женился на пермской епархиалке, что уже обозначало: «*Alea iacta est!*» Принял священство и был назначен в село Стриганское Камышловского уезда. Как рассказывал его брат Феликс, он был идейным пастырем: не ограничивался только богослужениями и проповедями с амвона, а ходил по домам — учил (13). Наставлял и... скоро стогрел: умер от туберкулёза. Скажем ему: «*Sit tibi, care amice, terra levis!*»

Воспаление лёгких, перенесённое ещё в возрасте 14–15 лет в духовном училище, ослабило у Гриши лёгкие. Павел Николаевич Серебренников не раз предупреждал его о слабости лёгких, и прогноз оказался роковым.

Гриша Козельский во многом впитал в себя особенности склада и быта духовной школы — духовного училища и духовной семинарии — конца XIX в[ека] и начала XX в[ека]. Вот почему говорить о нём, о его учении и жизни в это время — это значило говорить о тех школах, где он учился и воспитывался.

8/XI[1960] 15 ч[асов] 37 м[инут,] вр[емя] св[ердловское].

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 101–121.

Примечания:

1. Находится в составе очерков по истории Камышловского духовного училища в «пермской» и «свердловской коллекциях» воспоминаний автора.
2. Мицкевич Адам (1798–1855) — польский поэт, политический публицист, деятель польского национального движения.
3. Двояданы — название старообрядцев беспоповского толка.
4. Переберин Иван окончил Камышловское духовное училище по 3-му разряду в 1899 г.
5. Зеленцов Василий окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1903 г.
6. Из очерка «Гриша Козельский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Они долго валялись в гардеробной комнате и служили орудием при разных баталиях, которые иногда возникали между бурсаками». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 50).

7. Имеется в виду учебник скрипичной школы Берио.
8. Из «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Выход в город разрешался только в редких случаях: когда кто-либо приезжал из родни; когда можно было сходить к кому-либо из родни. Правда, позднее, когда мы учились в третьем классе, разрешалось группе в 3-4 человека ходить в город за покупками конфет, пряников и т.д. по заявкам отдельных «бурсаков». Но это было уже, так сказать «смотрительный» случай». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 4).
Из автобиографических очерков В. А. Игнатъева «Петя Иконников» («Учение Пети Иконникова в Камышловском духовном училище»): «Организована была закупка разных пряностей. Организовано это было так: два ученика третьего или четвёртого класса опрашивали — кому и что нужно купить из пряностей, и направлялись в магазины с мешочком за покупками». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 24–47 об.).
9. Из «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Самый главный недостаток был в витаминах. Вот почему, когда однажды на дворе оказались без присмотра два мешка с луком, желудки «бурсаков» забушевали, затмили их ясный ум, усыпили совесть, и они ринулись к мешкам и воровали лук, потом за обедом крошили его в суп, или просто ели с чёрным хлебом». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 8–10).
10. Страхов Николай Николаевич (1828–1896) — русский философ, публицист, литературный критик. Автор книг: «Мир как целое» (1872), «О вечных истинах» (1887), «Философские очерки» (1895), в которых высшей формой познания считал религию, критиковал современный материализм.
11. «Носовой звук». (Прим. автора).
12. Повесть о последних днях приговорённых к смертной казни, столкновение «инстинкта жизни» и «инстинкта смерти». Прототипами приговорённых были социалисты-революционеры, готовившие покушение на Великого князя Николая Николаевича (младшего) и министра юстиции И. Г. Щегловитова в 1907 г., но выданные провокатором Азефом и казнённые.
13. В очерке «Гриша Козельский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Он делал то, что Т. П. Андриевский делал в «Данилихе». Стало ясно, что Гриша посещал молельный дом в «Данилихе» не как «соглядатай», как делали некоторые другие и как о нём думали, а с целью поучения...» (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 58).

Ещё в духовном училище мы называли его по имени и отчеству. Почему? Теперь трудно это восстановить в памяти: не то потому, что он среди нас выглядел более солидным и по росту, и вообще по комплекции; не то потому, что он учился лучше всех, не то потому, наконец, что он, как увидим дальше, выдвинулся среди нас особенными мероприятиями в жизни нашей бursы.

А может быть и то, что это название утвердилось за ним по общему бурсацкому закону о присвоении кличек, прозвищ, хотя оно и не было прозвищем, а антиподом его. Давать прозвища, в наше время, очевидно, было уже пережитком прошлого, и существовало уже право защиты в этом случае от обидчика, а именно: если тот, кому давалось прозвище, не растеряется и быстро скажет: «с передачей заколачиваю» и объявит: «ребята, я заколотил ему», скажем, прозвище «красная шапочка», то он не только спасал себя от нового прозвища, а даже передавал его обратно обидчику. Так, может быть, кто-нибудь употребил название «Александр Ильич» не по злобе, а просто случайно, и оно вошло в обиход: «Александр Ильич, Александр Ильич!»

А. И. был сыном какого-то сельского торговца. В те времена в духовное училище поступали учиться и дети торговцев, и дети наиболее обеспеченных мещан. Так, в наши времена учились с нами дети камышловских купцов: Чемезов, Полухин, Крупин и др[угие]. Был один «духовник» даже с иностранной фамилией — Вася Лирман (2). Его отец был из крещёных евреев, негоциант. И ничего! Да как он ещё пел! Бывало, когда пели «Над Невою резво вьются», то он бравурно запевал не окрепшим, правда, ещё голосом.

Что привлекало или побуждало купцов и прочих отдавать своих детей в духовное училище? Тут, вероятно, сказывалось своеобразное действие логического закона: «*Tertium non datur*». В Камышлове тогда не было гимназии, а были: городское училище, которое позднее стали называть — высшим начальным училищем — и духовное училище. На духовное училище выбор, может быть, потому падал, что у учащихся в нём было больше перспективы добрать до высшего образования, чем у учащихся в городском училище: из них мало кто переходил потом в гимназию и реальное училище.

А. И. жил на частной квартире у Таисьи Александровны Ляпустиной. На этой квартире он был не один, а человек шесть-семь из разных классов. По существу это был своеобразный пансион, а по некоторому сходству быта этих квартирантов с бытом бурсы, этот пансион можно было назвать «микро-бурса». Так, полагалось, чтобы вечером перед сном дети читали молитвы, как и на бурсе, а для этого должен быть какой-либо дежурный «учинённый брат». Возникал вопрос, как создать такую обстановку на квартире? Начальственного надзора ведь не было. По отношению к квартире Таисьи Александровны этот вопрос разрешался в свете некоторых, так сказать, исторических условий образования этой квартиры. Она была вдовой священника, рано умершего. На её руках остались несовершеннолетние три сына и дочь. В селе Тече был священником брат её — Владимир Бирюков. Он был многодетный и он уговорил её, чтобы она переехала в Камышлов и здесь воспитывала и своих, и его детей. Так и было сделано. У ней одновременно жили трое Бирюковых, учеников духовного училища. Они и составляли ядро квартирантов. У о[тца] Бирюкова ещё в доме были до некоторой степени порядки, свойственные пансиону. Так, была отдельная детская комната, с режимом пансиона: дети должны были творить общие молитвы. Этот распорядок перенесён был и в распорядок детей у Таисьи Александровны. В дальнейшем квартиранты менялись, но вступала в силу уже традиция, которую время от времени поддерживало и начальство дух[овного] училища своим посещением.

В таких вот условиях и протекала у А. И. жизнь в период обучения в дух[овном] училище. Учился он очень хорошо, и носил в этом отношении почётное название — «*primus*».

Как и в чём проявлялись индивидуальные черты А. И. в этот период его жизни?

Как известно, ни в чём так индивидуальные черты у детей не проявляются, как в играх. ...А. И. не был участником игр. [...]

Слава его ждёт на драматическом поприще. Как? — скажете вы. — Бурса и драматическое поприще, бурса и драма?! ...Это фантастика!

А вот и нет! И это доказал А. И. По бурсе молниеносно разнеслась весть: скоро будет спектакль! Ставится «Недоросль» Фонвизина. Гром при ясном небе, вероятно, не произвёл бы такого впечатления, как эта сенсация. Пьесу выбрал А. И., и он же определил: «Скотинина буду играть я».

С трудом подыскали Кутейкина и Цыфиркина... и вот спектакль. Конечно, только отрывки. В комнате, где помещался первый класс, сдвинули доски и, таким образом, получилась сцена. Костюмы и грим собрали через живущих на квартире и при помощи квартирных хозяек и других жильцов у них. Успех колоссальный, особенно у исполнителя роли Тараса Скотинина. Что особенно важно в этом предприятии? То, что всё делали сами бурсаки, без помощи со стороны педагогического и административного персонала. Так ставился вопрос: «мы сами». И вот перед Масленицей 1902 г. в Камышловском духовном училище осуществили постановку «Недоросля» по инициативе и под руководством Александра Ильича Анисимова. С чем можно сравнить это мероприятие в ряду других мероприятий культурного значения, осуществлённых в это время в стенах бурсы? Ни с чем. Нас водили в зверинец, но это было организовано администрацией школы. Нам показывали «живые картины» (кино), но это было мероприятие тоже начальства. У нас ставилась опера «Иван Сусанин». Как? — спросите вы. Опера? Да, отрывок из оперы: наш надзиратель Иван Николаевич Ставровский, загримированный Сусаниным, пел «Чуют правду», ученик Коровин (3), загримированный Антонидой, пел «Не о том скорблю, подруженьки», Ваня (ученик — забыл его имя) пел: «Ты не плачь, сиротинушка...», хор пропел «Славься» — разве это не опера? Но здесь нам помогали, а вот в «Недоросле» — всё сами делали. Вот что больше всего являлось предметом гордости!

Но это, как теперь принято говорить, ещё не предел: в недрах четвёртого класса по инициативе А. И. Анисимова вызревала идея создания журнала. ...К созданию журнала были приглашены и ученики третьего класса, но они отказались и за это, как увидим позже, крепко поплатились. Память не сохранила названия журнала. Не сохранилось в памяти и содержание статей. О чём могли писать бурсаки четырнадцати-пятнадцати лет? Журнал не был полемическим, и о бурсе ничего не писали, а упражнялись, главным образом, в разного рода художественных описаниях — весны, природы, так сказать, лирика природы. Единственным сугубо полемическим было замечание в конце журнала, адресованное ученикам третьего класса по поводу их отказа от участия в журнале, выраженное в словах: «В третьем классе царят тупость, глупость и неразвитость». Марк Тулий Цицерон — «*O ratio contra Catilinum*» (4), божественный Омир: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!» (5). Но ваш гнев не был с такой силой

описан, с какой это сделано у наших бурсаков... Золотухину (6) было дано указание раздобыть краски для оформления журнала. Филиппову Сергею дано задание подобрать картинки — иллюстрации к журналу. Двум-трём ученикам предписано перепечатывать статьи от руки, бумагу раздобыл Александр Ильич. И вот за несколько месяцев до окончания курса в Камышловском духовном училище выпущен был журнал. Парадокс, но факт! Как жаль, что он не сохранился!

До окончания училища оставались уже недели, и А. И. организовал фотоснимки: коллективный и по отдельности. Нужно видеть наших бурсаков на этом снимке! Все они в курточках с закрытым воротом, у некоторых видны крахмальные воротнички, а у некоторых предел моды — перекинуты через шею, как аксельбанты, шнуры к часам. Кто теперь осмелится сказать, что бурсакам не свойственно было чувство изящного, чувство красоты. А о чём говорит то, что у некоторых из них причёска «ёжиком», «ерошка»!

Таким вот на карточке и показан на видном месте Александр Ильич Анисимов. В духовном училище А. И. ничем не проявил себя по части пения, а в чтении за церковными службами — Апостола, «часов» оставил по себе память.

Осень 1902 года — А. И. семинарист и живёт в общежитии. Мы опять первоклассники, а не «старшие». Инициатива не в наших руках, но остаётся ещё значительная область семинарской жизни, где её можно применить. А. И. опять на авансцене. Шестиклассники в большие перемены во время вечерних занятий организовали обучение танцам. По линии первого класса это движение возглавил А. И. И вот в семинарском зале, где потолок расписан евангелистами и евангельским текстом, под пение «Шуми, Марица» семинаристы танцуют па-де-карт, под другие песни — па-д`эспань, польку-бабочку и т.д.

Идут годы, и А. И. уже в старших классах. Энергия его безгранична и проявляется в разносторонней деятельности. Вот затевается грандиозный вечер, и А. И. во главе организаторов. На вечере он в сюртуке, в крахмальном белье с красным бантом на груди. Вид у него победный! Так Пушкин изобразил Петра в Полтавском бою. Опера. Кто из семинаристов не был поклонником её, меломаном? А. И. во главе меломанов: он организует походы в театр, он покупает для «братвы» билеты в театр, закупает целые

ложи. Просмотрели «Пиковую даму», и А. И. пробует баритон: «Я Вас люблю...» Он жестикулирует, он старается полностью воспроизвести сцену объяснения в любви Елецкого с Лизой.

В театре затевается чествование — бенефис любимца публики — тенора Хлюстина. Готовятся подарки, но какие подарки могут сделать семинаристы? Адрес — вот что могут преподнести семинаристы. А. И. хлопочет об адресе: составляет текст, собирает деньги на папку — для адреса и, наконец... После спектакля идёт чествование артиста. Сцена открыта. В центре юбиляр. Подносятся подарки... и выходит на авансцену А. И. Зачитывает адрес (7). «Братва», присутствующая в театре, поднимает бурю аплодисментов и в честь юбиляра, и в честь А. И.

Организуется траурный вечер по поводу смерти А. П. Чехова. Траурные речи на сцене театра. Выступают различные люди, среди них гимназисты. От семинаристов — А. И. Окончился театральный сезон. Проводы артистов на вокзале. А. И. уже хлопочет. Среди других на вокзале видно и его фигуру. Покидает семинарию любимый преподаватель — Василий Яковлевич Струминский. Готовится подарок (сочинение Спинозы) и речь. Подносит подарок и произносит речь А. И. И так везде он на виду, впереди. Образовалось для организации вечера нечто вроде художественного совета, триумvirат: Попов, Бакалдин, Анисимов. Идут больше и больше упражнения в пении. Бас! У кого в семинарии не было баса! Идёт, например, подборка голосов в хор на вечере. Спрашивают: «У тебя какой голос?» Ответ: «У меня нет голоса?» «Как нет, голоса?» «На молитвах ты поешь?» «Пою!» «Пиши: бас!» Таким путем создан был даже «Шалапин». А. И. объявил себя басом. Составилось *trio*, и однажды за рядовым богослужением, когда и молящихся то бывает мало, *trio* друзей исполнили «Тебе поем», прослушанное раньше в граммофоне. Басом пел А. И. Исполнение привлекло внимание даже ректора: он приоткрыл дверь алтаря и милостиво взглянул на клирос, где пела тройка друзей (8).

А. И. блестяще закончил семинарию, женился на дочери секретаря консистории и был назначен священником в Александровский завод Соликамского уезда Пермской губернии. Но здесь с ним случилось страшное для всех несчастье, а особенно для духовного лица: он овдовел (9). Встретились мы с А. И. в 1912 г., когда я заканчивал академию, а он только поступил в нее. Жил он на квартире с хорошим фруктовым садом. Друзья

«вспоминали минувшие дни». А через год мы расстались. Ходит молва, что нынешний Куйбышевский архиепиеей Алексей — это Александр Ильич Анисимов, сын сельского торговца, ученик Камышловского дух[овного] училища, Пермской дух[овной] семинарии и кандидат богословия Казанской дух[овной] академии (10).

4.IX.[19]60 г. 17 ч[асов] 30 м[инут] свердл[овского] времени.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 122–129.

Примечания:

1. Находится в составе очерков по истории Камышловского духовного училища в «пермской» и «свердловской коллекциях» воспоминаний автора.
2. Лирман Василий окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1900 г. и 1-й класс Пермской духовной семинарии в 1901 г.
3. Предположительно, Василий Коровин в 1900 г. вышел из 3-го класса Камышловского духовного училища.
4. Имеются в виду *Orationes In Catilinam* — Речи против Катилины древнеримского оратора и философа Марка Туллия Цицерона (106–43 до н.э.).
5. Из поэмы «Илиада» древнегреческого поэта Гомера.
6. Золотухин Николай окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1902 г.
7. Из очерка «Старая Пермь (глазами семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Он, одетый комильфо — в сюртуке, в крахмальном белье, величественно выходил на сцену и громовым голосом зачитывал наш адрес, написанный от руки, но помещённый в бархатную или кожаную папку». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 19 об., 26).
8. В очерке «Александр Ильич Анисимов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Вспоминается также, как мы: я, он и Паша Борчанинов — однажды потрянули бурсацкой стариной и спели в церкви *trio* — «Тебе поём...» (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 6 об.).
9. Молодая жена А. И. Анисимова умерла при родах.
10. Автор перепутал А. И. Анисимова с Алексием (Палицыным) (1881–1952), архиепископом Куйбышевским в 1942–1952 гг.

Меркуфа (1)

Меркуфой его называли от фамилии — Меркурьев. Название это — Меркуфа — произносилось в узком кругу его друзей со времени учения его в Камышловском духовном училище, а потом по инерции перекочевало с ним и в Пермскую духовную семинарию. Оно употреблялось как прозвище, но с оттенком приветливым, ласкательным, который бывает у друзей, именуемых «закадычными». Подойдёт такой друг к другому, хлопнет его по плечу и скажет: «Ну, Меркуфа, что ты задумался?» или: «Давай, Меркуфа, закурим!» Но если бы кто-либо из любителей решать разные филологические вопросы, своего рода загадки, спросил: почему именно получилось название «Меркуфа», а не, скажем, «меркушка», «меркурчик» и т.п., то ответчик на этот вопрос едва ли смог бы сослаться на какой-либо филологический закон для обоснования «законности» такого образования слова, а если он дипломат, то заявил бы: «Идите и спросите об этом тех или персонально того, кто пустил в оборот это название», т.е. кого-либо из камышловских «бурсаков». Тайна образования этого слова так же туманна, как образование слова «Игоня» от фамилии Игнатьев. Можно сказать только одно: у наших «бурсаков» на этот счёт фантазия была беспредельной, как у тех бездельников, болтунов, любителей коверкать слова, у которых «ватерклозет» превращался в «вытри козе», французское «*adrua*» (адруа) на «дро-ва», па-д`эспань — «пади да встань» и пр.

С Сашей Меркурьевым я учился в одном классе на протяжении всех четырёх лет учения в духовном училище, но «Меркуфой», т.е. мальчиком, с которым у меня установились дружеские отношения, он стал для меня с того момента, когда мы с ним «держали» партию тенора в церковном хоре училища: мы плотно — плечом к плечу — стояли в углу клироса за иконой и состязались в искусстве пения. Я не оговорился в слове «состязались», потому что между нами на самом деле было негласное соревнование: Саша был увереннее меня в нотах, но у меня был более звучный и чистый голос. В процессе нашего пения бывали моменты, когда приходилось кому-либо из нас дебютировать в роли солиста, и Саша в этом случае старался взять эту роль на себя, а меня, как говорится, «оттереть». Так, во время всеобщей полагалось нам, певцам, выходить с клироса на поклонение иконе или

кресту на аналое среди церкви. Этот момент давал возможность показать себя в пении *solo* и потом показаться публике. Саша в этом случае старался показать именно себя и говорил мне: «Иди, иди, а я буду петь», когда же наш великий регент М. М. оставлял меня, он проявлял явное недовольство. Получалось некоторое подобие отношений между Моцартом и Сальери в миниатюрной драме А. С. Пушкина.

Наши соревнования, однако, никогда не приводили нас к конфликтам. У нас с Меркуфой были любимые песнопения. Это те, в которых встречались «залётные» верхние ноты, например, в канонах второго и седьмого гласов («Во глубине иногда» (2), «Манием Твоим» (3)). Любили мы петь стихиру при выносе креста «Приидите вернии» (4), а особенно задостойника (5) в вербное воскресенье и Троицу («Бог господь» (6) и «Радуйся, царице» (7)).

Когда приходилось петь на два голоса, например, в задостойниках, то я пел первым голосом, а Меркуфа — вторым.

6-го июня 1902 г. последний раз в жизни мы пели за молебном по случаю окончания учения в дух[овном] училище молебен и в конце его многолетие в двух редакциях: величественное Бортнянского и с другими неизвестного мне композитора. Тогда мы не думали о том, что это было наше [последнее] совместное пение — пение Игони и Меркуфы, а оказалось так.

С поступлением осенью того же года в Пермскую дух[овную] семинарию мы уже с Меркуфой не только никогда не пели вместе, но всё больше и больше удалялись друг от друга. Отчуждение началось с того, что мы оказались в различных классах. Дальше, во втором классе, оно увеличилось, потому что я по болезни остался на второй год, а Меркуфа оказался выше меня на класс. Главным же было то, что вместе мы уже не пели: я вообще избегал петь в хоре, и замкнуто культивировал свой тенор, а Меркуфа совсем «молчал», не подавал голоса. И вдруг по семинарии распространился слух о том, что в семинарском хоре оказался октава. С семинарского хора слышались дробные звуки октавы, немного жидковатые, но, тем не менее, со всеми признаками октавы. Этим октавой оказался Александр Алексеевич Меркурьев, ученик четвёртого класса. В это время Меркуфа был уже на большом расстоянии от меня: он был на глазах у всех, а я в «тених». Таким образом, дуэт — Игоня и Меркуфа оказался похороненным, но навсегда или нет — об этом речь будет ниже.

Меркуфа был в ореоле славы: до него среди певцов семинарии не было октавы, а самая эта идея, казалось, не могла получить осуществления. Вершиной славы Меркуфы было выступление семинарского хора на вечере, когда исполнялась «Ноченька» из оп[еры] А. Рубинштейна «Демон». Меркуфа стоял при этом на вершине «когорты» басов, построенных треугольником, и бархатистая россыпь его октавы разносилась по залу с чарующей красотой. По правде сказать, исполнение семинарского хора было эффектнее, чем оперного без октавы. Меркуфа даже перестроился наружно: на манер октавы архиерейского хора Богословских стал зачёсывать волосы в шевелюру и принял импозантный вид солидного певца.

В 1908 г. Меркуфа окончил семинарию, и мне думалось, что я его уже больше не увижу. В 1912 г., когда я был в Верх-Тече на концерте пермских семинаристов, я встретился с Меркуфой без личной встречи с ним — встреча без встречи. Я присутствовал на концерте с супругой верх-теченского диакона Анной Михайловной, урождённой Медведчиковой. Мы беседовали, и Анна Мих[айловна] в порыве раскрыла мне свою душу, что было для меня неожиданным и, признаться не особенно желательным, поведала мне, что Меркуфа, Сана Меркурьев, как она его называла, был в её мыслях и она связывала с ним некоторые свои надежды, но налетел шквал — искательство её руки Вениамином Бирюковым и настойчивые советы её батюшки — и она совершила, как призналась, роковую ошибку. Меня, конечно, охватило чувство жалости к моей собеседнице и к Меркуфе, который, возможно, потерял написанную ему небом судьбу и счастье. Это было десять лет спустя с того момента, когда мы с Меркуфой вместе пели, свежи были ещё об этом живые воспоминания, и я представил себе Меркуфу в его развитии таким, каким я его помнил по духовному училищу и по семинарии.

Прошло ещё одиннадцать лет, причём лет бурных, и мы приехали в Свердловск, тогдашний Екатеринбург. Я узнал, что здесь тогда проживал и работал он, Меркуфа. Ещё узнал, что он находился здесь в компании других пермских семинаристов: Ивана Максимова и Владимира Белоусова, что они составили своеобразный триумvirат и пр. Узнал я, что Меркуфа работает счетоводом. Хронологические данные, которые мелькнули в моём мозгу по поводу этих сведений о Меркуфе, были следующие: 21 год, как мы пели вместе в хоре, 15 лет, как я видел его последний раз в семинарии, но желание увидеться с ним было непреодолимым: на этом упорно

настаивала память, хотя ясно было, что кроме прошедших лет над нами тяготели ещё разные житейские перемены, так или иначе содействующие отчуждению. Но детские и юношеские воспоминания, кто может их позабыть? И встреча состоялась.

Я не имел возможности встретиться с Меркуфой в его домашних условиях бытия, потому что не знал его адреса, и отправился на встречу с ним на место его работы. Естественно, я волновался по поводу того, как он меня встретит после такого продолжительного расставания. Но как только я показался на пороге комнаты, его рабочей канцелярии, как он вскочил со стула и стремительно направился ко мне со словами: «Вася Игоня, Вася Игоня!» На какой-то момент моя и, очевидно, его память перенесла нас на отдалённое время, двадцать один год, и мы предстали друг перед другом прежними бурсаками и товарищами по участию в хоре. Сброшен был груз времени со всеми житейскими перипетиями, бытовыми наслоениями, и вот мы стоим друг перед другом: Меркуфа и Игоня. Так бывает, когда луч солнца пробьётся сквозь пустую пелену облаков и озарит небо. Так, Онегин после встречи с Татьяной на балу в Петербурге, замечал ей: «Ты прежнюю Татьяной стала». Так, Тютчев в своём известном стихотворении «Я встретил Вас [- и всё былое...]» говорит: «Так поздней осенью порою бывает день, бывает час, когда повеет вдруг весною и что-то стрепенётся в нас» (8). Наша встреча с Меркуфой была подобной этому: она была мимолётной. Я его спросил, поёт ли он теперь, и он мне сказал, что поёт в хоре при радиокомитете. Я подумал: «...То, что посетило душу в юношеские годы, любовь к пению, её не вытравишь ничем».

Прошло много времени, а я не встречался с Меркуфой. Почему? А так: то — то, то другое из житейской толчеи, но также, очевидно, то, что жизнь наложила на наши отношения свой груз, который тянул к отчуждению. Я слышал о том, что Меркуфа часто бывал в обществе своих бывших «одноклассников» по семинарии; что он иногда совершал экскурсии в лес и пр. Началась война, и жизнь принесла новые хлопоты, и это ещё более отдалило меня от Меркуфы. Как-то, стороной, я узнал, что он снялся со счетоводной работы и превратился в штукатур. Сам я тоже совершил *salto mortale*: работал сторожем на контрольной будке, завхозом, десятником на складе топлива вместо работы в медицинском институте. Шла борьба за жизнь: свою и жены. И вот как-то под вечер, после заката солнца, ко мне

явился Меркуфа в состоянии «еле можаху» (9). Раньше я его никогда не видел пьяным. Он был в состоянии только лепетать: «Вася Игоня, Вася Игоня!» Сколько я его ни уговаривал зайти в дом, он упорно отказывался и, наконец, ушёл домой. Вскоре я узнал, что Меркуфа умер.

Я ничего не узнал о нём из его прошлого: не знал, кто были его родители (10), откуда он родом, где он работал непосредственно после окончания семинарии. Мы встречались с ним как одноклассники по духовному училищу и частично по семинарии, образно выражаясь, как Вася Игоня и Меркуфа. Такова сила привычки и памяти! Сколько ни суровой была обстановка, в которой мы дружили, но сердце всегда находит возможность биться в унисон с другим, и детские воспоминания имеют такую силу, которую не может разрушить время.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 60–76.

Примечания:

1. Находится в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» отсутствует.
2. Начало (ирмос) первой песни воскресного канона 2-го гласа.
3. Начало (ирмос) первой песни воскресного канона 7-го гласа.
4. Стихира «Приидите вернии, животворящему Древу поклонимся».
5. Задостойник — песнопение в честь Пресвятой Богородицы, которое поётся вместо «Достойно есть» на литургии Великих двенадцатых праздников. Вероятно, речь идёт о знаменитых задостойниках киевского распева в обработке П. Турчанинова, которые до сих пор звучат в храмах.
6. Задостойник 4-го гласа, который поётся в праздник Входа Господня в Иерусалим (Вербное воскресенье).
7. Задостойник 4-го гласа, который поётся в праздник Святой Троицы.
8. В оригинале стихотворения Ф. И. Тютчева:

*«Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то стрепенётся в нас».*

9. По церковно-славянски — еле-еле, с трудом. Крылатое выражение, которое применялось к людям в высокой степени алкогольного опьянения.
10. «Александр Алексеевич Меркурьев был сыном священника из села Корюкова, что километрах в тринадцати от теперешнего города (тогда села) Катайска Курганской области». (Прим. В. П. Бирюкова).

Василий Николаевич Старцев (1)

Никто точно не знал, откуда он родом. Слухи ходили, что он чем-то связан с Шадринском, но чем именно: то ли родители его там жили, то ли кто-либо из близких родственников жил, — точно этого никто не знал. Да не знали и того, кто были его родители: то ли из духовных, то ли из торговцев, которые охотно направляли своих мальцов учиться в духовном училище (2). Признаться, как-то соученики Василия особенно и не интересовались его социальным происхождением — не всё ли равно, из какого он роду-племени: ведь училище всех подгоняло под один ранжир, все именовались бурсаками.

Вася ничем не отличался от других до тех пор, как не достиг возраста, каким выделялись другие старшекласники, как именовали учеников четвёртого класса. Когда же он достиг этого возраста, то стал выделяться среди других желанием приукраситься наружно: стал стричься под «ерошку», аккуратнее следить за своим одеянием, а главное — стал носить длинный шнур, перекинутый поверх шеи — признак того, что у него были карманные часы, хотя на самом деле их не было. Такова была мода, и он не чуждался её. Главным же отличием его от других было то, что [он] уже «крутил» любовь с девушками и уверял товарищей, что между ним и некоей девушкой, точнее сказать — девочкой, что-то уже есть. Всякий раз, когда эта девочка проходила мимо училища со своей мамой или с какой-либо другой женщиной, Вася устремлялся к окну с таким видом, как будто он имел уже какое-то особенное право лицезреть её. Он даже старался показать другим: дескать, смотрите — я уже тоже с усами (3). Учился же Вася ни шатко ни валко, а лавировал между двойками и тройками, однако не спускался до той критической точки, за которой следовало увольнение из училища.

Осенью 1902 г. Вася в числе других своих соучеников поступил в Пермскую духовную семинарию. Здесь среди других товарищей, которых было больше (в первом и втором классах были параллельные группы), Вася как-то затерялся: ничем не выделялся из массы, за исключением разве того, что он заметно среди других «грешил» чревоугодием, за что ему дано было прозвище «Ковальский», по фамилии известного в Перми торговца колбасой и другими мясными продуктами. В нём видели главного чревоугодника, почему фамилия его и стала служить нарицательным именем для людей этого типа.

Культивировал ли Вася во время учения в семинарии своё нежное сердце, манившее его на любовь, о чём сказано уже выше, или вёл жизнь анахорета? Конечно, да он не отступал от нормы: «любви все возрасты покорны», но он уже в этом отношении не был одиночкой, а терялся в общей массе, подходил под один колер.

Проходили бурные годы первой революции. Семинария бурлила, но Вася нигде и ни в чём себя не проявил. Семинаристы по обычаю увлекались пением. На семинарских вечерах гремел хор. На славе был семинарский церковный хор. Был оркестр струнных инструментов. Васю ничто не увлекало, но это только так казалось. На самом деле в его душе вызревало увлечение церковным пением, что обнаружилось позднее, после выхода его из семинарии после окончания четвёртого класса.

Весной 1907 г. Вася вышел из семинарии и кто-то из его пермских родственников устроил его чиновником в контрольную палату. Тут обнаружилось, что у него в Перми есть «рука». Мы, его бывшие соученики, забегали иногда в контрольную палату повидаться с Васей. Это было очень удобно, потому что она была вблизи семинарии. Было занятно видеть нашего бывшего соученика в форме чиновника, и, признаться, мы немножко завидовали Васе, а он явно «рисовался» перед нами.

Вскоре, примерно через год, Вася предстал перед нами в новом виде — регентом хора духовного училища (4). Это было так неожиданно, что мы буквально ахнули: как, откуда, когда у Васи появился такой талант? Почему он раньше не обнаружился, ещё в духовном училище, а тем более в семинарии? Наше удивление было, вероятно, не меньшим, чем у Онегина, когда он встретил Татьяну в Петербурге на великосветском балу. Можно было заметить, что именно возбудило у Васи любовь к пению и когда, потому что

в репертуаре его исполнительности определённо проглядывал репертуар семинарского хора. Мало того, можно было заметить, кто именно из певцов этого хора затронул в душе Васи музыкальную струну, потому что он сам, будучи регентом, исполнял роль солиста баса семинарского хора — Аристарха Пономарёва. Осталось только неясным, как Вася сумел так долго — два-три года скрывать от людей свой талант и вдруг явился в образе регента подобно Афродите, вышедшей из пены морской волны.

В течение пяти лет я был оторван от Перми, а именно: четыре года учился в Казанской духовной академии и один год работал в Бугурусланском реальном училище. За эти годы Вася выпал из моей памяти.

Когда в августе 1914 г. я прибыл в Пермскую дух[овную] семинарию на работу помощником инспектора, то узнал, что он продолжал работу в контрольной палате, женился, как видно, по рекомендации своих родственников, а потом поступил на работу на Мотовилихинский военный завод в порядке предстоящей мобилизации. За всё это время я не имел с ним встречи и получал только сведения через знакомых.

В марте 1916 г. я перевёлся на работу в Слуцкое дух[овное] училище в Белоруссию. В июле 1923 г. я переехал на работу в Екатеринбург, где от одного из своих бывших [со]учеников по Камышловскому дух[овному] училищу — Меркурьева Александра — узнал, что Вася после Октябрьской революции перестроился семейно: разошёлся с первой женой, женился на другой женщине и перекочевал из Перми в Шадринск. В сороковые годы я совершенно неожиданно встретил [его] в Свердловске на главной улице города. Я узнал, что он служил завхозом в райисполкоме Октябрьского района.

Дальнейшая судьба его осталась мне неизвестной.

Я описал здесь то, что сохранила моя память о человеке, с которым я учился вместе в течение пяти лет и расстался на пороге своей юности.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 78–87.

Примечания:

1. Находится в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» отсутствует.

2. «Василий Николаевич Старцев был сыном псаломщика из села Жарникова, тогда Шадринского уезда, с 1924 г. — Каргапольского района (с 1943 г. — Курганской области)». (Прим. В. П. Бирюкова).
3. «Фамилия этой девочки была Гедеонова». (Прим. автора).
4. В 1907–1908 гг. и позже.

Братья Медведевы (1)

Старшего звали Иваном, по-бурсацки Ванька. Это «Ванька» содержало в себе много оттенков значения: было и уменьшительным, и ласкательным, произносилось и в обычном смысле, так сказать, положительном и в ругательном. Ругательным же в точном значении этого слова было присловие: «ты девка, ты девка!» Ещё в школах считалось наказанием для мальчика, если его садили рядом с девкой на одну парту. Можно себе представить остроту этого выражения на бурсе, обиду его. Самым же досадным для Ивана было то, что для присловья этого имелось наглядное убеждение: он носил ботинки женского образца, с металлическими круглыми пуговицами. У всех прочих на ногах были сапоги, обычно изделия какого-либо деревенского модельера — грубой выработки кожи, неуклюжие, с широкими голенищами, такими, что они распирали брюки, когда на них их натягивали. Штиблеты были ещё не в моде. Будь бы они, то эти ванькины ботинки не бросались так в глаза, но мода эта появилась позже, и вот Ивану не давали проходу: «ты девка, ты девка!» Было непонятно, как родители решились своего мальчишку выставить на такой «позор». Что они не знали что ли порядков на бурсе? Шла молва о том, что отец Ивана был из чиновного мира и не знал о бурсацких порядках. А тут ещё, как назло, Иван и фигурой походил на вихристую девочку, круглолицую, небольшого роста, но парниша был задиристый, умел зубоносить и не поддаваться.

Известно, что однообразная пища приедается, так и разные присловья, если их часто употреблять, тоже теряют остроту, ядовитость. В конце концов «приелось» всем и это званое присловье и со временем полиняло, вышло из моды. Ванька же вёл себя далеко не по-девчачьи, доказал, что он

парень, если приходилось дело вести на кулачки, вместо ботинок носил сапоги, и когда поступил в Пермскую дух[овную] семинарию, то зарекомендовал себя кавалером не последней категории. Когда он учился в духовном училище, то уже показал, что у него есть голос, но полностью открылся в этом отношении в семинарии, где все владельцы голосов были на почёте, а некоторые становились кумирами.

Певческая карьера семинаристов обычно начиналась с участия в церковном училищном хоре. Начиналась она с пения в общем хоре, потом переходили при благоприятных условиях в пение *solo*, и завершалась она пением романсов на вечерах в училище и на стороне: в концертах самостоятельности. В таком порядке у кого-либо голос мужал, развивался, а иногда и портился от неумелого пользования. Иван шёл к славе другим путём. «Отцы» училища (2), чтобы придать пению больше торжественности и привлечь массы учеников к общему пению, задумали проводить пение некоторых молитв с канонархом, диктором, ведущим за своим чтением всех молящихся, и Иван был назначен этим диктором. В церкви звонко, как колокольчик, раздавался его свежий, не изуродованный ещё в хоре голос, чистый, эластичный, гибкий. Все слушали Ивана и восторгались его голосом. Особенно же поклонником искусства Ивана был училищный священник — Стефан Луканин. Он называл Ивана соловьём, и это было заслуженной похвалой голоса Ивана. Дальше он перешёл к пению романсов на вечерах и пользовался успехом. Шла молва о том, что по окончании семинарии он давал концерты в провинциальных городах Зауралья. Этим и закончилась его певческая карьера.

Брат Ивана, Эварест, миновал, учась в духовном училище, «неудобств» своего брата, но, как и тот, здесь сделал только первую заявку на свой голос. Слава ему пришла тоже только в семинарии, и началась она, в отличие от брата, с участия в хоре. Содействовала ли этому слава брата, или благоприятные условия участия в хоре — потребность в солисте, но он скоро сделался последним, а потом взят был в архиерейский хор, что являлось признанием у него незаурядного голоса, а именно — тембра. Нужно сказать, что архиерейский хор всегда впитывал в себя самых голосистых семинаристов и обессиливал семинарский хор. Это получалось по праву сильного, да и для семинаристов-певцов представляло, помимо славы, некий материальный интерес, т.к. им немного приплачивали. Архиерейский

хор, бывало, и портил не устоявшиеся ещё молодые голоса, что, как потом передавали, не прошло мимо и Эвареста.

Слава же ему пришла по другой линии, а именно как исполнителю романсов на вечерах, как в семинарии, так и в других учебных заведениях, например, в женской гимназии Барбатенко, гимназистки которой дружили с семинаристами. Эварест на этих вечерах выступал в позе некоего вундеркинда: он был маленького роста, шупленький, чем отличался от своего старшего брата, который был тоже невысокого роста, но коренастый крепыш. Когда Эварест на вечере в гимназии пел романс Гольтисона — «Когда был я ребёнком, родная моя», то казалось, что и пел чуть-чуть повзрослевший ребёнок. Эффект получился неотразимый: раздавались голоса: «он — вундеркинд, он — вундеркинд!» Очень эффектно он исполнял русские народные песни, например, в дуэте «Ах, сегодня день ненастный», аранжированную «Ах ты, песня моя, песня русская» и др[угие]. У него был звучный и сильный голос с большим диапазоном.

Семинарский хор на одном вечере исполнял пение жрецов в храме Изиды в опере «Аида», и запевалом в партии Радамеса выступал Эварест. В 1912 г. группа пермских семинаристов давала концерт в [еле] Верх-Теченском Шадринского [езда]. На нём Эварест с большим успехом исполнил романс Тальяfico (3) «Давно малиновки звенят» и в дуэте — указанную выше народную песню «Ах, сегодня день ненастный».

Среди друзей Эварест имел название женское — Варя, был общим любимцем. Такой уже был закон у семинаристов: кто певец, тому и честь, и любовь и слава.

Прекратила своё существование семинария и архиерейский хор, и Эварест затерялся в потоке революционных событий.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 88–97.

Примечания:

1. Находится в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» отсутствует.
2. Автор имеет в виду уже Пермскую духовную семинарию.
3. Тальяfico Джузеппе (1821–1900) — оперный певец, режиссёр, композитор.

В числе тридцати фамилий учеников, окончивших в 1909 году учение в Пермской духовной семинарии, значится фамилия Хмельнова Николая Ивановича. Семинария окончена, и тридцать молодых людей поступили в распоряжение своих судьб, счастливых или несчастливых, но, во всяком случае, если счастливых, то по-разному, а если несчастливых, то ещё в большей степени по-разному. Кому суждено было повести свою жизнь более или менее однообразно, а кое-кому судьба сулила пёструю, полную крутых перемен жизнь. Жизнь Николая Ивановича пошла по последнему руслу.

В духовную школу Николай Иванович пришёл со стороны: родители его были не из духовного сословия. Отец его был мелким служащим на одном из уральских заводов, и решение учить сына в духовном учебном заведении было продиктовано материальными соображениями: не было средств учить сына в гимназии, поэтому и решили отдать его на учение в Пермское духовное училище, где содержание на «бурсе» было приемлемым для семейного бюджета.

На всякой школе в той или иной степени отражается семейный быт её учеников. Зайдёшь, например, в сельскую школу и сразу заметишь черты крестьянского быта и в одеянии школьников, и в «атмосфере». В низшей ступени городской школы черты мещанства какого-либо городка «Окурова» сразу бросаются в глаза. В духовных училищах — низшей ступени духовного образования, густо отложились черты быта провинциального духовенства, причём при замкнутой системе их со временем они составили сгусток всего отрицательного, что получило специфическое название «бурсы» и что описано в «Очерках бурсы» Помяловского. Конечно, в конце прошлого века «бурса» в её, если можно так выразиться, «классической» форме, как она описана Помяловским, уже не существовала, но её «родимые пятна» были ещё налицо. Известно, например, что в Пермском именно духовном училище ученики совершали «тёмную» со смертельным исходом. Мальчик Хмельнов, выходец из среды низшего звена русской интеллигенции, естественно, не мог привыкнуть к своему быту и по-своему сопротивлялся его влиянию. Дело доходило до того, что его собирались изолировать от бурсы — выселить на квартиру, а то и совсем исключить, но в конце

концов всё умиротворилось, и мальчик закончил курс учения в Пермском дух[овном] училище.

В 1903 г. в августе мальчик на грани своего юношества поступил в Пермскую дух[овную] семинарию. ...Шесть лет обучения в семинарии для Хмельнова, как и для всякого другого семинариста, были годами бурного развития юношеских эмоций, из которых главным было стремление к товариществу, к дружбе. Ничто не было в состоянии противодействовать этому стремлению: ни различие в социальном происхождении, ни различие в материальных условиях в детские годы существования и развития. Всё приводилось к одному знаменателю, а суммой при сложении получалась семинарская «братва», «семинарга», где он, Хмельнов, являлся полноправным членом с кличкой на семинарском жаргоне: «Хмельняга». Так его «окрестил» изобретательный на подобные клички Гриша Козельский.

Юность владеет такими богатствами, каких нет ни у рокфеллеров, ни у ротшильдов: она богата мечтами, надеждами. И все юноши-семинаристы жили мечтами и надеждами. Было известно, что «Хмельняга» жил мечтой поступить в университет на медицинский факультет. Но мечты мечтами, а реальность реальностью. Как часто бывало, что свершить их не было дано, а оставался только вопрос: «Мечты, мечты, где ваша сладость?» Так получилось у Хмельнова. Более полувека спустя после окончания семинарии Хмельнов однажды в интимной беседе обмолвился, что при окончании семинарии у него была невеста и она «ждала его». Это признание его пролило свет на некоторые шаги его в будущей жизни.

Кому из юношей не улыбалась судьба «любить и быть любимым»! Но как иногда мечта об этом становилась преградой для будущей жизни: отвлекла от прямой дороги, намеченной в жизни, в сторону — на просёлочную дорогу. В жизни семинаристов это обозначало: женился — «надевай рясу». У Хмельнова так и случилось. Сам он так рассказывал об этом событии: «Явился я к директору народных училищ Раменскому с просьбой назначить учителем в какое-либо из подведомственных ему учебных заведений. Он предложил должность законоучителя в высшем начальном училище города N с условием принять священство». Он принял это условие, и совершил первый раз в жизни *salto mortale* над своим мировоззрением, над своими мечтами. Оправдывая этот свой шаг, он говорил: «Наслушался я там, в семинарии, благочестивых рассказов о высоком служении пастыря

духовных овец и вот сделал глупость...» В Пермской семинарии идеологическую обработку в этом направлении вели Тихон Петрович Андриевский и Николай Иванович Знамировский. Не было заметно, чтобы Хмельнов тяготел к кружкам, которыми они руководили, но зерно в его душу было брошено, и оно при побочных других благоприятных условиях должно было прорасти и... проросло. Здесь уместно заметить, что семинаристы, пришедшие в это учебное заведение «со стороны», т.е. не из духовного сословия, охотно «надевали рясу» по окончании семинарии. Примером могут служить кончившие Пермскую семинарию — Анисимов Александр, Неверов Степан, дети торговцев, Юмин Константин, сын станового пристава. В Камышловском дух[овном] училище обучался сын Камышловского купца, церковного старосты этого училища — Полухин, который, как известно, тоже принял по окончании семинарии священный сан. В этом нельзя не усмотреть такую закономерность: выходцы из других сословий способны были больше идеализировать службу «батюшкой», чем выходцы из духовного сословия, с детства наблюдавшие все прелести жития российского духовенства. Это знакомство с бытом своих «отцов» было противоядием против увлечения службой «батюшками», чего не было у этих «иностранцев», в том числе и у Хмельнова. Законоучителем он работал до Октябрьской революции, которая, образно выражаясь, «выбила его из седла».

Дальше следовали четыре года учения на историческом факультете Пермского университета. Был период ограничения его в гражданских правах как бывшего служителя религиозного культа. Он хлопотал о восстановлении в правах перед М. И. Калининым, и был реабилитирован. Были тяжёлые материальные условия существования, и он второй раз в жизни совершил над собой *salto mortale* — «надел вторично рясу». «Уговорили родные», — так он сказал по этому поводу в своё оправдание. Обо всём этом Николай Иванович поведал мне в тоне кающегося грешника и, расставаясь со мной, лаконически сказал о себе: «Я — атеист!» Не нужно быть тонким психологом, чтобы понять смысл этого лаконического замечания, как бы случайно брошенного на прощание с другом своей юности. Это обозначало, что он покончил со своими блужданиями по стезе служения в церкви и, вместе с тем, это было логическим завершением этих блужданий: нельзя было без конца совершать над собой *salto mortale*, не исчерпав себя на этом пути до полного отрицания ценности всего того сакраментального в церковных

обрядках, чему он служил в силу случайного стечения обстоятельств его жизни.

Дальнейшая жизнь Николая Ивановича открылась мне отчасти из его рассказов, а отчасти из печатных документов, в которых изложены были отдельные этапы его трудовой деятельности.

Так, в известной книге писателя Пермьяка «Были горы Высокой» (2) на нескольких страницах описывается деятельность его по истории и археологии края. В журнале «Иностранные языки в школе» за ... год помещена статья областного методиста по постановке обучения иноязыкам в школах Свердловской области Оскара Семёновича Альстера, в которой даётся лестный отзыв о деятельности Николая Ивановича как преподавателя немецкого языка в школах Нижнего Тагила. В отзыве отмечается творческий подход его в деле обучения языку, инициативность и работа над собой. При наличии этих качеств Николай Иванович был выдвинут на работу, и работал преподавателем немецкого языка в Нижне-Тагильском филиале УПИ. Он закончил заочно Московский институт иностранных языков. Это был беспрецедентный случай, когда выпускник духовной семинарии, не изучавший иностранный язык, в данном случае — немецкий, преодолевал все преграды и трудности, принял решение и осуществил его — стал преподавателем иностранного языка, и притом высокой квалификации. Теперь Николай Иванович на пенсии, но энергия его неистощима. Однажды он явился ко мне и сообщил, что приехал в Свердловск по вызову одной областной организации. Его вызвали на чествование за организацию детей в одном из благоустроенных домов Н[ижнего] Тагила. Не секрет, что благоустроенные дома у нас иногда строят без учёта интересов детей, т.е. без обеспечения им места для свободного времяпровождения. Таким именно оказался дом, в котором представлена была квартира Николаю Ивановичу, и он взялся за организацию клуба для детей: добился помещения под клуб, собрал с помощью детей необходимую мебель и кое-какие предметы для занятий детских кружков. Сам взялся за руководство фотокружком. Таким образом, дети дома сорганизованы были в кружки и в свободное от учения время заняты интересной работой. Инициатива Николая Ивановича была отмечена благодарностью областной организацией коммунальных учреждений, для чего он и был приглашён в Свердловск.

В своих последних письмах ко мне Николай Иванович писал, что он приступил к изучению славянских новых языков и овладел основами

чешского языка, обнаружив, таким образом, стремление превратиться в полиглота в возрасте за семьдесят лет.

Николай Иванович сохранил память о своих однокурсниках по семинарии. О семинарии он отозвался ограничительно так, что в ней он получил навыки к усидчивому труду, хотя она дала ему неправильную путёвку в жизнь. Это признание его, противоречивое, как и его противоречивое течение жизни, свидетельствует о том, что годы пребывания его в семинарии не были бесследными и бесплодными и нашли своё оправдание во второй половине его деятельности, многообразной и полной хороших свершений.

Жизнь Николая Ивановича Хмельнова, с её падениями и восстаниями, отразила исторический момент в жизни русского общества и, надо полагать, чем-то является характерной для жизни других молодых людей, начавших свою жизнь в аналогичных с ним условиях.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 98–120.

Примечания:

1. Находится в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» отсутствует.
2. Пермяк Евгений Андреевич (1902–1982) — русский советский писатель, драматург. «Были горы Высокой» (М., 1935. Под ред. М. Горького и Д. Мирского) — сборник рассказов рабочих Высокогорского железного рудника, активных борцов и строителей социализма, о старой и новой жизни. Предположительно, автор имел в виду другую книгу.

Наш академический «пантеон» (1)

В нижнем этаже главного корпуса [Казанской духовной] академии, в левом его крыле, против квартиры помощника инспектора профессора

П. П. Пономарёва находилась «комната», в которой «господа студенты» могли принимать «гостей». Здесь стоял рояль, диван, стулья, но главную ценность составляли фотокарточки, которыми были обвешаны все стены. Существовала традиция: каждый очередной выпуск оставлял в этой комнате карточку «на память потомкам». Таким образом, эта комната, по названию — приёмная, являлась как бы фотокарточным «пантеоном». Здесь по примеру бессмертного Данте можно было заглянуть в прошлое академии, как он заглянул в него в своих бессмертных, написанных терцинами, произведениях «Божественной комедии» — «Ад» и «Рай».

Что больше всего, вернее — кто больше всего интересовал автора сего на этих карточках? Конечно, учителя его. Учителя духовного училища и духовной семинарии. И кто же здесь оказался из его учителей? И как они представлены?

По-разному старались увековечить себя различные курсы: у кого карточки по величине были больше, у кого меньше, но теперь все они, очевидно, приведены к одному знаменателю и преданы уничтожению, а жаль: они были следами истории. Теперь прошло уже почти полвека, как автор сего в последний раз их видел, и на заснятых на них людях можно смотреть сквозь призму минувшего времени.

Вот они:

по Пермской духовной семинарии:

- 1) Александр Федосеевич Успенский (2) — преподаватель истории и обличения раскола, чудесный декламатор на семинарских вечерах. Как трудно было его найти: на карточке он с пышной шевелюрой, очевидно, кудрявых волос, а в наше время... голый череп. Где же Вы растеряли свои кудри, А.Ф.? В 1909 г. ушёл из семинарии в инспекторы народных училищ Ирбитского уезда.
- 2) Александр Павлович Миролюбов — инспектор, блестящий оратор, магистр богословия. В 1909 г. перешёл на работу инспектором народных училищ в г[ород] Вольск.
- 3) Тихон Петрович Андриевский — преподаватель педагогики и дидактики, руководитель кружка ревнителей веры и благочестия. На карточке — худой, полинялый, в студенческой форме. С таким лицом изображают Карла XII в качалке после поражения под Полтавой.

- 4) Николай Иванович Знамировский — преподаватель гомилетики и литургики, а затем инспектор. На карточке с бородой *a la Fidel Kastro*. Был впоследствии Шадринским архиереем.
- 5) Виктор Михайлович Можгинский — преподаватель латинского языка, потом был преподавателем литературы в Камышловской мужской гимназии. Умер в Камышлове.
- 6) Арсений Алексеевич Дроздов (3) — преподаватель греческого языка.

Из бывших пермских семинаристов, научные сотрудники академии:

- 1) Павел Петрович Пономарёв — профессор, доктор богословия;
- 2) Василий Иванович Протопопов (4) — магистр богословия, профессор по библейской истории;
- 3) Александр [Анатольевич] Малинин, впоследствии иеромонах Афанасий; снят в студенческой форме. Читал сначала лекции по аскетике, а потом — по палеографии и истории языка.
- 4) Иван Иванович Сатрапинский — лектор по психологии.

Из бывших пермских семинаристов, работавших на различных поприщах:

- 1) Алексей Алексеевич Игнатъев — священник, впоследствии магистр богословия. Последняя его должность была — заведующий учебной частью Томского музыкального техникума.
- 2) Николай Григорьевич Младов. Работал преподавателем русского яз[ыка] и литературы в Екатеринбургском епархиальном [женском] училище. Умер в Москве.
- 3) [Михаил] Поздняков (5), работал в Казани регентом какой-то церкви.
- 4) Александр Константинович Рыбаков — работал преподавателем в Пермской дух[овной] семинарии.

Вот круг людей, бывших воспитанников Казанской дух[овной] академии, карточки с которых автор сего просмотрел в «пантеоне» академии. [...]

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 74–77 об.

Примечания:

1. Из очерков по истории Казанской духовной академии в «пермской коллекции» воспоминаний автора.
2. Успенский Александр Феодосиевич — сын протоиерея Костромской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1886 г. В 1887–1902 гг. преподаватель русского языка с церковно-славянским в Солигаличском духовном училище. С 25 июля 1902 г. преподаватель обличительного богословия, истории и обличения русского раскола и помощник инспектора в Пермской духовной семинарии. Статский советник. Имел ордена: св. Станислава II ст. и св. Анны III ст.
3. Дроздов Арсений Алексеевич — сын священника Симбирской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1903 г. В 1903 г. преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии.
4. В. А. Игнатъев указал вторым научным сотрудником Казанской духовной академии, окончившим Пермскую духовную семинарию, В. И. Протопопова, но далее по тексту вспомнил, что он выходец из Тобольской духовной семинарии. Протопопов Василий Иванович (1868–1938) — сын священника. Священник. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1894 г., магистр богословия 1895 г. Профессор по кафедре библейской истории Казанской духовной академии. Духовный писатель.
5. Поздняков Михаил окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1904 г., кандидат богословия Казанской духовной академии 1909 г.

Профессор Павел Петрович Пономарёв (1)

П. П. Пономарёв поступил в Казанскую духовную академию по окончании курса обучения в Пермской духовной семинарии в 1894 году. Когда мы поступили в 1909 г. в Казанскую академию, он был уже в возрасте 35–36 лет, имел учёную степень доктора богословия, звание профессора, был членом правления академии и по совместительству занимал должность помощника инспектора. Последняя его должность вызывала у нас всегда недоумённый вопрос: почему он взял на себя такие обязанности, будучи на вершине положения в академии? Чем привлекала его эта

должность — наблюдать за «детьми» в возрасте от 20 до 25 лет? Лекции по догматическому богословию П. П. читал на третьем курсе и, следовательно, в течение двух первых лет обучения в академии мы имели с ним соприкосновение по административной линии.

Говорят, что «глаза [–] зеркало души человека», но это суждение можно расширить и сказать, что вообще и весь наружный облик человека в какой-то степени отражает его внутренний мир. Правда, бывает и так, что ни наружный вид, ни внутренний мир кого-либо ничего не говорят о человеке, и про такого человека говорят, что он человек-сфинкс. Речь эта клонится к тому, что, очевидно, не лишне описать наружность П. П., поскольку она является типичной для обрисовки его характера. Мы встретили П. П. в расцвете его физических сил. Высокого роста и крепкого сложения, он имел несколько грубоватые черты лица: лоб сильно нависал на глаза, нос в верхней части был вдавлен, а в нижней, наоборот, приподнят и приплюснут (курносый); на голове шевелюра тёмно-русых волос, на подбородке — жидкая растительность волос. Что сказать о глазах? Встречаются яркие характеристики глаз у людей; например, все, кому приходилось видеть Победоносцева, говорили в один голос о его глазах и взгляде: «взгляд холодный, холодный». Кажется, у Чехова или у Салтыкова-Щедрина встречается такое выражение: «глаза выцветшие, как у солёной щуки». Нет необходимости и повода для подобной характеристики глаз П. П., но можно сказать, что глаза его никогда и ничего не говорили. Мы никогда не видели его улыбки, как иногда бывает: увидишь улыбку человека, сразу откроется его душа, и думаешь: этот человек, вероятно, добряк. Мы никогда не видели раздражения или злого выражения в его глазах, как это иногда бывает: посмотришь на такового человека, и невольно возникает вывод о нём: этот человек, вероятно, злюка. Мы, можно сказать, никогда не слышали его голоса. А ведь были случаи, когда он мог бы подойти и поговорить не, скажем, «по душам», а просто по-человечески. Взять, например, известие о смерти Л. Н. Толстого. Неужели он не видел возбуждения студентов? Неужели он не мог подойти и поговорить? Нет, это не входило в его обязанности. Или ещё возьмём такой случай, когда, казалось, Валаамова ослица заговорила бы, но он был нем. Студенты устроили забастовку в знак протеста по случаю недовольства питанием: объявили, громко говоря, голодовку, т.е. не стали выходить в столовую на обед и ужин. По существу это была чистая глупость, но правление академии

объявило всех студентов уволенными из академии и предложило всем снова подавать заявления о зачислении с признанием «повинной». П. П. поручено было собирать эти заявления, и он их собирал, причём не говорил ни слова: ни за, ни против. Эпическое спокойствие! Ничто — ни голос, ни взгляд, ни вообще манера поведения — не выражали его отношения к этому факту. На посту пом[ощника] инспектора мы его видели в двух случаях: во время богослужений он стоял у задней двери, ведущей в церковь, через которую студенты входили в церковь и неподалёку от которой становились в свободном расположении, а не в рядах. Он стоял, казалось, безучастно ко всему окружающему. Молился? Не было заметно никаких внешних признаков этого. Следил ли он за студентами? Опять-таки, не было заметно этого. Когда нужно было за всюнощной пойти к иконе или кресту, он шёл во главе студентов, становился потом на своё место у двери, а в конце богослужения молча уходил в свою квартиру. Он являлся в столовую на обед и ужин для наблюдения, молча стоял у последнего стола и давал звонки к началу и концу обеда и ужина. И это было всё, в чём видимо, зримо проявлялась его деятельность на посту помощника инспектора. Может быть, в этом именно и проявлялась особая мудрость П. П. — существовать в виде некоего символа власти.

На третьем курсе мы слушали лекции П. П. по «догматике». Догматическое богословие — метафизика богословских наук, — вероятно, самая трудная богословская наука. В основу его именно положен знаменитый тезис Августина: «*Credo quia absurdum est*». Как эту науку преподнесёт юношам в возрасте 23–24 лет, уже с критически настроенным мышлением, так, чтобы затушевать *absurdum* и утвердить *credo*. Очевидно, только так, чтобы было горение *credo*, т.е. горячая убежденность в предметах и положениях веры. Вот как, например, это выглядело в проповеди инспектора академии архимандрита Гурия в день 8-го ноября, в престольный праздник академии (2). Он говорил об архистратиге Михаиле и воинстве небесном в таких конкретизированных образах, как будто изображал абстрагированную им картину Бородинского сражения с построенными на нём флешами. Вот это сила веры! Или как, например, иеромонах Иона (3) в проповеди о тяжести войны утешал слушателей скорбью по этому поводу Богородицы. Он говорил: «А вы думаете легко ей, нашей матушке, видеть эти людские страдания»? Вот это сила веры! Когда протопоп Аввакум, как он описывает

в своем «Житии», изгонял бесов, то он верил в то, что есть бесы, он конкретно представлял их существование. Это и есть то, что выражено в словах Филаретова (4) катехизиса: «Вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых, т.е. уверенность в невидимом как бы в видимом, в желаемом и ожидаемом как бы в настоящем». Нужно гореть верой, чтобы вопреки всякому *absurdum* доказать троичность божества. Было ли это в распоряжении и на вооружении у П. П.? Теперь, когда прошло много времени от «тех времён» и когда в памяти перебираешь лекции своих бывших профессоров, то если ничего не можешь вспомнить о содержании этих лекций, то, по крайней мере, вспомнишь о внешнем виде их на кафедре, о манере речи, манерах держаться на лекции. О Павле же Петровиче вспоминаешь только: вот он стоит у дверей в церкви или в столовой и... больше ничего память не сохранила; всё слилось только в этих образах.

Когда осенью 1908 г. мы приехали в академию, то узнали, что он женился на дочери протоиерея Екатеринбургской церкви Сердобольского. И первый вопрос у нас возник такой: как это случилось? Не сделался ли он «жертвой случая»? В самом деле, нам приходилось встречать некоторых наших профессоров в театре, так сказать, в «свете», или видеть в женском обществе, но П. П. никогда и нигде ни в чём подобном не видели. Кроме того, привыкли видеть замкнутым, *persona «an sich»*, засохшим на своем «догматизме», мы прямо не могли себе представить его мужем и думали: «Уж не оказался ли он в роли Каренина?» Но нет, Сердобольская не могла быть «Анной» уже потому одному, что брак был, очевидно, по французскому образцу: жениху сорок, а невесте 22–23 г[ода].

На этом, кажется, и можно было бы закончить повесть о Павле Петровиче, если бы имя его не стало часто упоминаться в связи с новой обстановкой в жизни, с коренной переменной её после Октябрьской революции. Слух прошёл, что П. П. перестроился в новых условиях на преподавание марксизма. Шутка это, притом злая, над ним и над новой действительностью, или правда? Впрочем, в данном случае нам важно не это, а то, какой же взгляд выражен по этому поводу на П. П. Где основания в прошлом П. П. для этой шутки или подлинной действительности? Как он мог, по представлению кого-то, спланировать с богословского «догматизма» на марксизм? Не значило ли бы это снять один мундир и надеть другой? Или: не значило ли бы это уподобиться сосуду, из которого вылили одно содержимое,

скажем — вино, и влили другое, скажем — керосин. Но судить так о П. П. значило бы представлять его некой формой человека. Допустимо ли это, такое суждение о человеке вообще? Какое заключение можно сделать о нём на основании изложенного выше?

Был ли он карьеристом? По-видимому, да, а если правда, что он так спланировал свою жизнь, то, несомненно — да! Молчалин новой формации (5). Чем можно объяснить его отчуждённость, замкнутость? Некоторую долю нужно отнести на счёт происхождения: северянин, о чём свидетельствовала и его грубо, топорно созданная наружность, но главное — гордое сознание учёного — доктора богословия. То, что он работал пом[ощником] инспектора, нужно объяснить стяжательностью. Среди профессоров — докторов богословия — он был самым молодым. Он, между прочим, входил в комиссию профессоров, которой поручено было рассмотреть различные работы Антония Волынского — речи, проповеди и пр. — на предмет присуждения ему какой-то учёной степени. Вероятно, комиссия не успела это сделать ввиду революции. Если же она это сделала (6), то можно не сомневаться, что П. П. в этом случае выполнял роль Молчалина.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 2–6 об.

Примечания:

1. Из очерков по истории Казанской духовной академии в «пермской коллекции» воспоминаний автора.
2. Имеется в виду престольный праздник домового церкви Михаила Архангела при Казанской духовной академии.
3. Иона (Покровский Владимир Ильич) (1888–1925) — иеромонах, кандидат богословия Казанской духовной академии 1914 г. Игумен с 1919 г. Главный священник Оренбургской армии атамана Дутова. Архимандрит с 1922 г. Епископ Тяньцзиньский, викарий Пекинской епархии в 1922–1925 гг. Святитель и чудотворец Русской православной церкви.
4. Филарет (Дроздов) (1783–1867) — митрополит Московский в 1826–1867 гг. Крупнейший русский православный богослов XIX века. Составитель «Пространного христианского катехизиса Православной Кафолической Восточной церкви».
5. Персонаж стихотворной комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

6. Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) был удостоен степени доктора богословия ещё в 1911 г. Антоний (Храповицкий) (1863–1936) — сын дворянина Новгородской губернии. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1885 г., магистр богословия 1888 г. В 1891–1894 гг. ректор Московской духовной академии, в 1894–1900 гг. ректор Казанской духовной академии. Епископ с 1897 г., архиепископ с 1906 г., митрополит с 1918 г. Богослов, философ. Один из организаторов Союза русского народа. Основатель и глава Русской православной церкви за границей в 1920–1936 гг.

Иеромонах Афанасий и его окружение (1)

Иеромонах Афанасий (в мире Малинин Александр) кончил курс обучения в Пермской духовной семинарии и был командирован последней для продолжения образования в Казанскую духовную академию. В семинарии существовало о нём мнение как о, своего рода, «вундеркинде». А в академии на него особенное внимание обратил профессор русского яз[ыка] и литературы Алексей Александрович Царевский (2). По окончании академии он был оставлен в аспирантуре для подготовки к научной деятельности на кафедре проф[ессора] Царевского, но неожиданно для последнего, с окончанием аспирантуры, он постригся в монахи и получил назначение читать в академии лекции по аскетике, предмету, который был только что введён в академии с переходом её на новый устав (3). Проф[ессор] Царевский настолько болезненно воспринял «смену вех» своего аспиранта, что не постеснялся по этому поводу высказать свою обиду студентам. Торжествовали монахи, студенты академии, и их присные: «Нашего полку прибыло!» Положение, точнее, обряд его совершён был не в Казани, а, кажется, в Петербурге, в академии, и ожидался приезд вновь испечённого монаха в Казань в академию. Пострижение в монахи молодого человека обычно связывалось разными домыслами и догадками о причинах такого шага, причём чаще всего объяснение носило романтический характер — указывалось на неудачную любовь или какой-либо сугубо трагический случай в жизни. Не обошлось без гаданий и в данном случае, причём молва шла об измене любимого существа.

И вот, наконец, ожидаемый приезд совершился: в академии появился новый монах, молодой красавец. В околоакадемических женских кругах натурально пошли охи и вздохи: «Да как же он, такой молодой, решился на это» и тому подобное в этом духе. Первая лекция о[тца] Афанасия была обставлена с особой торжественностью. Он читал её в актовом зале академии в присутствии всех студентов — случай экстраординарный в истории академии. Он читал лекции о Симеоне Столпнике, о его «Лестнице» (4). Это была не просто лекция, хотя и обставленная с особой помпой, а это была речь, опять-таки не просто речь, а программная, в которой намечалась генеральная линия академии после её перестройки по новому уставу. Как известно, в связи с переходом на новый устав была произведена и чистка преподавательского и профессорского состава, причём убран был популярный профессор по истории Благовидов за направленность его лекций против монахов. О[тец] Афанасий показал свой ораторский талант. Речь его была живой, страстной, увлекающей. На кафедре перед студентами был блестящий оратор, трибун. Его манера речи, фигура, осанка — всё импонировало слушателям, и когда он закончил речь, вспыхнули бурные аплодисменты. Всем казалось, что в академии появился новый талант. Особенно ликовали монахи, но, увы! Это был только блеск фейерверка: «жару и пыла» у оратора хватило ещё на две лекции, а дальше пошло что-то нудное, тягучее, бесцветное, что явно было в тягость и оратору и слушателям. Год кое-как был закончен, и [у] о[тца] Афанасия появилась мысль возвратиться к своим пенатам, т.е. к преподаванию русского языка, но этот предмет был занят перешедшим из университета профессором А. И. Александровым, принявшим пострижение в монахи с наречением его Анастасием. Ещё год о[тцу] Афанасию пришлось ждать, пока тот предмет освободился в связи с переводом Анастасия в Петербургскую академию. В течение этого года он вёл практические занятия по проповедничеству: студенты по его заданиям писали проповеди и он распределял студентов по городским церквям для произнесения их. Наконец, он вышел на преподавание того предмета, который предназначался ему по аспирантуре.

Что же было с судьбой Александра Малинина, ставшего потом Афанасием? Это была безусловная ошибка, и вся вина в этом отношении должна быть отнесена на счёт той среды, в которой он оказался, особенно в конце своего пребывания в академии. В академии существовал кружок людей,

который был рассадником для уловления юношей в монахи. Издалека этим кружком руководила рука архиепископа Антония Вольнского. У него было отвратительное стремление завлекать молодёжь в монахи. Так, в Казанской академии учился болгарин, монах Вениамин (5), которого Антоний постриг в монахи в возрасте 21–22 лет. В период реакции этот кружок проявлял особенную активность. Основным содержанием его собраний были доклады и беседы на темы сборника о «смене вех». Особенно в этом кружке проповедовались реакционные идеи Достоевского. Кроме монахов в этот кружок входили «прозелиты», люди, готовящиеся к принятию монашества. В наше время, т.е. в годы 1909–1912, особенно активным был студент из Уфимской семинарии — Лузин Владимир (6), человек очень талантливый, прекрасный оратор. Он одно время всё увлекался идеей старчества по образу старца Зосимы («Братья Карамазовы»).

С назначением инспектором академии архимандрита Гурия, «уловление» в монахи ещё более усилилось. В это время о[тец] Афанасий был уже активным членом этого кружка.

Какова его судьба после Октябрьской революции — неизвестно.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 710. Л. 1–3 об., 5.

Примечания:

1. Из очерков по истории Казанской духовной академии в «пермской коллекции» воспоминаний автора.
2. Царевский Алексей Александрович (1855–?) — сын протоиерея Тамбовской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1878 г. Профессор кафедры славянского языка, палеографии и истории русской словесности Казанской духовной академии. Русский писатель и богослов.
3. Речь идёт о новом Уставе духовных академий 1909 г., который был разработан после проведённых ревизий духовных академий и утверждён императором в 1910 г. в обход III Государственной Думы. Согласно новому Уставу духовные академии лишались автономных прав и объявлялись «закрытыми высшими церковными училищами», готовившими «христиански просвещённых деятелей» для служения «предпочтительно в священном сане». В академический курс было введено «воспитание в учащих любви к Святой Церкви и её установлениям

- и преданности Престолу и Отечеству». Новый устав был направлен на ограждение студентов от идей революционного свободомыслия.
4. Автор путает имена преподобного Симеона Столпника (около 390–459) и преподобного Иоанна Лествичника (579–649), автора «Лествицы» — аскетического руководства по нравственному совершенствованию.
 5. Вениамин (Салабашев) — иеромонах, кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г.
 6. Имеется в виду Варсонофий (Лузин Александр Владимирович).

Иван Иванович Сатрапинский (1)

Третьим из окончивших Пермскую семинарию преподавателей Казанской дух[овной] академии был Иван Иванович Сатрапинский. Трудно представить такого другого бесцветного человека, каким казался он ещё в семинарии. Самоё поступление его в академию казалось неожиданным. В академии он тоже ничем не обращал на себя внимание, и все были удивлены тем, что он решил писать кандидатскую работу такому взыскательному профессору, каким был В. И. Несмелов (2). Он писал кандидатскую работу о Ницше. Оказалось, что В. И. Несмелов открыл в нём талант и оставил его в аспирантуре. Через год И. И. читал уже лекции по психологии. Что у него с научной деятельностью получилось в дальнейшем — неизвестно.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 710. Л. 5.

Примечания:

1. Из очерков по истории Казанской духовной академии в «пермской коллекции» воспоминаний автора. Авторский заголовок очерка: «Не ошибся ли профессор В. И. Несмелов?».
2. Несмелов Виктор Иванович (1863–1937) — сын священника Саратовской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1887 г., магистр богословия 1888 г. Профессор кафедры метафизики Казанской духовной академии. Русский философ и богослов, автор трудов по философской антропологии, в т.ч. фундаментального труда «Наука о человеке» (Казань, 1905).

Старший (1)

Расстояние между нами было по возрасту в четырнадцать лет. Я запомнил его с того времени, когда он по окончании Пермской дух[овной] семинарии в течение двух лет работал сельским учителем в Колединских Песках (2). Он приезжал домой только на каникулы и в моём представлении уже не был членом нашей семьи из тех, которые всё время были при нас, в нашем домике, а являлся уже оторвавшимся для самостоятельной жизни. Помню, он привозил мне разные подарки: детские книжки с картинками или одни картинки. Сам он любил рисовать и выпиливать что-либо лобзиком. Поэтому он мне казался художником, «искусником». Странно то, что я не столько заметил тогда его внешний вид: черты лица, рост, манеры, сколько его одежду. Особенно мне запомнилась его визитка, серая, как мне показалось тогда, очень красивая и дорогая. Позднее я узнал, что его отношения ко мне — особенное внимание — основано было на том, что он был моим крёстным отцом, а этому в те времена придавалось большое значение.

Он учился, очевидно, в Далматовском дух[овном] училище, но никогда не вспоминал ни о своём учении в нём, ни об учении в Пермской дух[овной] семинарии. У него была карточка с его однокурсников-выпускников, на которой красовались ректор Добронравов, преподаватель философии А. Н. Юрьев и совсем ещё молодой преподаватель математики В. А. Кандауров, а из учащихся — Павел Пономарёв, впоследствии профессор Казанской академии, и А. И. Дергачёв. Он больше вспоминал о Камае и при встрече со мной, когда я учился в Перми, всегда спрашивал: «Ну, как Кама?» — и начинал восторгаться её величавостью. Учился он в семинарии хорошо и кончил её по первому разряду — «студентом».

Я запомнил его хорошо в то последнее лето жизни его в нашей семье, когда он был женихом.

Перед свадьбой он заболел. Я помню, он лежал в коробу в нашей завозне и томился в ожидании свадьбы. Мне пришлось тогда быть посредником между ним и его невестой — Марией Владимировной Бирюковой, но инициатива по использованию меня в этом направлении всегда исходила от невесты.

Я помню его совсем молодым попиком: в подряснике, а в домашних условиях иногда без него — в ситцевой рубашке, подтянутой пояском, и плисовых шароварах. Мне казалось, что он не давал своим волосам вдоволь расти в длину, и подстригал их, чего не полагалось.

Он всегда чем-либо увлекался, но только не своей службой. Наоборот, мне казалось, что его увлечения всегда сводились к тому, чтобы, как говорится, забыться от своей службы. Он выписывал много газет и различные ценные книги, например, Брэма. Он купил фотоаппарат и увлекался фотографированием. В Сугояке (3), где он священствовал, прихожане узнали об этом, и во время первой империалистической войны солдаты постоянно приходили к нему с просьбой сфотографировать их и послать карточку мужу на фронт. У него хранились горы негативов, которые во время революции затерялись, вернее всего — были разбиты.

Он выписывал домашнюю аптечку, и к нему приходили то с «большим брюхом», что было чаще летом, то с головной болью — с «жаром», и он давал то висмут, то аспирин и пр. Впрочем, чаще он направлял больных к врачу.

В первые годы жизни в Сугояке он завёл хозяйство: рабочих лошадей, сельскохозяйственный инвентарь, но не увлёкся этим и поддерживал больше это предприятие по инерции и под влиянием супруги, Марии Владимировны, унаследовавшей это увлечение сельским хозяйством от своего батюшки. У ней, у его супруги, сильнее была развита «хозяйственная жилка» и даже склонность к стяжательству, опять-таки как у её батюшки. Брат, например, тяготился так называемыми «сборами» по приходу: сам не ездил и супругу отговаривал, но она не соглашалась «попускаться своему» и всё выводила в «ажур». Но он увлекался разведением новых видов овощей, а особенно цветами. Так, в огороде они разводили морковь-коротель, коряби (4), репчатый лук, цветную капусту, тыквы и пр. В саду у них были различные цветы: настурции, флоксы, резеда, различные сорта георгинов, портулак, розы и пр. Он выписывал из Голландии корни гиацинтов. Он выписывал каталог цветов.

В Сугояке вся семья Игнатьевых увлекалась пением. Он не пел в хоре, в отличие от своих братьев, ни в детском, ни в юношеском возрасте, но, как все уроженцы Течи, любил пение. Он, как и братья, переписывал свои любимые произведения. Мария Владимировна преподавала в школе пение и руководила церковным хором, а он был её помощником. У них

была фисгармония, и он самоуком научился играть. На спевках хора, которые производились в их доме, он подыгрывал на фисгармонии и подпевал необработанным баском. Он выписывал ноты. Среди них были и оперы, которыми он увлекался в бытность учеником семинарии, но особенно много было церковных сборников: партитуры и по голосам. Это увлечение пением потом передалось и его старшему сыну Сергею.

Родство с теченским протоиереем Владимиром Бирюковым сказалося на том, что он в некотором отношении стал подражать своему тестю в обращении со своими прихожанами. Наш батюшка был очень недоволен этим и не раз ворчал про себя: «стал подражать тестю». При всём уважении к свату, он не мирился с его грубостью, а именно эту черту характера тестя и стал усваивать Александр. Он однажды позволил себе сделать одно грубое замечание даже в адрес батюшки, и на этой почве произошла у батюшки размолвка со своим первенцем. Я был свидетелем того, как наш батюшка «переживал» это, но дело обошлось примирением: Александр «покаялся» в своём «грехе», и всё утихомирилось.

Приходилось мне иногда наблюдать и размолвки у него с Марией Владимировной, но они были мимолётными, в общем же редко приходилось наблюдать у супругов такую свежесть чувств любви, какая была у Александра и Марии Владимировны.

Он любил поспорить на философские и богословские темы, и, когда я учился в семинарии, часто вызывал меня на диспуты, свидетелем которых была Мария Владимировна. У неё, поэтому, создалось обо мне мнение как об упрямом спорщике, что она однажды и высказала мне. Александр явно провоцировал меня на споры, подзадоривал на это, и ему, очевидно, доставляло удовольствие видеть меня возбуждённым спорщиком. Позднее я понял, что для него наши диспуты были не просто увлечением «словоприем» на образец софистических споров, а он искал в них проверку и подтверждение своим взглядам. Я понял, что он по природе склонен к скептицизму, и чувствовал, что, приняв священный сан, он, образно выражаясь, «попал не в свою тарелку», в конечном счёте — он не верил в то, что служило предметом его «службы», в лучшем случае сомневался в пользе служения священником. Было видно, что он тяготился своей профессией. Особенно он тяготился выполнением так называемых «треб». Он иногда, в порыве своих размышлений и сомнений, становился «провидцем», и его

воображение рисовало ему картину будущего в полном противоречии с его настоящим. Так, как мне рассказывала одна из его дочерей, когда он производил расширение площади церковного строения, то обмолвился, что, может быть это пригодится, когда церковь превратят в клуб или что-либо подобное. Жизнь не раз ставила его в положение Василия Фивейского, персонажа известного рассказа Леонида Андреева.

Шести лет умер мальчик Борис, а особенно он глубоко переживал смерть любимой дочери — двенадцатилетней девочки Нины. Это были острые моменты проверки его веры в бога, а чем они заканчивались — это осталось его тайной. Одна из его дочерей говорила, что он утверждал существование бога: будто бы говорил «бог есть», а старший сын его на мой вопрос, верил ли его отец в бога — отвечал: «и верил, и не верил», т.е. пребывал в плену ползучего скептицизма. Одно ясно: он, как и многие другие юноши того времени, пошёл не по той линии, которая соответствовала бы его характеру, и причиной этого была та бедность социального происхождения, бедность среды, из которой он вышел, и вдобавок отсутствие инициативы, которую не воспитала в нём школа, которую он прошёл. Он выполнил, однако, свой долг перед семьёй, как и старшая сестра: помогал родителям выучить других братьев и сестру.

Ему было около сорока пяти лет, когда он поступил в Казанскую дух[овную] академию (5). Год проучился, но всё изменила Октябрьская соц[иалистическая] революция. Роковым шагом было для него поступление в священники в Каменский завод, нынешний Каменск-Уральский. Здесь он погиб вместе с прочими служителями религиозного культа (6). *Sic transit gloria mundi!*

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 47–61.

Примечания:

1. Из «Семейной хроники Игнатъевых», составленной В. А. Игнатъевым, в «свердловской коллекции» воспоминаний автора; в «пермской коллекции» очерк «Старший» автор ведёт от лица «Пети Иконникова» и уделяет больше внимания событиям вокруг свадьбы старшего брата Александра и отношениям с новой роднёй.

2. Село в Шадринском уезде Пермской губернии, в настоящее время — Далматовский район Курганской области.
3. Село в Шадринском уезде Пермской губернии, в настоящее время — Красноармейский район Челябинской области.
4. Так в тексте. Правильно: морковь-каротель, кольраби.
5. В очерке «Старший» в «пермской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Этот шаг нельзя иначе назвать, как геройским. Старший сын брата Сергей в это время поступил на медицинский факультет Казанского университета, а младший брат наш Николай заканчивал Казанскую дух[овную] академию. Получилось интересное сочетание студентов: в академии — старший и младший братья, в университете — старший сын старшего брата. Здесь же брат встретился со своим соучеником по семинарии — профессором Павлом Петровичем Пономарёвым». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 17–27 об.).
6. Там же: «Уже в дореволюционное время мы избегали въезжать в завод в вечернее время, потому что посёлок был в котловине и при спуске с крутой горы через глубокий овраг можно было встретиться с хулиганами из посёлка». (Там же. Л. 17–27 об.).

Алексей Алексеевич Игнатъев (1)

А. А. Игнатъев был вторым сыном диакона на псаломщической вакансии (дьячка) села Русско-Теченского, Шадринского уезда, Пермской губернии (теперь Бродокалмакский район Челябинской области) — Алексея Ивановича Игнатъева. Если по существующей привычке разделять детей многодетных семей на старшее и младшее поколения [и] определить место в семье А. А., то нужно его отнести к старшему поколению. Никто в семье Игнатъевых не усвоил в большей степени природные черты отца, как Алексей: он имел привлекательный наружный вид, а главной чертой его характера была общительность, чем отличался и отец (2). Благодаря этому, Алексей ещё в детстве всегда был окружён целой ватагой деревенских мальчиков, которые продолжительное время уже после того, как он оторвался от них, учась в Камышловке, узнав о его приезде на каникулы, приходили навестить своего Олёшу.

Детские годы мальчиков Игнатъевых у каждого из них отмечены были какими-либо особыми событиями: кого собака кусала, кто сломал руку, кто падал с полатей, а Алексей прославился тем, что, обучаясь верховой езде, пытался взобраться на лошадь по хвосту... и получил урок. Впоследствии мать, вспоминая детство своих сыновей, рассказывала, как он хотел похвастаться своим искусством бегать на коньках, уговорил её оторваться от работы и посмотреть на него в окно, забрался на катушку, лихо размахнулся... и бух затылком на лёд.

В сельской школе Алексей учился у любимой нами учительницы Елизаветы Григорьевны Тюшняковой. По окончании школы он учился в Камышловском духовном училище. Вместе с ним в одном классе учились ещё здесь два мальчика: сын священника нашего села Алёша Б[ирюков] и сын мелкого торговца Ваня М[ионов]. Алёша Б. был самым большим другом Алексея. Он называл его любовно «Олёней». Дружба эта была прервана трагически: Алёша Б. рано умер от скарлатины в Камышловке, что произвело на Алексея глубокое впечатление. Ваня М. скоро выбыл из духовного училища, а Алексей заканчивал его, а потом и поступал в Пермскую духовную семинарию без своих соучеников-односельчан.

Шесть лет пребывания в семинарии были годами наиболее интенсивного развития Алексея, раскрытия его природных задатков. Это, прежде всего, отразилось на его увлечении пением. Он завёл массивный нотный альбом во всю величину нотного листа и вносил в него все свои любимые музыкальные произведения: церковные песнопения и в особом отделе — светские: народные песни, отрывки из опер и т.д. С каждым годом мы замечали, как этот альбом всё больше и больше заполнялся и разбухал, пока не сделался энциклопедией самых разнообразных музыкальных произведений, начиная с концерта — «Днесь Владыка твари» и кончая — «Не искушай» Глинки (3). Алексей в это время буквально и днём и ночью бредил семинарским хором. Из его рассказов мы знали, что в семинарском хоре был чудесный альт Оборин (4), знали, как вёл себя на спевках прекрасный бас Миша Будрин и многое другое, о чём рассказывалось с неизменным восторгом (5). С таким же восторгом и с полным убеждением, что [он] уже знаток музыки и пения, Алексей явился в с[ело] Нердву к дяде по линии матери — Василию Ивановичу Тетюеву. Встреча произошла буквально в духе «Обыкновенной истории» Гончарова: Адуев старший — дядя

Василий — Адуеву младшему — Алексею устроил холодный душ и со свойственной ему прямоотой сказал ему, что он в музыкальном и певческом деле полный профан (*sic!*). Дядя в свои семинарские годы был известен как регент и даже как композитор. Его композиция песни А. В. Кольцова — «В непогоду ветер воет» была популярной среди певцов-семинаристов. Развенчав так самомнение Алексея, дядя преподал ему первый урок музыкальной грамоты, раскрыв так называемый квинтовый круг образования мажорных и минорных гамм. К чести племянника нужно отнести то, что он серьёзно отнёсся к преподанному дядей уроку, и это послужило толчком для его дальнейшего музыкального роста, он понял, что музыка — это наука, а он пока что только дилетант.

В семинарии с Алексеем, при переходе в пятый класс, произошло исключительное для нашей семьи событие — он получил переэкзаменовку по богословию. Это был единственный случай в нашей семейной хронике. Сам Алексей объяснял это тем, что к нему несправедлив был преподаватель А. И. Тихомиров. Было ясно видно, что речь шла об оскорблённом самолюбии и амбиции. Отец тяжело переживал этот случай. Не получивши законченного образования, сам он не хотел допустить, чтобы это случилось с кем-либо из детей, а между тем Алексей категорически заявлял, что он не будет сдавать переэкзаменовку и бросит учиться в семинарии. И вот наступил канун отъезда А. в Пермь. Только раз в жизни мне пришлось видеть отца в таком виде, в каком он разговаривал с А. Мы никогда не слышали, чтобы отец в разговоре с нами повышал голос, но в данном случае голос его был твёрд и суров. А. всё время только и повторял: «Со мной поступили несправедливо... не поеду, не поеду!» Я сейчас ещё слышу решительный и повышенный голос отца: «Нет, ты поедешь, и будешь сдавать переэкзаменовку!» Это было сказано так, что А. безмолвно встал со стула и приступил к сборам к отъезду. Впоследствии много раз с благодарностью он вспоминал о том, что тогда отец спас его от опрометчивого шага.

Ко времени учения А. в семинарии относится ещё одно событие, памятное для многих жителей нашего села, а именно: приезд к нему его товарищей по семинарии в летние каникулы. Приезжали они из Прикамья, с западной стороны Урала. Приходится удивляться силе дружбы семинарской братии, тому, что даже столь большое расстояние — в 600–700 вёрст не воспрепятствовало этому приезду, а ведь 80 вёрст нужно было ехать на

лошадях. Их было четверо, и все они были певцы: Присадский Владимир Михайлович (бас), Смирнов Иван Васильевич (тенор), Горбунов Александр Степанович (второй тенор) и Ионин Павел Петрович (второй тенор, близкий к баритону). Как видно, они представляли из себя ансамбль для исполнения квартетов или трио. Из них более всех выделялся голосом Смирнов, обладатель высокого тенора очень приятного звучания. Нужно быть сильным художником и владеть писательским талантом Н. В. Гоголя, чтобы описать дни пребывания этих семинаристов-певцов в нашей Тече! Если попытаться всё-таки сравнить то, что мы тогда наблюдали, с тем, что видеть приходилось в наши дни, то разве только в кинокартинах «Большой вальс» или «Музыкальная история» можно найти какое-либо подобие виденному там и здесь. Представьте себе людей, попавших в плен, которых всюду водят на показ, спрашивают и расспрашивают. Примерно в таком положении оказались наши гости: их приглашали нарасхват в гости, для них устраивали приёмы, вечера. Известная покровительница талантов нашей сельской молодёжи, меценат Елизавета Ивановна Стефановская, жена земского начальника, организовала концерт с их выступлением. И всюду пение, восторженные аплодисменты, бесконечные просьбы, чтобы они пели и пели. Вот уже где действительно оправдалась пословица: «Гость — мученик». И они были мучениками.

Сердца наших девиц были напряжены до предела. Нет, описать нашу Течу достойно смог бы только автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Не прошло пребывание в Тече молодых людей [бесследно] и для них самих: больше всех оказалось уязвлённым сердце А. С. Горбунова, покорённое дочерью купца Антона Лазаревича Новикова — Анной Антоновной. Через год состоялась свадьба, и дочь купца стала «матушкой». Где ты, Овидий Назон, со своими «Метаморфозами»!

Пребывание пермских семинаристов в Тече, блестящий приём их нашим обществом были по существу апофеозом Пермской семинарии: в лице их наша публика чествовала блестящих представителей семинарии — певцов, слава которых широко распространялась по Пермской губернии. Нужно отдать справедливость Алексею Алексеевичу, что в этом деле, в деле прославления нашей *alma mater*, известная доля заслуги принадлежала ему.

А. А. был любимцем нашей публики. В его семинарские годы образовался своеобразный «триумвират» молодых людей, которые и давали

направление общественной жизни села в период летних каникул. В этот триумvirат вошли: сын земского начальника, студент Московского университета — Александр Павлович Стефановский, тобольский семинарист, сын священника — Михаил Владимирович Бирюков и Алексей Алекс[еевич]. К ним примкнул приезжавший иногда на летние каникулы племянник священника — Александр Сергеевич Ляпустин. Женский состав молодёжи был представлен в следующем виде: в него входили — наша сестра Александра Алексеевна, приезжавшие на каникулы в гости к просфорне Марии Ивановне Маминой — родной тётке Д. Н. Мамина-Сибиряка — её племянницы Пятницкие София Петровна и Надежда Петровна. К ним примыкала пожилая уже сестра жены земского начальника — Елизаветы Ивановны Стефановской — Вера Ивановна Резчикова. Несколько в стороне от них стояли: Лидия Александровна Селиванова — дочь умершего священника, и упомянутая уже выше дочь купца — Анна Антоновна Новикова. Все эти лица переименованы мною потому, что они составляли труппу актёров самодеятельного теченского театра, в течение двух или трёх лет ставившего различные пьесы, преимущественно типа водевилей. А. А. выступал в этих спектаклях преимущественно в комических ролях под фамилией «Прозоровский» (известная в Перми фамилия). Он же был регентом небольшого церковного хора. Устраивались ли вечера, пикники, прогулки — в центре всех этих мероприятий был А. А. Таким он был и в семинарии: всегда в центре друзей, на глазах у всех. Когда я поступил в семинарию, спустя уже несколько лет после окончания А. А. семинарии, были ещё семинаристы, которые его помнили и спрашивали меня, не брат ли я Алёши Игнатьева. Алексей любил семинарию, много рассказывал о ней. Мне не приходилось в дальнейшей жизни встречать человека, который бы так восторженно отзывался о семинарии, как отзывался А.

От людей, помнящих А. А., приходилось иногда слышать, что он хорошо пел; так сказать было бы не точно: он не был певцом в полном смысле этого слова, а он был любителем пения со склонностью управлять хором. Вот почему по окончании семинарии устроился регентом в церкви Александровского завода, около Кизела. Здесь он встретился с дочерью местного купца Удникова — Верой Александровной Удниковой и женился на ней. Вера Алексеевна кончила Екатеринбургскую женскую гимназию, но пока ещё нигде не работала. Через год после окончания семинарии, женившись,

самой логикой событий А. А. пришёл к мысли о принятии священного сана, был рукоположен и назначен священником (вторым) в село Скородумское, Ирбитского уезда. Здесь его время от времени ещё навещали друзья по семинарии, и в числе прочих Иван Александрович Флёров, работавший учителем около Ирбита, тот Ваня Флёров, который когда-то в семинарии в мистическом состоянии готовился к смерти, но остался жив и сделался безбожником. Бывали у него и другие товарищи. Но мне всё казалось, что Алексею чего-то недостаёт в этом новом положении, он как бы «вылинял». Здесь он был оторван от всего музыкального, не было хора. Пытался он заниматься хозяйством, чтобы приглушить неудовлетворённость своим настоящим, но, очевидно, это не дало ему удовлетворения, и в душе его созрел смелый замысел учиться в академии.

Как у него могла зародиться такая идея? Сам ли он придумал, или его кто-нибудь натолкнул на это — неизвестно, но совершенно неожиданно я получаю от него письмо с просьбой выслать кое-какие учебники за семинарию, т.к. он намерен пересдать экзамен по некоторым предметам для повышения оценок для получения звания студента семинарии. Студентами семинарии значились те абитуриенты её, которые за всё время обучения в семинарии по всем предметам имели оценки не ниже четвёрки. Их привилегией являлось то, что они допускались к конкурсному экзамену для поступления в академию. Оказалось, что у А. А. помимо того, что было трое детей, вопрос о поступлении в академию и вообще о дальнейшем учении осложнялся ещё и некоторой неполноценностью полученного в семинарии аттестата. И вот с редкой настойчивостью он решил задним числом устранить и это препятствие. Весной 1907 г., когда мы сдавали экзамены, пересдавал экзамены по трём или четырём предметам, в том числе за второй класс В. А. Фаминскому священник Скородумского села А. А. Игнатьев. В августе он уже был студентом Казанской духовной академии, а поздно осенью я устраивал его жену с тремя маленькими детьми на паром, отправляющийся в Казань.

В Казани одновременно с поступлением в академию А. А. удалось устроиться священником, законоучителем и руководителем хора по разучиванию песнопений (во время богослужения хор пел под руководством субрегента слепого) в Казанском училище слепых, расположенное вблизи академии. Училище это было очень благоустроенное и пользовалось большой

популярностью в России. Так, когда в 1909 г. Казань посетил видный в то время политический турецкий деятель Хильми-паша (6), то он тщательно ознакомился с ним. Слепым наряду с обучением грамоте по особой системе преподавалась музыка, пение; их обучали ремёслам: плетению корзин и шитью обуви. Среди них были хорошие музыканты, певцы, даже один композитор, написавший неплохую композицию на слова А. В. Кольцова: «Под густым шатром голубых небес». Таким образом, работа в училище слепых счастливо разрешала для А. А. как материальный вопрос обеспечения семьи, так и давала некоторое удовлетворение его музыкальным запросам. Однако сделанное ему когда-то замечание дядей об ограниченности его теоретической музыкальной подготовки и собственный опыт побуждали его к дальнейшему совершенствованию в этой области, и он поступил учиться в существовавшую в Казани музыкальную школу, реорганизованную потом в консерваторию. Мне несколько раз приходилось наблюдать, как А. А. решал какие-то задачи по композиции и контрапункту. Выступал он иногда и в качестве руководителя хором при этом училище, однако на этом пути он не получил настоящего признания. Большой успех его ждал на научной дороге в академии.

В академической библиотеке хранились рукописи Соловецкой библиотеки, а в их числе нотные рукописи — «крюки». Эти рукописи для учёных академии были буквально *«terra incognita»*. Все сознавали важность их изучения, чувствовалась даже неловкость создавшегося положения из-за того, что даже не было описи этих рукописей. Нужен был человек, интересующийся историей пения в древней Руси. Таким человеком, можно сказать, смельчаком оказался А. А. Первое, что он сделал, это он составил опись этих книг, которая составила целую брошюру, немедленно отпечатанную в академической типографии. Далее, на основании изучения этих рукописей, он написал кандидатское сочинение, которое ему предложено было доработать на соискание звания магистра богословия. Так А. А., можно сказать, блестяще закончил курс в Казанской духовной академии.

По окончании академии А. А. в течение двух лет был законоучителем в реальном училище города Слободского Вятской губернии. Здесь по старой привычке он время от времени управлял хором и произносил проповеди. Популярность его в городе стала поперёк горла кому-то, надо полагать, из лиц духовного звания, и в его адрес стали прибывать анонимные

письма с угрозами и предупреждением «убраться по добру, по здорову». Уместно заметить: «*O tempora, o mores!*»

Бессмертный Цицерон! Где только не приходилось вспоминать его блестящую речь против Катилины: «*Quous que, Catilina, patientia nostra... etc.*» (7).

Чтобы продолжить свою работу по истории пения в древней Руси, А. А. переехал опять в Казань на работу законоучителем в Родионовский институт благородных девиц и пробыл здесь только год... «Не вынесла душа поэта...» Два года пробыл в Вятке законоучителем гимназии. Осенью 1916 г., когда наш батюшка — Алексей Иванович Игнатъев — лежал на смертном одре, в эти именно часы в актовом зале Казанской духовной академии сын его — Алексей Алексеевич Игнатъев — защищал свою научную работу на степень магистра богословия и получил эту учёную степень. К стыду своему, автор этого очерка должен сознаться, что он видел эту работу только по частям в рукописи и не знает даже, была ли она отпечатана и где.

Перед революцией А. А. был законоучителем в Екатеринбургской мужской гимназии и на пути в профессора богословия в готовящийся к открытию Екатеринбургский горный институт, но этому не суждено было совершиться.

...После революции он работал завучем Томского музыкального техникума. Ему было уже под шестьдесят лет, когда он писал в письме: «Я овладел ещё одной профессией: сделался суфлёром в опере». Как всегда, он был популярен, и именно потому, что он был популярен, однажды он «ят бысть»... *Sic transit Gloria mundi!* (8).

Две задачи всё-таки осуществил А. А. в жизни: 1) он оставил след в истории изучения церковного пения в древней Руси, и 2) он открыл «зелёную дорогу» для братьев в Казанскую академию. По его пути шли братья: Василий, кончивший академию в 1913 г., Николай, кончивший академию в 1917 г. и, наконец, год только проучился в академии старший брат в 1916–1917 г. Ещё раньше Алексея, в 1920 г. он тоже «ят бысть»... *Finis!* 28/VIII[1960], Успение,

6 ч[асов] 42 м[инуты] вечера, время свердловское.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 65–75.

Примечания:

1. Из «Семейной хроники Игнатъевых», составленной В. А. Игнатъевым, в «пермской коллекции» воспоминаний автора.
2. Из «Биографического очерка о брате Алексее Алексеевиче» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Как у отца, у него было открытое лицо, чуть кудрявые волосы, карие глаза, а позднее появилась рыжеватая бородка, которую он комбинировал с небольшой эспаньолкой. По общему признанию, он был самым красивым из детей дядька. И характер у него был отцовский: он был очень общительный, любил дружить с товарищами, был весёлым, изобретательным на игры и шутки, что делало его любимцем в среде знакомых и друзей». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 718. Л. 4–5).
3. Там же: «Его кумиром был оперный певец — баритон Круглов, умерший в расцвете сил. Алексей рассказывал о нём много: и о том, что Круглов одевался в русском национальном стиле — носил шаровары и рубашку-косоворотку, и о том, как пел в опере «Демон». Живописно он рассказывал о похоронах Круглова, поклонниками которого были все пермяки. Рассказывал он и о выступлениях Городцова в роли мельника в «Русалке» А. С. Даргомьжского. (Там же. Л. 8).
4. Из очерка «Семинарский хор» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «...он очень хорошо исполнял *solo* в концерте «Днесь Владыка твари». Об этом концерте брат рассказывал, что он был одно время под запретом, потому что композиция его была театральной, не соответствующей духу церковных песнопений». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 88–88 об.)
5. Из «Биографического очерка о брате Алексее Алексеевиче» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Едва ли был кто-либо другой из её питомцев, кто бы так её любил. Он готов был бесконечно рассказывать о семинарии и особенно о семинарском хоре, благодаря чему мы знали и о том, что когда-то был знаменитый регент семинарского хора Андрюша, как он называл его, Будрин, и знаменитый бас Миша Будрин и альт Миша Оборин, который в концерте «Днесь Владыка твари» при исполнении *solo* слов «и в ребра» (привождаётся) потрясал всех чистотой звука и выразительностью исполнения. Он любил певцов, благоговел перед ними, и они ему платили своей взаимностью. Уже спустя несколько лет после окончания семинарии, в наших краях, на кумысном курорте, лечился Андрей Будрин, священник одного из прикамских сёл, б[ывший] регент семинарского хора. И вот он на обратном пути специально заехал в Течу, на родину Алексея, чтобы познакомиться с его родными». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 718. Л. 14–16).

6. Хильми-паша Хусейн (1855–1922) — великий визирь Османской империи. В 1910 г. посетил Россию.
7. Полностью: *Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra?* — по-латински «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?»
8. В «Биографическом очерке о брате Алексее Алексеевиче» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «В период «ежовщины» он был репрессирован...» (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 718. Л. 25).
Из письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 2 декабря 1964 г.: «...Я получил Ваше письмо о брате Алексее, но ничего не написал Вам об этом потому, что разговор об этом у меня всё ещё является прикосновением к **кровоточащей ране**. Больно и обидно за него. Я, между прочим, разыскал его сына и дважды писал ему, но ответа не получил. У меня есть подозрение, что дети отреклись от своего беспутного отца. Какая это трагедия! ... Алексей стал жертвой своего темперамента и излишней доверчивости к людям. С ним было сделано **«это» в корыстных целях**. (Речь идёт, вероятно, о разводе А. А. Игнатъева с женой. — Ред.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 214. Л. 86 об.–87).
В очерке «Алексей Алексеевич (из семейной хроники Игнатъевых)» в составе «Автобиографических воспоминаний» автора в «свердловской коллекции»: «Алексей был увлекающимся и доверчивым человеком. Это и привело его к трагической развязке». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 19).

Владимир Семёнович Белоусов (1)

В. С. Белоусов был сыном священника села Канашей Шадринского уезда Пермской губернии. После окончания сельской школы он поступил учиться в Камышловское духовное училище и жил на бурсе. Природа не побаловала его наружным видом. Был он щедушным, с нескладным, угловатым корпусом, разваленной походкой, приплюснутой остроконечной головой и с чуть-чуть корявым лицом. Что говорить: вид у него был, как говорят, не презентабельный. Бурса, в общем, не разбиравшаяся в эстетике, красоте, могла простить невзрачный вид, но не могла простить слабого физического развития, щедушного вида бурсака. На ком, как не на таком бурсаке, можно было «позадаваться», т.е. ущипнуть, подставить

ногу, «посадить пучку». Естественно, что Володя скоро замечен был как подходящий для этого малец. Прежде всего, ему дано было обидное и не совсем цензурное прозвище «З...ка». О, бурса на этот счёт была изобретательна и беспощадна. Ну а дальше... Кто знаком с рассказом Л. Андреева «Сенька», тот примерно может представить положение Володи на бурсе. У Сеньки, как говорится в рассказе, была голова такой формы, что вызывала у других желание обязательно щёлкнуть, и это делалось не по злобе, а, если хотите, как знак приятельского отношения к мальцу. «У тебя голова такая, что так напрашивается на щелчок» — добродушно, по-приятельски говорил Сеньке один из подмастерьев мастерской, где он работал. Конечно, нельзя проводить полную аналогию между положением Сеньки в мастерской и положением Володи на бурсе, но нельзя не отметить и некоторые черты, так сказать, принципиальное сходство. Это обидное прозвище, явно рассчитанное на то, чтобы подчеркнуть физическую ущербность Володи, — как знать, может быть, оно, как некая травма, полученная в детстве, послужила причиной некоторой особенности в жизни Володи: он на всю жизнь остался одиноким, холостяком.

Так или иначе, Володя окончил духовное училище и поступил в Пермскую духовную семинарию. И там, и здесь он был как-то незаметным или малозаметным: вырос, угловатые походка и манера держаться несколько сгладились, стал вести себя с большим достоинством, завёл товарищей и даже друзей, понемногу «картёжничал», понемногу «тянул пивко», но больше ничем себя не проявлял — ни в искусстве, ни на вечерах, нигде. Любил, правда, показать себя взрослым и независимым в общественных местах, например, в дороге, на вокзале, важно подозвать к себе официанта, заказать и «раздавить» бутылочку пива. Главное: на глазах у всех. Смотрите: вот я какой! Он не был в семинарии в числе кавалеров и «смакунов». Любил в обществе своих друзей поболтать, пошутить, немного посплетничать. В общем же был сердечным человеком, добрым, и любовно называли его все «Володя Белоусов». В учёбе не надсиж[ив]ался, а в богословских классах «отсиживался», «отбывал» семинарию и закончил её в 1908 г. с твёрдой мыслью — «не надевать рясу».

После окончания семинарии в течение года или двух был сельским учителем где-то на Алтае, а потом поступил в Варшавский университет на историко-филологический факультет.

В те времена семинаристам был открыт доступ в три университета: в Томский, куда направлялись на медицинский факультет, в Варшавский и Юрьевский, куда поступали на историко-филологический и отчасти на естественный факультеты. В последние два университета семинаристам был открыт доступ с целью «обрусения», что не ставило их в особо приятные условия, но хорошо было уже и то, что можно было поступить.

После окончания университета Владимир Семёнович посвятил себя работе в Свердловске в школах социального воспитания. Он работал преподавателем географии, по совместительству одно время работал экскурсоводом по Свердловску. Начинать также преподавать латинский язык в медицинском институте, но эта работа ему показалась не по душе, и он скоро отказался от неё. Его работа в школах Свердловска получила высокую оценку: он был награждён орденом Ленина, и портрет его красовался на доске почёта в районо (2). Владимир Семёнович увлекался поездками по Союзу, и каждые каникулы отправлялся куда-либо в экскурсию.

Как указано уже выше, Владимир Семёнович остался на всю жизнь холостяком, можно сказать, даже ультра-холостяком, он сам, например, даже стирал своё бельё. В этом отношении он был последователем многих своих учителей в духовном училище и в семинарии. Особенно он напоминал Ивана Ермиловича Губкинского, о котором говорили в семинарии, что он сам себе готовил обеды, никому не доверяя в этом деле. «Беликовым» он, конечно, не был, но как не вспомнить и об этом одиноким, говоря о Владимире Семёновиче. В Свердловске его часто навещали друзья по семинарии: Иван Яковлевич Максимов, в своё время вожак всех семинарских «германов», Александр Алексеевич Меркурьев — знаменитый семинарский октава. Друзья ходили на прогулки в лес, на маёвки и «вспоминали минувшие дни и битвы (по картёжному делу), где вместе рубились они». И был среди них прежний «Володя Белоусов». Дружил с ним по школе и Владимир Александрович Наумов. Реденько встречал «Володю Белоусова» и автор сего.

В последние дни работы в школе у Владимира Семёновича были неприятности: говорили, что он не может «держат дисциплину» на уроках. Старость, старость! Она, конечно, причина всему (3). И вот Владимир Семёнович вдруг потерялся. Нет и нет! Стали искать. Пошли на квартиру: она на замке, и в комнате мёртвая тишина. Вызвали милицию, взломали

замок и вошли в комнату. На стуле с потухшей папиросой и листочком конспекта занятия на очередном уроке в руках сидел Владимир Семёнович, очевидно, уже два дня. *Sic transit gloria mundi!*

Похороны были по всем правилам принятого теперь ритуала — с оказанием всех почестей.

Так оборвалась жизнь «Володи Белоусова». Да будет ему земля лёгкой.
13/X.[1960] 8 ч[асов] 25 м[инут,] вр[емя] св[ердловское].

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 1–4 об.

Примечания:

1. Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.
2. В очерке «Володя Белоусов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Видно было, что человек «нашёл себя», нашёл то, чему себя посвятил». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 13 об.).
3. Там же автор уточняет: «В школе в эти годы работать было тяжело из-за плохой дисциплины школьников. У него был характер мягкий, и на этой почве у него были неприятности: его обвинили в том, что он слабо поддерживает на своих уроках дисциплину в классе и это отражается на уроках других преподавателей». (Там же. Л. 15).

Борис Евгеньевич Юшков (1)

Б. Е. Юшков был сын Камышловского священника (2). Он окончил Пермскую духовную семинарию в девятисотых годах. По окончании Юрьевского университета, Борис Евгеньевич поступил преподавателем физики в Камышловскую мужскую гимназию, только что открытую. Уже здесь Борис Евгеньевич зарекомендовал себя хорошим организатором: им создан был при гимназии прекрасный кабинет физики, который передан был потом в школу II ступени. По словам Владимира Александровича Наумова, бывшего тогда директором этой школы, кабинет этот славился как лучшие из тех, имевшихся тогда кабинетов в школах Уральской области.

После нескольких лет работы в Камышловских школах II ступени, Борис Евгеньевич был приглашён вместе со своей женой, тоже педагогом, на работу в одну из так называемых опытно-показательных школ Свердловска, одной из которых заведовала бывшая заведующая соцвосом губоно (3) Е. В. Мартыанова, впоследствии переведённая на работу в Москву. Летом 1924 г., когда в Свердловске были организованы при губоно курсы по переподготовке учителей различных учреждений соцвоса, технических, педагогических для всей обширной тогда Уральской области, Борису Евгеньевичу поручено было общее руководство этими курсами, включая учебную и хозяйственную часть. Борис Евгеньевич был в этом случае полномочным представителем губоно и прекрасно справился с порученным ему делом, несмотря на исключительную его способность. Вот почему, когда потребовался подобного рода организатор для рабфака (4), только что созданного, выбор пал на Бориса Евгеньевича. Можно сказать, что Борис Евгеньевич нёс на своих плечах всю тяжесть организации и руководства учебной частью рабфака. По выражению одного из преподавателей рабфака В. П. Кузякина, «никто столько не вложил своих сил в деятельности на рабфаке, как он». В 1929/1930 году, когда был организован филиал рабфака на В[ерх-]И[сетском] з[авод]е, деятельность Бориса Евгеньевича ещё более осложнилась. В то же время ему пришлось пережить тяжёлое семейное горе: смерть сына. Борис Евгеньевич в глубоком горе приходил на рабфак В[ерх-]И[сетском] з[авод]а, где работал и автор сего, повинувшись сознанию долга по работе. На рабфаке нашлись недоброжелатели Бориса Евгеньевича, которые стали распускать про него разные слухи и вооружать против него и студентов. Говорили, что он будто бы на занятиях, когда речь шла о физических приборах, подчёркивал, что заграничные изделия лучше, чем отечественные, и т.п. В результате этого Борис Евгеньевич был лишён права на персональную пенсию, которая полагалась ему, как имеющему десятилетний стаж работы на рабфаке.

Последний период деятельности Борис Евгеньевич проходил в школе-десятилетке Военно-воздушных сил Союза ССР в качестве преподавателя физики. Он скончался на рабочем посту и с почестью похоронен на Ивановском кладбище Свердловска. Жития его было 67 лет.

Борис Евгеньевич был человеком высокой культуры, исключительно такта и обаяния, врождённой деликатности, огромной трудоспособности

и дисциплины. Таким остался в памяти тех, кто с ним вместе работал или встречался с ним в обычной жизни. Да будет ему земля легкой!

13/Х — [19]60. 16 ч[асов] 20 м[инут,] в[р]емя св[ердловское].

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 12–13 об.

Примечание:

1. Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.
2. Юшков Борис Евгеньевич (1881–1948) — сын священника г. Камышлова. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1895 г., Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1901 г. и Юрьевский университет.
3. Соцвос губоно — отдел социального воспитания губернского отдела народного образования.
4. Рабфак — рабочий факультет, учреждения, входившие в систему народного образования, которые готовили рабочих и крестьян для поступления в высшие учебные заведения (1919 — середина 1930-х гг.).

Леонид Васильевич Лепешинский (1)

После смерти Л. В. Лепешинского среди рабочих Верх-Исетского завода распространены были различные рассказы легендарного и полуполулегендарного характера, связанные с этим событием. Так, передавали, что когда похоронная процессия с телом Леонида Васильевича шествовала на Ивановское кладбище, то за гробом следовала запряжённая в бричку лошадка, которая ежедневно привозила его на работу и обратно, и добавляли, что у лошадки были на глазах слёзы. Можно принять за факт, что лошадка где-то замыкала похоронное шествие, но её слезы нужно, конечно, признать вымыслом. Передавали также, что Леонид Васильевич за минуту до своей смерти разговаривал по телефону с начальником спецотдела В[ерх-]И[сетского] з[авод]а Иваном Филипповичем Почечуевым и будто бы вдруг

прервал свой разговор словами: «Я умираю», положил трубку телефона, а когда к нему подошла его дочь, то он был уже мёртвым. Было ли это на самом деле так или выдуманно — неизвестно, но распространение об этом слуха явно походит на легенду. О чём свидетельствуют подобные слухи? Как они возникали и какое имеют назначение? Многочисленные наблюдения за подобными явлениями показывают, что они возникают в результате стремления отметить чем-либо особенным человека, вызвавшего внимание и уважение к себе, приукрасить память о нём. Это объяснение в полной мере подходит и к данному случаю, т.е. образованию этих слухов по связи с именем Л. В. Лепешинского. На примере Леонида Васильевича мы имеем исключительный случай высокого уважения и авторитета, которым он пользовался у рабочих Верх-Исетского завода. Это были не просто отношения районного врача, хотя и очень уважаемого, к своим подопечным и не только служебные отношения, а отношения дружбы и доверия к своему врачу. Леонид Васильевич был для рабочих признанным и, так сказать, наречённым их заводским врачом. «Пойду к Леониду Васильевичу», «Леонид Васильевич сказал», «Сходи к Леониду Васильевичу» — вот выражения, которые можно было часто слышать среди рабочих В[ерх-]И[сетского] з[авод]а. К нему рабочие шли не на консультацию, а за «советом!» «Мне Леонид Васильевич советовал то-то и то-то...» — с такими словами возвращались от него больные. Чем же заслужил Леонид Васильевич такой авторитет и уважение? Прежде всего, своим высоким мастерством хирурга. Во врачебном мире Леонид Васильевич выдвинулся тем, что разработал методику оперирования зоба. Но это был только частный случай его хирургической практики. Он также с успехом делал операции желудка и опухолей. Он был превосходный диагност. Он, конечно, принадлежал к старому поколению диагностов, когда рентген и другие средства диагностики ещё отсутствовали или только начинали ещё входить в практику. Диагностика основывалась на опыте и интуиции врача. Но эти два последние качества были в совершенстве воплощены у Леонида Васильевича. Его колоссальный опыт был всем известен, а его испытанная в операциях рука вселяла доверие и внушала уверенность в благополучном исходе операции. Вот почему во многих случаях нерешительности прибегнуть к операции к нему приходили люди за советом и, подчиняясь последнему (совету), решались на операцию, но при условии, чтобы операцию делал он. Со временем рука

Леонида Васильевича ослабела, тем более что он потерял один палец: пришлось удалить ввиду возможного заражения крови, и он работал как консультант и диагност. Второе качество Леонида Васильевича наряду с его искусством хирурга — была его исключительная преданность своему делу, «служение народу». Ночь-полночь, а в клинике раздаётся его звонок: «Как чувствует себя такой-то?» Команда: «Дайте то-то, сделайте то». Леонид Васильевич был воспитан на идеях великих революционеров-демократов, на идеях «служения народу». Эти идеи он усвоил ещё учась в Пермской духовной семинарии, где они были распространены в [18]80-е гг. Будучи материалистом по своему мировоззрению, он остался идеалистом по житейским делам: он не брал гонорар за частные приёмы. Это повело к тому, что многие избегали обращаться к нему на дому, но зато безотказно пользовались его советами в его рабочие часы. Леонид Васильевич был исключительно прост в обращении с больными.

Все эти качества Леонида Васильевича и обеспечили ему широкую признательность, уважение и любовь всех жителей Свердловска. Верх-Исетский завод в благодарность за лечение рабочих на своём конном дворе специально только для развозов Леонида Васильевича содержал коня и кучера, которые были в полном [его] распоряжении и по первому вызову звонком экипажа являлись к квартире Леонида Васильевича. В городе все знали вороного рысака, на котором Леонид Васильевич определённое время дня ехал на работу, зимой закутанный шарфом. В этот момент он чем-то напоминал знаменитого когда-то доктора Гааза при выездах его к своим пациентам, как это красочно было описано у известного юриста и публициста Кони. Да и самый облик идеалиста-врача чем-то тоже напоминает доктора.

В память о Леониде Васильевиче Лепешинском хирургическое отделение в ВИЗовской поликлинике (2) носит его имя: «Отделение им. Л. В. Лепешинского».

Леонид Васильевич свято хранил память о семинарии, где он учился. О т[оварище] Сталине, который, как известно, тоже учился в семинарии, Леонид Васильевич однажды так выразился: «Иосиф Виссарионович своим авторитетом поддержал нас, семинаристов» (3).

У Леонида Васильевича были недруги на работе среди медицинских научных светил. Его обвиняли иногда за то, что будто бы он, по их выражению, суетётся не в свою область, устарел и т.д. Но за всеми этими «обвинениями»

легко можно рассмотреть зависть к его популярности. Особенно в этом преуспевал покойный теперь профессор медицинского института [Л. М.] Ратнер (4), считавший, что только он мог быть компетентным в области онкологии, а Леонид Васильевич в этом отношении считал вроде как узурпатором его авторитета.

Городские организации, учитывая особые заслуги Леонида Васильевича, предлагали ему лучшие жилищные условия в знак отличия от других деятелей медицины, но он всегда отклонял всякие поощрения, которые могли бы выделить его из ряда других деятелей медицины.

У Леонида Васильевича однажды было столкновение с екатеринбургским архиереем Серафимом (5) из-за Григория Распутина, а именно: Леонид Васильевич, несмотря на предложение архиерея приватно, чуть ли не с почётом для Григория и унижением для себя явиться к «болящему», отказался от этого.

Леонид Васильевич прошёл славный путь честного труженика науки и врача.

Прилагаемый к сему «некролог» даёт полную картину его *curriculum vitae*. К нему нужно лишь добавить следующие данные из автобиографии и листка ученика Леонида Васильевича:

- а) он был сын священника,
- б) в 1892–1893 гг. в течение пяти месяцев он сидел в Пермской тюрьме по политическим делам.

Наконец, на основании «предания» (устной передачи) можно утверждать, что он окончил курс Пермской духовной семинарии, где отец его был ректором.

Леонида Васильевича хоронил весь Свердловск. На Ивановском кладбище, неподалёку от церкви, находится скромная могила, в которой покоится его прах.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 14–18.

Примечание:

1. Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.

2. Поликлиника Верх-Исетского завода.
3. Из письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 3 ноября 1960 г.: «Слова Лепешинского о Сталине мне передал б[ывший] зав[едующий] кафедрой лат[инского] яз[ыка] в медицинском ин[ститу]те Иван Нилович Мезенцев; сам я не слышал. Следовательно, это я передал со слов человека, который это слышал и которому я доверяю». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 23–23 об.).
4. Ратнер Лев Моисеевич (1886–1953) — хирург и онколог, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой факультетской хирургии Уральского государственного университета в 1934–1951 гг.
5. Серафим (Голубятников) (1856–1921) — епископ Екатеринбургский в 1914–1917 гг.

Владимир Павлович Луканин (1)

В. П. Луканин родился 28/XII 1890 г. в с[еле] Бобровском, Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Отец его в различное время занимал разные должности, одной из которых была должность псаломщика, умер в 1912 г. от туберкулёза. Его дети — брат и сестра — учились благодаря помощи знаменитого уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, который приходился двоюродным братом отцу Владимира Павловича. По окончании Екатеринбургского духовного училища, Владимир Павлович учился в Пермской духовной семинарии, но из неё был в 1905 г. исключён за участие в забастовке и принадлежность к работе в партии социал-демократов большевиков. В 1910 г. Владимир Павлович сдал экзамен на аттестат зрелости и поступил в Томский университет на медицинский факультет, [который окончил] в 1914 году. С 1915 г. по 1922 г. Владимир Павлович состоял на военной службе врачом-терапевтом в лазаретах и военных госпиталях. Последней военной должностью его была должность старшего врача и преподавателя Феодосийских советских пехотных командных курсов. После демобилизации Владимир Павлович непродолжительное время в связи с болезнью [работал] участковым врачом в Арамили близ Свердловска, а затем переехал в Свердловск, где и развернулась, главным образом, его научная деятельность. Владимир Павлович был одним из организаторов

в Свердловске института профессиональных заболеваний. Владимир Павлович работал также при ВИЗовской поликлинике (2) как специалист по внутренним болезням и приобрёл авторитет в этой области. В 1936 г. Высшей квалификационной комиссией ему за ряд научных работ присуждена была степень кандидата медицинских наук, а в 1939 г. он защитил диссертацию на тему: «Хромиты как профессиональный фактор и их влияние на организм», за которую ему присуждена была степень доктора медицины. В 1949 году он был назначен профессором и заведующим кафедрой по «внутренним болезням» при Свердловском государственном медицинском институте. Умер Владимир Павлович 2/II 1953 года.

Владимир Павлович, как [и] Леонид Васильевич Лепешинский, современник его по работе и тоже пермский семинарист, пользовался особенной популярностью у рабочих В[ерх-]И[сетского] з[авод]а, многие из которых были его пациентами. По выражению одного из них, он (этот рабочий) «жил только благодаря Луканину». Владимир Павлович пользовался заслуженным почётом и уважением студентов. Он умер в возрасте 63 лет, и можно сказать, «сгорел на работе».

Обстоятельства последнего периода его жизни сложились так, что ему пришлось работать с утра до ночи, а дома ещё ухаживать за больной женой, не доверявшей никому ухаживать за ней, кроме Владимира Павловича. Сердце не вынесло такой нагрузки... и он скоропостижно скончался. Медицинский институт с почестью похоронил его на Михайловском кладбище. *Sic transit gloria mundi.*

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 19–20 об.

Примечание:

1. Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.
2. Поликлиника Верх-Исетского завода.

Николай Алексеевич Игнатъев (1)

Многие выходцы из Пермской духовной семинарии вступили в ряды деятелей культуры в широком смысле этого слова уже только при советской власти. К таковым относился Н. А. Игнатъев. Н. А. кончил Казанскую духовную академию уже в последний год её существования — в 1917 г.

Вся его деятельность проходила в органах народного образования: сначала в Шадринске — в качестве инструктора роно, а большую часть — в Перми, в должности инспектора гороно, а в конце — в качестве преподавателя.

Биография Н. А. была несложной. Сын сельского дьячка, он прошёл всю систему дух[овных] учебных заведений, начиная с Камышловского дух[овного] училища и кончая Казанской дух[овной] академией, в которую он поступил после обучения в Пермской дух[овной] семинарии. Он был скромным и трудолюбивым как в учении, так и в труде. В селе [Русская Теча] знавшим его и по учебным заведениям, где он учился, и по работе, известна была его мягкость характера, деликатность и такт в обращении. В молодые годы, в соответствии с семейной традицией, он увлекался пением, был участником концертов и спектаклей, одним словом [—] внёс свою лепту в деревенскую культуру своего родного села — Течи, Шадринского у[езда] Пермской г[убернии]. Как и его братья, был патриотом своей *alma mater* — Пермской дух[овной] семинарии. Умер в Ленинграде, не дожив немного 65 лет (2).

13/X — [19]60. 17 ч[асов] 53 м[инуты], вр[емя] св[ердловское].

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 11–11 об.

Примечание:

1. Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.
2. Из «Семейной хроники Игнатъевых» («Брат и сестра»): «Судьба брата [Николая Алексеевича] сложилась так: в 1913 г. он кончил Пермскую дух[овную] семинарию, а в 1917 г. Казанскую дух[овную] академию. Был взят в армию. В Ново-Николаевске случайно вырвался из бараков тифозных больных. С окончанием Гражданской

войны работал в Шадринском отделе народного образования до 1925 г. Здесь женился на Исаковой Зинаиде Ивановне. С 1925 г. они с женой работали в Перми: он одно время зав[едующим] школой, потом инспектором, а в конце учителем. Жена его работала учительницей. По выходе на пенсию они переехали в Ленинград в 1954 г. Здесь в марте 1956 года умер Николай Алексеевич Игнатъев... Он не дожил немного до 65 лет. Умер он... скоропостижно: уснул и не проснулся. Похоронен в Ленинграде. *Sic transit Gloria mundi*. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 51–54 об.).

Александр Владимирович Затопляев (1)

*Страничка из воспоминаний
о встречах и совместной работе*

А. В. Затопляев родился в 1893 г. в семье священника г[орода] Алапаевска. Как и все дети духовенства того времени, он по окончании начальной школы поступил в возрасте 10 лет учиться в духовное училище, и именно ближайшее к Алапаевску — Екатеринбургское училище. Вспоминая о времени обучения в этом училище, Александр Владимирович отмечал, что одним из учителей его здесь был Павел Петрович Бажов, преподаватель по церковно-славянскому языку. Преподавание велось по книге «Псалтырь», причём Павел Петрович был очень требовательным педагогом.

Екатеринбургское духовное училище среди других училищ этого типа славилось тем, что в нём когда-то учились Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. С. Попов и учился и работал в нём П. П. Бажов.

После окончания духовного училища Александр Владимирович поступил учиться в Пермскую [духовную] семинарию в 1907 г. После бурных лет первой революции в России, захвативших и семинарию (имеется в виду забастовка 1905 г.), наступила реакция, неизбежно затронувшая и семинарию: были усилены мероприятия по религиозному воспитанию. Александр Владимирович ездил со Н. И. Знамировским и др[угими] учениками в Палестину. Он рассказывал о Николае Ивановиче, как в момент вступления на Священную землю Николай Иванович пал на землю и долго её целовал. Спустя много лет, автор этой заметки и Александр Владимирович при встрече

вспоминали семинарию, ректора и инспектора, учителей, кое-кого поминали добром, кое-кого с оговоркой, но единодушно и сердечно вспомнили о семинарском швейцаре Яше: он первым встречал нас у парадной двери при входе в семинарию, когда мы вступали в неё первый раз в жизни и, вероятно, последним провожал нас при оставлении нами семинарии навсегда.

В 1913 г. Александр Владимирович поступил в Казанскую духовную академию и закончил её в мае 1917 г. Время было военное, нервное. Александр Владимирович вспоминал, что ему в академии приходилось по поручению товарищей по курсу быть посредником между администрацией и студентами по вопросам бытового характера, причём начальство смотрело на это косо и грозило ему выводами по административной линии. Особенно в этом отношении усердствовал инспектор академии — архимандрит Гурий.

Кандидатскую работу при окончании академии Александр Владимирович писал на тему «Патриарх Гермоген как писатель» (по рукописи Анзерского скита, хранившейся в библиотеке академии) (2).

По окончании академии (3) Александр Владимирович некоторое время работал преподавателем латинского языка в Пермской духовной семинарии. Здесь он встретился с некоторыми своими бывшими семинарскими учителями, причём, как он говорил, ему пришлось сделать переоценку некоторых из них, например, В. А. Кандаурова, который в стеснённых условиях жизни показал себя неблагоприятным по отношению к товарищам по работе.

В 1923 г. в июле я встретился с Александром Владимировичем в Свердловском губернском отделе народного образования (губоно), где он работал инструктором-методистом, а я поступил работать инспектором губоно. В этот трудный период, образно выражаясь, «смутный» период состояния просвещения Александру Владимировичу пришлось проделать колоссальную работу по организации обучения в школах соцвосо (4). К этому времени — 1923–1924 гг. — относится издание губоно сборника руководящих материалов по народному образованию, значительная доля которого была выполнена Александром Владимировичем. В 1924 г. организованы были губоно областные курсы по переподготовке преподавателей, значительная доля подготовки к которым пала также на плечи Александра Владимировича.

В тридцатых годах я встречался с Александром Владимировичем на собраниях секции учителей городских комвузов. Александр Владимирович был сторонником диалектического единства теории и практики в педагогическом деле. Работая в школе после ухода с организационной работы, он неизменно совершенствовал своё мастерство и в сороковых годах. Когда я встретился с ним по работе в Свердловском государственном педагогическом институте, он уже вёл ответственную работу на кафедре профессора Александра Петровича Георгиевского по преподаванию русского языка. В должности старшего преподавателя Александр Владимирович вёл в институте теоретические занятия и практикумы по русскому языку с сентября 1939 г. до 1950 года. В июне 1950 г. Александр Владимирович в научно-исследовательском институте Академии педагогических наук РСФСР защитил кандидатскую работу по методике русского языка на тему: «Изучение обособленных определений и приложений в средней школе». С 1950 г. Александр Владимирович [—] кандидат педагогических наук и доцент. Александр Владимирович продолжает работать в институте зав[едующим] кафедрой русского языка.

Александр Владимирович — человек с широким научным горизонтом, высококультурный, обаятельный в обращении с другими. Он пользуется заслуженным авторитетом и уважением студентов института (5).

10/X — [19]60. 7 ч[асов,] вр[емя] св[ердловское].

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 5–9 об.

Примечания:

1. Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.
2. Анзерский скит Соловецкого монастыря, библиотека которого хранилась в Казанской духовной академии.
3. Затопьяев Александр Владимирович — в 1917–1918 гг. псаломщик Вознесенской церкви города Перми.
4. Школы соцвосо — школы социального воспитания, входившие в систему Главсоцвосо (государственного органа, основной функцией которого являлось управление детскими и образовательными учреждениями). Один из многочисленных типов школ в 1920-е гг.

5. Из письма В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 16 ноября 1960 г.: «Когда мы встречаемся с ним и разговариваем о семинарии, он больше останавливается на тевных сторонах. С ним о семинарии лучше не говорить в домашних условиях: **его жена партийная**. Если это учесть, то можно понять его настроение. Но мы беседовали с ним всегда дружелюбно в духе «братвы». ...Вообще же жизнь так помяла нас, что один другого иногда плохо узнают». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 30–30 об.).

Иван Николаевич Ставровский (1)

И. Н. Ставровский — сын священника с[ела] Троицкое Камышловского у[езда] Пермской губернии. Он сообщил о себе следующие данные.

1. Родился в 1876 г. и окончил Пермскую духовную семинарию в 1896 г.
2. С 1897 г. по 1903 г. работал надзирателем Камышловского духовного училища.
3. С 1903 г. по 1908 г. учился в Харьковском ветеринарном институте.
4. В 1909–1910 г. работал в Кулундинской степи (в Сибири).
5. С 1911 г. по 1914 г. учился в Московском сельскохозяйственном институте.
6. С 1914 г. по 1917 г. был на фронте вет[еринарным] врачом.
7. С 1919 г. по 1921 г. работал вет[еринарным] врачом в армии. В августе 1921 г. демобилизовался и работал участковым вет[еринарным] врачом в Свердловской области.
8. В 1923–1924 гг. был по совместительству участковым агрономом в г[ороде] Далматове.
9. С 1946 по 1951 г. был преподавателем школы ветфельдшеров.
10. С 1942 г. пенсионер.
11. С 1951 г. по 1956 г. работал преподавателем латинского языка в Камышловском медицинском училище.
12. В настоящее время И. Н. — мичуринец (2).

Из биографии И. Н. видно, как всё-таки живуче семинарское племя.

Я виделся с И. Н. летом 1959 г. И. Н. рассказывал, между прочим, о своем учении в духовном училище. Он начал учиться в Далматове, где

дух[овное] училище было при монастыре, а закончил в Камышлове. Он вспоминал, что когда перешло дух[овное] училище в Камышлов, то «духовникам» показалось, что они «попали в рай» (3).

Когда я учился в Камышловском духовном училище, то И. Н., как указано выше, был у нас надзирателем на бурсе. Хотя должность надзирателя у нас была и не в почёте, но И. Н. оставил по себе у нас хорошее впечатление. Особенно нам нравилось, что он принимал участие в наших играх в снежки. И. Н. пел, что тоже производило на нас хорошее впечатление. Однажды затеяли поставить оперу «Иван Сусанин». (Чего только не выдумывали горячие головы!) И. Н. пел «Чуют правду», два мальчика пели: один — «Не о том скорблю, подруженьки», а другой — «Ты не плачь, сиротинушка». И. Н. иногда принимал участие и в хоре, даже дирижировал им. Доказательством того, что «духовники» с уважением относились к И. Н., является то, что ему даже не было дано прозвища. У И. Н. был один сын, которого он потерял во время последней войны (4).

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 21–22 об.

Примечания:

1. Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.
2. Мичуринцы — последователи биолога и селекционера, создателя многих сортов плодово-ягодных культур Мичурина Ивана Владимировича (1855–1935).
3. Камышловское духовное училище было переведено из города Далматова и открыто 1 (13) сентября 1888 г.
4. Из очерков по истории Камышловского духовного училища: «И. Н. поступил надзирателем в наше училище по окончании Пермской дух[овной] семинарии. Надзирателем он работал 3 или 4 года. Затем он кончил Харьковский университет по зоологическому факультету. Некоторое время после Октябрьской революции работал в Свердловске по зооветеринарному надзору, затем переехал в Камышлов, где работал в ветеринарно-фельдшерской школе. Теперь — на пенсии. Ему 87 лет. И. Н. оставил по себе добрую память у своих учеников...». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 71 об.–72).

Целлестин Андреевич Киселёв (1)

Сын священника с[ела] Катайского Шадринского у[езда] Пермской губернии, родился в 1893 г. Последовательно учился:

- а) в Камышловском дух[овном] уч[или]ще с 1903 по 1907 г.;
- б) в Пермской дух[овной] семинарии с 1907 по 1913 г.;
- в) в Петербургской дух[овной] академии с 1913 по 1917 г.;
- г) одновременно с обучением в ПДА учился (и закончил) Петерб[ургский] археологический институт с 1915 по 1917 г.;
- д) заочно учился (и закончил) МГУ с 1926 по 1931 г.

Работал:

1. В Московском пед[агогическом] техникуме [в] 1918–1931 гг. преподавателем педагогики.
2. Методистом при Моск[овском] гороно [в] 1931–1941 гг.
3. Преподавателем средней школы в заводе Ертарском Сверд[ловской] обл[асти] [в] 1941–1944 гг.
4. В Свердловском пед[агогическом] ин[ститу]те [в] 1944–1957 гг.

Пенсионер.

Записал со слов В. Игнатъев (сам Ц. А. Киселёв писать не может — парализован) (2).

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 710. Л. 4.

Примечания:

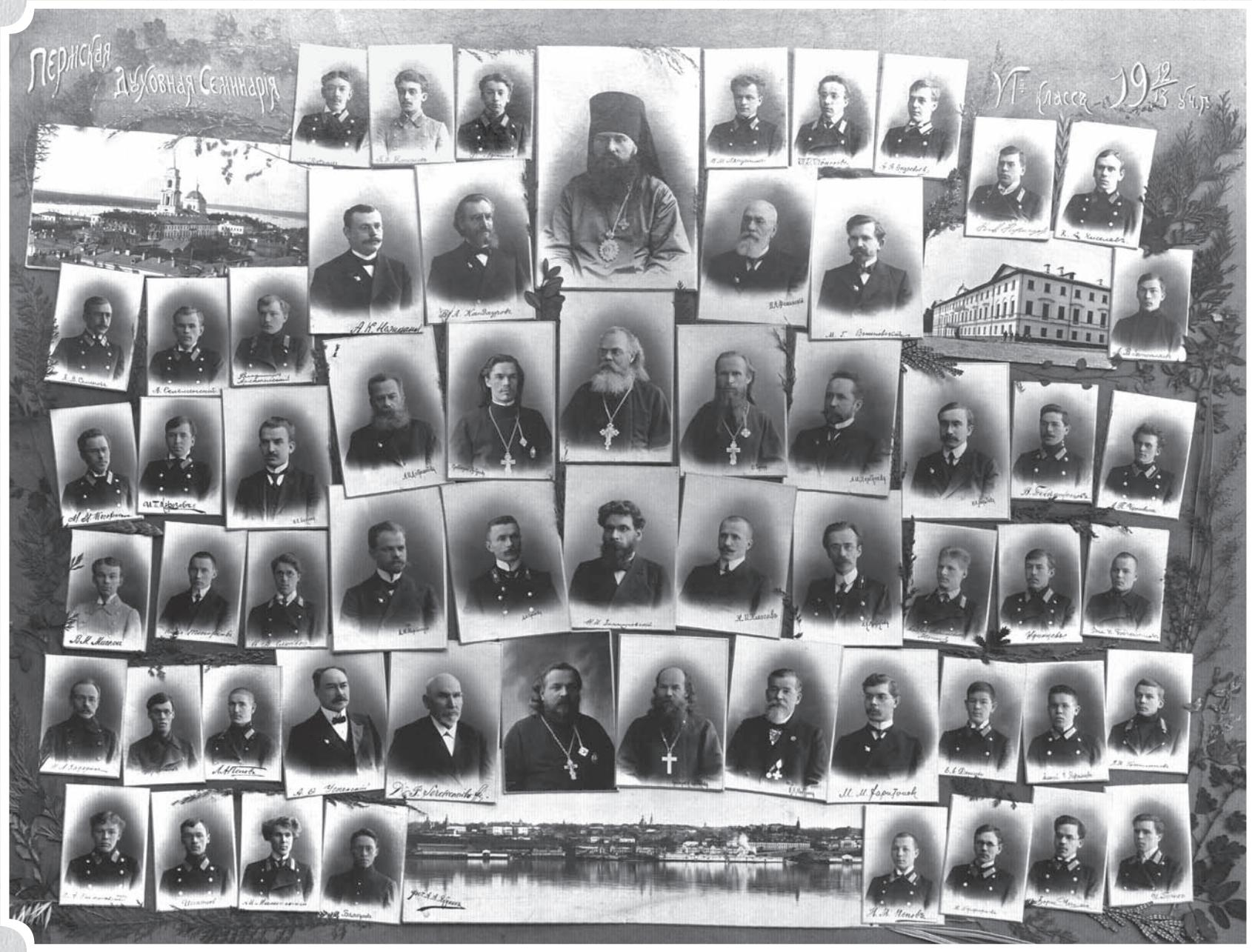
1. Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.
2. Скончался в 1971 г.

Выпускники Камышловского духовного училища (Порядок слева направо. I ряд: Серебrenников А., Дубровин Н., Ставровский И., Щеглов М., Меркурьев А., Болярский К. II ряд: Капустин Б., Борчанинов А., Павлинов А., Борчанинов П., Старцев В., Болярский В., Черёмухин М., Анисимов А., Воеводкин В., Черёмухин И., Филиппов В., Игнатъев В., Собянин К., Попов А., Рычков М. III ряд: Сахаров И. К., Наумов А. А., Симановский М. Д., Прищёлков В. З., Флоров М. Н., Устинов И. И., Хавский П. В., Садовский В. А., отец Димитрий Победносцев. IV ряд: Кузнецов В., Козельский Г., Богомолов Н., Штейнников А., Удинцев А., Золотухин Н., Филиппов С., Баженов А.). 1902 г. ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 76.

Преподаватели и учащиеся IV класса Пермской духовной семинарии, 1912–1913 учебный год.
[1912–1913 гг.], Пермский краеведческий музей. № 15045-3.

Преподаватели и учащиеся VI класса Пермской духовной семинарии, 1912–1913 учебный год.
[1912–1913 гг.]. ГАПК. Ф. ф-60п. Оп. 60п. Д. 357.

Группа пермских семинаристов на маёвке. 1912 г. ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 903.

Диплом В. А. Игнатъева, кандидата богословія Казанской духовной академіи. 1913 г. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 420. Л. 2.

В. А. Игнатъев, студент Казанской духовной академии. [1909–1913 гг.] ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 424. Л. 1.

В. А. Игнатъев, студент Казанской духовной академии. [1909–1913 гг.] ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 424. Л. 2.

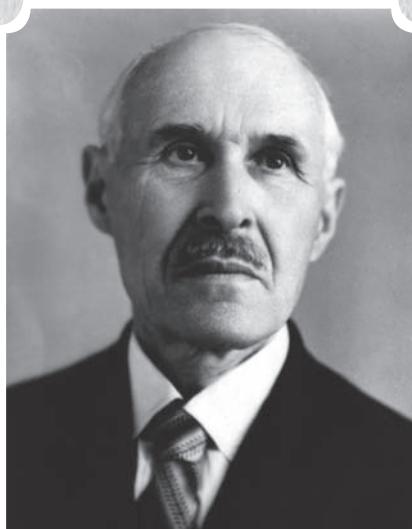
В. А. Игнатъев на улице Окулова, у здания бывшей Пермской духовной семинарии. г. Пермь, 1960 г. ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 868. Л. 1.

В. А. Игнатъев (четвёртый во втором ряду) с учащимися фабрично-заводского училища Верх-Исетского завода. [1923–1927 гг.] ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 422. Л. 5.

М. М. Щеглов. [1960-е – 1972 гг.]
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 423. Л. 14.

С. А. Игнатъев. [1960-е гг.]
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 948.

Дом Богословских. На заднем плане – колокольня Феодосиевской церкви.
г. Пермь. 1960 г. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 40.

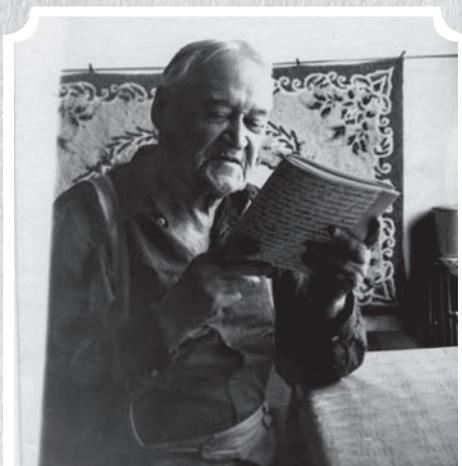
В. П. Луканин. [1940-е – 1953 гг.]
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 982.

Н. И. Хмельнов. 16 июня 1953 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1022.

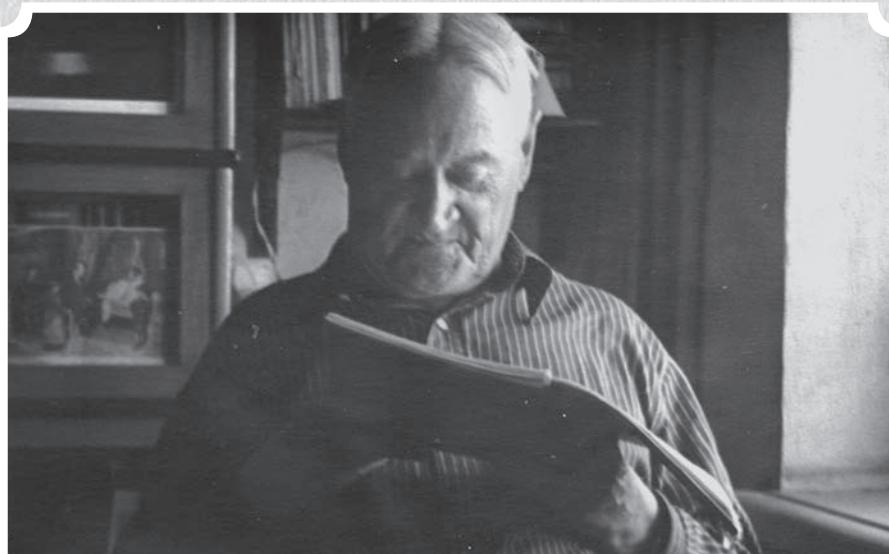
Вид улицы Борчанинова. Справа – здание Феодосиевской церкви.
г. Пермь. 1960 г. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 34.

В. А. Игнатъев читает мемуары «Наши предки».
Сентябрь 1963 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 946.

Супруги Игнатъевы: Василий Алексеевич и Анна Фридриховна. [1960-е гг.]
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 867.

В. А. Игнатъев читает мемуары о Пермской духовной семинарии.
[1960-е гг.]. ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 947. Л. 1.

В. А. Игнатъев и М. В. Попов. [1960–1961 гг.]
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 868. Л. 3.

Alma mater.

№ MI

Наша семинария находилась в северной части города и была расположена на высоком крутом берегу Камы, в середине которого просвятили и теперь продолжают существовать мшистые, обветренные здания Первой и Второй. Со всеми своими постройками во главе ^{были} корпусов была дана одна из главных кварталов строения, фасадом своим обращенной к городу, а тыловой стороной к Каме; на востоке строение граничит с площадью перед кафедральным собором и архиерейской церковью, а на западе - стенами частного дома Лавровых - располагалась в юго-восточной части четырехугольника и имела форму буквы П, с выступами на востоке и западе внутрь двора. Это было старинное трехэтажное здание.

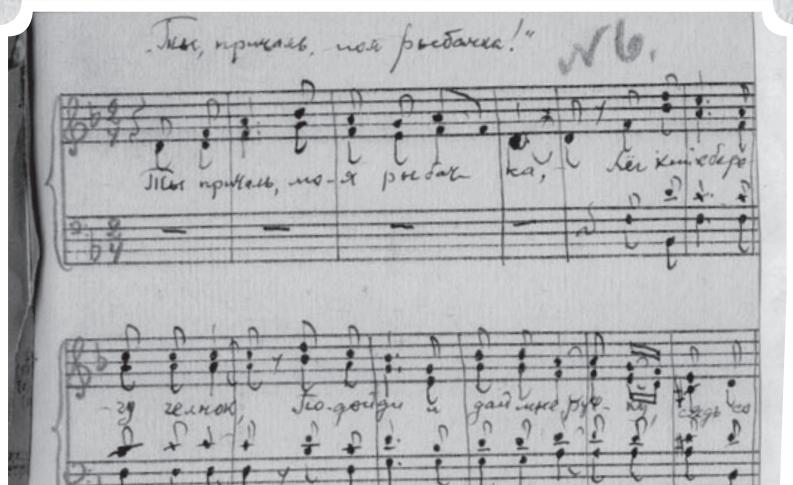
Отрывок из воспоминаний В. А. Игнатъева. 1960 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 7.

ной ~~двухэтажной~~ главой семинарии и, как и во всем, раскочерил там ^и ~~завоевал~~ в кафедре.

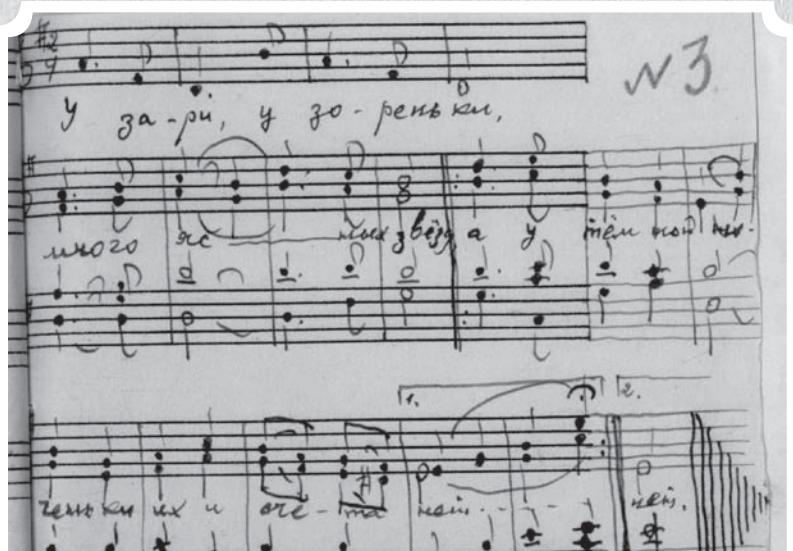
Пение.

Среди всех учебных предметов семинарии, не было никакого предмета, который бы был в такой неопределенной полноте, как пение. С одной стороны, это был учебный предмет, таким он значился и в расписании, и при преподавателе этого предмета, но никто не знал, как нова практика это пение, и видел, как пели, эта практика. Эта новизна будет тем, если одновременно этот предмет - пение с предметом пения в духовном училище. Если кого-либо спросить, чему его учили и в той или иной степени учились на уроках пения в духовном училище, то он скажет: меня учили петь по песням, петь по ^{псалмам} ~~псалмам~~ ^{псалмам} ~~псалмам~~, петь

Отрывок из воспоминаний В. А. Игнатъева. 1960 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 362.

Фрагмент нотной тетради В. А. Игнатьева. [1960-е гг.]
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 71н.

Фрагмент нотной тетради В. А. Игнатьева. [1960-е гг.]
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 71г.

Сергей Александрович Игнатьев (1)

С. А. [—] уже сын старшего брата Игнатьевых. Он тоже учился в Пермской духовной семинарии, но не до конца её, а вышел из неё по окончании четырёх классов. Учился на медицинском факультете Казанского университета 1,5 года, а потом был мобилизован, оторвался от учения. В армии получил звание лекарского помощника, но [в] 1923 г. перешёл на педагогическую работу сначала в школе ФЗУ (2) Свердловской Ленинской фабрики, где преподавал физику. Всё время повышал заочно свою педагогическую квалификацию. В 1930 г. переехал на работу в Алтайский край — в г[ород] Бийск, где работал в учительском институте и в школе при нём. В настоящее время на пенсии. От семейных черт Игнатьевых унаследовал большую трудоспособность и любовь к музыке и пению, хотя в последних не проявил особенного таланта. Он был последний из Игнатьевых, бывших пермских семинаристов, которые пошли по линии педагогической деятельности. Как его дядя, он добрым словом поминает Пермскую духовную семинарию.

13/X — [19]60. 17 ч[асов] 15 м[инут], вр[емя] св[ердловское].

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 10–10 об.

Примечание:

1. Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.
2. Школа ФЗУ — школа фабрично-заводского ученичества, являлась основным типом профессионально-технической школы в Советской России в 1918–1940 гг. Действовали на крупных предприятиях для подготовки квалифицированных рабочих.

Владимир Петрович Козельский (1)

Сразу нужно покаяться в том, что мы, т.е. я и моя жена, А[нна] Ф[ридриховна], дали прозвище одному юноше. Теперь он уже старик, а это

прозвище — «Каменный горох» — въелось в наш язык, как какой-то сорняк, и до сих пор срывается с него (языка), когда приходится вспоминать об этом нашем знакомце. Никогда ни мне, ни тем более моей жене, не приходило в голову заниматься таким словотворчеством, часто обидным для другого, а вот, поди-ты — случилось, и всё. Появление на свет прозвищ, очевидно, обуславливается неким психологическим императивом, когда воображение бывает так захвачено чем-либо, что диктует языку, иногда даже вопреки контролю сознания. «Сорвалось с языка» — так говорят в этом смысле. Хорошо, если только раз сорвётся с языка; а если будет повторяться, вот тебе готово и прозвище. Так именно и получилось с нами, со мной и А. Ф.

Мы познакомились с этим человеком, тогда юношей, в 1915 г.: как преподаватель его, а А. Ф. при посещении им нашей квартиры. Он заканчивал тогда курс учения в Пермской дух[овной] семинарии. Ещё Владимир Мономах в своём «Поучении» отмечал бесчисленное разнообразие человеческих лиц, но ещё больше это разнообразие относится к душевному складу людей, к их характерам. Правда, единообразие быта и особенно учения в какой-то степени нивелируют это разнообразие, подгоняют под один тип, но это только внешне, в периферийной части, а в глубине души сохраняется в полной мере это разнообразие.

Иногда же бывает так, что среди массы людей появляется человек, у которого черты разнообразия, отличия от других превалируют, и он выделяется как оригинал, которого иногда считают чудачком. В таком положении оказался среди семинаристов тот юноша, о котором идёт речь. Он и внешне несколько выделялся среди других какой-то внутренней сосредоточенностью, что бывает у людей, о которых говорят: «он не от мира сего». Он был простоватый, незлобивый, но главной особенностью его было: он играл на сделанном им самим цимбале и пел «канты» — духовные стихи. Это было вообще анахронизмом, потому что переносило слушателей его в седую старину, когда эти песни исполнялись «каликами-перехожими» и играли бандуристы. Не меньшим анахронизмом было и в семинарии, когда в ней были певцы, настоящие артисты. Они распевали романсы под акко[мпа]немент рояля, а тут появился такой музыкант и певец. За него ухватились ревнители благочестия, а особенно инспектор семинарии Николай Иванович Знамировский.

Владимир Козельский оказался на положении, похожем на положение Алёши Карамазова, «спасённой души». В общей массе семинаристов он был каким-то диссонансом и часто служил предметом насмешек со стороны своих товарищей по учению.

Ещё и до этого по рукам семинаристов — любителей пения, ходили канты, как говорили, гармонизированные пермским епископом Петром для исполнения *trio* и изданные литографическим способом. В своё время Т. П. Андриевский, живший в семинарии, иногда приглашал к себе певцов-семинаристов и «наслаждался» их пением, но без аккомпанемента, а теперь они у Козельского получили законченное музыкальное оформление. Любимым кантом его было повествование о скорбящей Богородице, о том, что слёзы её превращались в каменный горох, и рефреном служили слова: «только каменный горох». Отсюда и произошло прозвище «каменный горох». Козельский пел этот кант с умилением, вкладывая в исполнение всю свою душу, всего себя — этим только и можно объяснить наше грехопадение, о чём сказано выше.

Детские годы Владимира Петровича Козельского прошли в городе Верхотурье б[ывшей] Пермской губ[ернии], где его отец служил дьяконом городской церкви. Верхотурье славилось тогда монастырём, где находились мощи Симеона праведного, верхотурского чудотворца (2). Сюда, к мощам праведного, стекались со всех концов матушки Расеи «нищие духом», отягощённые тяжёлыми условиями жизни, больные, жаждущие исцеления, и некоторые из них с повышенной нервной системой получали это исцеление через высшее напряжение этой системы. Отсюда они уходили с земелькой с могилы праведного, рогальным маслом, средством от всяких болезней, с иконками, крестиками и пр.

Весь город пропитан был запахом ладана, исходящим из монастыря, запахом рогального масла и специфическим запахом, исходящим от богомольцев, приобретённым от их скученности по домам и в гостинице монастыря. Вся окружающая мальчика атмосфера сжимала его ум, отнимала резвость и делала его не по возрасту внутренне сосредоточенным, ребёнком-стариком. Семейный быт был пронизан церковной обрядностью, элейностью, которые, как ржавчина, въедались в складывающийся характер, в привычки мальчика.

По окончании низшей школы он поступил в Екатеринбургское духовное училище. Здесь он прислуживал при богослужениях: был помощником

церковного старосты — ставил свечи, ходил за просфорами к монашкам, был звонарём. Во время рождественских каникул любил славить, причём на греческом языке, изучением которого увлекался ещё в духовном училище. Стал упражняться в игре на цимбале, который сам сделал, подглядев у кого-то из богомольцев. У кого-то из богомольцев подслушал пение каких[-то] кантов, и когда поступил в Пермскую дух[овную] семинарию, то уже имел кое-какие навыки в исполнении их под акко[мпа]немент цимбала. Как уже выше отмечено, здесь он нашёл благоприятную питательную среду для развития своего таланта и для дальнейшего формирования его характера.

После окончания семинарии Владимир Петрович поступил в Казанскую духовную академию. Здесь он попал в состав студентов, которые группировались около священника в Ягодной слободе Николая Троицкого, окончившего академию. Сюда стекались студенты с богословским умонастроением, чающие принятия священного сана. Для них участие в монашеском кружке в стенах академии было не приемлемо, потому что они не склонны были совсем отказаться от жизненных «утех», к чему звали монахи. Владимир Петрович одно время даже жил у Троицкого, когда тот был настоятелем Воскресенской церкви в самом городе Казани. Он ничего не рассказывал о своих публичных выступлениях с цимбалом в стенах академии, а привёз его с собой в Казань. Очевидно, в академии не было для этого условий, потому что это учреждение было чопорным и претенциозным по части изысканных порядков: в нём ведь жили и учились студенты, люди, гордые сознанием своего достоинства. Вл[адимир] Петрович в академии даже отдал дань критическому отношению к некоторым сторонам академической жизни. Так, он явно с сочувствием высказывался по поводу эпиграммы, направленной в адрес профессора В. И. Несмелова:

*«Он создал науку,
Студентам на муку».*

У Владимира Петровича иногда появлялось желание вспомнить старинку, когда он был звонарём в духовном училище. Так, он рассказывал, как однажды вызвал переполох у начальства академии звоном «во вся» в первый день «рождества», что полагалось только на Пасхе. «Они» почему-то подумали, что неожиданно приехал архиепископ и сбежались для встречи. Юноше за это «влетело». Этот случай показывает, что Вл[адимир] Петрович, будучи студентом академии, всё ещё сохранял свою простоту, граничащую с детской наивностью.

Октябрьская революция не позволила ему закончить академию *lege artis*: он, как и другие, не писал кандидатской работы, и ему было выдано удостоверение в том, «что он является действительным студентом Императорской Казанской духовной академии». После революции академия, как рассказывал он, некоторое время ещё «механически тянула своё существование, но настал момент, что дальше это продолжаться не могло и ... здание рухнуло» (3). Вл[адимир] Петрович рассказывал, что самого конца он уже не дождался и «бежал» в Зауралье.

Движение по железной дороге было уже затруднено, и он в пути потерял свой цимбал. Потеря эта оказалась потом не простой потерей, а символической и обозначала потерю всего его прошлого и необходимость жизнь начинать сначала, причём он обнаружил удивительную живучесть и приспособляемость к жизни. После некоторого «плаванья по бурным водам» революции он оказался учителем в одной из школ города Кургана, женился и стал в полном смысле семьянином. Тосковал по прошлому. Однажды, рассказывал он, — он услышал, что один знакомый его врач запел не то «Се Жених», не то «Благообразный Иосиф» (4), и душа его встрепенулась, как [у] «испуганной орлицы». Оказалось, что врач был из «своих» — из окончивших Тобольскую духовную семинарию.

Когда «изомроша ищущии отрочате» (5), Владимир Петрович переехал в Пермь. Здесь он некоторое время преподавал латинский язык не то в университете, не то в мед[ицинском] институте, а потом «спланировал» на должность преподавателя немецкого яз[ыка] в средней школе. «Где же Вы изучали немецкий язык?» — спросил я его. И он ответил: «Немного в семинарии и немного в академии». Я знаю, что обозначает это «немного», но какая гибкость, изворотливость, приспособляемость к жизни должны быть у человека, обладателя этим «немного».

Теперь Вл[адимир] Петрович «почил на лаврах» — на пенсии, но душа его по-прежнему осталась «очарованной».

Таковы этапы жизни этого оригинального человека, который в бытность учеником Пермской дух[овной] семинарии был уникальным явлением в ней за всю более чем столетнюю историю её существования. Жизнь его, кроме того, поучительна потому, что она свидетельствует о том, как живуч «этот» род!

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 94–109.

Примечания:

1. Находится в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции», в «пермской коллекции» отсутствует.
2. Верхотурский Свято-Николаевский мужской монастырь (основан в 1604 г.).
3. В 1917 г. Казанская духовная академия была выселена Временным правительством из своего здания, в котором разместились эвакуированный кадетский корпус и военный госпиталь. В 1917–1918 гг. занятия проводились в других помещениях, в основном в здании Казанской духовной семинарии. Была попытка преобразовать академию в богословский факультет Казанского университета. В 1918 г. в академии прошли последние выпускные экзамены и защита магистерских сочинений, выданы последние дипломы. Казанская духовная академия ещё продолжала свою деятельность подпольно на квартирах до 1921 г., когда был арестован весь её преподавательский состав.
4. Песнопения, которые поются на богослужениях в период Страстной седмицы.
5. Автор использует часть цитаты из Евангелия от Матфея (2:20): «...изомроша бо ищущии души Отрочате» (ибо умерли все искавшие души Младенца) в сюжете о возвращении семьи Иисуса Христа в Израиль после окончания избияния младенцев в Вифлееме царём Иродом.

***Биографический очерк «Трое» о преподавателях
латинского языка в Свердловском медицинском институте
П. А. Липине, В. А. Наумове, В. А. Игнатъеве (1)***

Все трое они были преподавателями латинского языка в Свердловском государственном медицинском институте, причём все трое — старшими преподавателями. Все трое в разное время учились в Камышловском духовном училище и в Пермской духовной семинарии. У всех них были одни и те же учителя, как в духовном училище, так и в семинарии, и поэтому воспоминания их о юношеских временах во многом были общими, во многом сходными, но в некоторых отношениях и различными в соответствии с их индивидуальными чертами. Различались они также по

возрасту с интервалами примерно в пять лет. Всех их на работе объединял один и тот же заведующий кафедрой латинского языка — Иван Нилович Мезенцев. Все же они под руководством И. Н. Мезенцева принимали участие в приёмных экзаменах в институты — медицинский и юридический. У всех трёх у них был один и тот же стиль преподавания: ясность и точность объяснений, требовательность и настойчивость в достижении хороших результатов усвоения предмета. У всех троих была высокая трудоспособность и дисциплина, воспитанные ещё в юношеские годы. Однако различными путями они пришли в медицинский институт, в разное время оставили его и различная была у них дальнейшая судьба.

Больше всего медицинскому образованию вообще, и в том числе медицинскому институту, отдал своих сил, и притом лучших сил, **Павел Александрович Липин**.

По окончании курса в Казанской духовной академии, П. А. сначала был преподавателем в Екатеринбургском торговом училище. После Великой Октябрьской социалистической революции, с момента организации рабфаков, П. А. был заведующим учебной частью и преподавателем в Свердловском медицинском рабфаке и, можно сказать, на своих плечах вынес большую часть тяжести организации его и руководства его академической стороны. Те, кто знали П. А. в это время, по достоинству оценили его труды. Так, указанный выше И. Н. Мезенцев, дети которого учились на медицинском рабфаке, называл П. А. кратко: «работяга».

С прекращением существования рабфаков П. А. перешёл на работу преподавателем латинского языка. Здесь с ним и встретился на работе автор этой статьи. П. А. перешёл на работу в медицинский институт с явно подорванным здоровьем. Во время работы на рабфаке ему пришлось жить в общежитии студентов барачного типа, где условия для упорной работы были явно неподходящими. Не лучше они были и после перехода в медицинский институт. Его квартира опять-таки была в студенческом общежитии каркасного типа, холодная, с шумными соседями. В нём он жил с женой, которая в это время где-то работала, и сыном Германом, который заканчивал десятилетку. Мальчик увлекался рисованием, учился хорошо, но имел один существенный порок: оглох на одно ухо. В таком положении П. А. застигла война. В августе 1941 г. студенты медицинского института были направлены на Московский торфяник вблизи Свердловска, а с ними

в числе других преподавателей и П. А. На торфяник приходилось ходить пешком, что взад и вперёд составляло примерно десять километров. На торфянике приходилось большую часть времени стоять, ходить приходилось вприпрыжку, часто бегать под дождём, в результате чего у П. А. обострилась болезнь — геморрой, но он храбрился и дотянул до конца месяца. 20 сентября студенты направлены были на уборку зерновых в Сысертский район, а в числе преподавателей при них был опять-таки П. А., который чувствовал себя явно плохо. Товарищи уговаривали его встать на больничный листок, но он всё отказывался, пока... с ним не случился припадок, после чего его отправили в Свердловск. Между тем состояние питания всё ухудшалось, и он слабел.

В 1942 г. сын его Герман был призван в трудовую армию в Челябинск, и у П. А. ко всему прочему присоединились заботы о нём. П. А. решил переехать в Мотовилихинский завод, где жили родители его жены с расчётом на их помощь, и переехал, но истощение организма его — дистрофия — настолько поразили организм, что он вскоре умер. Он умер, не испытав тяжелого семейного горя, которое его подстерегало и произошло почти в один день с его смертью. Когда смертельный исход уже явно определился, жена П. А. телеграфировала об этом сыну. Как потом выяснилось, он усиленно хлопотал перед своим начальством об отпуске, но, не получив разрешения, самовольно отправился в путь... и потерялся. Потом обнаружилось, что в Свердловск в это же время пришёл поезд с челябинским углём и в одном из вагонов оказался труп молодого человека. Кто был этот юноша, и что с ним случилось — осталось тайной, но по некоторым признакам, установленным следствием и подтверждённым матерью Германа — это был он. Вот какая трагедия произошла у нашего товарища и друга — Павла Александровича Липина: *Sittibi, amice noster, terra levis!*

На смену П. А. пришёл **Владимир Александрович Наумов**.

Владимир Александрович был моложе П. А. примерно на пять лет. Он окончил Московский университет и сначала работал в Камышловле, а потом переехал в Свердловск. Он перешёл в медицинский институт из одной десятилетней школы, где он преподавал географию и только что введённый в этой школе в виде опыта латинский язык. В медицинском институте В. А. работал до 1954 г. и одновременно преподавал латинский язык в медицинском училище. Во время Великой Отечественной войны В. А. потерял

двух своих единственных сыновей: одного на фронте, а другого в Ленинграде во время блокады его. Этот его сын начинал учиться в Свердловском мед[ицинском] институте, но, сговорившись с сыном профессора мед[ицинского] ин[ститу]та Чаклина (2), перевёлся в Ленинградский мед[ицинский] ин[ститу]т, причём во время блокады Чаклину как сыну профессора удалось эвакуироваться из Ленинграда, а он остался и погиб. Естественно, что такое горе потрясло родителей. В. А. стал терять способность передвижения вследствие ослабления деятельности мышц ног. Процесс развивался постепенно, и ни больничное, ни курортное лечение не дали положительного результата, и пришлось оставить работу. В настоящее время В. А. потерял всякую способность пользоваться ногами (3). *Sic transit gloria mundi!*

Третьим из этих «троих» был автор сего — **Василий Алексеевич Игнатъев**. Он был старше Липина примерно на пять лет, а Наумова — примерно на десять лет. Естественно, что и *curriculum vitae* его было разнообразнее и сложнее.

В медицинский ин[ститу]т он пришёл с курсов мастеров соц[иалистического] труда на В[ерх-]И[сетском] з[аводе] в 1938 г. К этому времени стаж педагогической работы его подходил к 25 годам. Он окончил Казанскую духовную академию в 1913 г. по разделу словесных наук. В течение двадцати пяти лет он работал в самых разнообразных типах учебных заведений: в реальном училище в Бугуруслане б[ывшей] Самарской губ[ернии]; в мужских гимназиях и семинарии в Перми; в духовном училище, женской гимназии, коммерческом училище и школе II ст. в Слуцке б[ывшей] Минской губ[ернии]; в ФЗУ, на технических рабочих курсах на В[ерх-]И[сетском] з[аводе]; в Вечернем комвузе В[ерх-]И[сетского] З[авода] и филиале рабфака мастеров соц[иалистического] труда. В основном в течение этого времени В. А. был преподавателем русского языка и литературы, но в течение примерно трёх лет преподавал латинский яз[ык]: в Пермской мужской гимназии Циммерман (1 г[од]), в Слуцкой женской гимназии (1 г[од]) и Слуцком дух[овном] училище примерно год. В Слуцке два года работал старшим счетоводом Центробелсоюза, а в Свердловске в 1943 г. в течение полугода чернорабочим и десятником на складе топлива на В[ерх-]И[сетском] з[аводе] (*sic!*). Ох и живуче семинарское племя! Так диктовали условия бытия.

Латинский язык в свердловских высших уч[ебных] заведениях в общей сложности преподавал около 18 лет, а именно: в медицинском институте

с перерывами — 10 лет, в юридическом институте — 4 года, в институте иностранных языков — 4 года. По совместительству преподавал лат[инский] яз[ык] в сельскохозяйственном ин[ститу]те на вет[еринарном] фак[акультет]е — 3 г[ода] и педагогическом ин[ститу]те — 1 год. Из всех этих институтов серьёзное всего латинский язык проходил в юридическом ин[ститу]те, потому что там он поставлен был конкретно на обслуживание римского права, а это было хорошим аргументом для студентов для убеждения их в необходимости изучения языка. Да и сам профессор римского права ревниво следил за усвоением студентами латинского языка (4). А вот в институте иностранных языков преподаватели их всё-таки никак не хотели наладить опору в латинском языке: а хотели, чтобы для них это делали латинисты при 80 или 100 часах, отведённых на латинский язык, а они почивали на лаврах. Что касается медицинского ин[ститу]та и ветеринарного факультета, то в них собственно изучался не латинский язык, а медицинская латынь. В пед[агогическом] институте латинский язык был введён по предложению проф[ессоров] А. П. Георгиевского, А. В. Затопляева (б[ывшие] семинаристы) с целью расширения филологического горизонта студентов, и всё было основано на пропаганде необходимости изучения языка, но реакция на пропаганду была всякая: кто-то внимал голосу пропагандистов, а для кое-кого она (пропаганда) была «гласом вопиющего в пустыне»; у таковых явно на лице было написано в адрес преподавателя: «милый ты человек и, как видно, патриот лат[инского] языка, но и мы тоже милые люди, и нельзя ли было бы обойтись и без него» (*sic!*).

По приобретенной в семинарии и академии привычке писать сочинения В. А. принимал участие в журнале «Профтехническое образование на Урале», который, правда, недолго существовал. Во время работы в медицинском ин[ститу]те им были написаны работы типа рефератов:

1. Преподавание латинского яз[ыка] для изучающих немецкий язык.
2. Явления полисемантизма в латинском яз[ыке] и их закономерности.
3. Лингвистические ответы римских историков-грамматиков и значение их для изучения истории и лексики латинского языка.

Во время работы в юридическом институте:

- 1) Лингвистические опыты римских юристов-классиков и значение их для изучения истории и лексики латинского языка.
- 2) Римская семья в произведениях римских юристов-классиков.

Во время работы в институте иностранных яз[ыков] делал на кафедре доклад на тему: «О лингвистических трудах Секста Помпония Феста, Марка Теренция Варрона и Иония Марцелла».

Скоро будет уже четыре года, когда В. А. на пенсии. За это время он вторично отредактировал свои вышеуказанные рефераты и передал их своим преемникам-преподавателям лат[инского] яз[ыка]: в медицинском институте (их теперь три девицы, из которых одна из его учениц в ин[ститу]те иностранных языков) в напутствие и руководство в жизни!»

Dixi et animam levavi!

Теперь, если подвести баланс той работе, которую провели в Свердловске в области преподавания латинского языка в высших учебных заведениях трое бывших учеников Пермской дух[овной] семинарии — Липин П. А., Наумов В. А. и Игнатъев В. А., то нужно сказать, что они в течение одного, а Игнатъев почти двух десятилетий обслужили потребность в преподавателях-классиках г[орода] Свердловска на 60-70 процентов. Отмечая их заслугу, нельзя не вспомнить и не помянуть добрым словом тех, кто учил их латинскому языку, а именно: в Камышловском дух[овном] училище, главным образом, — Ивана Кузьмича Сахарова, а в Пермской дух[овной] семинарии — Ивана Ермиловича Губкинского. Теперь, очевидно, нужно им сказать: «*Sitvobis, magistrinostri, terra levis!*»

11/Х.[1960]. 9 ч[асов,] вр[емя] св[ердловское].

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 720. Л. 1–8.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
2. Чаклин Василий Дмитриевич (1892–1976) — хирург, ортопед-травматолог.
3. «В[ладимир] Алекс[андрович] вышел на пенсию по линии работы в школе-десятилетке. В соответствии с положением о награждении учителей этой категории он был награждён орденом Ленина». (Прим. автора).
4. Имеется в виду Винавер Александр Маркович (1883–1947) — российский и советский юрист, правовед, специалист по римскому и гражданскому праву. В 1940 г. был осуждён к лишению свободы на срок 8 лет по обвинению в участии в «антисоветской кадетской организации». В 1944 г. был освобождён по состоянию здоровья и служил профессором

кафедры гражданского права и процесса Свердловского юридического института. Из автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Педагогическая деятельность П. А. Иконникова в Свердловских институтах»): «Назначение латинского языка было главным образом обслуживать только что введённое в план юрид[ических] институтов Римское право. Читать лекции по Римскому праву был направлен из лагеря ссыльных правая рука Милюкова — Александр Маркович Винавер. Он и стал направлять учебную деятельность латинистов — Зельдовича и Иконникова. Он старался сузить задачи изучения латинского яз[ыка] в институте только изучением юридических терминов. Он так и говорил: «оставьте грамматику, вот вам список таких-то терминов, переведите их студентам и скажите, чтобы они их заучили». Ясно было, что профессор делал «передержку», утрировал задачу изучения языка и ставил преподавателей в нелепое положение. К этому времени вышел новый учебник латинского яз[ыка], составленный бригадой авторов в составе В. И. Громова, М. М. Марковича и В. П. Глики (Юридическое издательство НКЮ СССР, Москва, 1941 г.). В соответствии с программой и учебником занятия в юридическом институте уже более походили на латинский язык, чем в медицинском ин[ститу]те. Проходилась, например, синтаксис: *ablativus absolutus, accusativus cum infinitivus*, предложения с *ut, cum* и *si*, не говоря уже о таких грамматических формах, как *gerundium* и *gerundivum*. Преподавателям пришлось изучать юридическую терминологию, в чём им очень помог А. М. Винавер. С ним, однако, не пришлось долго работать по сложившимся для него неблагоприятным событиям, которые, очевидно, содействовали его смерти. Он был очень требовательный на экзаменах и имел старую привычку вызывать на экзамен по несколько раз. Он читал ещё лекции по гражданскому праву заочникам, которые, узнав о его требовательности, насторожились и заявили директору заочного юридического ин[ститу]та М. М. Любавскому о том, что будто бы он на лекции сказал, что на Западе лучше поставлено юридическое дело, чем в СССР. Сообщили об этом в МВД. Винавер отрицал это. Назначена была целая комиссия по расследованию этого дела. Решение было вынесено такое: Винавера отстранить от работы в заочном отделении, а в стационаре — оставить за ним только Римское право. Старика это, конечно, расстроило. У зав[едующего] учебной частью института проф[ессора] Б. Б. Черепахина в скором времени после этого инцидента было семейное торжество: свадьба его единственной дочери. Винавер жил в институте вблизи квартиры Черепахина и «зван был на пир». Выпивали. Выпил и он «единую», и перед ним стояла ещё вторая, но вдруг он сказал: «Мне что-то неловко»... и был «там». Когда пришли студенты, чтобы перенести покойника в его квартиру,

то они застали его сидевшим в кресле, и перед ним стояла «вторая». Вспомнилось пушкинское: «Блажен, кто чашу жизни не допил до конца». На похороны из Москвы приезжала жена — нестарая женщина, как говорили, из «бывших высоких». Летом же перед этим (он умер зимой) у него гостили дети: девочка 13 лет и мальчик 8 л[ет]. Умер А. М. Винавер 65 л[ет]. Предполагалось, что через год должна была кончиться его ссылка, и он должен был вернуться в Москву». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 88–96 об.).

ВОСПОМИНАНИЯ

КАК СОЗДАВАЛАСЬ «ОЧАРОВАННАЯ ДУША», ОБ УВЛЕЧЕНИИ ПЕНИЕМ И ХОРОВЫМИ КРУЖКАМИ (1)

*«Вкушая, вкусих... и се — умираю»
(Пророк Иеремия) (2)*

Теперь, когда жизнь моя уже, несомненно, клонится к концу, для меня стало ясно, что в ней (жизни) была одна область, которую я любил «как душу» — **это искусство пения**. До сих пор в моей душе совершенно произвольно, стихийно возникают мелодии песен, которые я слушал в детстве, а потом и сам пел, пел с увлечением. Я слышу голоса исполнительниц этих песен, особенности этих голосов. Позднее я узнал, как называются эти голоса, как они распределяются в хоровом исполнении и как различаются по тембру. Я живо представляю обстановку, в которой я слушал эти песни, а позднее и песнопения, включая и духовные песнопения. Эти обряды настойчиво возникают в моей памяти и побуждают меня ещё и ещё раз запечатлеть их в биографическом порядке и развитии и, таким образом, самому себе ответить на вопрос, как зародилось у меня увлечение пением, как оно развивалось и как, в конце концов, стало одним из мотивов моей жизни, хотя моя служебная биография по ряду причин прошла в другом направлении. **Пение, однако, было для меня именно тем, что называется alter ego (3) кого-либо**. Жизнь неоднократно подтверждала возможность такого дуализма и правомерность его существования.

Я не помню, да, вероятно, и никто не помнит и вообще невозможно помнить в раннем детстве тот момент, когда кто-либо сам себя «поймал» первый раз в жизни на мысли, что он поёт и поёт именно в первый раз; сам услышал свой голос первый раз в жизни поющим, выделил его среди других голосов и констатировал: «да, это я пел, да, это был мой голос».

Со значительной долей вероятности можно только сказать, «что этот момент в моей жизни произошёл очень рано, в самом раннем детстве.

Для такого предположения есть два основания: во-первых, то, что по самой профессии нашего родителя мы, дети, очень рано включались в атмосферу пения, первоначально церковную, а во-вторых, то, что детям так свойственно подражать взрослым, и это стремление возникает у них при первом же ознакомлении с окружающей их средой.

Откуда или из чего складывались наиболее яркие впечатления о пении в моей детской душе, те впечатления, которые до сих пор хранит моя память, соединяя их в галерею образов? Прежде всего, конечно, эти впечатления получались в **семейной обстановке** (4). До сих пор в моей памяти сохраняется такая картина. Долго упрашивала наша старшая сестра отца, чтобы он что-либо сыграл на гитаре и спел. В семье, как реликвия, хранилась гитара, спутница молодых лет нашего батюшки, уже значительно протёртая, но сохранившая ещё звучность. Кто знает, может быть, эта гитара была в числе тех средств, которые склонили к нему сердце нашей матушки, а сестре именно хотелось узнать, как «это» было. Он играл и пел, иногда с дробными ударами пальцами по деке гитары:

«Ивушка, ивушка, зелёная моя...»

Он пел с той своеобразной интонацией, которая сохранялась от дедов и прадедов, и даже с той фонетической особенностью, которая придавала этой песне народный характер. Так, он пел:

«Тягинька с мамонькёй не правдами живут...»

Конечно, я тогда не понимал и [не] мог понять и оценить всю красоту народной песни, «самобытную красоту, осознать её, но она, эта песня, и именно в чисто народной интерпретации её мотива осталась в моей памяти как «неизгладимый след» радости, красоты, которые она пробудила в моей душе. Впоследствии впечатление от этой песни помог мне понять и оценить рассказ И. С. Тургенева «Певцы». В пение Я[шки-]Турка «Ах, не одна во поле дороженька...» моя фантазия вкладывала те же звуки русской задушевной мелодии, те же модуляции, переливы голоса, которые я подслушал в пении отца. Я понял позднее, как было важно для меня это детское впечатление, и теперь я понимаю, как обессмертил Ф. И. Шаляпин русские народные песни: «Прощай, радость», «Не велят Маше за реченьку ходить...» и др[угие]. Ни в чём другом так не сказалось величие гениального певца, как в исполнении этих народных песен: в них он вложил народную душу, и потомки всегда с благодарностью будут наслаждаться его пением.

Как сквозь туман, вспоминаются мне песни и песнопения «Святок». Деревенские мальчишки, кто в чём только мог — то в больших отцовских пимах и с большими отцовскими шапками на голове, то вместо шапки с укутанными в расшитые тряпки головами, в шубёнках или каком-то подобии им, шумной толпой врываются в нашу кухню с облаком холода и «славили» иногда дружно, а иногда, как говорится, «кто в лес, кто по дрова» с запевалой: *«Рождество Твое Христе Боже наш... Тебе кланяемся солнцу правды»* и т.д.

Вечером они же бегали по улице и «колядовали» у домов — пели «Ходим мы, ребята, колядовщики» и что-то про «розан мой розан и виноград зелёный». Утром собирали копейки, а вечером — «сырчики». Их унисонное пение было для меня уже первым образцом детского хорового пения.

Вечерами по домам в течение всей «святочной» недели ходили маскированные — «шиликуны» — в большинстве молодые женщины, девчонки, мальчишки, и «славили» хозяев и их детей. Они по очереди пели тому или другому члену хозяйской семьи:

*«Кто у нас хороший, кто у нас пригожий?
Да Васинья хороший, Васинья пригожий.
Розан мой, розан, виноград зелёный».*

Впоследствии я узнал историю происхождения этих песен.

Отрывочные воспоминания остались от события коронации последнего русского царя. У земского начальника П. А. Стефановского был пиарь Грацевич, вероятно, из поляков, и он составил хор из детей-школьников, которые под его руководством пели: *«Мы, славные артисты, на всём играть умеем: у нас есть кларнетисты»*, и далее назывались представители различных музыкальных инструментов.

Что говорить, этот хор явился для меня проявлением какого-то высшего искусства пения, чем-то вроде оперного искусства. Моё воображение было поражено! Не забыть, как вечером в этот день наша Теча была иллюминирована и как какой-то солист из мужичков под влиянием сильного хмеля ходил и пел: *«Уря, уря, уря, за здравие руськова, белова царя!»*

Таковы были мои детские певческие воспоминания от того времени, когда я, очевидно, ещё не осознал как следует, что я тоже могу петь и, может быть, только подсознательно впитывал в себя мелодии песен.

Но вот я стал школьником и стал членом школьного певческого коллектива. Ещё до поступления в школу мне однажды удалось слушать пение школьников, и до сих пор оно слышится мне так отчётливо, как тогда в далёком прошлом. Был голодный год. Летом тучами на поля налетела саранча и начисто уничтожала посевы. Для борьбы с ней организованы были школьники под руководством учительницы. При помощи немудрёного приспособления они собирали саранчу в полог и сжигали. К полдню им в поле привозили на обед кашу, а перед едой они пели «Отче наш». Далёкое эхо по полям и лесам разносило их дружное пение.

В школе нас учили пению в двух направлениях: обычному песенному и молитвенному. Перед уроками мы пели «Царю Небесный», перед обедом «Отче наш» и в конце уроков «Достойно есть». Запевала девочка — Палашка Комелькова. Голос у неё был звонкий, сочный, и никто не мог заглушить его. Я слышу её голос и сейчас. У неё, очевидно, был голос, который носит название меццо-сопрано (5). На уроках, которые, правда, были редко, мы пели песни на слова А. В. Кольцова. Любимой из них была «Красивым полымем заря вспыхнула». Что только было при этом! Возбуждённые, мы соревновались в силе своих голосов. Заканчивали одну песню и переходили на другую. То и дело раздавались голоса: «Давайте споем, давайте споем!» Пели так, что зимой в окнах стёкла переговаривались, а весной через открытые окна пение далеко-далеко разносилось по селу. В школе я уже знал, что у меня есть голос и что я могу петь (6).

С десяти лет и до четырнадцати, примерно, я находился под впечатлением различных событий и влияний, которые, так или иначе, затрагивали в моей душе любовь к пению. Одновременно с этим я обогащался и знаниями в области пения: я учился уже различать красоту звуков, красоту голосов, красоту мелодий. Большое влияние в этом отношении оказал на меня старший брат Алексей, который учился тогда в семинарии. В его лице я увидел первого в своей жизни энтузиаста пения. У него была большая нотная тетрадь, в которую он вписывал все те музыкальные произведения — духовные и светские, которые ему понравились. Для меня эта тетрадь явилась чем-то вроде загадочного талисмана, который и манил к себе, и казался недоступным по своей, как мне казалось, мудрости и загадочности. Позднее, уже в юношеские годы, я тоже завёл тетрадь подобного типа, очевидно, не без влияния на меня этого события в детстве: такова

сила примера. Этот брат мой был душой теченской певческой молодёжи. Он организовал церковный хор, и, таким образом, я имел возможность в детские годы, в условиях деревенской жизни, ознакомиться с так называемым «партесным» пением (7). Не могу забыть, как этот хор исполнял концерт «Бог богов» (8) — шумно, но, как я тогда уже мог различить, недружно, неслаженно.

Два события от этого времени, несомненно, отразились на моей «музыкальной истории». Первое — это концерт, который дали в нашей Тече бродокалмакские «артисты» в дни коронации. Как сейчас помню сцену на подмостках, сделанную из пологов у одной из стен нашей волости (9); несколько невысоких сосенок на ней, долженствовавших изображать дремучий лес; солидную фигуру заведующего бродокалмакской двухклассной школой Григория Ивановича Буткина, исполнявшего роль Ивана Сусанина из оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин» — в зипуне и мужицкой шляпе; небольшую группу «поляков», угрожавших ему смертью. Это — в заключение оперы, а перед этим пение Вани о себе «сиротинушке» в исполнении бродокалмакской мельничихи Марии Яковлевны Егоровой; пение «Не о том скорблю, подруженьки» неизвестной «артистки»; и, наконец, заключительное «Славься!» в исполнении хора. Впоследствии просмотр настоящей оперы в исполнении профессиональных артистов не смог всё-таки заглушить детских впечатлений!

Вторым событием, ещё более оставившим след в моей душе и, может быть, впервые возбуждавшим у меня желание сделаться певцом, было посещение нашей Течи группой товарищей моего брата Алексея, о котором я упомянул уже выше, товарищей его по семинарии, которые представляли собой цвет семинарских певцов того времени. Событие это было исключительным и навсегда осталось в памяти теченцев — старых и молодых. Подобрался на редкость слаженный квартет с прекрасными голосами. Что только было тогда в Тече! Для них устраивались вечера; их нарасхват приглашали в гости; их заставляли петь до появления хрипов в их голосах. Они давали концерт в Тече. Их заставляли без конца петь «Закувала та сыза зозуля», и когда они переходили на слова «Гей, як зачулы», начинался вихрь аплодисментов. Кумиром теченских невест был тенор Иван Васильевич Смирнов, обладатель нежного голоса. Да, это был апофеоз гостей-певцов!

Глубокой тайной души человека является та подсознательная её область, когда она становится аккумулятором, через который, как через губку, человек впитывает самые различные, идущие из различных источников влияния, впечатления, которые наслаиваются одно на другое и, в конце концов, формируют душу человека, особый склад её. Трудно переоценить в этом отношении то общее музыкальное окружение, в котором автор сего находился в течение всего периода детства и юности. Это музыкальное окружение имело преимущественно певческий характер и шло совершенно естественно от старших братьев и сестёр в первую очередь. Никогда не забудутся традиционные прогулки вечерами в бор, в которых принимала участие вся теченская молодежь, главным образом, состоящая из представителей двух семей — Бирюковых и Игнатьевых и приезжих к ним гостей. Все они были обладателями неплохих голосов, и уже не приходится говорить об увлечении пением. Был полный ансамбль развёрнутого хора: басы, тенора, контральто и сопрано. Когда хор достигал до пятнадцати-двадцати человек, то теченский бор с его «штатским местом» гремел от песен — то нежно-лирических, как, например: «У зари, у зореньки», то бравурных, как «Проведёмте, друзья, эту ночь веселей» —

«Проведёмте, друзья, эту ночь веселей:

Пусть вся наша семья — соберётся тесней.

Припев: Не любить — загубить значит жизнь молодую.

Сердцу рай выбирай

Каждый деву младую.

Проведёмте, друзья...

Коперник целый век трудился,

Чтоб доказать земли вращенье.

Чудак — зачем он не напился —

Тогда бы не было сомненья.

Проведёмте, друзья...» (10),

то элегических, как «Глядя на луч пурпурного заката» —

«Глядя на луч пурпурного заката,

Стояли мы на берегу реки (Невы?).

*Вы руку жали мне — промчался без возврата...
Вы не исполнили священного обета...
До гроба Вы клялись» (слова забыты) (11).*

Концентрированной точкой хорового исполнения песен был традиционный в Тече вечер в день именин теченского протоиерея Владимир Бирюкова — 15 июля. Рамки хора расширялись до двадцати-двадцати пяти, а то и до тридцати человек. Два или три поколения сливались в один хор. По репертуару исполняемых песен можно было проследить целую историю развития песенного искусства в глухой провинции России. Пели любимые песни отцов «Крамбамбули, отцов наследство, любимое питьё у нас» —

*«Крамбамбули — отцов наследство —
Любимое питьё у нас
И утешительное средство,
Когда взгрустнётся нам подчас.
Тогда мы будем пить крамбамбули» (12),*

«Ивушку», «Не велят Маше за реченьку ходить», «Не гулял с кистенём я в дремучем лесу», «Что затуманилась, зоренька ясная» и много других песен. Отцы вспоминали свои былые увлечения оперой и пели «Старину живали деды», «Заходили чарочки по столику», «Гой ты, Днепр» —

*«Гой ты, Днепр ли, мой широкий, лейся быстрою волной,
Днепр широкий и глубокий, ты кормилец мой родной...» (13),*

«В бурю, во грозу». При этом обнаруживались любимые песни того или другого участника хора. Так, любимой песней именинника была «Не велят Маше за реченьку ходить», а любимой песней врача Алексея Семёновича Меньшикова — «Соловьём залётным». Позднее вошли в репертуар украинские песни: «Засвистали казаченьки» —

*«Засвистали казаченьки в поход с полуночи (запев).
Заплакала Марусенька свои ясны очи (дважды).
Не плачь, не плачь, Марусенька (запев).*

*Не плачь, не журился: за своего миланького Богу помолился
(дважды).
Светит месяц на горою, а солнце не мало;
Мати сына в дороженьку слизно провожает» (14),*

«Баламуты» —

*«Баламуты...
Личко бело румяное,
Сердце ж моё коханое...» (15) и другие].*

От времён войны за освобождение славян вошли песни: «Братья славяне» —

*«Братья славяне, знамя свободы
Пусть разовьётся над вами.
Жив дух славянский, живы преданья.
Живы останутся вечно.
Вечная слава славным героям,
Павшим в борьбе за славянство.
Труд их и подвиг...
Живы останутся вечно» (16),*

«Гей, славяне» —

*«Гей, славяне, ещё наша речь свободно льётся;
Ещё наше верно сердце за народ свой бьётся.
Жив он, жив он, дух славянский,
Будет жить вовеки;
Гром и пекло — всё напрасно
Против нашей мести.
Языка дар дал нам Бог наш.
Он владеет громом...» (17),*

«Шуми, Марица» —

*«Шуми, Марица окровавлена,
Плачет девица, люто ранена.
Марш, марш вперёд...» (18),*

«Мы дружно на врагов» —

*«Мы дружно на врагов,
На бой, друзья, спешим,
За родину, за славу,
За честь мы стоим.
Пусть знают супостата...
Как славен наш народ.
Пусть знает сила вражья,
Как славен наш народ.
Мы дружно на врагов,
На бой, друзья, спешим...» (19) и др[угие].*

Новые песни шли по линии теченских семинаристов-певцов. Так, тобольские семинаристы научились петь песню: «Ты причаль, моя рыбочка», а пермские — «Закувала та сыза зозуля...», «Гей, як зачулы». Одним словом, песенный репертуар обновлялся от поколения к поколению, и чуть ли не последней песней вошла в репертуар песня учениц Шадринской прогимназии: «Ты прости, мой край родной» —

*«Ты прости, прощай, мой край родной.
Прости, мой край родной.
Грустно расставаться мне с тобой,
Расстаться мне с тобой.
Ах, быть может, я в последний раз, нивы, луга, смотря на вас,
Смотрю в последний раз» (20).*

Любимыми песнями из Некрасовского цикла были: «В полном разгаре страда деревенская» и «Укажи мне такую обитель», из революционных:

«Смело, товарищи, в ногу». Трудно перечислить то разнообразие мотивов и настроений, которые проникали в душу автора сего: тут были и весёлые «За горами, за долинами», и печальные — «Ах, о чём ты проливаешь слёзы горькие ручьём», и пробуждающие гражданские чувства стихи Н. А. Некрасова. Это были первые наслоения на «очарованную душу».

С поступлением в 1897 г. в Камышловское дух[овное] училище автор сего попал в новые условия воздействующей на него обстановки, главная особенность [которой] состояла в том, что он стал объектом организованного обучения пению при одновременном впитывании в себя разнообразных впечатлений из окружающей его музыкально-певческой среды.

С чего началось обучение нотной грамоте? Если взглянуть на это с точки зрения исторической перспективы, то придётся, очевидно, перенестись ко времени существовавшей когда-то на Руси греко-латинской академии, если не ещё более отдалённому типу школ, в которых обучали «четырь-пятью» церковному. Правда, система обозначения звуков «крюками» была уже упрощена, но была далека от широко применявшейся уже у нас общепонятной системы нот западноевропейского образца. Мальчику 10–11 лет предстояло пройти школу пения, по которой ещё шли деды и прадеды, и которая рассчитана была на подготовку на обслуживание потребностей религиозного культа. Но это был «многих славных» путь. Как известно, с него начинали свой путь певцы с мировым именем, как, например, Ф. И. Шаляпин. С него же начинали своё восхождение на вершину певческого искусства наши современники — выдающиеся певцы М. Д. Михайлов и И. С. Козловский. Учебным руководством стал Октоих (восьмигласник), а вершиной «хождения» по нему было пение богородичнов. Приходится сожалеть, что никто из наших отечественных художников не запечатлел такую умирительную картину, как какой-либо карапуз в возрасте 11–12 лет, развернув перед собой сию объемистую книгу, *infolio*, в поте лица бил себя правой рукой по бедру для отсчитывания тактов, не установившимся ещё *soprano* (21) или *contralto* (22) выводил тягучие мотивы «Всемирную славу» (23) или «Царю Небесный». Он пел, не отдавая себе отчёта в том, что в этих мелодиях отразилось музыкальное искусство, художественные приёмы и художественный вкус наших предков, что в них встречаются уже в законченном виде такие приёмы музыкального выражения, как *lento* (24), синкопы (25) и др[угие]. А ведь классические образцы напевности имеются именно в произведениях этого типа, как, например, «Како не дивимся».

Самым трудоёмким и для учителя и для учеников, несомненно, было обучение и усвоение пения по «гласам». Восемь «гласов» с различными вариациями, иногда трудно различаемыми — это было нелёгкой школой усвоения. Особенную трудность представляло усвоение по «гласам», так называемого, запева «Исповедатися имени Твоему» (26). Для облегчения усвоения мотива в этом случае приходилось прибегать даже к своеобразному мнемоническому приёму, а именно, чтобы усвоить, например, мелодию этого запева на третий «глас», мы, по совету ещё отцов, пели на этот мотив «Наши-то с дровами приехали». Боже мой! До чего же изворотлива и изобретательна натура человека! (27).

Для усвоения переходов по интервалам — терции, кварты, квинты и т.д. — существовала небольшая книжка, так сказать, с «сольфеджио», которая, правда, редко применялась, но помнится, как мы ещё в первом классе по ней выводили фугу «Кто-то может убежать, смертный час!». Мы не знали тогда и названия этого приёма исполнения («*fuga*» — «бег») (28), хотя во втором классе уже начинали изучать латинский язык. Позднее мы встретились с фугой при исполнении народной песни «С вьюном я хожу».

Такой была точка отправления в постижении автором сего искусства «хождения по нотам». Параллельно с этим, и это было самым главным, продолжалось впитывание в себя, в молодую душу новых впечатлений музыкально-певческого характера, но тут у человека, услышавшего сообщение об этом, или прочитавшего об этом, произвольно может возникнуть вопрос: как? — на бурсе, изображённой Н. Г. Помяловским в его произведении «Очерки бурсы» (а все именно так по привычке смотрели и на Камышловскую бурсу), автор говорит о каких-то музыкально-певческих впечатлениях, имеющих, как видно, по ходу его мысли воспитательное значение. Не бред ли это? Как, имея перед собой образ «тессараконты» из «Очерков», можно говорить о таких тонких «материях», как музыкальное воспитание? Оказывается, можно, потому что и пресловутая бурса тоже подчинена была законам диалектического развития. То состояние, в каком она находилась в последнее десятилетие XIX века, можно кратко характеризовать словами: [старая] бурса отступала, правда, ещё сопротивляясь. Фигура «детины непобедимой злобы» (Симеон Полоцкий), характерная для старой бурсы, начинала уже трансформироваться под действием новых приёмов воспитания, применяемых коллективом педагогов. Об этом свидетельствуют,

например, следующие, современные, новые явления в жизни бурсы: устройство вечеров с хоровыми выступлениями и декламацией; организация посещений зверинца; демонстрирование первых кинокартин. Если в 1902 г. ученики четвёртого класса осуществили постановку отрывков из «Недоросля» Фонвизина и издавали журнал; если осуществлена была постановка отдельных сцен из оп[еры] «Иван Сусанин»; если в школе отмечались юбилеи — 1000-летие создания «Кириллицы» и 50-летие со дня смерти Н. В. Гоголя, причём исполнялись школьным хором гимны, посвящённые этим событиям, исполнялись на специальных торжественных собраниях; если в стенах школы всё чаще и чаще раздавались песни: «Зазвучали наши хоры», «Над Невою резво вьются» и др[угие]; если в школе появились настоящие певцы, обладатели прекрасных голосов: Иван Переберин, Вася Лирман, Сергей Филиппов (29), [Александр] Шеломенцев (30) и др[угие], если, наконец, в школе организовано было обучение скрипичной игре, а она огласилась новыми звуками; то можно судить, как же далеко бурса наших дней ушла от бурсы «тессараконты». Да, «родимые пятна» старой бурсы ещё не были выкорчеваны совсем, но «нравы» бурсаков, несомненно, смягчились: тому свидетельством является сказанное выше.

В школе был хороший хор, церковный, и, как сказано уже выше, выступавший на вечерах. Это было тем первым, как теперь часто говорят, фактором, что питало духовную потребность автора в его порыве к музыке, пению. Петь, так хочется петь, во что бы то ни стало петь — было неизменным зовом в душе автора сего. И вот, когда однажды стихийно в нашем третьем классе, что выходил окнами на базарную площадь, наш импровизированный хор пел «Отверзу уста моя», в него вошёл наш учитель пения (31), который ещё на площади подслушал наше, осведомился о том, кто пел, и участь автора сего была решена: он был принят в хор. Определение в партию теноров, конечно, было условным: какой мог быть тенор у мальчика 14–15 лет? Скорее всего, это была какая-то разновидность альты, но само по себе признание наличия голоса произвело эффект, определивший своеобразие поведения в будущем: я — певец, я — обладатель голоса, я могу петь — эти мысли произвели глубокую борозду в психологии автора сего. «Я — участник хора, которым я восхищался, я в кругу тех людей, голосами которых я был пленён; я — участник исполнения тех музыкальных произведений, мелодии которых запали мне в душу» — эти мысли не могли не войти

в сознание как некое самоопределение себя на будущее. Это был рубеж, с которого началась новая сторона жизни уже входящего в пору юности человека. Раздвинулись рамки изучения нотной системы: началось ознакомление с общепринятой итальянской системой нот. Стали усваиваться новые музыкальные термины: ключи фа и соль, диез, бемоль, бекар, различные обозначения размеров, пауз, тактов, интонации — *piano*, *forte* и т.д. Главное же — тренировка голоса, создание звука, овладение искусством создания звука и, наконец, знакомство с разнообразными музыкальными произведениями, их стилем, творчеством различных композиторов: Бортнянского, Турчанинова, Веделя, Металлова и др[угие]. Упражнения в сольном пении и в связи с этим первые обнаружения самолюбия. Трудно переоценить то эмоциональное богатство и эстетические переживания, с которыми связаны были эти годы бытия автора сего. «Утро художественных музыкальных восприятий» — так можно было бы связать с претензией на поэтический стиль выражения. Побуждение скрытой где-то в глубине души потребности наслаждаться музыкой, гармонией звуков, потребности, которая, раз зародившись, уже не умрёт в течение всей жизни. Много, если не сказать большинство, воспринималось безотчётно, и только в будущем, сохранившись в памяти в своей первоначальной свежести, принимало форму осознанной красоты (32). Так, музыкальные творения композитора Турчанинова не могли не оставить в душе юноши прекрасного музыкального впечатления, но только много позднее, когда он увидел впервые картину Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» и с восхищением стал вспоминать, что где-то уже раньше он видел эту картину, то память ему подсказала, что он подобное же чувство восхищения пережил при исполнении «Вечери Твоя тайная» в композиции Турчанинова. Автор извиняется за смелость такой аналогии, но просит понять его правильно, а именно, что он говорит здесь не об аналогии двух творений, а об аналогии своих переживаний, вызванных этими творениями (33). Так, в Камышловском духовном училище автор сего вышел на старт, на смену предшествующему поколению теченских любителей пения, разъехавшихся уже на работу по разным местам необъятной России. На старт его вывел ещё поныне здравствующий в Камышлове музыкальный деятель, воспитавший не одно поколение музыкантов и певцов, «патриарх» музыкального Камышлова — Михаил Михайлович Щеглов. Воспитанник Московского синодального училища, он

привёз с собой в Камышлов и, в частности, в духовное училище то увлечение музыкой и пением, которое было в этом училище привито Кастальским (34). Здесь он имел возможность видеть величайших музыкантов: П. И. Чайковского и [Н. А.] Римского-Корсакова. Трудно переоценить то влияние, которое М. М. Щеглов оказал на привитие камышловским бурсакам любви к пению и музыке и во многом содействовал смягчению их «нравов». Если позднее где-либо в глухой провинции вдруг обнаруживались певцы-музыканты, устраивавшие концерты, «кочующие музыканты», то с первого же знакомства с ними легко можно было узнать в них воспитанников М. М. Щеглова (35).

С поступлением в 1902 г. в Пермскую духовную семинарию перед автором сего во много раз расширились рамки музыкального и певческого влияния на него, да и переход «на полную юность», «развёрнутую юность» сам по себе не мог не содействовать увлечению музыкой и пением: ведь юность, если можно так выразиться, и является музыкой человеческой жизни, порывом романтики и проявлением красоты человека. Давая оценку семинариям с позиций нашего времени, как пережившему себя типу школ, мы в одном отношении, однако, не можем не отдать им должное признание в том, что в них высоко было развито искусство пения, культура пения. Пермская семинария в этом отношении была, нужно прямо сказать, на слове. Что было качественно новым в области пения в ней по сравнению с духовным училищем, так это то, что пение практически было поставлено в ней на демократических началах: свой брат-семинарист руководил хором, сами семинаристы по своей инициативе его организовывали, сами устраивали концерт и вечера. Правда, позднее, при переходе на более высокую ступень певческого искусства, когда уже пение — и хорошее, и сольное — стало сопровождаться аккомпанементом рояля, им помогали видные музыканты города, как Николай Васильевич Пиликин, Мария Львовна Василенко-Левитон, а в части руководства струнным оркестром Григорий Кузьмич Ширман, но они были только меценатами, так же как невидимыми нитями связан был с семинаристами-певцами и известный музыкальный деятель в Перми [Александр Дмитриевич] Городцов. Все они заинтересованы были в семинарии и семинаристах по своей деятельности в городе. Н. В. Пиликин, как музыкальный талант, был открытием купца Грибушина, на средства которого он получил образование в консерватории.

Он был известен в городе как руководитель хоров. Он занимался также композиторской деятельностью. Его интересовали семинаристы, прежде всего, как певцы. Кроме того, он некоторое время был преподавателем пения в семинарии. В это именно время он на одном из вечеров в семинарии руководил однородным хором семинаристов, а семинарист М. В. Попов смешанным хором. Однородный хор исполнял: «Ноченьку» из оперы «Демон» Рубинштейна в сопровождении рояля, «Прощание с лесом» Клауэра, «Жук и роза»... и «Парус» композиции самого Н. В. Пиликина. Смешанный хор исполнял: «Как в горнице-светлице» из оперы «Русалка» Даргомыжского и ряд народных песен — «Ай, во поле липонька» и др[угие]. Впервые на этом же вечере выступали подготовленные Н. В. Пиликиным исполнители романсов под аккомпанемент рояля — семинаристы: Ласин пел «Вернись» Денца, «Если б любовь...». Денца пел Свешников, и Чирков исполнил романс Пасхалова: «Нет, за тебя молиться я не мог». Это выступление певцов с исполнением романсов под рояль было новым явлением: раньше подобные выступления в форме дуэтов или *trio* были без сопровождения рояля — «всухую». Эта «новинка» была осуществлена под руководством Н. В. Пиликина.

М. Л. Василенко-Левитон организовала в Перми частную школу по постановке голоса, и многие из семинаристов-певцов в той или иной степени инструктировались ею при выступлениях на вечерах. Она же была одним из [з] «присяжных» посетителей семинарских вечеров и их, так сказать, меценатом. Г. И. Ширман был дирижером оркестра театра драмы в Перми и руководителем семинарского струнного оркестра. У [А. Д.] Гордцова семинаристы получали различные ноты, в частности пользовались его сборником народных песен. Таким образом, семинария связана была со всеми выдающимися музыкальными деятелями города.

В свою очередь семинаристы-певцы выступали на вечерах и в концертах вне стен семинарии. В годы первой русской революции они выступали, например, на вечерах в женской гимназии Барбатенко и в городских общественных концертах. В городе пользовались широкой известностью Шестаков Пётр, Иваницкий Пётр, Медведев Еварест. Семинаристов приглашали для участия в праздничных торжествах в различные городские хоры. Шестаков П. был известен среди оперных певцов и исполнял арию варяжского гостя в опере «Садко» Римского-Корсакова. Ласин и Чирков впоследствии учились в Киевской консерватории.

Все эти семинаристы были обладателями незаурядных голосов: Свечников, Иваницкий — лирические тенора, Медведев — лирико-драматический тенор, Ласин и Чирков — баритоны и Шестаков — бас.

Семинаристы были завзятыми посетителями оперы и ценителями оперных певцов. Кумирами их были: теноры — Хлюстин, Евгенийев-Дарский (36), Саянов, Комиссаржевский и Борисенко; баритон — Томский, сопрано — Калиновская, Позднякова, Осипова, Девос-Соболева и др[угие]. Трудно учесть влияние оперного театра на музыкальную жизнь семинарии: оперный репертуар переходил и в семинарский певческий семинар (37). Лишь только, например, появилась на сцене опера Верди «Аида», в семинарии уже исполнялся учениками его «Хор жрецов» из этой оперы.

В семинарии были отдельные кружки певцов-любителей, среди которых были распространены революционные песни.

Гордостью семинарии был её хор, которым несколько лет руководил семинарист М. В. Попов. В хоре было большое увлечение исполнением *solo*, и в этом жанре пения особенно прославился А. Свечников, настолько, что его приглашали даже в другие хоры для исполнения некоторых песнопений, напр[имер] «Ныне отпускаеши». В репертуаре хора на славе были концерты Архангельского.

В такой музыкальной обстановке проходило дальнейшее развитие автора сего в его юности. Однако и в этот период в силу какого-то внутреннего голоса — беречь свои силы, беречь свой голос, автор сего не столько предавался отдаче, т.е. самому пению, сколько упражнениями в развитии голоса при экономном пользовании им (38). Так, он никогда не был рядовым участником хора, а принимал участие только в исполнении некоторых сольных номеров. Так, среди сольных выступлений у семинаристов было в большом почёте исполнение песнопения «Да исправится молитва» в Великом посте (39). Это исполнение было своеобразным состязанием певцов в искусстве пения — нечто вроде оперы «Тангейзер» Р. Вагнера. Участие в исполнении этого было единственным проявлением голоса и пения автора сего за период учения его в семинарии, так сказать, публичного, общественного проявления. Правда, ещё однажды вспомнилось пение в духовном училище и, по предложению однокурсника по бурсе, по старой памяти исполнено было «Разбойника благоразумного» в великий четверг.

Главным же «занятием» было «впитывание» в себя, в свою душу всего того богатства музыки, которое его окружало (40). Но уже сейчас обнаружился уклон больше в сторону, так называемого, светского пения. По примеру старшего брата, о чём сказано выше, заведена была автором сего заветная нотная тетрадь, в которую записывались любимые песни.

Голос мужал: он был сильным, приобретал определённый тембр и широкий диапазон в размере двух гамм (41). Родилась мысль заняться постановкой голоса у Василенко-Левитон, но удалось реализовать это намерение только на короткое время из-за отсутствия средств. Занятия, в сущности, из-за непродолжительности их ничего не дали, кроме разве некоторого вреда: стала развиваться вредная привычка сжимать гортань (42). Двадцати лет перенёс сильный бронхит, и сразу стало заметно, что сила голоса понизилась.

Но как же всё-таки с пением получилось? Есть голос, а нет никакой отдачи. Получился какой-то заколдованный круг — нечто вроде логического *contradictio in adjecto*. Нет, это противоречие разрешалось очень просто: то, что не отдавалось в семинарских стенах, полновластно отдавалось в Тече, Сугояке на каникулах в домашней обстановке, особенно же в течение вынужденного по болезни проживания в течение года в «домашних пенатах».

Нет, не напрасно переписывались ноты, и не подсчитать, сколько раз по ним было пропето. Мы пришли на смену юношескому поколению, много поработавшему над усовершенствованием пения в Тече, мы приняли эстафету и с честью пронесли её в свои юные годы. Мы не только с честью поддержали наследство, полученное от предшествующего поколения, но и продвинули искусство пения теченских любителей его вперед, в ногу с новыми временами, с новыми веяниями.

В памяти сохранились: участие в хоре Архипа Григорьевича (43) — в Тече; тоже — в хоре Марии Владимировны (44) в Сугояке (45). Поездка с концертом с хором Марии Владимировны по Сугояку. Первые упражнения в пении *solo* под аккомпанемент фисгармонии в Сугояке: «Лорелея», «Сердце красавиц», дуэтом и *trio* из сборника Карасёва (46): «На севере диком» Даргомьжского, «Осенняя песня» Мендельсона-Бартольди; «Хор пилигрима» из оп[еры] «Рогнеды» Серова (47) и др[угие] произведения (48). Песни из заветной тетради: «Лес, мой лес» Клауэра, «Жук и роза», «Что ты склонилась, зелёная ивушка», «Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянка»,

«Интернационал», «Слышишь: в селе за рекою» и др[угие]. Гремела вакхическая песня: «Братья, рюмки наливайте!»

Теченский бор не переставал шуметь и от наших песен. Вновь появились: «Ты причаль, моя рыбачка» —

*«Ты причаль, моя рыбачка,
Лёгкий к берегу челнок,
Подойди и дай мне ручку,
Сядь со мною на песок.
Если ножка не одета
В твой прелестный башмачок,
Ты не бойся ветра буйна,
Перейдёшь через поток.
И на грудь склони головку
И не бойся так меня.
Ведь без страха же вверяешь
Морю дикому себя» (49),*

«Мне всё равно» —

*«Мне всё равно: любить иль нет,
Страдать иль счастьем наслаждаться.
Пускай меня забудет свет:
Мне всё равно, мне всё равно.
Мне всё равно, и я любил,
Не быв никем любим взаимно.
Я всё святое разлюбил —
Мне всё равно — мне всё равно».*

Слова: «пускай меня» и «я всё святое» исполнялись фугой, а также первое «мне всё равно»; фугу пели басы и тенора» (50), «Ты прости, мой край родной» и др[угие].

Это был семинарский период жизни. Юность, романтика. Доброй памятью вошёл он в жизнь, и нельзя не помянуть добрым словом и её — *alma mater* — за то музыкальное богатство, которым она окружила и снабдила наши юные годы.

Четыре года пребывания в Казанской духовной академии (1909—1913 гг.) были периодом увлечения исполнением романсов, песен под аккомпанемент рояля (51). Судьба снова на короткое время свела с преподавательницей пения и постановки голоса — Марией Ульяновой Янишевской-Елецкой — постановки голоса по системе Эверарди (52) и Маркези (53), как сама она афишировала свою систему обучения. Обнаружилось, что от прошлого обучения у Василенко-Левитон осталась вредная привычка сжимать гортань, и новая учительница взялась исправить этот порок. Обнаружена слабость дыхания, но как на достоинство голоса учительница указывала на определившийся тембр. Занятия пришлось оставить из-за отсутствия средств. Предложение учительницы продолжать занятия бесплатно не принял из-за самолюбия и какого-то неопределённого внутреннего голоса, предостерегавшего от этого шага.

В Казанской академии, в нижнем этаже, вдали от большого движения и шума есть комната, специально предназначенная для приёма студентами их гостей. В ней находятся: рояль, мягкая мебель, диван и стулья. Все стены её увешаны карточками с выпускников академии, так что она является чем-то вроде пантеона. В течение четырёх лет время от времени приходили в эту комнату автор сего и его «присяжный» аккомпаниатор студент Кочергин. Слушателем, вероятно, вынужденным по соседству проживания в этом углу академии был пом[ощник] инспектора проф[ессор] П. П. Пономарёв. Душа требовала пения, и пелось вволю. Заветная нотная тетрадь разбухала и разбухала. Всё, что раньше где-то было подслушано, что оставило в душе след неизгладимый, просилось на голос: романсы и, чего только не подскажет юная мечта, смелость и даже дерзость — арии из опер. Откуда была уже вера в свои силы. Флотов (54): «Ангело мой», Моношко: «Речитатив и Думка», Верстовский: «Близко города Славянска», Направник: «О, дай мне, забвеньё...». Романсы: Аренский (55), Длусский, Блейхман, Гурилёв (56), Варламов (57), Дютш (58), Балакирев (59), Денца, Шуберт... Ну, разве это не дерзость: две части арии Элеазара, «Солнце красавиц» и пр. дуэты: Вильбоа (60), Даргомыжского, Глинки, Гроздского (61). Точки выступления: студенческие вечера, семь профессоров с дочерьми-невестами (62), на пароходе (63), в Сугояке, Верх-Тече — везде, где только был рояль или пианино и аккомпаниатор. Был как будто бы успех, но никогда не был доволен собой: нет, не то, не то. Всегда была мысль: «есть

голос, а петь не умею». К тому же обнаружился недостаток: какая-то тугодость в оттачивании тактов и пауз. Вершиной этих выступлений, очевидно, было участие в студенческом вечере в августе 1911 г. в г[ороде] Слободском б[ывшей] Вятской губ[ернии]. На вечере пел: «Вьётся ласточка сизокрылая» Гурилёва, «Уста мои молчат» Блейхмана и принимал участие в дуэте «Моряки» Вильбоа. Были шумные аплодисменты, но вместе с этим самое острое недовольство собой, своим пением, которое приходилось когда-либо переживать при публичных выступлениях (64).

В течение всего этого периода, который можно назвать академическим, не принимал участия в церковном хоре (было противопоказано учителями по постановке голоса), за исключением: а) исполнения в академии *trio* «Покаяния», муз[ыка] Малашкина (65), б) выступления солистом в хоре верх-теченских монашек в их престольный праздник «Иванов день» (и это был один из курьёзных случаев в жизни) (66), и в) выступления в хоре Архипа Григор[ьевича] в Тече во время приезда в неё архиерея (и это тоже было курьёзным случаем). До сих пор при воспоминании о последнем случае трудно удержаться от смеха. Получилось так, что хор стоял в ожидании архиерея у церковных ворот, но кучер не смог остановить лошадей в положенном месте, и архиерею пришлось возвратиться к встречающим. Получился переполох. Нужно было при встрече петь хором, так называемое «Достойно [есть]» входное, к чему хор долго готовился, но когда произошёл переполох, Антон Григор[ьевич] растерялся, стал бить камертоном по руке, чтобы взять тон, стал заикаться (язык прильнул к гортани), не дал отчётливого тона, и хор ударил по способу — «кто в лес, кто по дрова». Под вечер регент по примеру «титularного советника»... с горя пьянствовал целую ночь.

14 сентября 1913 г. автор сего прибыл в г[ород] Бугуруслан б[ывшей] Самарской губ[ернии] на работу преподавателем реального училища, и с этого времени пение и увлечение им отодвинулось на второй план: первый год работы педагогом был естественно тяжёлым, потому что приходилось много готовиться к урокам. Кроме того, преподавательская работа сама по себе была большой нагрузкой на голосовые связки, так что приходилось ограничивать себя в пении. Всё же принимал участие в одном из вечеров, организованных реальным училищем, а именно — в исполнении *trio* «Ночевала тучка золотая» Даргомыжского. Исполнителями

были учителя: двое — С. И. Шиляев и автор сего из реального училища и учительница из женской гимназии, фамилию которой не помню. Этот вечер оказался роковым для автора сего: на нём именно состоялось близкое знакомство с преподавательницей немецкого яз[ыка] второй женской гимназии и реального уч[или]ща города, принимавшей в ней участие в качестве хозяйки буфета — Иоанной-Луизой Фридриховной Зигер, знакомство, приведшее к семейной жизни. Отдана была дань и выступлению в церковном хоре: в великий четверг принял участие в исполнении *trio* в соборном хоре «Разбойника благоразумного» Воротникова (67).

В общем же что могла дать «для души» жизнь в провинциальном захолустье, художественно изображённом С. Т. Аксаковым в его романе «Детство Багрова-внука». Правда, в Гоголевской аудитории города выступала труппа артистки Дунаевой с драматическими спектаклями, а иногда и с концертами. Правда, в доме генерала-пенсионера Арнольда собирался небольшой кружок молодёжи — любителей музыки и пения, но после Казанской оперы, блестящего хора Ивана Семёновича Морева и, наконец, после концерта в Казани Леонида Витальевича Собинова (68) — всё это было тусклым и примитивным. Естественным, поэтому, было стремление вырваться отсюда, из провинции, в более культурное место, и **в августе 1914 г. состоялся переезд в Пермь на должность помощника инспектора семинарии.**

Психологически это было возвращением к «домашним пенатам», туда, где проходила юность, столь богатая музыкальными впечатлениями, но война всё перевернула вверх дном, и семинария оказалась неузнаваемой: две трети здания были заняты для военных нужд и только одна треть (нижний этаж и столовая) были оставлены для учебных целей. Нет, невесёлой на этот раз была встреча с *alma mater*. Часто сирены разрезали воздух, призывая на встречу поездов с ранеными. В самой семинарии всё время происходили последовательные смены прибывающих в лазарет и отбывающих из него бойцов. На проводах семинаристы пели национальные гимны союзников. Семинарский хор был по-прежнему на славе, но стиль его исполнения изменился под влиянием нового направления в архиерейском хоре. Новый регент последнего — Чумаков — был сторонником строго церковного стиля пения, чуждого увлечениям сольными выступлениями певцов, а, наоборот, с применением пения в унисон, характерного для «древлего» исполнения, распространённого среди старообрядцев. Это

было своеобразным поворотом от крайностей «светского» направления в церковной музыке, типичным представителем которого был композитор Ведель, в сторону того музыкального богатства, которое сохранялось ещё от пения по «крюкам», в котором строгость музыкального выражения совпадала с величием и возвышенностью религиозной идеи песнопения. Регентом семинарского хора и проводником нового направления в нём был семинарист Григорий Иванович Богомолов, в прошлом воспитанник М. М. Щеглова по Камышловскому дух[овному] училищу, а во время обучения в семинарии воспитанник музыкальной школы Петерсон. Как пианист, с успехом выступавший аккомпаниатором для хора и солистов, он представлял среди семинаристов уникальное явление и во многом содействовал «вщей славе» их на музыкальном поприще. Под его аккомпанемент выступали на вечерах Еварест Медведев, [Сергей] Спасский и др[угие]. При его участии исполнялся, например, хор жрецов из оп[еры] «Аида» Верди, причём партию Радамеса пел Е. Медведев, а партию верховного жреца — [С.] Спасский. Выступления семинаристов в стенах семинарии, однако, были ограничены из-за отсутствия подходящего помещения, и ограничивалось только сугубо камерным исполнением песен и романсов в условиях казарменной и лазаретной обстановки (69). По-прежнему продолжалось увлечение оперой, и семинаристы-меломаны в подражание оперным артистам воспроизводили понравившиеся им арии. Если, например, слышалось исполнение «Клеветы», то все знали, что это Савва Поляков (70) проверял свой бас. В такой обстановке едва ли кто-либо из поклонников пения смог бы остаться в стороне от общего потока, а это значило, что и автор сего не мог остаться только «объективным созерцателем», хотя участие его было очень ограниченным, а именно — проявилось оно в исполнении народных песен для воинов и в некоторых исполнениях *solo* в семинарской церкви. Это была последняя дань *alma matri*, дань традиции, полученной ещё от времён «туманной юности» (71).

С марта 1916 г. по июль 1923 г. в жизни автора сего был самый богатый по музыкальным впечатлениям и переживаниям период, который по территориальным условиям бытия нужно назвать белорусским. По правде сказать, теперь, когда то время — семь лет, в которые отчасти продолжалась ещё первая мировая империалистическая война, а отчасти были беспокойные послевоенные годы, когда эти годы уже можно рассматривать

в перспективе, становится для самого себя загадочным, как получилось такое противоречивое стечение обстоятельств, как война, с одной стороны, и увлечение музыкой и пением, с другой стороны. И особенно это противоречие ярко представляется потому, что события эти происходили на линии фронта в 65 километрах от него. Что это было? «Пир во время чумы»? Оказывается — нет. Но таково было своеобразие момента, о чём и будет ниже речь.

В феврале 1916 г. автор сего назначен был преподавателем латинского языка в Слуцкое дух[овное] училище б[ывшей] Минской губернии. Занятия в училище не производились, так как оно, а также и другие учебные заведения Слуцка были эвакуированы вглубь России. Только в мае занятия были восстановлены в местечке «Паричи» б[ывшего] Бобруйского у[езда], куда были вызваны педагогические составы и учащиеся всех трёх дух[овных] училищ Минской епархии: Минского, Пинского и Слуцкого. Здесь же находилась часть педагогического коллектива Минского женского училища ведомства императрицы Марии типа епархиальных женских училищ в России. Занятия организованы были в здании Паричского женского училища этого типа.

Местечко «Паричи» расположено на берегу реки Припяти, и попасть в него нужно было пароходом из Бобруйска. Это было в те времена типичное белорусское местечко с преобладающим еврейским населением. Русское население группировалось около женского училища и имения Набоковой, принадлежавшего когда-то другу А. С. Пушкина — Ивану Ивановичу Пушкину. Отсюда именно он и приезжал к Пушкину в Михайловское село. Местечко расположено в живописном месте, вблизи дубовой рощи. В имении был роскошный парк с липовой аллеей, фруктовый сад с орangerеями. Около здания училища росли могучие белые акации, а во дворе его были кусты жасмина и персидской сирени.

В посёлке жили зажиточные евреи, занимавшиеся торговлей лесом. Они эвакуировались, так как около местечка уже проходила запасная линия окопов, и построен был запасной мост через Припять и прилегающую к ней пойму длиной в три километра. В местечке были пустующие дома эвакуированных со всей богатой обстановкой в них: мягкой мебелью, роялями и пр.

Местечко было административным и культурным центром: был земский начальник, врачи, в частности — частная зубоврачебница.

В таком виде предстала перед автором сего Белоруссия, совершенно незнакомая ему часть Российской империи (72). Война в это время приобрела позиционный характер. Фронт проходил около Баранович, и обстановка была мирной, спокойной.

В имении жил только управляющий — поляк [Иосиф] Сервачинский со своей семьёй (73). Глиняное здание имения, в котором, как говорили, находились фамильные ценности от времён И. И. Пущина — библиотека и собрание картин — были закрыты для посетителей, но парк разрешалось посещать. Через жилую часть имения вела дорога в дубовую рощу, так что через имение приходилось часто проходить. Обстоятельства сложились так, что автор сего сначала приехал один, т.к. Анна Фридриховна должна была заканчивать занятия в Перми в мужской гимназии и приехала в «Паричи» только в середине июня. Среди новых знакомых нашлись музыканты, а в квартире автора сего оказался беккеровский рояль, и в течение всего лета вечерами музыка и пение оглашали прилегающую к квартире площадь. Заветная нотная тетрадь, как бы отдохавшая со времён академии, снова не сходила с рояля. Пелось вволю, и было нечто вроде удовлетворения своим пением: по крайней мере, тот голос, что обычно шептал: «не так, не так надо петь» — до некоторой степени приумолк (74).

Осенью состоялся переезд в Слуцк, а через год произошла революция. Пошли годы смены власти: оккупация города немцами, потом поляками; бой в самом городе.... Но все эти годы музыкальная жизнь в городе не только не замирала, но, наоборот, проходила бурно. Ещё в военное время, пока фронт не был нарушен, в городе собралось много певцов — военных, и в соединении с местными силами они составили могучий хор под управлением талантливого регента Михаила Ипполитовича Николаевича. После революции в Минске был создан хор под управлением Терраевского, а в Слуцке — под управлением Плышевского. Эти хоры имели национальную направленность и именовались белорусскими. На вооружении хора Плышевского, например, была белорусская песня, которой придавалось значение национального гимна!

*«Ад веку мы спали, и нас разбудили,
Сказали, что треба робить,
Что треба свабоды, зямлі чалавеку,*

*Что треба злодеев побить.
Мы долго терпели, терпеть больше не будем
И пойдем мы долю шукать
Что гета за гарная доля несчатися
Без хлеба, без грошей працуї,
Усюды смеются, усюды...
[...]*

В те времена эта песня считалась знаменем национального возрождения Белоруссии. С каким азартом они пели: «Гарни, гарни бульбу с печи», «Янко стогий на гарни», «Чаму ж мне ня печь, чаму же не гудзецъ» и др[угие]. С любовь пелись украинские песни... В городском саду в летнее время эти песни гремели на весь Слуцк. Белорусы любят петь и мастера петь!

В городе давались концерты приезжими артистами из Минска. Приезжал хор Терравского из Минска. Гастролировала оперная труппа в театре Соловейчика (театры были частные). Приезжала военная агитбригада на польский фронт, когда командовал маршал Тухачевский. Среди членов её автор сего встретил своих земляков — пермяков: Демерта — оперного певца-баритона и Прозоровскую — декламатора. Они ездили по фронту в специальном вагоне, где и жили. В Слуцке они выступали в клубе Ивановича (частник-владелец). Ставили музыкальную пьесу типа оперетты «Ночь любви» и исполняли отрывки из опер, романсы. Прозоровская выступала с мелодекламацией на музыку Сен-Санса в сопровождении скрипки «Умирающий лебедь». С концертами выступал скрипач Докторович. Всё это происходило в промежутки различных политических перемен.

Как соприкасался автор сего с музыкальной жизнью, точнее с певческой городской жизнью, и в каких формах её он был участником?

Кружок Александра Васильевича Хвалебнова (75). Первоначально это, точнее говоря, был только триумвират меломанов-дилетантов, составившийся в условиях совместной работы и обусловленный этими именно условиями. Старшим из трёх его участников и по служебной субординации, и по возрасту и был Александр Васильевич, а именно: он был смотрителем училища, где работали трое, а возраст его был где-то около или за пятьдесят лет, а у одного из них в пределе сорока лет и третьего около тридцати лет. Впрочем, когда речь идёт о людях, увлечённых музыкой и

пением, то возраст их меньше всего играет роль в их взаимоотношениях, где-где, а в этом случае именно подтверждается открытый А. С. Пушкиным закон — «Любви все возрасты покорны» — любви к одному и тому же искусству, а всякое сознание субординации — подчинённости быстро сменяется установлением товарищеской интимности: таков психологический закон, установленный для лиц такой категории. Таланты трёх участников «кружка» распределялись так: двое — Александр Васильевич и автор сего — певцы: первый — тенор, близкий к баритону, как принято было называть — второй тенор, второй — высокий тенор; третий — Михаил Михайлович Лебедев — аккомпаниатор. Такое сочетание голосовых данных у двух певцов позволяло исполнять дуэты, например, «Моряки» Вильбоа, который, кстати сказать, и был, как говорят, «коронной» вещью в репертуаре «кружковцев», по крайней мере, всякий раз, как они были среди «поклонников» их искусства, последние неизменно просили спеть именно этот дуэт.

Четвёртым в «кружок» вступил юноша лет двадцати двух-трёх — Игнатий Игнатьевич Криводубский, природный белорус, в отличие [от] трёх великорусов, родиной из одной близлежащих к Слуцку деревень. Он был обладатель лирического тенора большого диапазона, голоса свежего, молодого, со всеми преимуществами, присущими молодому возрасту. Как получилось, что сей юноша оказался среди кружковцев — тут, очевидно, сказало действие известного закона общественной жизни, выраженного в пословице: «Рыбак рыбака видит издалека», но получилось так, что однажды в компании трёх оказался и он — высокий, сухощавый, с тонкими чертами лица, типичными для белоруса. Он положил на пюпитр рояля ноты — «Тишина», муз[ыка] Кашеварова, аккомпаниатор взял аккорды, и он запел. Присутствующие (это были гости А. В.) были поражены. Посыпались вопросы к певцу: как, что, откуда он такой явился? И он поведал: в детском возрасте он был принят в «хор Славянского», которым уже руководила дочь последнего; со временем он «вырос» из детского возраста и... вот предстал в «сущем виде»: волею божиею — лирический тенор исключительной красоты. В юности зародилась в голове мысль — учиться больше пению в «Консиватории»; он даже пришел к мысли, что ему для развития голоса нужны «окулисы» (вокализы). «*O, sancta simplicitas!*» («святая простота!»). Что с ним было дальше? Поступил ли он в «Консиваторию»? Неизвестно, но больше встречать его фамилию в жизненных анналах не

приходилось, может быть, и он явился жертвой тех, кто устанавливал «новый порядок в Европе»?

Чем «жили» кружковцы? Что каждый из них внёс в «кружок», чем, какими делами, какими «заслугами» каждый из них проявил себя в кружке? У Александра Васильевича были две солидные папки с романсами от времён его юности. Романсы были «старинные»... Многое он, конечно, уже не мог петь: «законы природы не изменить», но «Желание» Шумана и «Забудь всё, ангел дорогой» Штейнберга (76) он ещё пел с эффектом. Заветная нотная тетрадь автора сего содержала более «свежие» романсы и часто раскрывалась на пюпитре рояля. Медленно нарастал репертуар Игнатия Криводубского... Глиэр (77): «Жить, будем жить...», «Я видел сон вчера...». Но что было главным? Главным было то, что собралась кучка любителей музыки и пения, она «отводила душу» в музыкальных «экзерцицах», она «жила» в музыке... Вот это и есть главное. События проходили так, что кружковцы то теряли место для своих собраний, то инструмент, то, наконец, события разъединяли их, но когда создавалась благоприятная обстановка, они снова собирались у рояля и «музицировали». Только 23 июля 1923 г. автор сего навсегда выбыл из «кружка» с переездом на родину — на Урал, и провожал его Александр Васильевич. Было грустно, потому что было ясно, что это расставание будет уже навсегда. «*Sic transit Gloria mundi!*» («Так проходит слава мира!»).

Для пения всегда может найтись место и повод для этого. Этому же закону жизни подчинён был и автор сего. Так, во время работы преподавателем в женской гимназии было выступление на вечере в очень интересном сочетании исполнителей: пел преподаватель, а аккомпанировала его же ученица — Таня Шука. Боже мой! Какая же может быть в жизни романтика! Таня гордилась, что она аккомпанировала своему преподавателю... «Я только Вам буду аккомпанировать», заявила она. Исполнялись: Тальяфико «Давно малиновки звенят» и Балакирева «Взошёл на небо месяц ясный»... А ведь это правда романтическое сочетание исполнителей. Увы! Через два года автор сего узнал, что Таня умерла от туберкулёза. Как жестоко иногда судьба поступает с людьми! (78).

Во время работы в коммерческом училище, где был прекрасный зал и пианино, нельзя было удержаться от пения... и зал оглашался пением: «Новгород» Дюдша, «Лес, мой лес» Клауэра и романсами Гурилёва и Варламова.

Слуцкий белорусский хор уговорил принять участие в концерте. Пел народные песни в сопровождении хора... в гриме: «То не белая берёза к земле клонится» и др[угие]. Было, было!

А вот уже просто «для души», когда петь хотелось непреодолимо. Платные аккомпаниаторы: панна Габриеля и пани Рачевская. Пелось лучше всего: сам себя слушаю, сам себя критикую, стараюсь петь лучше. Панна Габриеля всё уговаривала выступить в городе с концертом, а пани Рачевская — плутовка (я это знал) в другой комнате припрятывала своих «кумушек» слушателей. Было, было!!!

А вот сейчас пришло время сказать о другом: каяться так каяться, на то и великий пост скоро будет!

Пел в соборном хоре, и не просто пел, а выступал солистом хора. Здесь, на хорах, на авансцене в сопровождении хора пел то, что когда-то ещё в юношеские годы запало в душу и поразило своей красотой. Звуки лились свободно и широко. Белорусы были любителями церковного пения. В хоре они пели только из любви, «за здорово живёшь», как в шутку сами же говорили себе. Вот эти энтузиасты хора: басы — два брата Зданко, Шахмиева, Захаров; тенора — Шейко, Турчинский, Криводубский; сопрано — Маланя Ковальская, Соня Хаустович, Елена Ивановна Выськолёт; контральто — сестры Аня и Маруся Коханович, Кульчицкая. Это, так сказать, «присяжные» певцы, а постоянно гастролировали различные военные. На моде было сольное пение, даже в виде дуэтов. Это — влияние Запада — католицизма, ведь здесь именно и существовала когда-то уния — примирительное течение, возникшее в результате борьбы православия с католицизмом. У певцов были хорошие голоса. Так, у Ани Коханович был бархатистый голос, чистый и сочный.

В этом же хоре временами гастролировали Хвалебнов и Игнатий Криводубский. Певцы были разных возрастов, но жили очень дружно: таков закон любителей пения. Автору сего приходилось временами и руководить этим хором (79). Наконец, быть присяжным организатором и руководителем хора автору сего пришлось в мужском монастыре (80), одна из церквей которого была отдана на обслуживание учеников духовного училища (81). Здесь энтузиастами были: сёстры Прушинские — Глаша и Наташа, их брат Коля, сёстры Руссакович, двое военных — отец и сын, двое из «служек» монастыря (послушников) и, прямо сказать, «очарованная»

пением душа — Поля Криводубская из ближайшей деревни. Осенью ли, или весной в распутицу она неизменно являлась на свой «пост» сопрано в хоре; ноги по колено в грязи, промокшая, прозябшая... только бы петь! В числе провожавших меня 23 июля была и она: рано, рано явилась на вокзал.

Монастырь был расположен на берегу реки Случи, старинный, исторический, но в то уже время он был в запустении (82). В подвале его стоял саркофаг с останками Софии Радзивилл (83), и ждали, что вот-вот откроются мощи — не дождалось (84), и уже в наше время, во время процесса Бейлиса (85), открыты были мощи младенца Гавриила, якобы «убиенного» евреями в сакральных целях (для получения крови в мацу) (86). Это была одна из позорных страниц истории православной церкви (87).

23 июля 1923 г. мы в последний раз из вагона смотрели на монастырский фруктовый сад, мимо которого проходил поезд, издали взглянули на уходящий из поля нашего зрения Слуцк (88). Было грустно, и Анна Фридриховна всплакнула. Мы оставили в нём много друзей, милых, сердечных «сябров-белорусов», семь лет бурно прожитой жизни, автор сего, кроме того, наиболее полную страничку своей музыкально-певческой жизни. Можно сказать, что всё, что с детских лет, в юности и позднее впитано было в душу из музыкальных впечатлений, здесь получило отдачу и было пережито (89). Об этом автор сего в качестве отчёта хотел бы доложить и первому своему учителю пения Михаилу Михайловичу Щеглову, о котором он всегда вспоминает с благодарностью, и всем тем, отдельным лицам и группам лиц, которые будили в его душе лучшие чувства любви к одному из прекрасных искусств, созданных человеком.

Когда на деревьях появляются желтые листья, то это уже верный признак, что дело идёт к осени. Автору сего было сорок лет, когда он переехал в Свердловск. Во время работы в фабзавуче ([19]23–[19]30 гг.) была ещё встреча с одним «служителем» музыкальной музе: врачом школы Владимиром Дмитриевичем Диевым. Были попытки петь, но стало ясным: «укатали сивку крутые горки» — учительская работа и благоприобретённая привычка злоупотреблять табаком сделали свое дело: «скончал[ся] певец». А огонь в душе всё-таки остался, и теперь, когда воскреснет что-либо из прошлого, «мурлыкаю», или ставлю на проигрыватель какую-либо оперу (90).

Все ноты недавно отправлены в Пермь душеприказчику по мемуарам: доктору медицины, профессору Ивану Степановичу Богословскому.

Он печатные передал в нотную библиотеку Перми, а писанные от руки присоединил к фонду мемуаров. Он верит, что эти мемуары где-то сохранятся, я же думаю, что они с божией помощью будут преданы кремации.

P.S. Возвращаюсь к началу сего мемуара. «Теперь, когда жизнь моя, уже, несомненно, клонится к концу, что в ней (жизни) была одна область, которую я любил, «как душу» — это искусство пения», — так я сказал в начале мемуара, а теперь ещё нужно добавить: но на всю жизнь остался дилетантом. Да, дилетантом! И пожалуй, типичным дилетантом! Теперь, когда я анализирую своё прошлое (а это, очевидно, наша врождённая интеллигентская привычка), то я задаю себе вопрос: как это получилось и не могло ли быть иначе?

Если могло быть иначе, то кто же или что виновато в том, что не получилось так, как это должно бы случиться. Хотелось бы избежать лёгкой привычки ссылаться на объективные обстоятельства и честно, в порядке открытой самокритики разобраться и ответить на этот вопрос. Уже дважды в настоящем мемуаре я ссылаюсь по поводу некоторых жизненных условий на материальные недостатки, как на мотив своих известных решений и поступков, как на объективные обстоятельства, но если, положа руки на сердце, поразмыслить о том, это ли было главным мотивом действий, и често дать ответ на данный вопрос, то нужно, конечно, сказать: нет, это не единственный и во всяком случае не главный мотив. Ведь бывает же и так, что люди даже в худших условиях добиваются поставленной ими цели, а вот тут этого не случилось. Я иногда ставил для себя такой вопрос: смог ли бы я целиком, как говорится, без остатка отдать пению, как профессиональному делу, но не мог себе полностью ответить «да». Какой-то внутренний голос мне говорил: «нет, тебя не удовлетворит такая жизнь». Разъедающий душу самоанализ говорил именно так. Да, я любил пение и, можно сказать, «как душу», но не всю душу, а часть её, как момент отдыха, но никак не мог себе представить, как это можно, скажем, петь без конца... и только. Но всё-таки, чтобы выразить степень моего увлечения пением, я считал и считаю правильным это выражение: любил «как душу».

Что обозначает моё самоопределение словом — **дилетант**? Оно определяет точное моё субъективное состояние и, конечно, объективное, т.е. то, что даже в пределах певца, как любителя, а не профессионала я мог бы больше постичь это искусство, но остановился на полдороге, если не

больше. В этом пункте именно совершается суд мой над самим собой. Но, может быть, я ошибаюсь в том, что мне было что-то дано, а я не использовал, «зарыл в землю данный мне талант». Обстоятельства моей жизни, именно убеждают меня в том, что мне было дано больше, чем я использовал данное: я мог бы быть в меньшей степени дилетантом, чем им оказался. Так мне говорит моё самосознание.

15/II–1963 г.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 1–38.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора — «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте (наблюдения, размышления, встречи, раздумья, радости и огорчения — всё то, что является результатом «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»)». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 410–411 (рукопись), 412 (машинопись)).
2. Ссылка на пророка Иеремию ошибочна. Предположительно, автор приводит сокращённую в устном употреблении часть стиха из Первой книги Царств: «И рече Саул ко Ионафану: возвести ми, что сотворил еси? И возвести ему Ионафан и рече: **вкусная, вкусих** мало меду, омочив конец жезла, иже в руку мою, и **се, аз умираю**». (Библия. Первая Книга Царств 14:43).
3. «Второе «я». (Прим. автора).
4. В очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» автор добавляет: «...в нашей семье пели все — и стар и млад. Только, как это ни странно, не пела одна наша матушка. Я никогда не слышал её поющего голоса: ни колыбельных песен, ни каких-либо других. Почему? Это осталось для меня тайной; она не пела, может быть, потому, что заботы о большой семье да ещё при разных недостатках слишком поглощали её время. Как же напоить, накормить такую ораву ртов — вот чем заняты были её мысли. Где уж тут до песен?» (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 1–2).
5. Там же: Анка Комелькова, голос меццо-сопрано или контральто. (Там же. Л. 4).
6. Там же автор добавляет: «Только с поступлением в школу пение стало для меня предметом сознательного отношения к нему, предметом изучения. ...Нас учил петь песни по слуху, с голоса, старенький дьячок, очень добродушный, но который иногда

пытался показаться нам строгим и грозил кому-либо: «Я поставлю тебя на колени на горох!» Мы знали, что он только грозит, но никогда так не накажет, и, в общем, поддерживали самодисциплину. Хорошо помню, как мы разучивали гимн «Коль славен наш господь в Сионе — не может изъяснить язык», слова которого приписывались поэту Жуковскому В. А. Мы пели его как молитву. Любимой же песней у нас было стихотворение А. В. Кольцова «Красным полымем заря вспыхнула, по лицу земли туман стелется». (Там же. Л. 4). «Старенький дьячок» — отец автора, учитель пения в школе (Ред.).

7. Партесное пение — многоголосное гармоническое хоровое пение (от 3 до 24 голосов), пришедшее в начале XVII столетия на смену одноголосному знаменному распеву как влияние западноевропейской культуры. Само название произошло от латинского *partes* — партия, т.к. у каждого голоса (дисканта, альты, тенора, баса) были отдельные тетради-поголосники, сводная партитура поначалу не записывалась. Позже слово «партесный» стало обозначением стиля хоровых сочинений середины XVII – середины XVIII веков. В конце XIX века слово приобретает негативный оттенок, как обозначение нерусского стиля в церковном пении.
8. Хоровой концерт русского композитора и дирижёра Семёна Аникиевича Дегтярёва «Бог богов Господь глагола».
9. Здания волостного правления.
10. Из «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» («Наши песни на вечерах»). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 604–604 об.).
11. Там же. Л. 606 об.
12. Там же. Л. 606–606 об.
13. Там же. Л. 608–608 об.
14. Там же. Л. 597 об.
15. Там же. Л. 598.
16. Там же. Л. 596 об.–597.
17. Там же. Л. 596 об.
18. Там же. Л. 597–597 об.
19. Там же. Л. 597.
20. Там же. Л. 607 об.
21. *Soprano* — высокий певческий голос.
22. *Contralto* — самый низкий певческий голос.
23. Традиция церковного пения сохраняла исполнение некоторых важнейших знаменных песнопений при общем гармоническом хоровом стиле. Вероятно,

- автор говорит о разучивании семинаристами знаменных («тягучие мотивы») стихир — догматика 1-го гласа «Всемирную славу от человек прозябшую», стихир Пятидесятницы «Царю Небесный» и догматика 6-го гласа «Как не дивимся богомужному рождеству».
24. *Lento* — медленный, слабый, тихий темп в музыке.
25. Синкопа (*супсора*) — буквально «обрубание», смещение акцента с сильной доли такта на слабую.
26. Исполнение важнейшего жанра церковных песнопений — стихир — связано с пением определенных псалмических стихов. Стихиры (по форме это гимнографические строфы) как бы «прослаивают» последовательное исполнение стихов псалма. Стих 141-го псалма (Библия. Псалтырь. 141:8) «Изведи из темницы душу мою/исповедатися имени Твоему» начинает такое чередование псаломских стихов и гимнографических строф-стихир, составляющее первый цикл стихир на вечерне (из 10, 8, 6 или 4 стихир). Стихи псалмов получают название «запевы» (к стихирам) и поются на особые мелодии. Автор пишет о разучивании на уроке церковного пения напевов псалмических стихов.
27. Традиция обучения церковному пению до сих пор сохранила такое шуточное «памятогласие», например, на запев 1-го гласа: «О, дивное чудо! В монастыре жить худо».
28. *Fuga* — буквально, «бег», композиционная техника и форма полифонической музыки. В классической однотемной фуге несколько голосов, каждый из которых повторяет (имитирует) заданную тему.
29. Филиппов Сергей окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1902 г., Уфимскую духовную семинарию и Казанский университет. После 1917 г. работал в Перми техником.
30. Шеломенцев Александр окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1903 г.
31. Михаил Михайлович Щеглов.
32. В очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» автора: «Да простят меня атеисты разных типов: и те, которые стали таковыми от науки, и те, мимо которых религиозные предрассудки прошли мимо от рождения, я на всю жизнь сохранил в памяти красоту их напевов. Позднее, в пору юности, я, как и другие юноши в моём положении, пережил полосу исканий, сомнений, какие были у Ивана Карамазова, мой разум снял мистический оттенок с этих произведений, и содержание их в моём сознании получило характер легенд, но разум не был в состоянии разрушить художественные эмоции, порождённые этими произведениями». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 8).
33. Там же: «То, что в католической церкви увековечено было великими мастерами — художниками эпохи Возрождения в камне, глине и краской, то в православной церкви отражено в музыкальных произведениях целой плеяды композиторов. Нелишне отметить, что и Чайковский, и Римский-Корсаков пробовали свои силы в этом жанре, но не создали сколько-нибудь заметных произведений в этой области». (Там же. Л. 8–9).
34. Кастальский Александр Дмитриевич (1856–1926) — русский, советский композитор, хоровой дирижёр, фольклорист, музыковед. Вместе с С. В. Смоленским и В. С. Орловым был организатором Московского Синодального училища. Как духовный композитор, стал «родоначальником» Нового направления в русской духовной музыке.
35. В очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» автора: «Участвуя в хоре, я многому научился, что мне потом пригодилось в жизни. Я научился понимать необходимость дружеской спайки в коллективе, значение дисциплины в любом общественном предприятии. Главным же было то, что пение для меня стало органической потребностью. Эту любовь к пению зажёл во мне мой учитель и поныне здравствующий в Камышловле (ему 92 г[од]) Михаил Михайлович Щеглов». (Там же. Л. 10–11). М. М. Щеглов умер на 97-м году жизни, пережив своего ученика — автора воспоминаний. (Ред.).
36. Евгеньев-Дарский (Фон-Якобсон) Евгений Эдмундович — артист оперы (тенор). С 1901 г. выступал на оперных сценах Харькова, Москвы, Минска, Нижнего Новгорода, Самары. В Екатеринбурге выступал в 1905–1906 и 1908–1909 гг., Перми в 1908–1909 гг. Вёл антрепренёрскую деятельность.
37. Так в тексте. Правильно — репертуар.
38. В очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» автор уточняет: «...партии дисканта и альты в этом хоре составлялись из учеников духовного училища, а партии тенора и баса — из семинаристов. Этим именно хор семинарии отличался от хора Камышловского духовного училища, в котором моим амплуа была партия тенора, не соответствующая голосу этого тембра. Ясно, что эта особенность семинарского хора подкупала моё внимание к нему и, сказать прямо, увлечение им, хотя я не принимал участия в нём... Вопрос передо мной стоял так: как переломится мой голос, так возьмусь за его обработку». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 12, 13).

39. Песнопение «Да исправится молитва моя» (великий прокимен на литургии преждеосвященных даров) привлекало особое внимание благодаря традиции исполнения тремя солистами.
40. В очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» автор добавляет: «Итак, я был увлечён семинарским хором, так сказать, платонически, и это было единственно то, что примиряло меня, а думаю и других могих товарищей с тем, что вынуждены были иногда по 1,5–2 часа стоять в рядах в церкви шпалерами, стоять статуями под неослабным оком инспектора семинарии. С хор неслись чудесные звуки хора, благодаря чему богослужение превращалось в концерт. Не будучи участником хора *de facto*, душевно я как бы участвовал в нём. Я в музыкальных номерах узнавал иногда своих прежних знакомых по духовному училищу. Вслушивался в те номера, о которых мне раньше говорил брат и напевал отрывки из них, но чаще всего слушал нечто новое и из репертуара и по части исполнения». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 13).
41. Там же автор добавляет: «Я был убеждён, что голос мой креп и оформлялся с диапазоном в две октавы. Иногда я обнаруживал его в воспроизведении некоторых, хорошо усвоенных по слуху арий, например: «Неволью к этим грустным берегам», не раз прослушанной мною через граммофон». (Там же. Л. 25–26).
42. Там же автор добавляет: «Мои товарищи усиленно уговаривали меня обратиться к известной в Перми учительнице пения артистке М. Л. Василенко-Левитон на предмет проверки моего голоса и уроков по постановке его. Я это сделал, но недостаток средств на учение в этой школе привёл меня к тому, что я проучился месяц с небольшим и усвоил кое-что только по части постановки дыхания. Впоследствии обнаружилось, что у меня стала развиваться вредная привычка зажимать звук и форсировать, с чем пришлось бороться...» (Там же. Л. 26).
43. Фамилия автором не указана, имеется в виду регент хора Спасской церкви села Русская Теча Камышловского уезда.
44. Игнатьева Мария Владимировна — жена старшего брата В. А. Игнатьева, священника Игнатьева Александра Алексеевича.
45. В очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Моё участие в теченском хоре было разнообразным, и я его разделял на две группы: пение в общем хоре и пение в роли солиста по нотам, так сказать, академическое, квалифицированное пение». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 27).
46. Карасёв Алексей Николаевич являлся автором учебника «Методика пения»,

- использовавшемся в духовных учебных заведениях, в котором значительное внимание было уделено обиходному гласовому пению.
47. Автор имеет в виду «Хор и речитатив Странника»: хор «Во Иордан-реке мы от грехов омылись» и речитатив баса «С молитвой, братья отойдём на отдых» из 3-го действия оперы А. Н. Серова «Рогнеда».
48. В очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Я не помню, откуда появился у нас этот сборник, но хорошо запомнил наружный вид этой книжки. Была она сильно потрёпана, обшарпана, углы у неё были загнуты и обломаны. По всему было видно, что она была в «работе». В сборнике были хоровые номера из опер, отдельные музыкальные произведения в форме дуэтов и трио. Для меня эти ноты были первой ступенью к овладению светской музыкой, причём в лучших её образцах». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 41–42).
49. Из «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» («Наши песни на вечерах»). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 607).
50. Там же. Л. 606 об.–607.
51. В очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Я считал, что я только подошёл к тому, что мной владело с детства — стать певцом. С этой мыслью я и перешёл в следующую стадию своей жизни — в пору возмужания. Я оказался на распутье, но не имел возможности выбора будущего по своему желанию за отсутствием средств и поступил учиться в духовную академию, где представлялась возможность учиться на «казённый счёт», но в душе имел намерение продвигаться к своей идее — стать певцом, так сказать, окольным путём». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 51–52).
52. Эверарди Камилло (1825–1899) — бельгийский певец (баритон) и педагог.
53. Маркези Сальваторе (1822–1908) — итальянский певец (баритон) и музыкальный педагог.
54. Флотов Фридрих Адольф Фердинанд фон (1812–1883) — немецкий композитор.
55. Аренский Антон Степанович (1861–1906) — русский композитор, пианист и дирижёр, педагог.
56. Гурилёв Александр Львович (1803–1858) — русский композитор, пианист, скрипач.
57. Варламов Александр Егорович (1801–1848) — русский композитор, певец и музыкальный критик.
58. Дютш Оттон Иванович (1825–1863) — русский композитор, дирижёр.
59. Балакирев Милий Алексеевич (1837–1910) — русский композитор, пианист, дирижёр, педагог.

60. Вильбоа Константин Петрович (1817–1881) — русский композитор.
61. В очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Что же из себя представляло моё пение? Голое подражание? Нет! Уже потому не голое подражание, что пел я произведения, исполняемые разными голосами и в разных жанрах, но на моей интерпретации, конечно, сказывалась известная доля подражания, неизбежного в силу внушения, честно: я пытался в меру своих сил тоже «творить». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 53). Далее в очерке автор более подробно рассказывает о своих музыкальных предпочтениях в этот период.
62. Там же: «Наше положение — положение студентов академии в смысле опасности попасть в сети, было защищено бронёй устава, одна статья которого гласила, что жениться студентам запрещено до окончания курса, и они могли быть только потенциальными женихами, женихами «на завтра», а не на «сегодня», а это: не синица в рукавице, а сокол в небесах. Я пел на этих вечеринках, но, по всем признакам, без интереса к моей личности, потому что был только на первом курсе, а в этом случае — какой же я жених. Был, правда, один случай, когда я выступал, учась на четвёртом курсе, т.е., так сказать, как без пяти минут жених, но я был в созвездии других, более счастливых, женихов и не привлёк на себя внимание, тем более, что выступал со своими балладами, а те жгли романсами... Пели люди в мундирах, а слушали девушки из Казанского Родионовского института благородных девиц. Нет, я не обижался на то, что оказался в этом случае где-то на задах». (Там же. Л. 56).
63. Там же: «В июне 1910 г., когда я ехал на летние каникулы на пароходе из Казани до Перми, неожиданно для себя самого я дебютировал в салоне парохода в «концерте». Я имел неосторожность вечером первого дня своего путешествия подсесть к пианино для разучивания романса Денца «Вернись», был буквально схвачен на месте «преступления» скучающими дамами и подвергнут настойчивым просьбам спеть. И вот... соблазн был велик, и решился старик... Я пел две первые половины романса, с которыми был знаком раньше. Лиха беда начать, а дальше... пой, пой, и я пел одно и то же два вечера. Это и был первый случай в моей жизни выступления на «общественной арене» с «концертом». Помнится, что было что-то похожее на успех». (Там же. Л. 57).
64. Там же автор относит это событие к августу 1910 г. «Концерт проходил в клубе, в деревянном здании, с очень плохими акустическими данными. Было многолюдно, душно, и петь было очень трудно. Моим последним номером был романс Блейхмана, очень эффектный, но трудный для исполнения, требующий крепкого дыхания.

- В финале романса предлагалось двоякое решение одного выражения: на высокой ноте, что много эффектнее, и на низкой ноте. ...Я обычно пел по первому варианту и заканчивал романс с большим эффектом, но на этот раз я уже «выдохся» и пропел по второму варианту. Я воспринял это как поражение и ушёл с концерта с тяжёлым настроением. Мне много аплодировали, но эти аплодисменты мне казались на-смешкой. Мне потом передавали, что один ценитель моего пения так выразился о нём: «У него хороший голос, но он не умеет петь». Как видно, он понимал «ахиллесову пятю» моего пения, а именно — недостаток школы пения, что я сам, может быть, более, чем кто-либо другой, всегда сознавал». (Там же. Л. 58–59).
65. Малашкин Леонид Дмитриевич (1842–1902) — российский композитор, дирижёр, пианист.
66. Там же автор более подробно рассказывает о Верх-Теченском женском монастыре при посещении его летом 1911 и 1912 гг.: «Они [монашки. — Ред.] знали, что я учился в духовной академии, и знали о том, что архиереи тоже бывают выходцами из духовных академий после пострижения в монахи. И они меня спрашивали, буду ли я архиереем. Этот чин им представлялся, очевидно, самым заманчивым. Я сказал, что в монахи я не собираюсь, и заметил в глазах моих хористок подтверждение моего намерения, одобрения. Я опять-таки понял, что женщины всегда есть женщины, даже монашки. Одобрение я заметил и в глазах племянницы игуменьи Эмилии — Настеньки». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 62–64).
67. Там же автор весьма кратко описывает пребывание в [ороде] Бугуруслане и не упоминает ни о своей женитьбе, ни о выступлении в церковном хоре. «Меня не окружала привычная атмосфера пения, и год работы в реальном училище оставил в моей душе грустное сознание отрыва от привычной стихии пения». (Там же. Л. 62–64).
68. Там же автор уделяет внимание посещению Казанского оперного театра и артистам оперы, выступавшим в Казани. (Там же. Л. 59–60).
69. Там же: «Впервые я услышал в исполнении семинарского однородного хора фрагмент из «Сказания о граде Китеже» Римского-Корсакова «Поднялася с полуночи дружинушка хрестьянская». Исполнено было на высоком уровне — вдохновенно и увлекательно» (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 67). «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии» — опера Н. А. Римского-Корсакова.
70. Поляков Савва Иванович (1898–1937) — сын священника Красноуфимского уезда. Окончил Пермское духовное училище в 1912 г. и пять классов Пермской духовной семинарии в 1917 г.

71. Там же: «Посещал оперный театр, но здесь именно больше всего чувствовалось что время сделало своё дело: юность осталась только в воспоминаниях».... Я покинул свою *alma mater* с грустным чувством. Было грустно оттого, что так неудачно пришлось видеть её в скорбном виде, в положении, лишённом прежнего величия, и оттого, что под влиянием ушедших от юности лет у меня уже не было прежнего романтического отношения к ней и, наконец, приходилось уезжать от неё куда-то далеко с мыслью, что, вероятно, уже не придётся видеть её в том виде, в каком она сохранилась в моей памяти». (Там же. Л. 68).
72. В составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется обширный и подробный очерк «Годы жизни и работы в Белоруссии». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 396).
73. В очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор посвящает часть очерка рассказу о неразделённой любви Юлии Сервачинской к нему самому как исполнителю романсов. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 72–77).
74. Там же автор добавляет: «Люди, среди которых я оказался — учителя, обслуживающий технический персонал и т.д. — были, за исключением двух-трёх, украинцы и белорусы. С отдельными представителями из них мне приходилось встречаться в привычной мне среде и во время учения в академии и на работе в школе, но здесь, в своей специфической бытовой обстановке они предстали передо мной в новом виде. Это я скоро заметил, например, на том, что они пели преимущественно украинские песни, и пели так увлечённо, как мне не приходилось ещё слышать. Я был очарован их пением. Из русских песен, которые они пели, впервые я услышал песню «На заре туманной юности» для хора. Я испытал при этом редкое удовольствие. Но мне показалось куда хуже, чем у нас, на Урале, церковное пение мальчиков, а особенно бросался в глаза низкий уровень музыкального образования руководителей хором, который обслуживал нас во время наших учебных занятий». (Там же. Л. 71).
75. Хвалебнов Александр Васильевич — священник, смотритель Слуцкого духовного училища.
76. Штейнберг Михаил Карлович (1867–?) — российский композитор-любитель, поэт и аранжировщик, автор музыки и стихов более трёх сотен популярных песен и «цыганских» романсов начала XX века.
77. Глиэр Рейнгольд Морицевич (1874–1956) — советский, украинский и российский композитор, дирижёр, педагог, музыкальный и общественный деятель.
78. Там же автор более подробно рассказывает о знакомстве со своей поклонницей Таней Шукой. (Там же. Л. 78–80).
79. Там же автор уточняет и добавляет: «В планы моей жизни не входило сделаться когда-либо регентом хора да ещё церковного, но обстоятельства жизни поставили меня в такое положение. ...Стал вопрос: кому быть регентом? И меня нарекли таковым. Вспоминая своё прошлое, я мог бы сказать: тень Михаила Михайловича Щеглова, моего первого учителя, меня усыновила и нарекла регентом. Конечно же, я начал с того, что стал воспроизводить эту «тень», т.е. копировать те приёмы управления хором, которые были у моего учителя, а в выборе репертуара следовать тому, что мне было раньше знакомо и что я любил. Кое-что я учил своих хористов петь по нотам, а кое-что разучивали с ними по слуху. Сам я выступал в партии тенора... Теперь я должен покаяться в том, что, подобно своему первому учителю и регенту — М. М. Щеглову, грешил иногда вспыльчивостью и, прямо сказать, грубостью. ... Я вкладывал в своё руководство хором всё своё увлечение пением, как говорится, «всю душу». У меня были известные образы музыкального исполнения, и я старался их осуществить». (Там же. Л. 84–86).
80. Там же: «Участие в монастырском хоре и руководство им было только началом моей карьеры, а расцвет её относился уже сначала к участию, а потом и к руководству соборным хором. ...Мне пришлось управлять этим хором непродолжительное время. Здесь я, как регент, был в совершенно других условиях, чем в монастырском хоре: коллектив хористов был уже опытным, его репертуар определившимся, и мне приходилось только накладывать свои «краски» на исполнение. Придать исполнению индивидуальную окраску, отразить личный интерес и вкус на исполнении — всегда привлекало меня, и я испытывал удовлетворение своей работой только в том случае, когда мне удавалось добиться этого. Должен покаяться в том, что меня увлекала именно власть над другими душами, стремление подчинить их своей идее, и в этом я видел преимущество руководителя хора как художника перед другими, например, перед скульптором, который имел дело с глиной или камнем. Но зато это была более трудная работа...». (Там же. Л. 86).
81. Из автобиографических очерков В. А. Игнатъева «Петя Иконников» («Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии»): «Время от времени заходил петь смотритель духовного училища Хвалебнов, и в течение одного лета пела в партии альтов его дочь — Ольга Александровна Хвалебнова, в настоящее время заместитель председателя антифашистского фронта русских женщин и член советского Комитета защиты мира. Она сохранила отцовскую фамилию, и эта фамилия теперь передается по радио

- и встречается в важнейших документах современности, например, в последнем обращении Советского комитета защиты мира. Хор пел не плохо и признан был соперником соборного. Об участии в этих хорах у него остались самые лучшие воспоминания за всё время его пребывания в Белоруссии. Осталось много друзей, и он, надо думать, оставил по себе неплохую память». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 97–120). Хвалебнова Ольга Александровна (1902–1982) — советский общественный деятель, секретарь Союза писателей СССР в 1939–1942 гг., заместитель председателя правления Всесоюзного общества «Знание» в 1949–1969 гг., заместитель председателя Комитета советских женщин в 1941–1980 гг.
82. Там же: «Слуцк — древний город. От древних времён в нём остался мужской монастырь... Монастырь в это время уже захирел. Кроме настоятеля, в нем были ещё три монаха. У монастыря были земли, на которых работали батраки, и большой фруктовый сад. Монастырь был расположен на берегу речки Случь. Его старинный корпус с коридорами и сводчатыми кельями пустовал. При входе на площадь монастыря находились массивные ворота, а над ними небольшая церковь, которая и была церковью духовного училища». (Там же. Л. 97–120).
83. София Радзивилл — праведная София, княгиня Слуцкая, княгиня Радзивилл (1585–1612), последняя княгиня города Слуцка, святая Русской православной церкви.
84. Мощи святой Софии Слуцкой были известны и почитались с XVII века. Автор имеет в виду не открытие, а вскрытие мощей, которое, видимо, должно было произойти перед его отъездом из Белоруссии.
85. Автор имеет в виду дело Бейлиса — судебный процесс по обвинению еврея Менахема Менделя Бейлиса (1874–1934) в ритуальном убийстве 12-летнего ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского в 1911 г., инициированный активистами черносотенных организаций в 1913 г.
86. Гавриил Белостокский (1684–1690) — мученик, святой Русской православной церкви, почитаемый с XVIII века. Под открытием мощей автор имеет в виду случай, когда по делу Бейлиса сторона обвинения с целью морального давления на суд предъявила на заседании суда его мощи.
87. Кампания по вскрытию и уничтожению мощей святых производилась советской властью в целях атеистической пропаганды. Автор находился под влиянием этих событий.
88. Из автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии»): «Зимой 1923 г. в отделении [Центробелсоюза] проходили политпроверку все сотрудники. П. А. в общем успешно сдал экзамен, но было очевидно, что нужно изменять фронт работы: начальство косо смотрело на то, что он работает не по специальности, к тому же слишком популярно было в городе его участие в качестве солиста известного хора. В школах в это время вводился белорусский язык, который он не знал. Всё говорило о том, что нужно возвращаться на Урал, несмотря на то, что он в Слуцке уже глубоко пустил корни: был членом Горсовета и активным профсоюзным работником. Начались прощальные визиты, прощальное посещение хоров. Сколько было пережито, к чему привык, всё это нужно оставлять». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 97–120).
89. Там же: «Поезд проходил мимо монастырского фруктового сада, по которому много бродили, много кушали яблок, груш, слив. А. Ф. моя пролила слезу. Слуцк навсегда скрылся из поля зрения П. А. и А. Ф. Не думали они тогда, что его [Слуцк] впереди ждёт ещё большее несчастье в 1941 г., во время Второй имп[ериалистической] войны». (Там же. Л. 97–120).
90. В очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор посвящает часть очерка рассказу о своих музыкальных предпочтениях в Свердловском оперном театре 1920–1940-х гг.

Анастасий (Александров) (1861–1918) — сын священника Казанской губернии. Кандидат историко-филологических наук Казанского университета 1883 г., магистр сравнительного языковедения Дерптского университета 1886 г., профессор Казанского университета, декан историко-филологического факультета Казанского университета в 1905–1911 гг. Иеромонах с 1910 г., архимандрит с 1911 г., инспектор Казанской духовной академии в 1910–1912 гг., профессор кафедры славянских и румынской церквей, затем кафедры церковно-славянского и русского языков и палеографии. В 1912–1913 гг. епископ Чистопольский, второй викарий Казанской епархии и ректор Казанской духовной академии, в 1913–1918 гг. епископ Ямбургский, викарий Санкт-Петербургской епархии и ректор Санкт-Петербургской духовной академии. Учёный-славист.

Андриевский Тихон Петрович (около 1876–1935) — сын священника Терской области. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1900 г. В 1900–1903 гг. наблюдатель церковно-приходских школ Северной Осетии; в 1903–1905 гг. настоятель Карсского собора и благочинный 1-го округа; 30 января 1903 г. возведён в сан протоиерея; в 1903–1904 гг. председатель Карсского отделения Грузинского епархиального училищного совета и наблюдатель церковно-приходских школ Карсской области; в 1904–1905 гг. окружной миссионер Карсской области; 27 ноября 1905 г. по прошению уволен за штат. С 14 июля 1906 г. преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии; с 12 октября 1907 г. преподаватель логики, психологии, краткой истории и начальных оснований философии и дидактики.

Андроник (Никольский Владимир Александрович) (1870–1918) — епископ Пермский и Соликамский в 1914–1916 гг., Пермский и Кунгурский в 1916–1918 гг. Архиепископ с 1918 г. Духовный писатель, почётный председатель Новгородского и Пермского отдела Союза русского народа. Сын псаломщика. Окончил Ярославскую духовную семинарию и Московскую духовную академию в 1895 г. В 1893 г. принял монашеский постриг.

В 1897–1899 гг. — член Духовной миссии в Японии. В 1900–1903 гг. — ректор Уфимской духовной семинарии. Занимал ряд церковных должностей, среди которых: Епископ Киотоский в 1906–1907 гг., Епископ Тихвинский в 1908–1913 гг., Епископ Омский 1913–1914 гг. В 1917–1918 гг. участвовал в работах Поместного Собора Русской Православной церкви. 17 июня 1918 г. арестован Всероссийской чрезвычайной комиссией, 20 июня 1918 г. похоронен заживо в окрестностях города Перми. В 2000 г. причислен к лику святых Русской Православной церкви.

Анисимов Александр Ильич (1886–?) окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1902 г., Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1908 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1914 г. Настоятель Пермского Петро-Павловского собора в 1914–1916 гг., преподаватель русского языка и теории словесности в Пермском Романовском епархиальном женском училище, преподаватель латинского языка и философской пропедевтики в Пермской мужской гимназии имени Александра I, преподаватель в Пермской пастырско-миссионерской школе имени о[тца] Иоанна Кронштадтского. Протоиерей с 1916 г. Наблюдатель церковно-приходских школ Пермского уезда в 1916–1917 гг. Окончил юридический и философский факультеты Пермского университета. С 1923 г. в обновленчестве. Архиепископ Куйбышевский в 1924–1928 гг., митрополит Средне-Волжский в 1928–1932 гг. Магистр богословия (1926 г.). Арестован и осуждён на три года исправительно-трудовых лагерей в 1932 г.

Антоний (Храповицкий) (1863–1936) — сын дворянина Новгородской губернии. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1885 г., магистр богословия 1888 г. В 1891–1894 гг. ректор Московской духовной академии, в 1894–1900 гг. ректор Казанской духовной академии. Епископ с 1897 г., архиепископ с 1906 г., митрополит с 1918 г. Богослов, философ. Один из организаторов Союза русского народа. Основатель и глава Русской православной церкви за границей в 1920–1936 гг.

Афанасий (Малинин Александр Антонович) (1884–1939) — окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1904 г. с направлением в Казанскую духовную академию. Кандидат богословия Казанской духовной

академии 1908 г. Иеромонах с 1909 г., доцент кафедры пастырского богословия, затем кафедры церковно-славянского языка и русского языка и палеографии. Архимандрит с 1916 г., епископ с 1920 г., архиепископ с 1929 г., в 1930–1933 гг. архиепископ Казанский. Духовный писатель. Арестован и сослан, скончался в ссылке.

Бажов Павел Петрович (1879–1950) — сын горнозаводского мастера. Окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1893 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1899 г. Учитель приготовительного класса и учитель чистописания в 1-м и 2-м классах Екатеринбургского духовного училища в 1899–1902 гг., учитель русского и церковно-славянского языка в 1-м классе того же училища в 1902–1906 гг., учитель чистописания и черчения того же училища в 1906–1907 гг. Преподавал русский язык в Екатеринбургском епархиальном женском училище в 1907–1914 гг., затем в Камышловском духовном училище. Русский писатель, фольклорист, публицист, журналист. Автор уральских сказов.

Бакалдин Димитрий Александрович (1890–1916) — сын мещанина г. Екатеринбурга. Окончил Екатеринбургское духовное училище по 2-му разряду в 1904 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1910 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1914 г. В монашестве — Марк. Инспектор Пастырско-миссионерской школы имени о[тца] Иоанна Кронштадтского в 1914–1916 гг.

Белов Пётр Михайлович — сын священника Пермской губернии. Окончил 5 классов Пермской духовной семинарии в 1917 г. В 1917 г. поступил на исторический факультет Пермского университета. Получив высшее образование, работал в средних школах города Перми.

Белоусов Владимир Семёнович — сын священника Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1901 г., Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1908 г. и историко-филологический факультет Варшавского университета. Преподаватель географии в школах г. Свердловска.

Бирюков Аркадий Павлович (1892–1969) — окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1912 г. Учился в Казанском ветеринарном институте, но оставил студенческую скамью и поступил священником в село Шмаково бывшего Шадринского уезда, потом служил в селе Катайском. В 1925 г. окончил медицинский факультет Пермского университета по специальности педиатрия. Работал врачом в городе Шадринске. Заочно учился в Тимирязевской академии, затем в Мичуринском институте плодководства. В 1941 г. ушёл на фронт. Вышел на пенсию в 1958 г. Скончался в 1969 г. в городе Шадринске.

Бирюков Владимир Павлович (1888–1971) — окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1902 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1908 г., Казанский ветеринарный институт в 1912 г. и Московский археологический институт в 1915 г. Обучался в Московском сельскохозяйственном институте и был вольнослушателем историко-филологического факультета Томского университета. Заведующий музеем древностей Пермского государственного университета в 1920–1923 гг. Действительный член Центрального бюро краеведения при Академии наук СССР. В 1930–1938 гг. работал в Свердловском областном бюро краеведения, в 1940–1950 гг. работал в Шадринске. Член Союза писателей СССР с 1955 г. Директор Уральского архива литературы и искусства с 1964 г. Краевед, музеевед, архивовед, историк, археолог, фольклорист.

Богословский Иван Степанович (1893–1979) обучался в Соликамском духовном училище в 1903–1904 гг., окончил Пермское духовное училище в 1908 г., Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1914 г., Казанский университет и медицинский факультет Московского государственного университета в 1922 г. Штатный ординатор, ассистент факультетской терапевтической клиники Московского государственного университета до 1932 г., ассистент 1-й терапевтической клиники Московского медицинского института до 1936 г. В 1936–1940 гг. заведующий кафедрой факультетской терапии, заведующий факультетской терапевтической клиникой Ижевского медицинского института. После переезда в город Молотов до 1945 г. заведующий кафедрой инфекционных болезней и заведующий кафедрой пропедевтики внутренних болезней, профессор кафедры факультетской тера-

певтической клиники в 1945–1946 гг. и профессор кафедры госпитальной терапии Молотовского медицинского института в 1946–1948 гг. Затем заведующий кафедрой внутренних болезней Молотовского медицинского стоматологического института. В 1952–1957 гг. заведующий кафедрой факультетской терапии Молотовского государственного медицинского института, кандидат медицинских наук в 1936 г., доктор в 1940 г. Депутат Молотовского городского совета. Краевед.

Богословский Павел Степанович (1890–1966) обучался в Соликамском духовном училище в 1902–1904 гг., окончил Пермское духовное училище по 1-му разряду в 1905 г., 4 класса Пермской духовной семинарии в 1909 г. и историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и Санкт-Петербургский археологический институт в 1913 г. Преподаватель русского языка, литературы и латинского языка в Пермской второй мужской гимназии в 1913–1916 гг. Преподаватель и заведующий кафедрой русской литературы историко-филологического факультета Пермского государственного университета в 1916–1931 гг., профессор, в 1922 г. руководил Пермским губернским архивом, в 1924 г. директор Пермского научного музея, краевед. В 1932 г. был переведён в Московский центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой работы и Центральное бюро краеведения. В 1935 г. был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Отбывал наказание в Карагандинском исправительно-трудовом лагере, где первые два года руководил Музеем полупустынно-степной части Центрального Казахстана, потом работал метеорологом в Карлаге, освобождён в 1940 г. В 1940–1946 гг. заведующий кафедрой языка и литературы Карагандинского учительского института. В 1947–1948 гг. заведующий кафедрой русской литературы историко-филологического факультета Молотовского государственного университета. После переезда в Москву в 1956 г. работал над личным архивом, который впоследствии был передан в Пушкинский Дом (Институт русской литературы) Российской Академии наук.

Богословский Сергей Степанович (1887–1958) — сын протоиерея города Перми. Окончил Соликамское духовное училище по 1-му разряду в 1904 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1909 г. Кандидат бо-

гословия Казанской духовной академии 1913 г. Преподаватель Священного Писания Ветхого Завета и еврейского языка, классный воспитатель в Пермской духовной семинарии в 1913–1917 гг. Окончил историко-филологический факультет Пермского университета, в 1938–1958 гг. — заведующий научной библиотекой Пермского государственного фармацевтического института. Историк-краевед.

Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) — историк и общественный деятель, основатель и заведующий кафедрой русской истории историко-филологического факультета Пермского университета (1916–1918 гг.), председатель Пермской губернской учёной архивной комиссии (1917 г.), член-корреспондент Академии наук СССР (с 1934 г.), академик Академии наук СССР (с 1935 г.).

Гурий (Степанов) (1880–1937) — кандидат богословия Казанской духовной академии 1906 г., магистр богословия 1909 г. Иеромонах с 1906 г. Профессор по кафедре миссионерских предметов, архимандрит и инспектор Казанской духовной академии с 1912 г. Архимандрит Гурий пользовался среди студентов большим авторитетом, его называли душой казанского академического иночества. Доктор церковной истории 1916 г. Епископ с 1920 г., архиепископ с 1924 г. Духовный писатель, лингвист-монголовед. Расстрелян в 1937 г. Священномученик. Канонизирован Русской православной церковью за границей в 1981 г.

Дергачёв Алексей Иванович — сын протоиерея Пермской губернии. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1894 г. Кандидат богословия Санкт-Петербургской духовной академии 1898 г. В 1899–1900 гг. преподаватель греческого языка в штатных классах Вятского духовного училища; с 16 ноября 1900 г. преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии; с 14 августа 1903 г. преподаватель Священного Писания; с 1 октября 1903 г. преподаватель еврейского языка. Надворный советник, имел орден св. Станислава III степени.

Добролюбов Алексей Иванович — сын священника Ярославской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1882 г. В 1882–1883 гг. преподаватель латинского языка в Архангельском духовном училище;

в 1883–1889 гг. помощник смотрителя того же училища; в 1889–1900 гг. смотритель Шенкурского духовного училища; с 7 сентября 1900 г. преподаватель гражданской истории (всеобщей и русской) в Пермской духовной семинарии. Статский советник, имел ордена: св. Анны II и III степени и св. Станислава II и III степени.

Добронравов Константин Михайлович (1853–1933) — протоиерей, сын священника Нижегородской губернии. Кандидат богословия Санкт-Петербургской духовной академии 1880 г. В 1880–1883 гг. помощник смотрителя Соликамского духовного училища; в 1883–1889 гг. — смотритель того же училища; с 11 января 1889 г. преподаватель латинского языка в Пермской духовной семинарии; с 5 февраля 1889 г. священник Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора; с 9 февраля 1891 г. ректор Пермской духовной семинарии. Преподаватель Священного Писания в 6-м классе. Имел ордена: св. Владимира III и IV степени, св. Анны II степени, св. Станислава III степени и палицу.

Затопляев Александр Владимирович (1893–1966) — сын священника города Алапаевска. Окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1907 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1913 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1917 г.

Знамировский Николай Иванович (1878–1942) — сын чиновника Пермской губернии. Окончил Пермское духовное училище в 1893 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1900 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1904 г. С 16 сентября 1904 г. преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии; с 14 апреля 1906 г. преподаватель литургики, гомилетики и практического руководства для пастырей; с 8 мая 1908 г. инспектор Пермской духовной семинарии. Был членом Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. от мирян Пермской губернии, ректором Пермской духовной семинарии в 1919 г. Священник с 1919 г., протоиерей с 1921 г. В монашестве — Стефан. Епископ Шадринский с 1924 г. В 1924–1927 гг. временно управлял Пермской и Свердловской епархиями. Архиепископ Вологодский в 1934–1936 гг. Расстрелян 18 марта 1942 г. Священномученик Русской православной церкви.

Иваницкий Пётр Петрович (1890–?) — сын священника Соликамского уезда. Окончил Соликамское духовное училище по 2-му разряду в 1904 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1911 г.

Игнатъев Александр Алексеевич (1875–1920) — сын диакона Шадринского уезда. Окончил Далматовское духовное училище по 2-му разряду в 1887 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1893 г. Священник церкви Каменского завода Камышловского уезда. Расстрелян без суда 28 июня 1920 г. (Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия. Екатеринбург, 2001. С. 177).

Игнатъев Алексей Алексеевич (1879–1937) — окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1894 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1900 г. Священник, кандидат богословия Казанской духовной академии 1910 г. В 1910–1912 гг. законоучитель реального училища и старших классов третьей женской гимназии в городе Слободском Вятской губернии. В 1912–1913 гг. настоятель церкви училища слепых, законоучитель и преподаватель церковного хорового пения в Казанском Родионовском институте благородных девиц, лектор по литургики на Казанских Высших женских богословских курсах. С 1913 г. законоучитель в Вятской первой мужской гимназии. Работал в составе Вятской учёной архивной комиссии, собирал сведения о деятельности известных вятских священников и композиторов. Писал статьи и читал лекции по истории церковного пения, пастырскому и нравственному богословию, религиозной педагогике, сотрудничал с «Вятскими епархиальными ведомостями». Был членом Вятского церковно-певческого общества. Организатор любительских хоров церковного пения. В 1916 г. провёл в Вятке занятия церковнопевческих курсов. Магистр богословия Казанской духовной академии 1916 г. Протоиерей с 1916 г. В 1916–1919 гг. законоучитель Екатеринбургской мужской гимназии. В марте 1917 г. принял участие в создании Екатеринбургского певческого общества. С 1917 г. член Екатеринбургской духовной консистории. Член Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. от Екатеринбургской епархии. В 1918 г. преподаватель в педагогическом институте в г. Златоусте. В 1918–1922 гг. преподаватель Красноярской народной консерватории. В 1922 г. перешёл в «обновленчество»

и был переведён в Томск в качестве священника Петропавловского кафедрального собора. Затем отказался от священного сана. С 1922 г. преподавал музыкально-теоретические дисциплины и хоровое дело в Томском музыкальном техникуме. В сентябре 1926 г. участвовал в конференции преподавателей музыкальных техникумов РСФСР в Ленинграде. В июле 1937 г. был арестован по обвинению в участии в кадетско-монархической организации, якобы готовившей свержение советской власти. 18 августа 1937 г. осуждён, 29 августа 1937 г. расстрелян. В 1960 г. реабилитирован за отсутствием состава преступления (Православная энциклопедия. Т. 21. С. 153-155).

Игнатъев Николай Алексеевич (1892–1956) — сын диакона Шадринского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1913 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1917 г. Работник народного образования, учитель.

Игнатъев Сергей Александрович (1896–?) — сын священника Камышловского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1911 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1917 г. В 1918 г. работал инспектором школ Камышловского уезда. В 1919–1920 гг. мобилизован в армию Колчака. По окончании Гражданской войны работал учителем.

Кандауров Владимир Александрович (1868–?) — сын дворянина Курской губернии. Окончил курс в Харьковском университете с дипломом I степени в 1892 г. С 17 сентября 1892 г. преподаватель физики и математики в Пермской духовной семинарии. Статский советник, имел ордена св. Станислава II и III степени и св. Анны III степени.

Карасёв Алексей Николаевич (1854–1914) — русский музыкант педагог, разработавший свою методику обучения музыке. Основные труды — «Детские песни», «Сборник первых песен», «Объяснение к подвижным нотам и начальные занятия по пению в школе». Автор учебника «Методика пения», использовавшегося в духовных учебных заведениях.

Козельский Владимир Петрович (1895–1973) — окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1909 г. и Пермскую духовную

семинарию по 1-му разряду в 1915 г. Обучался в Казанской духовной академии в 1915–1917 гг.

Козельский Феликс Михайлович (1891–1937) — сын псаломщика Шадринского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1912 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1916 г. В 1928–1930 гг. протоиерей Успенского собора Верх-Исетского завода города Свердловска.

Круглов Алексей Николаевич (1866–1902) — русский оперный певец и педагог. В 1895–1902 гг. работал в Перми, пользовался большой любовью и уважением у жителей города. В 1901–1902 гг. преподавал на организованных в Перми певческих курсах. Скончался 4 (17) апреля 1902 г. по дороге из Перми в Москву.

Лепешинский Леонид Васильевич (1870–1949) — сын протоиерея, окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1889 г. и Томский университет в 1896 г. Хирург, работал врачом в Екатеринбургском земстве, с 1909 г. — главный врач Верх-Исетского госпиталя, с 1924 г. — заведующий отделением. Заслуженный врач РСФСР 1944 г., кандидат медицинских наук 1948 г.

Липин Павел Александрович окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1912 г., кандидат богословия Казанской духовной академии 1916 г. Преподаватель Екатеринбургского торгового училища. Заведующий учебной частью и преподаватель Свердловского медицинского рабфака. Преподаватель латинского языка Свердловского медицинского института.

Луканин Василий Михайлович (1889–1969) — сын священника Пермской губернии. Учился в Пермской духовной семинарии, ок. 1908 г. вышел из неё по окончании общеобразовательных классов. Оперный артист, *bass-cantato*. В 1918 г. пел в Пермской опере как ведущий солист. В годы Великой Отечественной войны пел в Ленинградском оперном театре. С 1937 по 1948 г. был репрессирован и потерял голос.

Луканин Владимир Павлович (1890–1953) — сын псаломщика Екатеринбургского уезда. Окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му

разряду в 1905 г. и медицинский факультет Томского университета в 1914 г. Кандидат медицинских наук 1939 г., доктор медицинских наук 1949 г. Профессор Свердловского государственного медицинского университета.

Луканин Стефан Александрович (1841–1904) — протоиерей, миссионер. Основатель Свято-Николаевского Белогорского православно-миссионерского мужского монастыря, духовник Пермской духовной семинарии. Скончался 12 марта 1904 г.

Мавровский Николай Николаевич (1888–1960) — сын священника г. Далматова Шадринского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1909 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г. Преподаватель Белгородской духовной семинарии, член Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. от мирян Курской губернии. После революции преподаватель географии в педтехникумах и средних школах Белгорода и Москвы.

Миролюбов Александр Павлович — сын протоиерея Саратовской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1896 г. В 1896–1897 гг. профессорский стипендиат Казанской духовной академии. В 1898–1899 гг. преподаватель богословских наук в Александровской миссионерской духовной семинарии. Магистр богословия 1899 г. С 20 ноября 1902 г. инспектор Пермской духовной семинарии. Преподаватель Священного Писания в 5-м классе. Коллежский советник, имел ордена св. Анны III степени и св. Станислава III степени.

Михайлов Максим Дормидонтович (1893–1971) — русский певец (бас-профундо), протодиакон. Посвящён в сан диакона в 1914 году, а в 1924 году в Москве служил протодиаконом в церкви Василия Кесарийского. В храме славился как певец, исполнитель сольных «ектений», «Разбойника», «Ныне отпускаеши», параллельно со службой продолжал заниматься вокалом. В 1930 г. Михайлов ушёл из церкви и поступил в оперную труппу Радиоцентра, а в конце 1932 г. был приглашён в Большой театр, где он спел почти все ведущие басовые партии. Михайлов пел главную партию в спектакле «Иван Сусанин» 9 мая 1945 года.

Морозов Василий Георгиевич (1879–?) — сын священника Рязанской губернии, окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1899 г. Священник с 1900 г., миссионер Пермского уезда в 1902–1913 гг. и с 1914 г., наблюдатель церковно-приходских школ Пермского уезда в 1902–1911 гг. Автор «Краткого исторического очерка жизни и деятельности церковных школ в пределах Пермского уезда». Протоиерей. С 1920-х гг. в обновленчестве. В 1933 г. арестован и осуждён к ссылке на два года. Дальнейших сведений не имеется.

Мухин Александр Александрович (1874–1919) — сын священника Камышловского уезда. Окончил Далматовское духовное училище по 1-му разряду в 1888 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1894 г. Окончил медицинский факультет Томского университета в 1898 г. Работал земским врачом пригородной зоны города Камышлова.

Никитин Иоанн Алексеевич (1842–1918) был родом из села Покчи Чердынского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1862 г. Регент архиерейского хора в 1868–1871, 1874–1875, 1883–1894 гг. Протоиерей Мотовилихинской Свято-Троицкой церкви в 1902–1906 гг., Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора в 1906–1918 гг. Автор называет протоиерея И. А. Никитина то своим дедушкой, то дядей. По всей видимости, он приходился В. А. Игнатьеву двоюродным дедом.

Пономарёв Павел Петрович (1872–?) окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1893 г. с определением к поступлению в академию. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1897 г., магистр богословия 1899 г., доктор богословия 1909 г. Профессор догматического богословия Казанской духовной академии. После революции 1917 г. П. П. Пономарёв был профессором на рабфаке Политехнического института, преподавателем на 1-х пехотных красноармейских курсах, на общеобразовательных курсах для взрослых. Работал инструктором политики экономического кружка на 16-х пехотных курсах по подготовке ударной группы политработников. В 1921 г. был в числе лиц, проходивших по групповому делу преподавателей Казанской духовной академии, осуждённых по обвинению в нарушении Декрета ВЦИК об отделении церкви от государства

и школы от церкви и приговорённых к одному году заключения в концлагерь условно.

Попов Александр Степанович (1859–1906) — сын священника Верхотурского уезда. Обучался в Далматовском духовном училище в 1868–1870 гг., окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1873 г., 4 класса Пермской духовной семинарии в 1877 г. Кандидат физико-математических наук Санкт-Петербургского университета 1882 г. Преподаватель кафедры физики Санкт-Петербургского университета. Преподаватель физики, математики и электротехники в Минном офицерском классе в Кронштадте, преподаватель физики в Техническом училище Морского ведомства в Кронштадте в 1890–1901 гг. Почётный инженер-электрик 1899 г. Профессор физики Императорского электротехнического института в 1901–1905 гг., ректор в 1905–1906 гг. Изобретатель радио.

Попов Михаил Васильевич (1885–1964) — сын крестьянина Пермского уезда. Окончил Пермское духовное училище по 1-му разряду в 1901 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1908 г. Регент семинарского хора в 1904–1908 гг. Регент церковного хора Николаевской церкви г. Шадринска в 1908–1913 гг., регент архиерейских хоров в г. Екатеринбурге в 1913–1914 гг. и г. Перми с 1914 г., учитель пения в Пермской духовной семинарии с 1914 г.

Рубинов Александр Стефанович (1878–?) — сын священника Тамбовской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1903 г. С 6 ноября 1903 г. преподаватель основного, догматического и нравственного богословия в Пермской духовной семинарии.

Рыбаков Александр Константинович (1887–1930-е) окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1901 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1907 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1911 г., преподаватель основного богословия и секретарь правления Пермской духовной семинарии.

Сатрапинский Иван Иванович (1884–?) — сын священника. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1905 г. Кандидат бого-

словия Казанской духовной академии 1909 г. В 1910–1919 гг. доцент кафедры психологии Казанской духовной академии. С 1919 г. исполнял обязанности заведующего отделом народного образования Уфимской городской управы и заведующего отделом народного образования Бирской земской управы. С 1921 г. преподаватель философских и педагогических дисциплин факультета общественных наук Пермского государственного университета.

Сахаров Иван Кузьмич окончил Тамбовскую духовную семинарию в 1886 г. В 1886–1889 гг. канцелярский служащий в Тамбовском отделении Государственного Банка. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1893 г. В 1893–1895 гг. надзиратель в Тамбовской духовной семинарии. В 1895–1901 гг. помощник инспектора Пермской духовной семинарии. В 1901 г. был определён учителем латинского языка в Камышловское духовное училище, с 7 сентября 1910 г. преподавал также русскую церковную и гражданскую историю в 3-м классе. Статский советник, имел орден св. Анны III степени.

Серебренников Павел Николаевич (1849–1917) — сын священника Пермской губернии. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1870 г. и курс в Императорской медико-хирургической академии в 1876 г.; доктор медицины 1885 г. С 20 февраля 1887 г. врач и преподаватель гигиены, анатомии и медицины при Пермской духовной семинарии. Коллежский советник, имел ордена св. Анны II и III степени и св. Станислава II и III степени.

Собянин Николай Егорович (Георгиевич) (1880–?) — сын священника Пермской губернии, окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1900 г. В 1900–1903 гг. надзиратель в Пермском духовном училище, в 1903–1908 гг. — надзиратель в Соликамском духовном училище.

Ставровский Иван Николаевич (1876–1967) — сын священника. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1895 г. С 1896 г. псаломщик церкви Каслинского завода Екатеринбургского уезда. С 8 февраля 1897 г. по 1903 г. — надзиратель за учениками Камышловского духовного училища.

Страхов Николай Николаевич (1828–1896) — русский философ, публицист, литературный критик. Автор книг: «Мир как целое» (1872), «О вечных истинах» (1887), «Философские очерки» (1895), в которых высшей формой познания считал религию, критиковал современный материализм.

Струминский Василий Яковлевич (1880–1967) — сын псаломщика Каменец-Подольской губернии. Кандидат богословия Московской духовной академии 1903 г. С 9 августа 1903 г. преподаватель церковной и библейской истории и истории русской церкви в Пермской духовной семинарии; с 1 октября 1903 г. преподаватель немецкого языка.

Успенский Александр Феодосиевич — сын протоиерея Костромской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1886 г. В 1887–1902 гг. преподаватель русского языка с церковно-славянским в Солигаличском духовном училище. С 25 июля 1902 г. преподаватель обличительного богословия, истории и обличения русского раскола и помощник инспектора в Пермской духовной семинарии.

Фаминский Валериан Александрович (1851–1913) — сын священника Нижегородской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1880 г. С 1 августа 1880 г. преподаватель теории словесности и истории русской литературы в Пермской духовной семинарии; одновременно с 22 сентября 1895 г. преподаватель французского языка. Статский советник, имел ордена: св. Владимира IV степени, св. Анны II и III степени и св. Станислава II и III степени.

Шишёв Александр Николаевич (1892–197?) — сын диакона Камышловского уезда, окончил Камышловское духовное училище в 1908 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1914 г., обучался в Киевском коммерческом институте (не закончил). В 1915–1916 гг. надзиратель в Камышловском духовном училище. В 1917–1919 гг. заведующий отделом внешкольного образования Камышловского уездного земства и Камышловского уездного исполкома. В 1919 г. мобилизован в армию А. Колчака, затем перешёл в Красную Армию. В 1922–1923 гг. работал в политпросвете Каменского уездного отдела народного образования. Окончил Ека-

теринбургскую губернскую совпартшколу в 1923 г. В 1923–1924 гг. преподаватель экономических дисциплин и завуч Камышловского техникума по подготовке кооперативных работников. В 1924–1927 гг. преподаватель экономических дисциплин и краеведения Свердловского среднего политехникума, промышленно-экономического, автодорожного и других техникумов. В 1927–1929 гг. заведующий кабинетом краевой экономики Урало-Сибирского коммунистического университета. В 1929–1934 гг. экономист, затем руководитель группы дорожно-экономических изысканий Уральского облавтошосдора. В 1935–1956 гг. на разных должностях плано-экономической работы в Обь-Иртышском, затем Омском облавтошосдоре. Последняя должность — начальник плано-экономического и финансового отдела Омского управления Министерства автомобильного транспорта и автомобильных дорог. Краевед, автор воспоминаний о подпольной библиотеке пермских семинаристов и семинарском театре. Составитель картотеки «Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии», которая содержит почти 1500 персоналий семинаристов.

Щеглов Михаил Михайлович (1875–1972) — окончил Московское Синодальное училище церковного пения со званием регента в 1894 г. Учитель церковного пения и чистописания в Камышловском духовном училище в 1894–1918 гг. С октября 1907 г. состоял также учителем черчения. Коллежский асессор. В 1944–1956 гг. был заведующим Камышловской музыкальной школой.

Юрьев Александр Николаевич — сын диакона Курской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1879 г. С 22 сентября 1879 г. преподаватель логики, психологии, начальных оснований и краткой истории философии и дидактики в Пермской духовной семинарии. Статский советник, имел ордена св. Анны II и III степени и св. Станислава II и III степени.

СЛОВАРЬ ЛАТИНСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ

- *A capella* — буквально «как в капелле», хоровое пение без сопровождения.
- *Ad absurdum* — «до абсурда, но нелепости».
- *Alea iacta est!* — «Кости брошены!»
- *Alma mater* — буквально «мать-кормилица», старинное неформальное название учебных заведений (университетов, которые изначально давали в основном теологическое и философское образование), как организаций, питающих духовно.
- *Cogito, ergo sum* — «Мыслю, следовательно, существую».
- *Contradictio in adjecto* — «противоречие в определении».
- *Credo* — буквально «верю», личное убеждение, основа мировоззрения.
- *Credo quia absurdum est* — «Я считаю, что это неразумно».
- *Curriculum vitae* — ход жизни.
- *De facto* — «по сути, фактически».
- *Deus sive natura* — «Бог или природа».
- *Dixi et animam levavi!* — «Я сказал и облегчил душу!»
- *Ergo* — тогда, следовательно.
- *Homo sum et omnia humana mihi non aliena sunt* — «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо».
- *In folio* — в формате сложенного вдвое типографского листа большого формата, отсюда — фолиант, книга больших размеров.
- *Lege artis* — по закону искусства.
- *O tempora, o mores!* — «О времена, о нравы!»
- *Perpetuum mobile* — «вечный двигатель».

- (*Sic!*) — латинское слово, означающее «так», «таким образом», «именно так». В. А. Игнатъев часто использует это слово для того, чтобы показать, что предыдущее необычное написание является цитатой, а не ошибкой, а также для указания на важность данного места в тексте, согласия с ним или иронического отношения к нему.
- *Sic transit gloria mundi!* — «Так проходит мирская слава!»
- *Sit tibi terra levis* — «Пусть земля тебе будет пухом».
- *Sit tibi, amice care, terra levis* — «Пусть тебе, друг ушедший, земля будет пухом».
- *Sit tibi, amice noster, terra levis* — «Пусть тебе, друг наш, земля будет пухом».
- *Sit vobis, magistri nostri, terra levis!* — «Пусть вам, учителя наши, земля будет пухом!»
- *Tabula rasa* — чистая доска.
- *Teci, quod potui, faciant meliora potentes* — «Я сделал, что мог, пусть сделают могущие (сделать) лучше».
- *Tempora mutantur, e nos mutamur in illis* — «Времена меняются, и мы меняемся в них».
- *Tertium non datur* — третьего не дано (закон исключения третьего).
- *Terra incognita* — неизвестная земля.
- *Veto* — буквально «запрещаю», право, означающее полномочие лица или группы лиц в одностороннем порядке заблокировать принятие того или иного решения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАПК — Государственный архив Пермского края
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
г. — год
гг. — годы
д. — дело
л. — лист
об. — оборот
оп. — опись
пр. — прочее
рабфак — рабочий факультет
ред. — редактор
с. — страница
св. — святой
см. — смотри
т. д. — так далее
т. е. — то есть
ф. — фонд
Ф. печ. изд. — Фонд печатных изданий

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аввакум Петров, *протопоп* · 187
Августин Блаженный · 187
Агафуровы · 25, 30
Агреньев-Славянский Дмитрий Александрович · 263
Агреньева Маргарита Дмитриевна · 263
Азеф Евно Филишевич · 160
Азеев Евстафий Степанович · 136, 137
Аксаков Сергей Трофимович · 258
Александр (Анисимов), см. Анисимов Александр Ильич
Александр I, *император* · 107
Алексий (Палицын), *архиепископ* · 166
Аллеманов Дмитрий Васильевич · 67, 75
Альстер Оскар Семёнович · 181
Алябьев Александр Александрович · 90
Анастасий (Александров), *епископ* · 191, 280
Андреев Леонид Николаевич · 24, 25, 156, 158, 197, 208
Андрей Критский · 81, 83
Андреевский Тихон Петрович, *протоиерей* · 24, 49
Андроник (Никольский), *архиепископ* · 51, 280
Анисимов Александр Ильич · 7, 22, 60, 104, 154, 158, 163–166, 180, 281
Анохин Андрей Викторович · 101, 106
Антоний (Храповицкий), *митрополит* · 189, 190, 192, 281
Аренский Антон Степанович · 256, 273
Аристотель · 156
Арнольд, *генерал* · 258
Архангельский Александр Андреевич · 67, 83, 131, 253
Архангельский В. А. · 31
Афанасий (Малинин) · 7, 184, 190–192, 282

Б

Бажов Павел Петрович · 118, 126, 219, 282
Бакалдин Димитрий Александрович · 23, 165, 282
Балакирев Милий Алексеевич · 256, 264, 273
Барбатенко Любовь Васильевна · 16, 23, 71, 73, 118, 177, 252
Бейлис Менахем Мендель · 266, 278
Белов Пётр Михайлович · 68, 282
Белоусов Владимир Семёнович · 7, 169, 207–210, 282
Беневский Василий Дмитриевич · 67
Бетховен Людвиг ван · 21
Бирюков Андрей Владимирович · 111
Бирюков Аркадий Павлович · 25, 118, 283
Бирюков Василий Павлович · 105
Бирюков Вениамин · 169
Бирюков Виталий Анатольевич · 127
Бирюков Владимир Александрович, *протоиерей* · 162, 196
Бирюков Владимир Павлович · 118, 127, 172, 175, 283
Бирюков Михаил Владимирович · 110, 202
Бирюкова Екатерина Анатольевна · 111
Бирюкова Мария Владимировна · 194
Бирюкова Софья · 115
Благовидов Фёдор Васильевич · 191
Блейхман Юлий Иванович · 256, 257
Боголепов Виталий Николаевич · 78, 113
Богомоллов Григорий Иванович · 68, 73, 75, 76, 112, 113, 114, 259
Богомоллова Екатерина · 112
Богословская Милица Сергеевна · 141
Богословский Иван Степанович · 63, 90, 114, 118, 137, 207, 216, 266, 283
Богословский Николай Степанович · 141, 143
Богословский Павел Степанович · 33, 47, 48, 118, 142, 284
Богословский Сергей Степанович · 7, 138, 139, 141, 143, 285
Богословский Стефан Михайлович · 136

Болтинский Иван Петрович · 139, 143
Борисенко Алексей Григорьевич · 23, 30, 59, 62
Бортнянский Дмитрий Степанович · 66, 74, 81–83, 137, 168, 250
Борчанинов Александр · 7, 30, 89, 92, 144–148
Борчанинов Павел · 23, 30, 89, 145, 166
Будрин Андрей · 66, 74, 206
Будрин Михаил · 199, 206
Буткин Александр Григорьевич · 108
Буткин Григорий Иванович · 108, 242
Буткин Николай Григорьевич · 108, 109

В

Вагнер Рихард · 253
Варламов Александр Егорович · 256, 264, 273
Варрон Реатинский · 235
Варсонофий (Лузин), *иеромонах* · 193
Василенко-Левитон Мария Львовна · 71, 78, 133, 251, 252, 254, 256, 272
Ведель Артемий Лукьянович · 75, 79, 80, 130, 135, 250, 259
Велизариий Мария Ивановна · 22, 30, 59
Вениамин (Салабашев), *иеромонах* · 192, 193
Вергилий · 121
Верди Джузеппе · 58, 70, 119, 253, 259
Верстовский Алексей Николаевич · 58, 70, 77, 256
Вильбоа Константин Петрович · 256, 257, 263, 274
Винавер Александр Маркович · 235–237
Вишневский · 21
Владимир Мономах, *великий князь* · 226
Воротников Павел Максимович · 59, 62, 87, 89, 91, 258
Воскресенский Александр Александрович, *протоиерей* · 41, 42
Выськолёт Елена Ивановна · 256

Г

Гааз Фёдор Петрович · 214
Гавриил Белостокский · 266, 278
Галаган Григорий Евдокимович · 79
Галеви Жак Франсуа Фроманталь Эли · 59, 62
Гедеонова · 175
Гераклит · 156
Гермоген, *патриарх* · 220
Георгиевский Александр Петрович · 221
Геронтий, *иеромонах* · 81
Гёте Иоганн Вольфганг фон · 10
Глинка Михаил Иванович · 58, 61
Глиэр Рейнгольд Морицевич · 264, 276
Гоголь Николай Васильевич · 154
Годар Бенджамен · 23
Гольтисон Михаил Александрович · 71, 73, 77, 105, 177
Гомер · 163, 166
Гончаров Иван Александрович · 11, 15, 199
Гораций · 95, 96
Горбунов Александр Степанович · 64, 74, 111, 201
Городцов Александр Дмитриевич · 206, 251, 252
Горький Максим · 24, 28, 59, 106, 182
Граников Георгий Александрович · 143
Греков Борис Дмитриевич · 142, 285
Грибушины · 93, 94, 251
Гроздский · 256
Громов В. И. · 236
Гуно Шарль Франсуа · 58
Губкинский Иван Ермилович · 209, 235
Гурий (Степанов), *архимандрит* · 220, 285
Гурилёв Александр Львович · 256, 257, 264, 273

Д

Данте Алигьери · 149, 183
Даргомьжский Александр Сергеевич · 58, 61, 70, 71, 111, 119, 133, 206, 252, 254, 256, 257
Де-Вос-Соболева Елена Викторовна · 23, 30, 59, 253
Дегтярёв Семён Аникиевич · 269
Декарт Рене · 156
Демерт · 262
Денца Луиджи · 71, 77, 133, 137, 252, 256, 274
Дергачёв Алексей Иванович · 47, 194
Державин Гавриил Романович · 46, 120, 124
Диев Владимир Димитриевич · 266
Длусский Эразм Яковлевич · 256
Добролюбов Алексей Иванович · 47, 286
Добролюбов Николай Александрович · 47, 286
Добронравов Константин Михайлович, *протоиерей* · 75, 157, 194, 286
Добрынина Марина Спиридоновна · 112
Докторович · 262
Достоевский Фёдор Михайлович · 41, 50, 192
Дроздов Арсений Алексеевич · 184, 185
Дунаева · 258
Дютш Оттон Иванович · 256, 273

Е

Евгеньев-Дарский (Фон-Якобсон) Евгений Эдмундович · 253, 271
Егорова Мария Яковлевна · 242
Ермолаев Сергей · 31

Ж

Жуков Фёдор Алексеевич · 139, 140, 143
Жуковский Василий Андреевич · 10, 269

З

Замятин · 127
Затопляев Александр Владимирович · 7, 118, 126, 219, 221, 234, 286
Захаров · 265
Захаров Алексей · 68, 69, 71, 72, 75, 77, 128
Зданко, *братья* · 265
Зеленцов Василий · 153, 159
Зельдович · 236
Знамировский Николай Иванович · 14, 50, 139, 158, 180, 184, 226, 184
Золотухин Николай · 164, 166

И

Иваницкий Николай · 24
Иваницкий Пётр Петрович · 22, 58, 69, 71, 72, 132, 134, 252, 253, 287
Иванов Виктор Ананиевич · 139, 143
Игнатъев Александр Алексеевич · 272, 287
Игнатъев Алексей Алексеевич · 7, 74, 110, 114, 184, 198–207, 287
Игнатъев Алексей Иванович, *диакон* · 198, 205
Игнатъев Василий Алексеевич · 7, 15, 90, 106, 114, 118, 127, 137, 139, 160, 197, 206, 207, 216, 222, 224, 230, 233–237, 272, 277, 278
Игнатъев Николай Алексеевич · 7, 73, 111, 113, 218, 219, 288
Игнатъев Сергей Александрович · 7, 105, 225, 288
Игнатъева Александра Алексеевна · 114
Игнатъева (Бирюкова) Мария Владимировна · 272
Игнатъева (Зигер) Анна Фридриховна · 258, 261, 266
Игнатъева (Удникова) Вера Александровна · 202
Иеремя, *пророк* · 238
Иоанн Богослов · 28, 41, 44, 83, 91
Иоанн Златоуст · 56
Иоанн Кронштадтский · 59, 62, 281
Иона (Покровский), *иеромонах* · 187, 189
Ионий Марцелл · 235

Ионин Павел Петрович · 64, 74, 111, 201
Иринея (Орда), *епископ* · 145, 148, 154
Исакова Зинаида Ивановна · 219
Иштутина Зинаида Фёдоровна · 134, 137

К

Казаков · 127
Калашников Иван Михайлович · 112
Калашников Павел Николаевич · 121
Калинин Михаил Иванович · 180
Калиновская · 23, 30, 59, 253
Кандауров Владимир Александрович · 43, 78, 194, 220, 288
Карасёв Алексей Николаевич · 49, 58, 77, 254, 272, 288
Кастальский Александр Дмитриевич · 251, 271
Катилина · 166, 205, 207
Кашеваров С. · 263
Квашенко · 23, 62
Квинт Гораций Флакк, см. Гораций
Кетов Николай · 129, 136
Киселёв Целлестин Андреевич · 7, 224
Клауэр Мартин Готтлиб · 70, 104, 133, 252, 254, 264
Ковальская Маланья (Маланя) · 265
Ковальский Валерий Антонович · 17, 173
Кожевников Алексей Владимирович · 139, 140
Козельский Владимир Петрович · 7, 50, 225–230, 289
Козельский Григорий Михайлович · 7, 148–160, 179
Козельский Феликс Михайлович · 289
Козлов Иван Иванович · 84, 90
Козловский Иван Семёнович · 87, 91, 247
Кокосов Михаил Яковлевич · 118
Колчина Ольга Николаевна · 31

Кольцов Алексей Васильевич · 200, 204, 241, 269
Комелькова Пелагея · 241
Комиссаржевский Фёдор Петрович · 23, 30, 58, 253
Кони Анатолий Фёдорович · 214
Конюхов Константин Иванович · 79
Корнилов Иван Иванович · 71, 73, 113
Коровин Василий · 163, 166
Коровин Марин Александрович · 69, 77
Косолапов Георгий Николаевич · 79
Коханович Анна (Аня) · 265
Коханович Мария (Маруся) · 265
Кочергин Николай Евтропиевич · 141, 143, 256
Крамер Иван · 15
Криводубская Аполлинария (Поля) · 266
Криводубский Игнатий Игнатъевич · 263–265
Круглов Алексей Николаевич · 57, 206, 289
Крупин · 151
Крупицкий В. Е. · 82
Ксенофонт · 121
Кудряшов · 150
Кузякин В. П. · 211
Кульчицкая · 265
Куприн Александр Иванович · 24
Кусков Иван Васильевич · 79
Кушнерёв · 32

Л

Ласин Сергей · 69, 71, 72, 74, 118, 127, 132, 134, 137, 252, 253
Лебедев Михаил Михайлович · 263
Левицкий А. А. · 58
Леонардо да Винчи · 90, 250

Леонов · 104
Лепешинский Василий Иванович · 215
Лепешинский Леонид Васильевич · 7, 118, 126, 212–217, 289
Лермонтов Михаил Юрьевич · 49
Липин Павел Александрович · 7, 118, 230–235, 289
Липин Павел Алексеевич · 127
Лирман Василий · 161, 166, 249
Локк Джон · 156
Ломакин Гавриил Якимович · 67, 75
Лука, *евангелист* · 83
Луканин Василий Михайлович · 127, 289
Луканин Владимир Павлович · 7, 118, 126, 216, 290
Луканин Павел · 216
Луканин Стефан Александрович, *протоиерей* · 37, 80, 176, 290
Лукашенко Николай Семёнович · 139–143
Луций Сергей Катилина, см. Катилина
Любавский М. М. · 236
Ляпустин Александр Сергеевич · 202
Ляпустина (Бирюкова) Таисья Александровна · 162

М

Мавровский Николай Николаевич · 22, 139, 290
Максимов Андрей Яковлевич · 24, 112
Максимов Иван Яковлевич · 26, 33, 127, 169, 209
Малашкин Леонид Дмитриевич · 257, 275
Малинин Александр, см. Афанасий (Малинин)
Мамина Мария Ивановна · 202
Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович · 116, 118, 119, 121, 202, 216, 219
Мария Египетская · 83
Марк (Бакалдин), *иеромонах*, см. Бакалдин Димитрий Александрович
Марк, *евангелист* · 83

Марк Теренций Варрон, см. Варрон Реатинский
Марк Туллий Цицерон, см. Цицерон
Маркевич Николай Андреевич · 67
Маркези Сальваторе · 256, 273
Маркович М. М. · 236
Матфей, *апостол* · 83, 90, 230
Медведев Еварест Панфилович · 7, 69, 70, 71, 73, 77, 113, 114, 118, 132, 176, 177
Медведев Иван Панфилович · 7, 69, 70, 71, 73, 77, 113, 114, 118, 132, 176–177
Медведчикова Анна Михайловна · 169
Мезенцев Иван Нилович · 216, 231
Мендельсон-Бартольди Якоб Людвиг Феликс · 113, 114, 254
Меньшиков Алексей Семёнович · 244
Меркурьев Александр Алексеевич · 69, 73, 127, 133, 134, 167–172, 174, 209
Металлов Василий Михайлович, *протоиерей* · 67, 75, 250
Метерлинк Морис · 59, 62
Мешков Николай Васильевич · 11
Милюков Павел Николаевич · 236
Миролюбов Александр Павлович · 10, 14, 21, 22, 26, 29, 34, 41, 42, 100, 158, 183, 290
Михайлов Максим Дормидонтович · 87, 290
Михайлов Филагрий Александрович · 119, 122, 123
Михайловский Николай Константинович · 109
Михалёв Иаков, *диакон* · 79
Мицкевич Адам · 149
Мичков Василий Матвеевич · 21, 29
Младов Николай Григорьевич · 184
Можгинский Виктор Михайлович · 184
Моисеев Фёдор Александрович · 139, 143
Монюшко Станислав · 256
Морев Иван Семёнович · 80, 258
Морозов Василий Георгиевич · 37, 291
Морозов Николай Александрович · 37, 291

Моцарт Вольфганг Амадей · 168
Музыкаску Гавриил Вакулович · 67, 75
Мультановский · 68, 69, 73, 79
Мультановский Николай Михайлович · 76
Мультановский П. Н. · 118
Мусоргский Модест Петрович · 97, 107, 114
Мухин Александр Александрович · 118, 291
Мухин Владимир Степанович · 25, 32

Н

Набокова · 260
Надсон Семён Яковлевич · 101, 102, 106
Направник Эдуард Францевич · 29, 71, 78, 256
Нассонов Антонин Петрович · 118
Наумов Владимир Александрович · 7, 118, 127, 209, 230, 232, 233, 235
Некрасов Николай Алексеевич · 246, 247
Неверов Степан · 180
Несмелов Виктор Иванович · 193, 228
Никитин Иоанн Алексеевич, *протоиерей* · 50, 130, 291
Николаевич Михаил Ипполитович · 261
Николай Николаевич (младший), *великий князь* · 160
Нил (Жуков), *иеродиакон*, см. Жуков Фёдор Алексеевич
Новиков Антон Лазаревич · 201
Новикова Анна Антоновна · 202

О

Оборин Михаил · 199, 206
Овидий · 201
Олеарий Адам · 51, 53
Олелькович-Радзивилл София Юрьевна, см. София Слуцкая
Олесов Алексей · 113, 114
Омир, см. Гомер

Оранский Виктор Александрович · 49
Осипова · 23, 59, 253
Островский Александр Николаевич · 59

П

Павлинов Сергей Николаевич · 29, 60
Павлов Иван Петрович · 116, 119
Пальмин Лиодор Иванович · 106
Пасхалов Виктор Никандрович · 71, 77, 133, 252
Переберин Иван · 152, 159, 249
Пермяк Евгений Андреевич · 181, 182
Песталоцци Иоганн Генрих · 129, 136
Петерсон · 112, 259
Петрарка Франческо · 149
Петров Григорий Спиридонович · 158
Петровская Ольга Платоновна · 12, 16, 17
Пешков Алексей Максимович, см. Горький Максим
Пётр I, *император* · 164
Пётр (Лосев), *епископ* · 49
Пиликин Николай Васильевич · 70, 71, 77, 93, 130, 133, 137, 251, 252
Пинский · 22, 59
Платон · 49, 156
Плотников · 23, 59, 69, 134
Пльшевский · 261
Победоносцев Константин Петрович · 186
Поздняков Михаил · 184, 185
Позднякова · 23, 59, 62, 253
Покровский Иван Михайлович · 142, 144
Половников · 20
Полухин · 161, 180
Поляков Савва Иванович · 22, 104, 259, 275
Помяловский Николай Герасимович · 88, 92, 107, 178, 248

Пономарёв Аристарх · 69, 73, 174
Пономарёв Никанор Николаевич, *протоиерей* · 43
Пономарёв Павел Петрович · 7, 42, 183–185, 194, 198, 256, 291
Пономарёва Лина · 112
Попов Александр Степанович · 118, 219, 292
Попов Матфей Яковлевич, *протоиерей* · 121
Попов Михаил Васильевич · 7, 55, 65, 68, 71, 74–76, 79, 93, 118, 127–137, 165, 252, 253, 292
Попова · 22, 59, 60
Потеряйко Пётр Кузьмич · 93, 94, 130, 131, 135
Присадский Владимир Михайлович · 64, 74, 111, 201
Прозоровская · 72, 262
Протопопов Василий Иванович · 184, 185
Протопопов Виктор Викторович · 59
Прушинская Глафира · 265
Прушинская Наталья · 265
Прушинский Николай · 265
Публий Вергилий Марон, см. Вергилий
Публий Овидий Назон, см. Овидий
Пузырёв Виктор Иванович · 127
Пушкин Александр Сергеевич · 21, 33, 68, 73, 85, 95, 96, 107, 119, 129, 149, 164, 168, 237, 260, 263
Пуцин Иван Иванович · 260, 261
Пятницкая Надежда Петровна · 110
Пятницкая София Петровна · 110, 202

Р

Разин Степан Тимофеевич · 97
Ракшинский Василий Иванович · 17
Раменский Алексей Пахомович · 179
Распутин Григорий Ефимович · 215, 266
Рассохин Кирилл Михайлович · 26, 54–56

Ратнер Лев Моисеевич · 215, 216
Рачевская · 265
Резчикова Вера Ивановна · 202
Римский-Корсаков Николай Андреевич · 251, 252, 271, 275
Рожнов Александр Иванович · 82
Рубенс Питер Пауль · 90
Рубинштейн Антон Григорьевич · 21, 29, 58, 61, 70, 77, 118, 133, 169, 252
Руссакович, *сёстры* · 265
Рыбаков Александр Константинович · 184, 292
Рябинин Иван Трофимович · 48

С

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович · 186
Сальери Антонио · 168
Сатрапинский Иван Иванович · 7, 184, 193, 293
Сахаров Иван Кузьмич · 235, 293
Саянов · 23, 58, 59, 62, 72, 157, 253
Свечников Александр · 102, 106, 131–134, 253
Свешников Александр Владимирович · 107
Секст Помпоний Фест · 235
Селиванов Вениамин Иванович · 27, 33
Селиванова Лидия Александровна · 203
Сен-Санс Шарль Камиль · 262
Серафим (Голубятников), *епископ* · 215, 216
Сервачинская Юлия · 276
Сервачинский Иосиф · 261
Сергиев Иоанн Ильич, *протоиерей*, см. Иоанн Кронштадтский
Сергий Радонежский · 145, 148
Сердобольская · 188
Сердобольский, *протоиерей* · 188
Серебренников Александр Иванович · 127
Серебренников Павел Николаевич · 58, 118, 159, 293
Серов Александр Николаевич · 254, 273

Симеон Верхотурский · 227
Симеон Полоцкий · 248
Синягин · 149, 150
Скворцов Василий Алексеевич · 118
Словцов Юлий Михайлович · 65, 235, 137
Слонов Михаил Акимович · 71, 78
Слюнков В. · 31
Смирнов Александр Иванович · 64, 74, 111, 114
Смирнов Владимир Васильевич · 79
Смирнов Иван Васильевич · 82, 201, 242
Смышляев Дмитрий Дмитриевич · 116
Собинов Леонид Витальевич · 258
Собянин · 25
Собянин Николай Георгиевич · 79, 293
Соколов Николай Александрович · 67, 75, 131
Соловейчик · 262
Соловьёв Александр Титович · 140
Соловьёва Ольга Александровна · 140
София (Слуцкая), *княгиня* · 266, 278
Спасский Сергей Михайлович · 70, 76, 77, 132, 259
Сперанский Михаил Михайлович · 21, 107
Спиноза Бенедикт · 156, 165
Ставровский Иван Николаевич · 7, 118, 163, 222, 223, 293
Сталин Иосиф Виссарионович · 214, 216
Старцев Василий Николаевич · 7, 74, 79, 127, 172, 175
Степанов Фёдор Ефимович · 131, 134, 135
Стефан (Знамировский) см. Знамировский Николай Иванович
Стефановская Елизавета Ивановна · 109, 111, 201
Стефановский Александр Павлович · 110, 202
Стефановский Павел Александрович · 240
Страхов Николай Николаевич · 156, 160, 294
Струминский Василий Яковлевич · 12, 165

Т

Тальяфико Джузеппе · 71, 73, 113, 177, 264
Терравский Владимир Васильевич · 261, 262
Тетюев Василий Иванович, священник · 199
Тинский · 22, 59
Тихомиров Александр Иванович · 200
Толстой Лев Николаевич · 59, 186
Томский · 23, 62, 253
Топорков Николай Алексеевич · 24, 31, 109
Топорков Пётр · 73, 113
Топорков С. В. · 31
Троицкий Николай · 228
Тургенев Иван Сергеевич · 11, 15, 239
Турчанинов Пётр Иванович, протоиерей · 55, 57, 66, 81, 83, 86, 89, 90, 131, 135, 171, 250
Турчинский · 265
Тухачевский Михаил Николаевич · 262
Тютчев Фёдор Иванович · 11, 15, 170, 171
Тюшнякова Елизавета Григорьевна · 199

У

Удинцев Александр Николаевич · 118, 119
Удинцев Анатолий Тихонович · 26
Удников Александр · 202
Удникова Вера Александровна · 202
Успенский Александр Павлович · 10, 14
Успенский Александр Федосеевич · 183, 185, 294

Ф

Фаминский Валериан Александрович · 47, 149, 158, 203
Феофан (Моисеев), см. Моисеев Фёдор Александрович
Фигнер Николай Николаевич · 62

Филарет (Дроздов), митрополит · 188, 189
Филиппов Сергей · 164, 249, 270
Флёров Иван Александрович · 24, 32, 203
Флотов Фридрих Адольф Фердинанд фон · 256, 273
Фонвизин Денис Иванович · 28, 31, 154, 162, 249
Фосс · 15

Х

Хаустович Софья · 265
Хвалебнов Александр Васильевич, священник · 262, 265, 276, 277
Хвалебнова Ольга Александровна · 277, 278
Хильми-паша Хусейн · 204, 207
Хлюстин Гордей Давидович · 23, 30, 58, 62, 72, 165, 253
Хмельнов Николай Иванович · 7, 138, 157, 178–182
Хохлов Александр Иванович · 25, 68, 70, 75
Хохлов Михаил · 76, 134
Хохлов Павел Акинфиевич · 22

Ц

Царевский Алексей Александрович · 190, 192
Целебровский Алексей Иванович · 119
Циммерман Маргарита Владимировна · 62, 121, 233
Циммерман Оттилия Владимировна · 62, 121, 233
Циммерман Эвелина Владимировна · 62, 121, 233
Цицерон · 163, 166, 205

Ч

Чайковский Пётр Ильич · 10, 11, 15, 19, 29, 33, 58, 107, 251, 271
Чаклин Василий Дмитриевич · 233, 235
Чемезов Николай · 161
Черепяхин Б. Б. · 236

Черепнин Николай Николаевич · 102, 106
Чернавин Алексей Иванович · 69, 76
Чернышевский Николай Гаврилович · 116, 119
Чехов Антон Павлович · 31, 59, 60, 112, 165, 186
Чирков Аркадий Яковлевич · 21, 29, 58, 69, 71, 72, 93, 118, 132–134, 252, 253
Чумаков Иван Семёнович · 75, 76, 135, 137, 258

Ш

Шаляпин Фёдор Иванович · 26, 46, 51, 62, 97, 150, 239, 247
Шахмиева · 265
Шейко · 265
Шеломенцев Александр · 249, 270
Шестаков Пётр Евгеньевич · 58, 61, 69, 71–73, 118, 132, 134, 252, 253
Шиляев С. И. · 258
Ширман Григорий Игнатъевич · 23, 79, 156, 251
Ширман Григорий Кузьмич · 23, 79, 156, 251
Шишёр Александр Николаевич · 30–32, 63, 119, 136
Шнейдер Яков Григорьевич · 17
Шопенгауэр Артур · 144, 156
Шорштейн Константин Осипович · 22, 30, 59
Штейнберг Михаил Карлович · 264, 276
Шуберт Франц Петер · 256
Шуман Роберт · 71, 254

Щ

Щеглов Михаил Михайлович · 23, 30, 73, 78, 88, 106, 112, 113, 135, 144,
152, 154, 250, 251, 259, 266, 270, 271, 277, 295
Щегловитов Иван Григорьевич · 160
Щука Татьяна · 264

Э

Эверарди Камилло · 256, 273
Эмилия, *игуменья* · 275

Ю

Юмин Константин Васильевич · 180
Юрьев Александр Николаевич · 156, 157, 194, 295
Юшков Борис Евгеньевич · 7, 210–212
Ющинский Андрей Феодосьевич · 278

Я

Янишевская-Елецкая Мария Ульяновна · 140, 256

Н

Н Анастасия (Настенька) · 275
Н Анна Ивановна · 84
Н Антон Григорьевич · 257
Н Архип Григорьевич · 254, 257
Н Габриеля · 265
Н Кондратий · 51–53
Н Лола · 22, 59
Н Мария Ильинична · 84
Н Парфёныч · 19, 27, 117
Н Яков (Яша) · 39, 44, 54, 86, 121, 129, 150, 220

ФОТОАЛЬБОМЫ

Пермский 1917 год: фотоальбом. – Пермь: ООО Продюсерский центр «Траектория», 2016. – 160 с., ил.

Эта книга – самостоятельное историко-визуальное повествование, которое «останавливает» время и атрибутирует эпоху, давая возможность приблизиться к её постижению, схватить трудноуловимые аспекты социальной действительности прошлого, помогает лучше понять, осмыслить и органично дополнить научные работы о Русской революции.

«Пермь – Дуйсбург: история промышленных городов в 20–30-е годы XX века»: фотоальбом. – Пермь: ООО Продюсерский центр «Траектория», 2017. – 160 с., ил.

Это сборник аннотированных фотодокументов, хранящихся в фондах трёх архивов. Основная задача издания – дать широкую картину жизни Дуйсбурга и Перми в период между двумя мировыми войнами, а также отразить на их примере ряд аспектов жизни в промышленных городах СССР и Германии в 1920-е – 1930-е годы.

СЕРИЯ СБОРНИКОВ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Образование в Пермской губернии XIX – начала XX века. Из истории духовно-учебных заведений: сборник документов / Гос. архив Перм. края. – Пермь: ООО Продюсерский центр «Траектория», 2016. – 320 с., ил.

В сборнике опубликованы ценные документальные свидетельства о пяти духовно-учебных заведениях Пермской губернии, отражающие как организацию учебного процесса, так и повседневную жизнь и быт семинаристов.

Образование в Пермской губернии XIX – начала XX века. Из истории учебных заведений системы начального образования: сборник документов / Гос. архив Перм. края. – Пермь: ООО Продюсерский центр «Траектория», 2017. – 320 с., ил.

В книге представлен комплекс разнообразных архивных документов, которые воссоздают жизненный уклад начальных школ в 1864–1917 годах. Самостоятельный раздел сборника образуют документы, касающиеся введения всеобщего начального образования в Пермской губернии.

Игнатъев В. А.

Воспоминания о Пермской духовной семинарии начала XX века. Часть II

Под ред. В. Г. Бояршинова.

ГКБУ «Государственный архив Пермского края».

Проектная группа:

Инициатор проекта: **И. В. Киреев**, кандидат исторических наук,
директор ГКБУ «Государственный архив Пермского края».

Куратор проекта: **А. В. Глушков**, кандидат исторических наук,
начальник научно-исследовательского отдела.

Руководитель проекта: **В. Г. Бояршинов**, зам. начальника отдела
использования архивных документов и научно-справочного аппарата.

Рецензенты:

М. Г. Нечаев, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой
государственного управления и истории Пермского национального
исследовательского политехнического университета;

А. В. Шилов, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней
и новой истории России Пермского государственного национального
исследовательского университета.

Дизайн и вёрстка: Эльвина Цандекова.

Дизайн обложки: Эльвина Цандекова.

Корректор: Наталья Семукова.

Подписано в печать 2018 г.

Печать офсетная. Формат .

Усл. печ. л. . Гарнитура .

Тираж . Заказ № .

ООО Продюсерский центр «Траектория»

trajectory@bk.ru · Тел. 8 (342) 257-61-26.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий». 620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>, e-mail: sales@uralprint.ru

